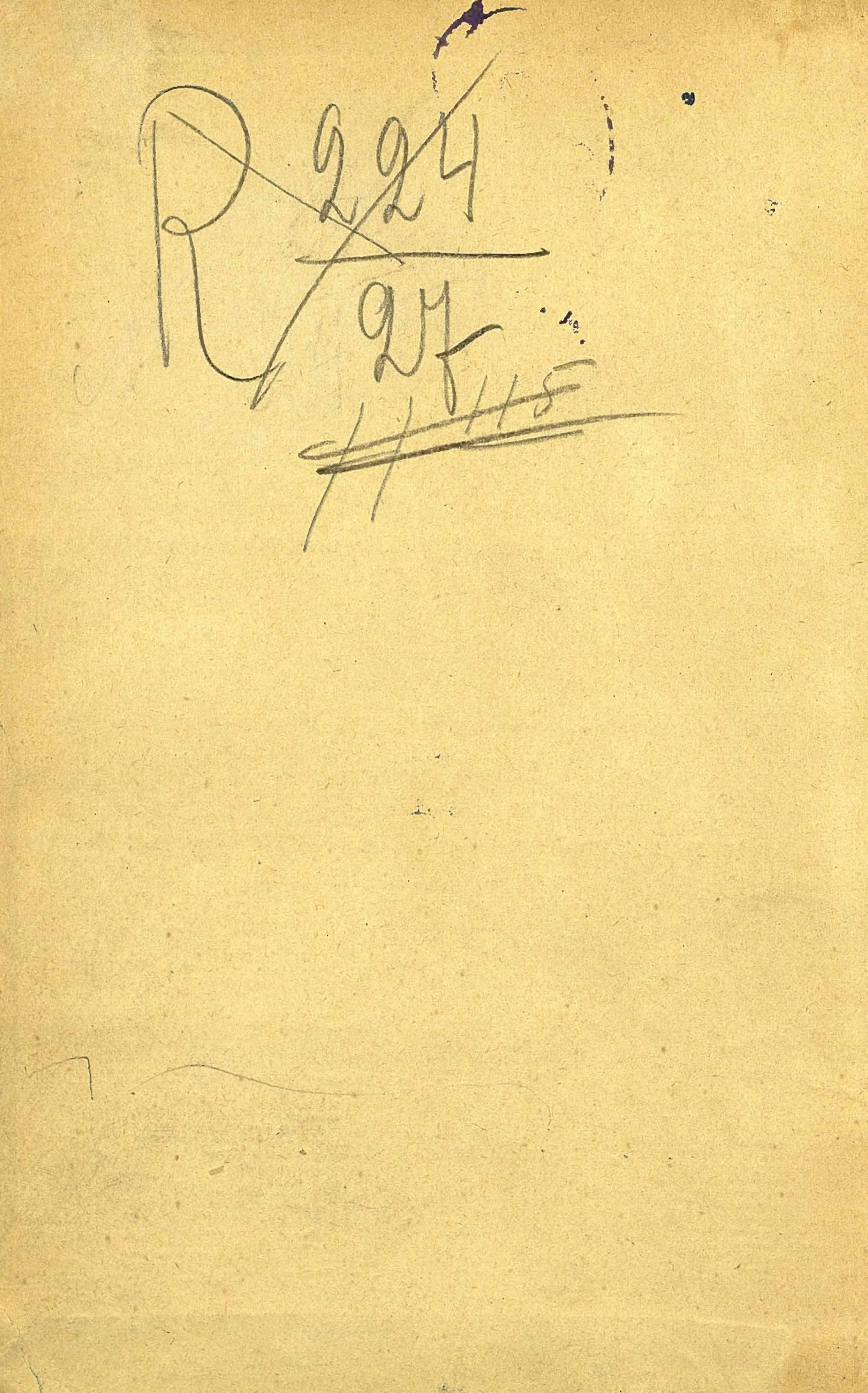
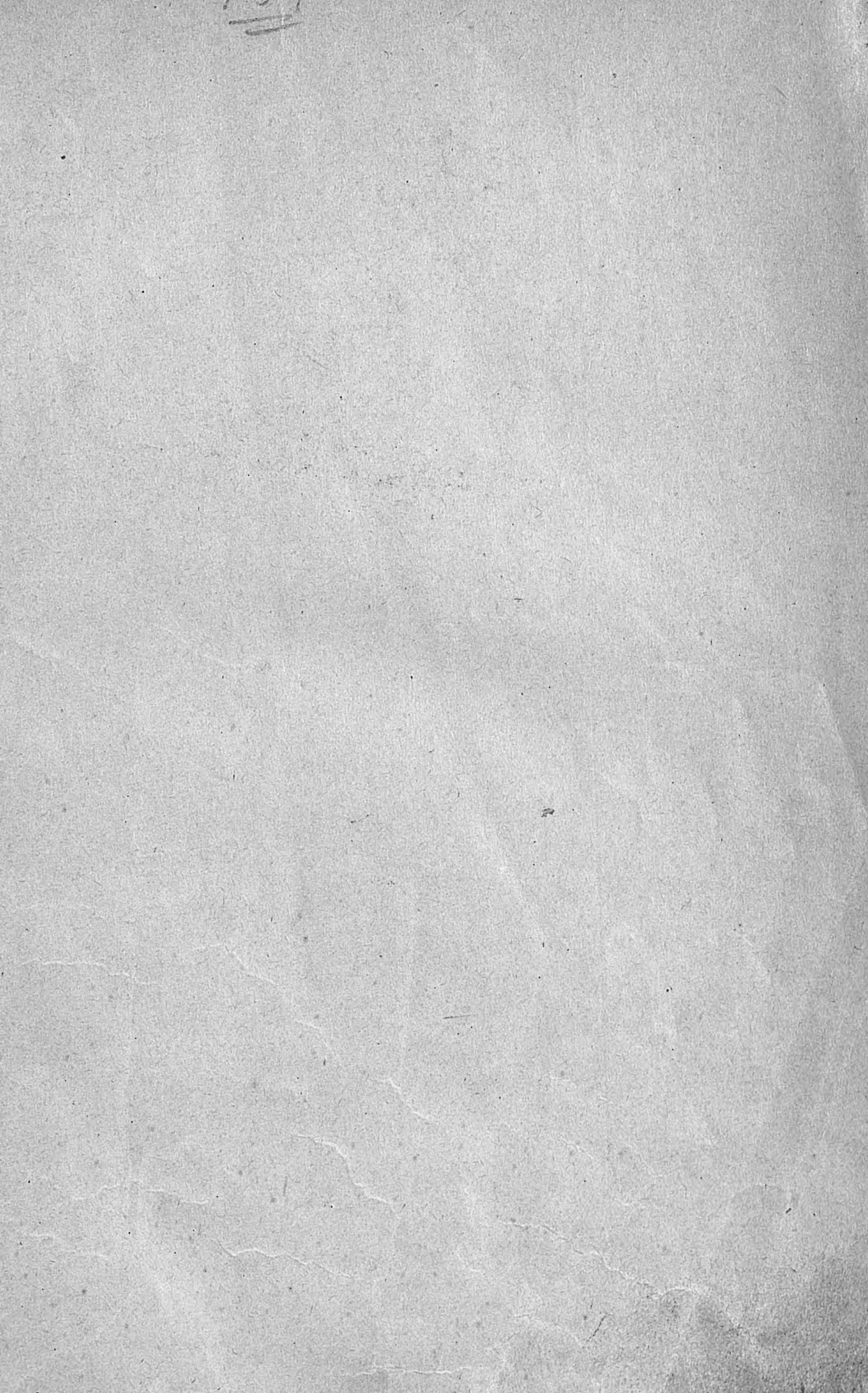

ЗЕМЛЯ И ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Л. В. ХОДСКАГО

ДОЦЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И СТАТИСТИКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ЛѢСНОМЪ ИНСТИТУТѢ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

«No society can be flourishing and happy of which the far greater part of the members are poor and miserable»

Adam Smith. Wealth of Nations, ch. VIII.

«Никакое общество не можетъ пользоваться процвѣтаніемъ и быть счастливымъ, если большинство членовъ его бѣдны и несчастны».

А. Смитъ. Богатство народовъ, гл. VIII.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1891

ДРУГІЯ РАБОТЫ Л. В. ХОДСКАГО.

Воззрѣнія земствъ по вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Спб. 1880 г. (41 стр.).

Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію. Москва. 1881 г. (301 стр.).

Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. Спб. 1884 г. (384 стр.).

Политическая экономія въ связи съ финансами. 2 изд. пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1887 г. (535 стр.).

При сотрудничествѣ автора составлены изданные Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ:

Земскій Ежегодникъ за 1878 годъ. Спб. 1881 г.
„ „ „ **1879** „ „ 1882 „
„ „ „ **1880** „ „ 1884 „

Подъ его редакціею:

Земскій Ежегодникъ за 1884 г. Спб. 1887 г.
„ „ „ **1885—86 гг.** Спб. 1890 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Распространяться въ предисловіи о важности предмета моего изслѣдованія я считаю излишнимъ. Меня лично вопросъ о землѣ, и въ особенности о крестьянскомъ землевладѣніи и хозяйствѣ въ Россіи, занималъ, можно сказать, со школьной скамьи. Мой первый литературный трудъ былъ докладъ въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ: „Воззрѣнія земствъ по вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія“ [1]). Въ 1882 г. мною было издано сочиненіе „Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію“ [2]). Какъ эта книга, такъ и статьи, помѣщенныя въ разное время въ Русской Мысли [3]), служили подготовительными работами для задуманнаго тогда же болѣе обширнаго сочиненія. Предлагаемая теперь книга очень далека, однако, отъ того идеала и программы, какую я ставилъ себѣ, принимаясь за работу. Въ ней, вѣроятно, можно найти не мало недостатковъ и промаховъ, но могу смѣло сказать, въ нее много положено любви и добросовѣстнаго труда.

---

[1]) Помѣщенъ въ „Трудахъ“ Общества и изданъ отдѣльной брошюрой въ 1881 году.

[2]) Первоначально почти все было напечатано въ Русской Мысли за 1882 годъ (кн. V, VI, VII и VIII).

[3]) „Экономическіе принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе“ (Русская Мысль, 1881 г. кн. VII), „По вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей“ (Р. М., 1881 г. кн. IX), „Основные вопросы крестьянскаго землевладѣнія“ (Р. М., 1885 г., кн. XI), „Очеркъ развитія поземельныхъ отношеній у государственныхъ крестьянъ“ (Р. М., 1889 г. кн. XI и XII).

*

При разнообразіи содержанія и значительности объема книги въ ней естественно не все имѣетъ одинаковую научную цѣнность. Но всякій спеціалистъ легко увидитъ, гдѣ и что̀ разработано по первымъ источникамъ и что̀ дается мною вновь, а для неспеціалистовъ, которыхъ я также имѣлъ въ виду при работѣ, думаю, что и менѣе самостоятельныя главы книги дадутъ матеріалъ, который предполагаетъ значительное знакомство съ русской и иностранной литературой предмета.

Замѣчу, что изъ отдѣльныхъ главъ книги, гл. I, V и VII первой части (послѣднія двѣ съ сокращеніями) были уже напечатаны въ Сѣв. Вѣстникѣ (кн. VI, VII и VIII за 1890 годъ); упомянутыя выше статьи изъ Русской Мысли вошли во вторую часть въ переработанномъ, дополненномъ и обновленномъ видѣ; затѣмъ—введеніе, главы: II, III, IV и VI первой части и главы: I, VI, XI и XII второй части появляются въ печати впервые.

Въ концѣ книги помѣщено довольно большое статистическое приложеніе. Въ немъ я дѣлаю сводку статистическихъ данныхъ, характеризующихъ важнѣйшія условія крестьянскаго землевладѣнія. Оно представляетъ какъ бы статистическій итогъ крестьянской реформы, выведенный изъ обширныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ Центральнаго статистическаго комитета, Государственнаго банка и другихъ. Своимъ приложеніемъ я не только желалъ привести матеріалъ, который служилъ, между прочимъ, основаніемъ для текста, но хотѣлъ также облегчить болѣе подробное знакомство съ статистическими данными о поземельной собственности въ Россіи изъ одной книги, вмѣсто того, чтобы рыться въ массѣ оффиціальныхъ фоліантовъ, не всѣмъ доступныхъ. Большая часть „Приложенія“ есть не простое заимствованіе, а переработка оффиціальнаго матеріала, требовавшая много вычислительнаго механическаго труда, который, конечно, выполненъ не мною, а лишь по моему плану и указаніямъ и подъ моимъ контролемъ.

Хорошо знаю и понимаю, что обыкновенный образованный читатель не очень любитъ сплошныя статистическія таблицы и, можетъ быть, совсѣмъ не заглянетъ въ нихъ. Надѣюсь, однако, что люди, спеціально интересующіеся земельнымъ вопросомъ, не сочтутъ означеннаго приложенія только баластомъ для книги, напрасно увеличивающимъ ея объемъ.

Выпуская въ свѣтъ мою книгу, считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю благодарность глубоко уважаемому академику и предсѣдателю комитета министровъ Николаю Христіановичу Бунге за содѣйствіе мнѣ въ доступѣ къ дѣламъ, хранящимся въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Благодарю также б. вице-директора департамента окладныхъ сборовъ В. И. Ковалевскаго за любезное облегченіе мнѣ возможности ближе ознакомиться съ вопросомъ о преобразованіи государственной оброчной подати въ выкупные платежи.

Благодарю и всѣхъ лицъ, которыя тѣмъ и инымъ способомъ содѣйствовали мнѣ въ работѣ. Не могу при этомъ не назвать одного невиднаго, но незамѣнимаго для меня помощника—Марію Николаевну Ходскую, благодаря изящному вкусу которой, при чтеніи ей различныхъ частей работы въ рукописи, многія страницы книги очень выиграли, когда я окончательно отдѣлывалъ ихъ для сдачи въ типографію.

Леонидъ Ходскій.

Февраль 1891 года.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Очеркъ развитія поземельной собственности.

ГЛАВА II.

Цѣнность земли и поземельная рента.

ГЛАВА III.

Мелкая или крестьянская поземельная собственность.

ГЛАВА IV.

Поземельныя отношенія въ Соединенномъ Королевствѣ.

ГЛАВА V.

Поземельныя отношенія въ Германіи.

ГЛАВА VI.

Поземельныя отношенія во Франціи.

ГЛАВА VII.

Поземельныя отношенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Основное значеніе вопроса о распредѣленіи въ народномъ хозяйствѣ для сужденія о благосостояніи страны. — Ученіе фритредерской школы о распредѣленіи. — Критика этого ученія писателями-соціалистами и гармонистами. — Отношеніе новѣйшихъ экономическихъ школъ—исторической и соціальной — къ вопросу о свободной конкурренціи и роли государства въ народномъ хозяйствѣ. — Связь распредѣленія съ собственностью на факторы производства; выдающееся современное значеніе поземельной собственности, съ этой точки зрѣнія. — Аграрный вопросъ въ з. Европѣ и въ Россіи. — Предметъ предлагаемой книги.

Степень экономическаго благосостоянія всякой страны, съ экономической точки зрѣнія, опредѣляется двумя главными факторами—относительною, по сравненію съ населеніемъ, суммою производства, или количествомъ валового и чистаго дохода всего народнаго хозяйства, и характеромъ распредѣленія этого дохода по отдѣльнымъ частнымъ хозяйствамъ, другими словами, бо̀льшею или меньшею равномѣрностью распредѣленія валового и чистаго дохода страны между различными классами населенія. Большой валовой доходъ свидѣтельствуетъ о значительномъ потребленіи страны и обширномъ производствѣ, чистый доходъ указываетъ на избытокъ созданныхъ цѣнностей противъ сдѣланныхъ затратъ, избытокъ, который даетъ возможность въ ближайшемъ будущемъ расширить производство или потребленіе, т. е. непосредственно улучшить положеніе тѣхъ, въ чьи руки достается чистый доходъ; равномѣрность въ распредѣленіи свидѣтельствуетъ о бо̀льшемъ или меньшемъ участіи массы населенія въ выгодахъ экономическаго прогресса и накопленія цѣнностей.

Было время, когда преимущественный интересъ экономической науки сосредоточивался на анализѣ условій наивыгоднѣйшаго производства, въ смыслѣ полученія возможно бо̀ль-

шаго валового и въ особенности чистаго дохода, при чемъ вопросамъ распредѣленія отводилось второстепенное мѣсто и даже третьестепенное, какъ напримѣръ, у тѣхъ писателей, которые считали политическую экономію наукою о мѣновыхъ цѣнностяхъ и отношеніяхъ. Центромъ народнаго хозяйства въ разсужденіяхъ экономистовъ при такомъ направленіи науки являлся продуктъ и его цѣнность, а не человѣкъ съ его потребностями, чувствами, ощущеніями. Въ наукѣ очень подробно разбирались условія, при которыхъ можно получить продуктовъ больше, лучше и дешевле, и весьма мало обращалось вниманія на то, что̀ нужно, чтобы въ экономической сферѣ человѣкъ-работникъ чувствовалъ себя дѣйствительно человѣкомъ, цѣлью всякаго производства, а не простымъ орудіемъ - животнымъ или машиною. Политической экономіи придавался характеръ науки о богатствѣ народовъ (Wealth of Nations), а не науки народнаго благосостоянія, что соотвѣтствуетъ ея сущности; многіе изъ экономистовъ, точно изъ опасенія, чтобы терминъ „богатство" не давалъ повода думать, что дѣло идетъ объ изобиліи хозяйственныхъ благъ, стали употреблять слово „богатство" для обозначенія всякой отдѣльной цѣнности, при чемъ этимъ отклоненіемъ отъ общепринятаго пониманія слова богатство, вовсе не выигрывались точность и ясность научной терминологіи. Въ наукѣ утвердилась индивидуалистическая точка зрѣнія на экономическія явленія и ихъ развитіе, въ томъ смыслѣ, что личный эгоизмъ или своекорыстный интересъ каждаго былъ объявленъ единственнымъ нормальнымъ или „естественнымъ" регуляторомъ хозяйственныхъ отношеній, направляющимъ ихъ одновременно и къ выгодѣ частныхъ лицъ, и къ выгодѣ общества. Всякое вмѣшательство государственной власти для упорядоченія экономическихъ отношеній было признано вреднымъ и безсильнымъ сдѣлать лучше, чѣмъ это достигается свободною неограниченною конкуренціей во всѣхъ сферахъ экономической жизни. Афоризмъ физіократовъ: laissez faire былъ усвоенъ какъ догматъ фритредерской школой политической экономіи, получившій широкое распространеніе и довольно продолжительное господство въ экономической литературѣ не только въ Англіи, но и на континентѣ, благодаря трудамъ Рикардо и Мальтуса, занявшимъ сразу чрезвычайно авторитетное положеніе въ экономической наукѣ. Ихъ вліянія не избѣжали

даже такіе писатели, какъ Кэри, выступившій горячимъ противникомъ по основнымъ пунктамъ ученія Рикардо, главы фритредеровъ.

Общее ученіе Рикардо о распредѣленіи характерно для всей англійской фритредерской или манчестерской школы. При обычной сжатости изложенія Рикардо, собственными словами его весьма удобно резюмировать и исходную посылку фритредеровъ вообще и ихъ теорію распредѣленія.

„При системѣ безграничной свободы, читаемъ мы у Рикардо, каждая торговля, каждая страна естественно посвящаетъ свой капиталъ и свой трудъ такому употребленію, которое наиболѣе для нея выгодно. Это преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ связано съ общимъ благомъ всѣхъ. Поощряя промышленность, вознаграждая изобрѣтательность, въ высшей степени успѣшно пользуясь отдѣльными силами природы, оно способствуетъ наиболѣе выгодному и экономическому распредѣленію труда: увеличивая въ то же время общую массу произведеній, оно распространяетъ всеобщее благосостояніе и посредствомъ общихъ узъ интереса и сообщеній связуетъ между собою въ одно универсальное цѣлое народы всего цивилизованнаго міра. Именно въ силу этого принципа вино производится въ Испаніи и въ Португаліи, хлѣбъ въ Америкѣ и въ Польшѣ, а желѣзные и другіе мануфактурные товары въ Англіи“ [1]).

Къ какимъ же результатамъ приводитъ въ частности для различныхъ классовъ общества прославляемая Давидомъ Рикардо система безграничной свободы въ народномъ хозяйствѣ, по его же собственному свидѣтельству?

Начнемъ съ капиталистовъ. „Прибыль на капиталъ, говоритъ Рикардо, имѣетъ естественное стремленіе понижаться, потому что, при прогрессивномъ движеніи богатства и общества, требуемая прибавка пищи получается посредствомъ пожертвованія все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества труда. Этому стремленію, этому тяготѣнію прибыли препятствуютъ, къ счастью, отъ времени до времени, улучшенія въ устройствѣ машинъ, употребляемыхъ въ производствѣ предметовъ необходимости, точно такъ же какъ и открытія въ сельскохозяй-

---

[1]) D. Ricardo, Principles of Political Economy. Рус. переводъ Н. Зибера. Сочиненія Давида Рикардо, стр. 75.

ственной наукѣ, которыя даютъ намъ возможность уменьшать на извѣстную часть необходимый прежде трудъ и, слѣдовательно, понижаютъ цѣну предметовъ первой необходимости для рабочаго. Возвышеніе цѣны предметовъ необходимости и задѣльной платы имѣетъ, однако, также свои границы, ибо коль скоро задѣльная плата становится равна всей выручкѣ фермера, то прекращается и накопленіе капитала; при подобныхъ условіяхъ, ни одинъ капиталъ не можетъ давать никакой прибыли, и не будетъ требоваться увеличенія труда, а слѣдовательно, и населеніе достигнетъ своего высшаго предѣла. Въ дѣйствительности уже задолго до этой эпохи низкій уровень прибыли остановитъ всякое накопленіе капитала, и почти весь продуктъ страны, за вычетомъ платы рабочимъ, становится собственностью землевладѣльцевъ, сборщиковъ десятины и налога" [1]).

Такова неутѣшительная картина будущности капиталистовъ при постепенномъ увеличеніи народонаселенія и прогрессивномъ развитіи промышленности при господствѣ фритредерскихъ началъ. Но капиталисты составляютъ относительно незначительную часть общества; массу его составляетъ рабочій классъ, а въ приведенной цитатѣ уменьшеніе или даже уничтоженіе прибыли на капиталъ ставится въ связь съ возрастаніемъ заработной платы и ренты землевладѣльцевъ. Взглянемъ поэтому на ту перспективу будущаго, которую рисуетъ намъ Рикардо для рабочихъ.

„При естественномъ движеніи общества, говоритъ онъ, задѣльная плата стремится къ пониженію, насколько она опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, ибо предложеніе рабочихъ продолжаетъ возрастать въ одной и той же прогрессіи, между тѣмъ какъ спросъ возрастаетъ въ прогрессіи менѣе быстрой"; „но не должно забывать, что задѣльная плата зависитъ также отъ цѣны товаровъ, на которые она расходуется". „По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ народонаселеніе, эти предметы необходимости все будутъ возвышаться въ цѣнѣ, такъ какъ будетъ требоваться все болѣе и болѣе труда на ихъ производство. Если бы въ подобномъ случаѣ упала и денежная задѣльная плата, между тѣмъ какъ всѣ товары, на покупку которыхъ она расходуется, возвысились бы, то положеніе рабочаго ухудшилось бы вдвойнѣ, и въ непродолжи-

[1]) Тамъ же, стр. 66.

тельномъ времени онъ совершенно лишился бы средствъ существованія. Вслѣдствіе этого, вмѣсто пониженія, денежная задѣльная плата, напротивъ, возрасла бы, но не настолько, чтобы дать рабочему возможность покупать такое же количество необходимыхъ и полезныхъ вещей, какое онъ пріобрѣталъ до вздорожанія этихъ предметовъ".

„Но, несмотря, однакоже, на то, что трудъ рабочаго дѣйствительно оплачивался бы хуже, все-таки увеличеніе задѣльной платы необходимо уменьшало бы прибыль фабриканта, потому что онъ не могъ бы продавать свои товары дороже, несмотря на увеличеніе расходовъ по производству". „Повидимому та же причина, которая возвышаетъ ренту, возвышаетъ и задѣльную плату, именно возрастающая трудность добыванія прибавочнаго количества пищи посредствомъ прежняго относительнаго количества труда, и, слѣдовательно, если бы деньги имѣли неизмѣнную цѣнность, то какъ рента, такъ и задѣльная плата постоянно стремились бы къ повышенію вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства и народонаселенія. Но между увеличеніемъ ренты и увеличеніемъ задѣльной платы есть существенная разница. Повышеніе денежной цѣнности ренты сопровождается возрастаніемъ доли продукта; не только денежная рента землевладѣльца, но также и хлѣбная его рента, становятся больше; землевладѣлецъ получитъ болѣе хлѣба, и каждую мѣру этого хлѣба онъ обмѣняетъ на большее количество всѣхъ другихъ товаровъ, цѣнность которыхъ не возвысилась. Судьба рабочаго будетъ менѣе счастливой; правда, онъ получитъ болѣе значительную денежную плату, но его хлѣбная задѣльная плата уменьшится, и не только количество хлѣба, поступающее въ его распоряженіе, уменьшится; но его общее положеніе ухудшится во всѣхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе большой для него трудности поддерживать рыночный уровень задѣльной платы выше естественнаго его уровня. Когда цѣна хлѣба поднимется на 10%, задѣльная плата возвысится во всякомъ случаѣ въ меньшемъ размѣрѣ, а рента, напротивъ, въ болѣе значительномъ; положеніе рабочаго вообще ухудшится, положеніе землевладѣльца, наоборотъ, будетъ постоянно улучшаться" [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 52 и слѣд.

Слѣдовательно, въ концѣ-концовъ въ безусловномъ выигрышѣ отъ дѣйствія „естественныхъ законовъ“ оказываются одни землевладѣльцы. Трудность производства продуктовъ земли, по мѣрѣ роста населенія и промышленности, увеличивается. „Трудность же производства возвышаетъ мѣновую цѣнность естественныхъ произведеній, и увеличиваетъ также пропорціонально ту часть ихъ, которая отдается землевладѣльцу въ уплату его ренты, такъ что послѣдній извлекаетъ двойную выгоду изъ трудности производства. Онъ получаетъ, во-первыхъ, болѣе значительную, чѣмъ другіе, часть, и, во-вторыхъ, ему платятъ припасами, цѣнность которыхъ болѣе высока“ [1]).

Сдѣлавъ такіе выводы изъ разбора условій, отъ которыхъ зависитъ заработная плата, Рикардо, вѣрный фритредерскимъ началамъ, тѣмъ не менѣе категорически заявляетъ, что, „подобно всѣмъ прочимъ договорамъ, задѣльная плата должна зависѣть отъ свободнаго и равномѣрнаго рыночнаго соперничества и никогда не должна подвергаться вмѣшательству законодательства“ [2]).

Какимъ образомъ могутъ вязаться выведенные у Рикардо „законы, опредѣляющіе задѣльную плату и управляющіе судьбою наиболѣе значительной части каждаго общества“ съ его же утвержденіемъ „о распространеніи общаго благосостоянія“ при господствѣ неограниченной экономической свободы — это остается тайною Рикардо и фритредерской школы вообще, въ особенности если оставить въ сторонѣ, какъ не выдерживающее критики ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія, рекомендуемое Мальтусомъ для рабочаго класса „нравственное воздержаніе“ отъ рожденія числа дѣтей, несоотвѣтствующаго условіямъ спроса на трудъ.

Такимъ образомъ, утверждая, съ одной стороны, что своекорыстный разсчетъ ведетъ всегда къ выгодамъ всего общества, и возлагая всю отвѣтственность на невзгоды, которыя приходится терпѣть рабочимъ классамъ, на нихъ самихъ, на ихъ легкомысліе, непредусмотрительность и т. п., англійскіе экономисты не замѣчали, повидимому, или не хотѣли думать о томъ, что дѣйствіе ихъ „естественныхъ“ законовъ производства и распредѣленія, при неограниченной свободѣ всякихъ

---

[1]) Стр. 40.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

договоровъ, приводитъ къ роковымъ послѣдствіямъ для страны, осуждая многочисленные классы на нищету и жалкое существованіе, при крайне обременительномъ трудѣ. Законъ Мальтуса о народонаселеніи и законъ Рикардо о заработной платѣ, прибыли и рентѣ въ конечномъ результатѣ рисовали самую мрачную картину будущности народнаго хозяйства.

Народонаселеніе, постоянно перерастающее средства, необходимыя для существованія всѣхъ своихъ членовъ; заработная плата, тяготѣющая въ среднемъ къ минимуму, еле достаточному на поддержаніе физической рабочей силы, уменьшеніе производительности земли и неизбѣжный ростъ въ силу этого поземельной ренты на счетъ прибыли и заработной платы, однимъ словомъ, прогрессъ и иищета — два неразлучные спутника въ постепенномъ развитіи народнаго хозяйства. Таковы „естественныя“ послѣдствія „естественныхъ“ экономическихъ законовъ англійской школы экономистовъ, строгихъ послѣдователей Мальтуса и Рикардо. Единственное утѣшеніе для тѣхъ, кому можетъ не нравиться рисуемый Рикардо порядокъ вещей—это то, что всякое нарушеніе принципа laissez faire приведетъ, по мнѣнію фритредеровъ, къ еще худшимъ результатамъ.

Послѣдовательные выводы изъ положеній фритредерской школы представляютъ несомнѣнное reductio ad absurdum и служатъ такимъ образомъ, хотя и косвеннымъ, но убѣдительнымъ доказательствомъ, что многое изъ того, что корифеямъ экономической науки начала нынѣшняго столѣтія казалось естественными законами, въ сущности было только болѣе или менѣе счастливыми гипотезами, облегчавшими пониманіе сложныхъ экономическихъ явленій, но не дававшими ключа къ совершенно безпорному объясненію ихъ. Весьма естественно поэтому, что вслѣдъ за увлеченіемъ теоріями Мальтуса и Рикардо, неизбѣжно должна была явиться реакція и сомнѣнія въ ихъ полной истинности. Мрачное фаталистическое ученіе англійской школы политической экономіи о законахъ производства и распредѣленія, пришлось какъ нельзя болѣе кстати для соціалистическихъ писателей 30-хъ, 40-хъ и позднѣйшихъ годовъ. Оно давало богатый матеріалъ не только для нападенія на существующій порядокъ, основанный на принципахъ неограниченной конкуренціи, но и для обвиненія „вульгарной“, какъ нѣкоторые называли, экономической науки

въ служеніи исключительно интересамъ богатыхъ классовъ общества, въ прикрытіи именемъ неизмѣнныхъ законовъ всякой несправедливости, созданной людьми на правѣ сильнаго.

Однако писатели-соціалисты, признавъ за доказанное экономистами-классиками, что въ результатѣ неограниченнаго развитія индивидуализма и частной собственности на землю и капиталъ, съ трехчленнымъ дѣленіемъ продуктовъ производства, получается неизбѣжный антагонизмъ интересовъ представителей труда, капитала и земли, отвергли естественность законовъ подобнаго строя народнаго хозяйства и выставили, какъ желательное и возможное, діаметрально противоположныя начала. Уничтоженіе частной собственности на землю и капиталъ, замѣна частной предпріимчивости государственной организаціей производства и распредѣленія — вотъ тѣ средства, которыя стали рекомендоваться ими, какъ единственныя, не палліативныя средства, способныя установить правильное гармоническое соотношеніе общественныхъ интересовъ, и такимъ образомъ устранить зло, разъѣдающее современныя культурныя общества. Въ отвѣтъ на это, въ экономической литературѣ выступили горячіе защитники гармоніи общественныхъ интересовъ, какъ явленія уже существующаго и развивающагося естественнымъ путемъ на почвѣ свободы экономическихъ отношеній, другими словами, на почвѣ фритредерства въ широкомъ смыслѣ [1]).

Гармонисты, въ противоположность соціалистическимъ писателямъ, признали въ теоріи англійскихъ фритредеровъ ложнымъ то, что̀ послѣдніе сдѣлали своею основною посылкою, и удержали то, что̀ соціалисты отвергли, какъ ошибочное. А именно: писатели-соціалисты находили вѣрной оцѣнку дѣйствія законовъ ренты, прибыли и заработной платы, при системѣ неограниченной конкуренціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ оговорить здѣсь, что въ экономической литературѣ терминъ фритредерство употребляется нерѣдко въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ свободную международную торговлю, не стѣсняемую запретительными или покровительственными пошлинами; иногда же этимъ терминомъ обозначаютъ защиту принциповъ неограниченной свободы экономическихъ отношеній вообще, т.-е. какъ внѣшнихъ, международныхъ, такъ и внутреннихъ. Съ этой точки зрѣнія Рикардо, Бастіа, Поль Леруа-Болье, напримѣръ, представители фритредерства полнаго; Кэри же, будучи протекціонистомъ въ вопросѣ таможенной политики, примыкаетъ тѣмъ не менѣе къ фритредерамъ въ сферѣ внутренней экономической политики.

подвергли самую систему рѣзкимъ нападкамъ, находя ее несостоятельной съ точки зрѣнія благосостоянія огромной массы населенія, такъ какъ система неограниченной конкуренціи неизбѣжно должна приводить къ антагонизму между различными классами населенія и къ нарушенію общественныхъ интересовъ. Гармонисты, наоборотъ, отстаивая систему неограниченной свободы въ экономической области, какъ наиболѣе выгодную для общества, въ полномъ объемѣ или за исключеніемъ таможенной политики, и существованіе „естественныхъ“ экономическихъ законовъ, старались доказать, что Рикардо и его послѣдователи невѣрно понимали дѣйствія этихъ законовъ и что, благодаря дѣйствію послѣднихъ, гармонія общественныхъ интересовъ водворяется сама собою, а если она когда и нарушается, то это обусловливается ненужнымъ вмѣшательствомъ власти и стѣсненіемъ экономической свободы.

Самымъ выдающимся гармонистомъ слѣдуетъ несомнѣнно признать американскаго экономиста Кэри. Въ Европѣ многими изъ его оригинальныхъ воззрѣній воспользовался (безъ ссылки на источникъ), съ большимъ успѣхомъ для себя, французскій публицистъ Бастіа, писатель, по справедливому выраженію Р. Леруа-Болье, остроумный, но не глубокій. Бастіа, разбивая теорію Рикардо доводами Кэри, горячо доказывалъ существованіе гармоніи общественныхъ интересовъ на почвѣ исключительно фритредерства. Въ новѣйшее время защиту гармоніи общественныхъ интересовъ на почвѣ полнаго фритредерства принялъ на себя профессоръ College de France Поль Леруа-Болье.

По мнѣнію Кэри, въ силу дѣйствія естественныхъ соціальныхъ законовъ, хотя и не тѣхъ, которые считала таковыми англійская школа экономистовъ, — по мѣрѣ экономическаго прогресса и увеличенія народонаселенія, трудъ дѣлается все производительнѣе, средства существованія увеличиваются въ большей степени, чѣмъ населеніе, а доля всѣхъ классовъ общества въ распредѣленіи растетъ, при чемъ доля рабочихъ увеличивается и абсолютно, и относительно, а доля капиталистовъ и землевладѣльцевъ только абсолютно. Такимъ образомъ каждый шагъ экономическаго прогресса выгоденъ не только для того класса лицъ, которыхъ онъ непосредственно касается, но и для всѣхъ остальныхъ [1]).

---

[1]) H. C. Carey. Principles of Political Economy, 1837—1840. The Past the Present and the Future. 1848. Principles of Social Science. 3 т. 1859

Такимъ образомъ по теоріи Кэри, благодаря дѣйствію соціальныхъ законовъ, по своему существу тождественныхъ съ законами, управляющими всѣмъ физическимъ міромъ, получается неизбѣжно гармонія общественныхъ интересовъ въ томъ смыслѣ, что съ увеличеніемъ населенія и прогрессомъ промышленности доля всѣхъ классовъ, т.-е. не только землевладѣльцевъ, какъ утверждалъ Рикардо, но и доли рабочихъ и капиталистовъ постепенно возрастаютъ, увеличивая благосостояніе и комфортъ всего общества.

Новѣйшій гармонистъ Леруа-Болье пошелъ еще дальше. Онъ не только отрицаетъ утвержденіе соціалистовъ, которые дѣлаютъ своей исходной посылкой ученіе Рикардо и его школы о томъ, что развитіе промышленности на почвѣ неограниченнаго индивидуализма ведетъ къ бо̀льшему обогащенію богатыхъ и дѣлаетъ бѣдныхъ еще бѣднѣе, но старается, оставаясь на той же почвѣ, доказать въ обширномъ трактатѣ „Опытъ о распредѣленіи богатствъ“ [2]), что прогрессъ промышленности самъ собою ведетъ къ уменьшенію неравенства состояній, что „классъ землевладѣльцевъ, взятый въ цѣломъ и за долгій періодъ въ три четверти вѣка или за цѣлый вѣкъ, нисколько не болѣе благопріятствуемъ судьбою, чѣмъ классъ коммерсантовъ, промышленниковъ и классъ простыхъ рабочихъ“. „Если то, что̀ называютъ современнымъ (actuelle) торговымъ и промышленнымъ кризисомъ, читаемъ мы у Леруа-Болье въ предисловіи къ 3-му изданію его „Опыта“, имѣетъ большую продолжительность и всеобщность сравнительно съ предыдущимъ, то это потому, что онъ отличается отъ предшествующихъ по своему характеру и причинамъ. Онъ имѣетъ, конечно, съ ними нѣчто общее, проходящій элементъ, который исчезнетъ, оставивъ улучшеніе послѣ себя. Но онъ имѣетъ также собственно ему принадлежащее и прочное свойство: онъ ведетъ за собой возможность перемѣны, которая можетъ быть въ значительной части окончательная, въ поземельной рентѣ, въ уровнѣ процента и прибылей, и еще можетъ быть, въ вознагражденіи всѣхъ другихъ услугъ, кромѣ простого

и др. См. также: Н. Бунге, Гармонія хозяйственныхъ отношеній. Первая политико-экономическая система Кэри. 1860.—Ю. Жуковскій, Кэри и его теорія (статья въ Вѣстн. Евр.) Октябрь 1872.

[1]) P. Leroy-Beaulieu, Essai sur la répartition des richesses et sur la tendance à une moindre inégalité des conditions. 1880. 3 изд. 1888.

(manuel) труда. Простой рабочій, въ самомъ дѣлѣ, вотъ великій бенефиціантъ нашей цивилизаціи: всѣ положенія понижаются вокругъ него, а его поднимается. Если бы заинтересованные или невѣжественные голоса не нашептывали бы ему ненависти и зависти, онъ видѣлъ бы, что время работаетъ для него и для его дѣтей, что всѣ экономическіе законы обращаются въ его пользу и улучшаютъ его судьбу то абсолютно, то относительно".

Въ рамки нашего введенія не входитъ разборъ всего ученія Кэри, Леруа-Болье. Ниже, въ отдѣлѣ о поземельной рентѣ и поземельной собственности, мы будемъ имѣть случай остановиться еще на воззрѣніяхъ этихъ писателей по соотвѣтствующимъ вопросамъ. Здѣсь же замѣтимъ только, что для оцѣнки гармонической теоріи характерно, между прочимъ, что самъ Кэри, признавъ, что великое общество, образующее міръ, управляется тѣми же законами, какъ и небольшое, изолированное отъ остального свѣта и зависящее относительно удовлетворенія своихъ потребностей отъ себя самого, отстаивалъ сперва фритредерскія начала въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ, впослѣдствіи же сдѣлался горячимъ протекціонистомъ [1]).

Далѣе, какъ ни вѣрилъ Кэри въ развивающуюся гармонію общественныхъ интересовъ, однако и ему казалась несоотвѣтствующей этой гармоніи сложившаяся во всѣхъ государствахъ, кромѣ Соедин. Штатовъ, система централизаціи населенія и различныхъ отраслей промышленности, и онъ, строго говоря, признавалъ гармонію условно, при наличности децентрализаціи всего соціальнаго строя.

Теорія французскихъ гармонистовъ проще. Полная свобода въ сферѣ экономическихъ отношеній, предоставленіе ихъ исключительно на усмотрѣніе непосредственно заинтересованныхъ лицъ и невмѣшательство государства въ эту область— вотъ та почва, на которой зиждется гармонія общественныхъ интересовъ, по мнѣнію французскихъ экономистовъ этой школы.

Мы выше упоминали, что горячее отстаиваніе существующей гармоніи отчасти вызвано было рѣзкою критикою господствующихъ теорій манчестерской школы экономистовъ и

---

[1]) Срав. его: „Principles of Political Economy" 1837—1840 г. и „Principles of Social Science 1858—1859 г.

современнаго экономическаго строя вообще со стороны писателей-соціалистовъ, которые проповѣдывали уничтоженіе частной собственности на землю и капиталъ, уничтоженіе рыночной конкуренціи, сосредоточеніе всего производства и распредѣленія въ рукахъ государства, т.-е. выставляли требованія, обобщаемыя въ послѣднее время именемъ государственнаго соціализма.

Государственный соціализмъ, съ точки зрѣнія достиженія народнаго благосостоянія, такая же крайность, какъ и фритредерство.

Если исходная посылка фритредеровъ о совпаденіи индивидуальныхъ интересовъ съ общими оказывается въ дѣйствительности совершенно несостоятельною, то, съ другой стороны, едва ли возможно доказать, что, сосредоточивъ весь механизмъ экономической жизни въ рукахъ правительства, мы достигнемъ болѣе благопріятныхъ результатовъ для народнаго благосостоянія, чѣмъ при системѣ неограниченной конкуренціи,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока люди остаются людьми, съ присущими огромному большинству чувствами себялюбія, своекорыстія, желанія имѣть больше средствъ и власти. Мы отказываемся допустить, чтобы эгоистическія чувства и стремленія всѣхъ тѣхъ, на кого будетъ возложено отъ имени гусударства распоряжаться устройствомъ предпріятій, производствомъ и распредѣленіемъ—не будутъ нарушать гармонію общественныхъ интересовъ, подобно тому, какъ она нарушается теперь этими лицами, въ качествѣ участниковъ въ частныхъ предпріятіяхъ.

Правда, нѣкоторыя злоупотребленія изъ тѣхъ, что мы видимъ теперь, по всему вѣроятію, исчезнутъ, но столь же вѣроятно, что многія, несуществующія въ настоящее время, создадутся новымъ порядкомъ вещей, и вопросъ еще—будетъ ли ихъ меньше [1]).

Что теоріи соціализма представляютъ болѣе или менѣе

---

[1]) Весьма интересное въ этомъ отношеніи освѣщеніе нѣкоторыхъ опасныхъ сторонъ государственнаго соціализма дѣлаетъ, между прочимъ, Гербертъ Спенсеръ въ своей книгѣ: „The man versus the State“, 1884. Въ этой книгѣ, содержащей рядъ статей, появившихся сперва въ „Contemporary review“, Спенсеръ, имѣя въ виду Англію, развиваетъ ту мысль, что государственный соціализмъ, послѣдовательно проведенный въ жизнь, въ концѣ концовъ создастъ новый видъ рабства, или приведетъ къ новой неограниченной зависимости населенія отъ бюрократіи и къ возстановленію деспотизма.

интересныя абстракціи, нуждающіяся для своего воплощенія въ дѣйствительности въ такихъ условіяхъ общественности, какихъ не только нѣтъ въ настоящее время, но которыхъ не можетъ существовать и въ сколько-нибудь опредѣленномъ будущемъ — это признаетъ, между прочимъ, и самый глубокомысленный представитель научнаго соціализма — Родбертусъ.

Такъ, останавливаясь на мысли о возможности создать государственно-экономическую организацію, которая сдѣлала бы теперешнюю собственность на землю и капиталъ ненужными, Родбертусъ говоритъ въ своемъ третьемъ письмѣ къ Кирхману слѣдующее: „Но я далекъ отъ того, чтобы проектировать такую организацію для настоящаго времени. Я не вѣрю, правда, въ абсолютную необходимость (частной) собственности на землю и капиталъ, но вѣрю въ ея относительную необходимость для настоящаго времени. Я вѣрю, что наука могла бы научить, какъ замѣнить государственно-хозяйственныя функціи рентной собственности, но я не вѣрю тому, чтобы свободная воля общества въ настоящее время была достаточно сильна, чтобы сдѣлать также ненужнымъ принужденіе къ труду, которое оказываютъ означенные институты. А трудъ есть принципъ общественнаго прогресса, альфа и омега (Initialbuchstabe) всякаго богатства, всякой цивилизаціи. Такимъ образомъ, говоря короче, я не вѣрю тому, что общество уже окончило свой путь черезъ пустыню, что его нравственная сила уже достаточно велика, чтобы овладѣть и удержать обѣтованную землю, въ смыслѣ замѣны собственности на землю и капиталъ свободнымъ трудомъ. Кромѣ того, если бы вы были — обращается Родбертусъ къ Кирхману — настолько дальновидны, что заранѣе разглядѣли бы право грядущихъ поколѣній сквозь мракъ нѣсколькихъ столѣтій, то развѣ была бы какая польза въ отреченіи отъ правовой идеи вашего времени? Вы могли бы еще, въ качествѣ философа, требовать ея дальнѣйшаго развитія, но какъ политико-экономъ, стремящійся къ практическимъ цѣлямъ, вы чертили бы ваши предложенія на пескѣ и первая лучшая (die erste beste) волна народнаго движенія смыла бы ихъ безслѣдно".

„Нѣтъ, мои предложенія не столь рѣшительнаго характера. Послѣ того, какъ я въ пятомъ письмѣ разъясню принципы собственности, я хочу еще въ немъ ограничиться такими предложеніями, которыя, не нарушая капитальной и поземель-

ной собственности, имѣли бы цѣлью только болѣе справедливое вознагражденіе за первую и важнѣйшую общественную услугу, за производительный трудъ, предложенія, цѣль которыхъ только измѣнить въ обратномъ смыслѣ суровый законъ предоставленнаго самому себѣ обращенія цѣнностей, что относительное вознагражденіе за трудъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ послѣдній становится производительнѣе“ [1]).

Сопоставляя два діаметрально противоположныхъ воззрѣнія — соціалистовъ и гармонистовъ, на неизбѣжный результатъ послѣдовательнаго проведенія въ жизнь начала неограниченной свободы договоровъ, индивидуальной собственности на землю и капиталъ, необходимо отмѣтить, что истина, какъ это обыкновенно бываетъ при столкновеніи крайностей, занимаетъ средину.

Въ дѣлѣ исканія этой середины большую заслугу надо признать за такъ-называемой исторической школой въ политической экономіи, представители которой, путемъ добросовѣстнаго историко-сравнительнаго изученія экономическихъ явленій, значительно расчистили и подготовили почву для выясненія истины. Примыкая въ защитѣ частной собственности на землю и капиталъ къ фритредерамъ и гармонистамъ, представители исторической школы въ политической экономіи, также какъ и представители научнаго соціализма, признали существованіе антагонизма между интересами различныхъ классовъ общества при доведенномъ до крайности осуществленіи принципа laissez faire, и накопили богатый матеріалъ для подтвержденія того, что экономическіе законы имѣютъ условный характеръ, а вовсе не представляютъ „естественныхъ“ непреложныхъ законовъ, дѣйствующихъ всегда и вездѣ. Вмѣстѣ съ этимъ и своекорыстному разсчету, объявленному англійской школой единственнымъ организаціоннымъ началомъ въ народномъ хозяйствѣ, историческая школа отвела болѣе соотвѣтствующее мѣсто и границы.

Въ настоящее время, опираясь на историко-индиктивный анализъ экономическихъ явленій, можно считать установленнымъ, что народное хозяйство существуетъ и развивается подъ взаимнымъ дѣйствіемъ трехъ основныхъ началъ: а) личнаго ин-

---

[1]) Rodbertus-Jagetzow, Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 222 и слѣд.

тереса въ тѣсномъ смыслѣ, б) лично-общественнаго начала, и в) начала общественнаго.

Конечно, на первомъ мѣстѣ хозяйство человѣка опредѣляется личнымъ интересомъ, стремленіемъ удовлетворить собственныя ближайшія нужды. Этотъ стимулъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадное значеніе въ экономической области. Но рядомъ съ нимъ, вслѣдствіе высшей духовной природы человѣка и культурнаго развитія, хозяйственный распорядокъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ господствующихъ въ обществѣ нравственныхъ началъ, или высоты нравственнаго и умственнаго развитія населенія. Такъ, напримѣръ, христіанская религія, распространивъ въ обществѣ идею равенства всѣхъ людей передъ Богомъ, способствовала паденію рабства. Далѣе, отношенія работника къ нанимателю и обратно опредѣляются въ настоящее время на первомъ мѣстѣ конкуренціею, но въ то же время всякій, кому приходилось дѣлать въ этомъ отношеніи наблюденія, могъ убѣдиться, что не всѣ въ одинаковой мѣрѣ пользуются выгодами, которыя представляютъ имъ условія рынка; религіозно-нравственное и умственное развитіе нерѣдко можетъ удерживать отъ чрезмѣрной эксплуатаціи ближняго, а иногда побуждаетъ даже отказываться въ пользу другихъ отъ части своихъ неоспоримыхъ хозяйственныхъ выгодъ; еще чаще—такъ какъ это легче и не требуетъ столь высокаго уровня нравственнаго развитія—человѣкъ, побуждаемый общественнымъ мнѣніемъ, старается, гдѣ можно, препятствовать другимъ нарушать интересы большинства. Въ подобныхъ случаяхъ, рядомъ съ личнымъ интересомъ, выступаетъ уже другое начало, которое можно назвать лично-общественнымъ или нравственнымъ. Наконецъ, всѣ экономическія явленія совершаются при господствѣ опредѣленнаго юридическаго и вообще государственнаго порядка. Государство, кромѣ того, какъ высшее юридическое лицо имѣетъ и свое весьма обширное хозяйство, оказывающее постоянное и сильное вліяніе на всю совокупность частныхъ хозяйствъ. Но самое важное то, что государство устанавливаетъ юридическую основу для экономической организаціи общества.

Народное хозяйство немыслимо безъ существованія общества, въ которомъ государство поддерживаетъ порядокъ и устанавливаетъ правовыя нормы для всякаго рода взаимныхъ отношеній между людьми. Государство указываетъ не только

предѣлы, но нерѣдко и самыя формы для частной экономической дѣятельности. Благодаря своей власти и силѣ, оно можетъ иногда задерживать возникновеніе такихъ явленій въ экономической области, для которыхъ уже существуютъ всѣ необходимыя условія, и, наоборотъ, государство нерѣдко вызываетъ въ народномъ хозяйствѣ такія явленія, которыя, безъ правительственнаго вмѣшательства, сами собою были бы не въ силахъ возникнуть. Такимъ образомъ, государственное или общественное начало слѣдуетъ признать третьимъ основнымъ регуляторомъ экономической жизни.

Однако, несмотря на столь тѣсную связь экономическихъ явленій съ указанными тремя началами, экономическая теорія, какъ мы видѣли, не сразу признала ихъ равноправіе. Англійская школа экономистовъ и отчасти гармонисты идеаломъ экономическаго порядка считали тотъ, который покоится исключительно на свободномъ развитіи личнаго начала. Крайніе соціалисты желали бы подчинить всю хозяйственную область такому же неограниченному господству государственнаго или общественнаго начала. Значительный шагъ впередъ въ опредѣленіи отношеній между частнымъ и общественнымъ началами дѣлаетъ историческая школа экономистовъ, и на подготовленной такимъ образомъ, указанными направленіями въ анализѣ экономическихъ явленій, почвѣ развивается господствующая въ настоящее время, въ особенности въ Германіи, историко-реалистическая или соціальная школа политической экономіи. Объединителемъ этой школы можно считать „Общество соціальной политики“ (Verein für Socialpolitik), основанное въ 1872 году.

Соціальные экономисты ставятъ развитіе благосостоянія въ зависимость отъ гармоническаго сочетанія всѣхъ трехъ началъ, и потому, не считая возможнымъ поглощеніе государственнымъ началамъ начала личнаго, отводятъ тѣмъ не менѣе для перваго довольно значительную сферу дѣйствія, въ противоположность какъ англійскимъ классикамъ, такъ и сторонникамъ самодѣйствующей общественной гармоніи.

Само собою разумѣется, что степень проявленія государственнаго начала въ народномъ хозяйствѣ должна опредѣляться интересами не отдѣльныхъ лицъ, а всего народнаго хозяйства въ его органическомъ цѣломъ.

Въ дѣйствительности, государство во всѣ времена и вездѣ

дѣятельно вмѣшивалось и вмѣшивается въ область экономическихъ отношеній, и довести роль государства до такого минимума, чтобы оно ограничивалось лишь поддержаніемъ внутренней и внѣшней безопасности, такъ же невозможно, какъ и упразднить личную инціативу и предпріимчивость, замѣнивъ ихъ всеобъемлещею регламентаціей. Общее требованіе, съ которымъ должно быть согласовано государственное вмѣшательство, состоитъ въ слѣдующемъ: руководствуясь принципами общаго блага и справедливости, оно никогда не должно переступать предѣлы, за которыми, въ ущербъ или безъ пользы для народнаго хозяйства, стѣсняется личная инціатива, парализуется или ослабляется личный интересъ.

Отсюда для современной экономической науки открывается широкое поле изслѣдованій по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ для уясненія какъ фактическаго проявленія личнаго начала, такъ и того, гдѣ и въ какихъ предѣлахъ и въ чемъ должно выражаться дѣйствіе общественнаго начала, согласно съ приведеннымъ общимъ требованіемъ.

Небольшая экскурсія, сдѣланная нами, такъ сказать, въ область исторіи экономической науки, имѣетъ цѣлью съ самаго начала уяснить для читателя нашу общую точку зрѣнія при оцѣнкѣ экономическихъ явленій, составляющихъ спеціальный предметъ предлагаемой работы. Анализъ этихъ явленій долженъ давать точку опоры для сужденія объ ихъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи къ народному благосостоянію. Степень народнаго благосостоянія, какъ мы сказали въ самомъ началѣ, зависитъ отъ суммы производства или количества создаваемыхъ въ странѣ цѣнностей и характера распредѣленія ихъ между отдѣльными хозяйствами и классами населенія. Все, что способствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію, увеличиваетъ благосостояніе страны. Это не оспариваетъ ни одна изъ существующихъ экономическихъ школъ. Признавая неравенство состояній неизбѣжною необходимостью въ соціальномъ строѣ, современная экономическая наука однимъ изъ основныхъ признаковъ прогресса и, такъ сказать, его цѣлью считаетъ тѣмъ не менѣе уменьшеніе или смягченіе неравенствъ состоянія. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости Леруа-Болье въ удачномъ

выборѣ способа защиты современныхъ экономическихъ отношеній, когда онъ посвящаетъ цѣлую книгу: Essai sur la repartition, etc., для доказательства постояннаго уменьшенія неравенствъ во всей сферѣ народнаго хозяйства, хотя, кстати сказать, въ своемъ трудѣ онъ очень часто желательное только принимаетъ за существующее.

Что касается распредѣленія народнаго дохода, то, кромѣ множества различныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, оно находится въ весьма тѣсной связи съ господствующей въ данное время системой собственности на факторы производства и его результаты. Съ этой точки зрѣнія, въ исторіи современнаго культурнаго міра можно отмѣтить три послѣдовательныхъ стадіи развитія экономическаго строя государствъ.

Первая стадія характеризуется существованіемъ права собственности на человѣка со всѣмъ его трудомъ. Право собственности на всѣ цѣнности, созданныя трудомъ раба, принадлежитъ рабовладѣльцу. Вторая стадія совпадаетъ съ постепеннымъ развитіемъ права собственности на землю, обрабатываемую рабами и крѣпостными, и быстрымъ накопленіемъ капиталовъ. Третья эпоха характеризуется постепеннымъ уничтоженіемъ права собственности на человѣка, т. е. исчезновеніемъ рабства и крѣпостного состоянія, огромнымъ накопленіемъ капиталовъ и развитіемъ принципа неограниченной личной собственности на землю. При этомъ происходитъ все большее обособленіе и сосредоточеніе капиталовъ и земли въ рукахъ относительно немногочисленныхъ классовъ населенія. Само собою разумѣется, что при постепенномъ развитіи всѣхъ общественныхъ явленій, указанныя стадіи не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкими гранями, а какъ бы захватываютъ одна другую. Въ настоящее время всѣ европейскія государства находятся въ третьемъ изъ отмѣченныхъ періодовъ развитія: рабство и крѣпостное право повсюду уничтожены; капиталъ, обособленный преимущественно въ рукахъ немногочисленнаго класса, является важнѣйшимъ регуляторомъ промышленности; право личной собственности на землю становится все шире и шире—земля, какъ говорятъ, мобилизируется и все болѣе приравнивается капиталу.

Изъ двухъ матеріальныхъ факторовъ производства—земли и капитала, собственность на которые играетъ большую роль

въ распредѣленіи, главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія мы избираемъ землю и ея отношеніе къ земледѣльцу. Къ этому насъ побуждаютъ и практическія національныя соображенія, именно земледѣльческій по преимуществу характеръ Россіи, и чисто теоретическія. Мы дѣлаемъ это потому, что думаемъ и желали бы убѣдить также нашихъ читателей, что въ дѣлѣ распредѣленія вопросъ о землѣ въ настоящее время едва ли не самый важный. Характеръ распредѣленія поземельной собственности и способы пользованія ею, ея бо̀льшая или меньшая доступность для населенія, могутъ оказывать и оказываютъ огромное вліяніе на средній размѣръ заработной платы, а слѣдовательно, на предпринимательскую прибыль и процентъ на капиталъ, т. е. на всѣ составныя части распредѣленія.

При такомъ значеніи поземельной собственности нисколько неудивительно, что вопросъ о землѣ, объ отношеніи къ ней различныхъ классовъ населенія, о степени участія ихъ въ выгодахъ, связанныхъ съ земледѣліемъ и землевладѣніемъ, въ настоящее время въ западныхъ государствахъ все болѣе становится злобою дня и даже лозунгомъ политическихъ партій, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Германіи. Въ Россіи, несмотря на первенствующее значеніе земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ, благодаря самостоятельному въ аграрномъ отношеніи развитію ея исторіи, или благодаря ея самобытности, вопросъ о землѣ не имѣетъ остраго характера, однако и у насъ самые глубокіе жизненные интересы всего государства находятся въ тѣснѣйшей связи съ тою или иною постановкою аграрной политики. Но эта политика не должна быть близорукою политикою дня, а политикою будущаго.

Въ коренныхъ соціальныхъ вопросахъ иногда неважные, повидимому, промахи или ошибки, не бросающіеся сразу въ глаза и нечувствительные въ данное время, въ будущемъ могутъ вызвать большія осложненія и принести трудно устранимые и даже непоправимые результаты. А чѣмъ шире будетъ освѣщенъ съ теоретической стороны всякій практическій вопросъ, тѣмъ болѣе гарантій противъ ошибокъ въ его рѣшеніи. Интересующіеся распредѣленіемъ поземельной собственности въ Россіи и крестьянскимъ вопросомъ въ частности, поэтому, надѣюсь, не найдутъ излишнимъ, что, избравъ крестьянское землевладѣніе въ Россіи главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія, мы предпосылаемъ этой болѣе практической

части нашего труда часть теоретическую, именно: очеркъ развитія поземельной собственности вообще, разборъ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ о землѣ и краткій очеркъ современнаго распредѣленія поземельной собственности и аграрной политики въ типическихъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ государствахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Очеркъ развитія поземельной собственности.

I. Первичный характеръ идеи собственности. — Инстинктъ собственности у животныхъ и у первобытнаго человѣка. — Четыре фазы развитія культуры.—II. Проявленіе понятія поземельной собственности въ бродячій періодъ жизни общества.—Переходъ къ пастушеству и первобытному земледѣлію.—III. Отношеніе человѣка къ землѣ въ эпоху первобытнаго скотоводства и земледѣлія. — Общинное владѣніе землей съ общимъ и раздѣльнымъ пользованіемъ землей.—Связь между возникновеніемъ индивидуальной собственности и техническими условіями земледѣлія.—IV. Отношеніе человѣка къ жилищу въ различныя эпохи культурнаго развитія.—V. Первоначальныя формы земельной общины.—Экономическое неравенство у первобытныхъ племенъ.—Англійская родовая община.—VI. Примѣры деревенскихъ общинъ.—VII. Вопросъ о древней русской общинѣ. — Современное общинное землевладѣніе въ Россіи.—VIII. Передѣлы и ихъ прекращеніе, какъ признакъ развитія индивидуализаціи поземельной собственности.—IX. Поземельный строй у кабиловъ.—X. Индустріализмъ и его значеніе въ дѣлѣ развитія поземельной собственности.—XI. Свободный и замкнутый поземельный строй.—Поземельный строй у древнихъ евреевъ; юбилейный годъ.—Взглядъ Спенсера на будущее поземельнаго строя.—Заключеніе.

I.

Въ настоящее время можно считать одною изъ научныхъ истинъ, установленныхъ соціологіей, что понятіе собственности на тѣ или другіе предметы принадлежитъ къ числу первичныхъ идей, присущихъ человѣку. Это понятіе имѣетъ въ своей основѣ біологическую необходимость, такъ какъ вытекаетъ изъ чувства самосохраненія, а потому свойственно не только человѣку, но, какъ инстинктъ собственности, и животнымъ [1]).

---

[1]) H. Spencer, Principles of sociology. Ч. V, § 536.—Ch. Letourneau, L'évolution de la propriété. 1889. Летурно заимствуетъ приводимые ниже

Собака въ дикомъ состояніи смотритъ на добычу, которую удается ей достать, какъ на свою собственность и съ яростью защищаетъ ее отъ другихъ собакъ. Остатки отъ недоѣденной пищи прячетъ въ укромный уголъ или зарываетъ въ землю, чтобы воспользоваться запасомъ, когда опять будетъ голодна. Это мы можемъ нерѣдко наблюдать и на нашихъ собакахъ въ домашнемъ быту. Но въ домашнемъ состояніи инстинктъ собственности у нея развивается сильнѣе, принимая, если можно такъ выразиться, нравственную окраску; онъ распространяется уже не только на пищу, которую собака получаетъ отъ хозяина или случайно найдетъ, а также на домъ, въ которомъ она живетъ, на стадо хозяина, наконецъ на самого хозяина и даже на его ласки. Собака, защищая оставленное ей хозяиномъ платье, сознаетъ принадлежность его хозяину [1]). Бываютъ случаи, что собака кусаетъ дѣтей за то, что они ласкаются при ней къ ея хозяину; другія, болѣе кроткаго нрава, начинаютъ скучать и отказываются отъ пищи, доводя себя даже до голодной смерти [2]). Вообще, благодаря высоко развитому чувству собственности у собаки, она и является для человѣка повсемѣстно и въ самой разнообразной обстановкѣ вѣрнымъ сторожемъ.

Наблюденія жизни муравьевъ и пчелъ, по своему соціальному строю стоящихъ ближе всего къ человѣку, обнаруживаютъ несомнѣнное признаніе собственности на сдѣланные запасы пищи, жилище, территоріи и проч. Муравьи, напримѣръ, не только отважно защищаютъ свои муравейники отъ непріятелей, они нападаютъ на сосѣдніе муравейники, обращаютъ въ рабство побѣжденныхъ, присваиваютъ завоеванные муравейники и пользуются ими какъ бы дачами (d'une sorte d'habitation de plaisance). У нихъ наблюдается разведеніе домашнихъ животныхъ, которыми служатъ для нихъ травяныя или древесныя тли (pucerons), они ихъ выкармливаютъ и держатъ какъ „дойныхъ коровъ и убойный скотъ". Муравьи заготовляютъ запасы зеренъ, которыми питаются и т. д. [3]).

факты о животныхъ у Houzeau, Facultés mentales des animaux; Espinas'a, Sociétes animales; Franklin'a, Vie des animaux; Brem'a, Büchner'a Vie psychique des bêtes и др.

[1]) Spencer, Principles of. s. ч. V, § 536.

[2]) Ch. Letourneau, стр. 26.

[3]) Letourneau, стр. 12—23.

По предмету нашей книги, для насъ въ особенности интересно привести здѣсь факты, указывающіе на зародышъ у животныхъ идеи собственности на жилище и землю, или собственности „застроенной“ и „незастроенной“ (la propriété bâtie et la propriété non bâtie), по современной французской терминологіи. Ограничимся немногими примѣрами.

Вороны изъ года въ годъ возвращаются на тѣ же гнѣзда, а такъ какъ они образуютъ моногамическія пары, то въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ супругъ погибаетъ, другой, вступая въ новый бракъ, приводитъ свою избранницу или избранника въ старое жилище. И эта привязанность къ „очагу“ замѣчается не у однихъ воронъ. Многія птицы, разъ устроивъ гнѣздо, ограничиваются исправленіемъ его и возвращаются къ нему ежегодно, до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь катастрофа не оторветъ ихъ навсегда отъ избраннаго мѣста и родного гнѣзда [1]).

Почти всѣ грызуны устраиваютъ себѣ подземельныя жилища съ весьма сложными ходами, разсчитанными не только для жилья и храненія съѣстныхъ запасовъ, но и для цѣлей пассивной защиты, т. е. для ухода въ случаѣ нападенія какихъ-либо враговъ. Ихъ предусмотрительность выражается при этомъ, кромѣ способа устройства жилищъ, и въ самомъ выборѣ мѣста. Занятое, послѣ тщательнаго обслѣдованія съ точки зрѣнія безопасности, мѣсто и устроенное жилище они считаютъ очевидно своимъ. У кроликовъ, напримѣръ, можно подмѣтить даже наслѣдственную преемственность жилья. Одни и тѣ же семейства кроликовъ наслѣдственно занимаютъ разъ избранные участки земли и жилища, расширяя ихъ по мѣрѣ увеличенія состава семей, „совершенно такъ, говоритъ Летурно, какъ индѣйцы Пуэбло, въ центральной Америкѣ, расширяютъ по мѣрѣ надобности свои фаланстеры“ [2]).

Долгохвостыя обезьяны (cercopithèques) живутъ стадами въ лѣсахъ, подъ управленіемъ старыхъ самцовъ, при чемъ каждое стадо или группа избираетъ для себя отдѣльный районъ, оберегаемый отъ вторженія въ него индивидуумовъ изъ другихъ группъ [3]).

---

[1]) Letourneau, стр. 11. Л. заимствуетъ у Audubon'a: Scènes de la nature. I, 226 и II, 182.

[2]) Letourneau, стр. 8.

[3]) Letourneau, стр. 6.

Приведемъ еще любопытный примѣръ льва. „Левъ живетъ въ одиночку или самое большое—временной семьей; но ему нужна обширная территорія для охоты; онъ желаетъ, читаемъ мы у Летурно, чтобы эта территорія была богата дичью, и выбираетъ ее самъ, послѣ чего требуетъ, чтобы другіе тамъ не браконьерствовали, и собственною властью, именно потому, что онъ зовется львомъ, онъ устанавливаетъ границы этой территоріи. Если другое животное его породы позволитъ себѣ вторгнуться во владѣнія, которыя левъ считаетъ своими, онъ протестуетъ, по своему дѣлаетъ представленія нарушителю его права и если послѣдній его не слушаетъ, онъ прибѣгаетъ къ крайнему средству королей и львовъ—къ сраженію, исходъ котораго рѣшаетъ юридическій споръ“ [1]).

Но если приведенные факты изъ жизни животныхъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что чисто физическая борьба за существованіе пробуждаетъ у нихъ инстинктъ собственности, то естественно, что, по сходству физической организаціи человѣка, этотъ инстинктъ присущъ и ему. Такимъ образомъ, не только понятіе собственности на различные предметы движимости, но и понятіе собственности на землю столь же старо, какъ и само человѣческое общество, а вовсе не есть результатъ высокой человѣческой культуры. Оно примыкаетъ къ инстинкту собственности у животныхъ до такой степени близко, что въ эволюціи собственности наиболѣе развитые формы ея у животныхъ, какъ напримѣръ, у муравьевъ, занимаютъ сравнительно высшее мѣсто, чѣмъ формы собственности у многихъ дикихъ племенъ, напримѣръ, у тѣхъ жалкихъ представителей человѣчества, которые еще и теперь ютятся кое-гдѣ въ глуши земного шара, и до которыхъ не только не коснулась цивилизація, но съ большимъ трудомъ и рѣдко добирается неустрашимый цивилизованный путешественникъ - изслѣдователь. Такъ, въ центральной части Америки, у истоковъ Ориноко, M. Chaffaujou недавно встрѣтилъ племя индѣйцевъ (guaharibos), которые не только незнакомы съ жилищемъ, но не знаютъ ни одежды, ни орудій. Они живутъ небольшими группами, человѣкъ по двѣнадцати, и питаются зернами и почками пальмовыхъ деревьевъ, а также большими

[1]) Letourneau, стр. 5, взято у Houzeau. I, 194.

червями; растительную пищу они срываютъ зубами прямо съ дерева, а червей руками выкапываютъ изъ земли [1]). Естественно, что у такихъ племенъ понятіе собственности не далеко ушло, да и ушло ли еще, отъ пониманія собственности, какое можно наблюдать у собакъ и даже у менѣе интелектуальныхъ животныхъ.

Первичное чувство или понятіе собственности у человѣка, также какъ, вѣроятно, и у животныхъ вообще, основывается на потребности въ данномъ предметѣ, усиліяхъ, какія нужно было употребить, чтобы добыть его, и на возможности охранять его отъ захвата со стороны другихъ особей. Все, на что̀ простирается понятіе собственности человѣка, является въ его глазахъ цѣнностью, по терминологіи экономической науки. Понятіе собственности, уже въ своей эмбріональной фазѣ, расчленяется на собственность индивидуальную или личную и собственность коллективную. И если разсматривать постепенное развитіе собственности и стараться прослѣдить переходъ однѣхъ формъ въ другія, то весьма трудно категорически утверждать, что̀ предшествуетъ одно другому—личная форма собственности коллективной или наоборотъ. Съ точки зрѣнія современнаго человѣка казалось бы естественнымъ, что личная собственность, именно на предметы движимости, должна была возникнуть ранѣе коллективной. Но если принять во вниманіе безпомощность изолированнаго первобытнаго человѣка, его слабосиліе въ борьбѣ съ окружающею природою, то можно думать, что собственность началась съ коллективной формы, удобной и для пріобрѣтенія предметовъ собственности и для ихъ охраны и защиты. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что мы видимъ у многихъ дикихъ племенъ, существующихъ еще и понынѣ или существовавшихъ въ недавнее время—очень сильное развитіе коллективизма во всѣхъ видахъ собственности. Однако, рядомъ съ этимъ, у племенъ, стоящихъ на такой же низкой ступени цивилизаціи, мы встрѣчаемъ нерѣдко и довольно развитую индивидуальную собственность на оружіе и другіе предметы движимости. Какъ бы то ни было, при крайне простыхъ отношеніяхъ и понятіяхъ первобытнаго человѣка, онъ можетъ считать своей личной или индивидуальной собственностью лишь то, что̀ онъ въ со-

---

[1]) Letourneau, стр. 72.

стояніи защищать собственными усиліями, все равно, пріобрѣлъ ли онъ это путемъ мирнаго труда или насиліемъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, и что̀ выражается въ конкретныхъ предметахъ опредѣленной формы и съ ясными границами. Таковы предметы движимости, и съ нихъ-то начинается развитіе индивидуальной собственности вообще.

Что касается земли, то она на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи вовсе не подходитъ подъ указанныя сейчасъ условія. Дѣйствительно, какъ можетъ явиться, напримѣръ, у дикаря-охотника мысль о присвоеніи земли въ частную собственность, когда ему приходится иной разъ исходить десятки верстъ, прежде чѣмъ удастся поймать или добыть что-либо необходимое? Какимъ путемъ онъ опредѣлилъ бы границы присвоенія, если бы у него явилась подобная идея, когда съ разграниченіемъ поземельной собственности съ большими усиліями и не всегда хорошо справляются даже общества, далеко не первобытныя? Наконецъ, какими средствами нашъ дикарь могъ бы защищать свою „поземельную собственность“ отъ вторженія въ нее другихъ лицъ? Единичный дикарь для этого гораздо менѣе вооруженъ, чѣмъ левъ пустыни, „присвоивающій“ себѣ опредѣленную охотничью территорію! Весьма естественно, поэтому, что у племенъ, занимающихъ низшія ступени цивилизаціи, собственность на землю сводится всегда къ понятію коллективной собственности.

Посмотримъ, какъ проявляется коллективная собственность на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи и какъ она постепенно видоизмѣняется и переходитъ наконецъ въ ту форму, которую мы разумѣемъ въ настоящее время подъ именемъ личной, индивидуальной или частной собственности на землю.

Съ точки зрѣнія отношеній человѣка къ землѣ, въ исторіи культуры, включительно до той стадіи, которой достигли современные цивилизованные народы, можно отмѣтить четыре періода или фазы развитія: бродячій или охотничій, кочевой или пастушескій, осѣдлый или земледѣльческій и подвижной или промышленный. Эти фазы не представляютъ неизмѣнной послѣдовательности для всякаго народа или племени. Благодаря новѣйшимъ успѣхамъ этнографической соціологіи, прежній взглядъ, что всѣ народы на зарѣ своей жизни ведутъ бродячій образъ жизни, затѣмъ пастушескій, за нимъ земледѣльческій и т. д., приходится оставить. Одно можно сказать,

что первобытный человѣкъ всегда переживаетъ охотничій или, точнѣе говоря, бродячій періодъ. Но слѣдуетъ ли затѣмъ пастушеская фаза жизни или земледѣльческая—это, какъ мы увидимъ, бываетъ разно и зависитъ отъ условій, въ которыхъ приходится жить и дѣйствовать первобытному племени.

II.

Начнемъ съ отношенія человѣка къ землѣ въ бродячій періодъ. Въ этомъ періодѣ жизни общества, въ особенности въ началѣ, человѣкъ существуетъ исключительно или почти исключительно тѣмъ, что̀ находитъ готовымъ въ природѣ; трудъ его ограничивается простымъ добываніемъ и захватомъ, иногда даже безъ употребленія какихъ-либо орудій, какъ у индѣйцевъ Гуахарибо. Пойманная въ лѣсу дичь, дико-растущіе плоды, рыба—утоляютъ голодъ дикаря, звѣриная шкура прикрываетъ его тѣло отъ холода, какая-нибудь пещера, дупло гигантскаго вѣкового дерева служатъ ему естественнымъ жилищемъ. Конечно, и при этихъ условіяхъ экономическое значеніе земли велико. Естественные продукты почвы частью непосредственно идутъ въ пищу человѣка, частью, обусловливая существованіе дикихъ животныхъ, доставляютъ косвенно и продукты охоты. Но пользованіе землею на этой ступени цивилизаціи отличается крайне экстензивнымъ характеромъ: трудъ добыванія пищи примѣняется на обширныхъ пространствахъ, представляющихся неограниченными въ сравненіи съ потребностями человѣка въ землѣ, почему онъ, хотя и кормится отъ земли, но не сознаетъ этого. Земля, какъ опредѣленная часть поверхности почвы, которая эксплуатировалась бы человѣкомъ ради удовлетворенія потребностей, почти не имѣетъ въ его глазахъ никакого значенія. Она всѣмъ одинаково доступна и всѣ имѣютъ на нее одинаковыя права. Другими словами, при условіяхъ первобытнаго бродячаго строя земля является въ глазахъ человѣка, говоря языкомъ экономической науки, не цѣнностью, а такою же даровою полезностью, какъ воздухъ, вода и т. п., и нужно очень много времени, чтобы у первобытнаго человѣка явилось сознаніе собственности на землю.

Есть основанія полагать, что у нѣкоторыхъ племенъ, стоя-

щихъ на очень низкой ступени культуры, еще и теперь не существуетъ идеи даже объ охотничьей территоріи, или первичной формѣ коллективной собственности на землю. Таковы дикари, блуждающіе въ центральныхъ лѣсахъ Борнео. Подобно дикимъ животнымъ, они расхаживаютъ по дѣвственному лѣсу, силою завладѣваютъ самкою; ночью ютятся подъ какимъ-нибудь большимъ деревомъ и разводятъ огонь, чтобы отогнать отъ себя дикихъ звѣрей. Родители, мужчина и женщина, сойдясь между собою самымъ примитивнымъ путемъ, обыкновенно расходятся, какъ скоро ихъ дѣти въ состояніи сами искать себѣ пищу. Бушмены южной Африки, которые живутъ отчасти охотою, а болѣе мародерствомъ насчетъ кафровъ, готтентотовъ или бѣлыхъ, подобно негроидамъ (les négroides) острова Борнео, не имѣютъ ни домовъ, ни искусственнаго жилища. Они бродятъ мелкими группами, постоянно охотясь, часто служа объектомъ охоты и, по свидѣтельству путешественниковъ, повидимому нисколько не претендуя на опредѣленную охотничью территорію [1]).

Однако у большинства племенъ, занимающихъ въ настоящее время самую низкую степень соціальнаго развитія, но живущихъ не отдѣльными особями, какъ борнейцы, можно уже подмѣтить нѣкоторое понятіе коллективной собственности племени на охотничью территорію. Такъ, у жителей Огненной земли и у дикарей Тасманіи и Австраліи, довольно ясно выражается идея принадлежности территоріи охоты, рыбной ловли и т. п. данному племени, при чемъ нерѣдко даже то, что̀ поймано или добыто на извѣстной территоріи, считается достояніемъ племени. Возьмемъ для примѣра племена австралійскихъ дикарей, которые еще незнакомы ни съ скотоводствомъ, ни съ земледѣліемъ, и существованіе которыхъ всецѣло зависитъ отъ болѣе или менѣе удачной охоты, рыбной ловли, сбора нѣкоторыхъ растеній и плодовъ и т. п. Эти племена живутъ небольшими племенными группами или кланами, члены которыхъ обыкновенно связаны между собою родственными отношеніями.

У австралійскихъ племенъ территоріи охоты, рыбной ловли или сбора плодовъ очень разграничены между кланами, но каждая изъ нихъ, принадлежа данному клану, составляетъ

[1]) Letourneau, стр. 30.

нераздѣльную собственность всѣхъ членовъ его. Оружіе и снаряды принадлежатъ всѣмъ членамъ клана, который управляется совѣтомъ.

Какъ и все остальное, охота регламентируется. Такъ, молодымъ людямъ запрещается ѣсть цѣнное мясо эму (l'émou). Даже собираніе съѣдобнаго растительнаго клея разрѣшается только въ опредѣленное время года [1]). Яйца черныхъ лебедей, которыя можно найти на томъ или другомъ островѣ, считаются собственностью опредѣленнаго клана. Членъ другого клана не можетъ завладѣть ими безъ опасенія вызвать столкновеніе съ законными владѣльцами. Но эти яйца во всякомъ случаѣ принадлежатъ всѣмъ членамъ клана, а не только тому, кто ихъ отыскалъ. Результаты охоты также не представляются у австралійскихъ дикарей исключительно тому, кто непосредственно досталъ какую-нибудь добычу, а раздѣляются между другими членами клана, строго слѣдуя установившимся обычаямъ [2]).

Такимъ образомъ, въ бродячій или охотничій періодъ развитія общества, т. е. на очень низкой ступени культуры, хотя и можно подмѣтить зародышъ поземельной собственности, но исключительно коллективный. Родъ или племя, локализируя свою хозяйственную и соціальную жизнь на болѣе или менѣе опредѣленной территоріи, считаетъ ее своею, со всѣмъ, что̀ на ней видится и служитъ предметомъ охоты, рыбной ловли и проч., въ отличіе отъ территорій, занятыхъ другими племенами. Вторженіе членовъ чужого племени въ ту область

---

[1]) Letourneau, 46.

[2]) Напримѣръ, въ случаѣ какой-либо членъ рода, съ помощью двухъ другихъ убьетъ кэнгуру, то хвостъ и, сверхъ того, одна изъ заднихъ ногъ принадлежатъ по праву одному изъ помощниковъ, тогда какъ другую заднюю ногу и бедро получаетъ второй. Остальныя части животнаго принадлежатъ главному охотнику, но обычай предписываетъ ему до мелочей распредѣленіе этой добычи. Голову и шею и еще другой кусокъ мяса (cotelette ou filet) онъ долженъ дать тестю, остальное отцу; въ свою очередь, отецъ и тесть должны сдѣлать окончательное распредѣленіе мяса между членами ихъ семействъ. Поймаетъ австраліецъ небольшую рыбу—половина отъ хвоста принадлежитъ ему, другую онъ долженъ отдать женѣ. Если же уловъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ рыбъ, напримѣръ шести угрей, изъ которыхъ четыре побольше и два маленькихъ, то распредѣленіе дѣлается слѣдующимъ образомъ: поймавшій, его жена, дядя по матери съ женою получаютъ по большому угрю; четвертый достается братьямъ; изъ двухъ маленькихъ угрей одинъ предназначается дѣтямъ дяди по матери, наконецъ, послѣдній—замужней дочери охотника и ея мужу. Letourneau, стр. 41.

охоты, которую облюбовало для себя данное племя, считается нарушеніемъ его права и ведетъ нерѣдко къ кровавому отпору. Иначе говоря, при слабой связи человѣка съ землей въ охотничій періодъ, даже сознаніе права коллективной собственности вырабатывается лишь при столкновеніи съ сосѣдними племенами и не отличается достаточною опредѣленностью. У охотничьихъ же племенъ, случайно изолированныхъ отъ сосѣдей огромными пространствами, можетъ не существовать и зачаточной идеи собственности на землю. Все же, что̀ добыто на землѣ отдѣльными лицами, принадлежащими къ племени, разсматривается обыкновенно или какъ коллективная собственность, или же какъ личная.

Возникновенію идеи личной собственности на землю въ охотничьей стадіи очень сильно препятствуетъ бродячій образъ жизни населенія; но онъ въ то же время является и необходимымъ техническимъ условіемъ для веденія охотничьяго хозяйства.

Техника и другія условія хозяйственнаго строя продолжаютъ служить непреоборимымъ препятствіемъ для возникновенія индивидуальной собственности на землю и съ переходомъ отъ охотничьяго состоянія къ пастушескому быту: стада необходимо перегонять съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ стравленія естественнаго корма.

„При отсутствіи цивилизаціи, говоритъ Спенсеръ, скотъ и его хозяинъ не могутъ существовать тамъ, гдѣ каждый собственникъ ограниченъ однимъ мѣстомъ; въ этомъ случаѣ возможна лишь коллективная собственность на обширныя пространства. Но и съ переходомъ къ земледѣльческой стадіи,— прямо ли отъ охотничьяго быта или чрезъ пастушескій періодъ,—развитіе частной собственности на землю встрѣчаетъ препятствіе или задерживается различными причинами“ [1]).

Охотничій бытъ возможенъ лишь при условіи очень рѣдкаго населенія. По мѣрѣ возрастанія бродячаго населенія, существованіе одною охотою, рыбною ловлею и т. п. становится все труднѣе, населенію дѣлается тѣсно, а податься некуда, не встрѣтивъ сопротивленія другихъ племенъ. Частыя столкновенія съ враждебными сосѣдями и недостатокъ средствъ существованія ведутъ, съ одной стороны, къ установленію болѣе точныхъ границъ владѣнія отдѣльныхъ племенъ, а съ

---

[1]) H. Spencer. Principles of sociology, ч. IV, § 538.

другой — заставляютъ человѣка искать способовъ для болѣе интенсивнаго пользованія захваченной территоріей. Это ему удается двумя путями. Или онъ, не довольствуясь животными въ томъ видѣ, какъ они даются природою, приручаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а самъ мало-по-малу превращается изъ бродячаго дикаря-охотника въ кочевника-скотовода, или, вмѣсто того, чтобы кормиться отъ охоты и случайно найденными, годными для пищи растеніями, начинаетъ разводить ихъ искусственно на опредѣленномъ мѣстѣ и становится болѣе или менѣе осѣдлымъ земледѣльцемъ. Наконецъ, можетъ быть и третій случай, когда и прирученіе животныхъ, и примитивное земледѣліе съ самаго начала идутъ рука объ руку.

Что переходъ отъ занятія одною охотою, рыбною ловлею и проч. къ первобытному земледѣлію, при благопріятной внѣшней обстановкѣ, не представляетъ большей трудности, чѣмъ переходъ къ скотоводству,—это доказывается примѣромъ нѣкоторыхъ краснокожихъ индѣйцевъ сѣв. Америки, которые, не имѣя домашнихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе уже занимались, рядомъ съ охотою, также и земледѣліемъ, правда, какъ очень второстепеннымъ дѣломъ, предоставленнымъ исключительно женщинамъ и рабамъ [1]).

Любопытное косвенное доказательство того, что примитивный человѣкъ, который употребляетъ въ пищу, кромѣ продуктовъ охоты, и растительную пищу, можетъ легко додуматься до искуственнаго разведенія пищевыхъ растеній, не проходя пастушескую фазу жизни, можно найти и въ мірѣ животныхъ, именно въ поразительномъ фактѣ существованія муравьевъ-земледѣльцевъ. Dr. Linceum наблюдалъ въ Техасѣ муравьевъ, которые каждый годъ расчищаютъ передъ своимъ муравейникомъ кругообразный участокъ земли и засѣваютъ его. При сборѣ въ свое время жатвы они дѣлаютъ родъ сноповъ, которые уносятъ въ назначенныя для этого помѣщенія въ муравейникѣ. Здѣсь эти муравьи-хлѣбопашцы очищаютъ зерна отъ соломы, а чтобы сложенныя въ ихъ „хлѣбные амбары" зерна не испортились отъ сырости, они выносятъ ихъ время отъ времени для просушки на солнце, а затѣмъ прячутъ обратно [2]).

---

[1]) Letourneau, стр. 77.

[2]) Letourneau, стр. 13. Этотъ фактъ Летурно заимствовалъ у Büchner'а: Vie psychique des bêtes, стр. 121.

III.

Съ переходомъ отъ исключительнаго существованія охотой и т. п. къ скотоводству и пастушеской жизни, земля становится въ болѣе тѣсную связь съ хозяйствомъ человѣка. Не вся необъятная площадь земли, разстилающаяся передъ его взоромъ, одинаково удобна для пастбища, водопоя скота, защиты его отъ дикихъ звѣрей, и проч. Различіе въ экономическихъ удобствахъ того или иного кочевья теперь гораздо очевиднѣе, чѣмъ при добываніи средствъ къ жизни одною охотою, а потому легче входитъ и въ сознаніе человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ естественно растетъ и энергія въ отстаиваніи особенно удобныхъ мѣстъ кочевья при нападеніи сосѣдей, а признаніе коллективнаго права собственности на землю за родомъ или племенемъ становится отчетливѣе, тѣмъ болѣе, что пастушеское хозяйство пріурочивается обыкновенно къ открытымъ равниннымъ мѣстностямъ, и слѣдовательно границы владѣній опредѣлить сравнительно легко: рѣка, высокій холмъ, оврагъ, ближайшій лѣсъ—все это можетъ служить естественными и видимыми пограничными знаками.

Но при пастушескомъ строѣ скотоводство, по всему вѣроятію, рѣдко удерживается долгое время безъ присоединенія къ нему земледѣлія. Когда пастушескія племена въ области своихъ обычныхъ кочевьевъ размножились уже до такой степени, что соотвѣтственное увеличеніе численности скота встрѣчаетъ сильное препятствіе въ отсутствіи свободныхъ пастбищъ и умѣнья искуственно усилить ихъ производительность, скотоводство становится недостаточнымъ для прокормленія населенія, и послѣднее должно поэтому обратиться къ болѣе интенсивному пользованію землей, къ обработкѣ части своихъ земель подъ посѣвъ хлѣбныхъ растеній. Это облегчается для пастушескихъ племенъ, между прочимъ, и тѣмъ, что неравенство состояній и рабство,—явленія, почти незнакомыя бродячимъ охотничьимъ племенамъ, при пастушескомъ бытѣ находятъ очень удобную почву. Богатство однихъ, опредѣляющееся числомъ и обширностью стадъ, а также численностью рабовъ, и бѣдность другихъ, у пастушескихъ народовъ уже явленіе весьма обыкновенное, которое можно наблюдать даже у готтентотовъ, не знающихъ земледѣлія и скотоводовъ по преимуществу.

Бродячему дикарю-охотнику нечего дѣлать съ рабомъ: заставить его работать на хозяина можно не иначе, какъ снабдивъ раба оружіемъ, какое дикарю служитъ и на войнѣ, а это значило бы лишить себя власти надъ рабомъ; держать же послѣдняго безъ оружія тоже неудобно, такъ какъ тогда хозяину пришлось бы кормить раба изъ своей охотничьей добычи, не имѣя отъ него никакой пользы. Неудивительно, что такой дикарь, захвативъ врага въ плѣнъ, по-просту убьетъ или скорѣе съѣстъ его, чѣмъ обратитъ въ рабство. Но у народовъ пастушескихъ раба уже можно занять работою, выгодною и безопасною для собственника рабовъ. То же можетъ имѣть мѣсто и при земледѣліи.

Замѣтимъ, что первобытный человѣкъ смотритъ на земледѣльческій трудъ обыкновенно, какъ на занятіе, низкое для свободнаго члена племени. Охотою, войною—онъ знаетъ по преданіямъ — занимались его предки всегда, а земледѣлія, быть можетъ, не знали еще его дѣды и отцы; къ тому же трудъ земледѣльца тяжелый, результаты не видны сразу, какъ при охотѣ. Въ этомъ лежитъ психологическое объясненіе того факта, что дикари взваливаютъ земледѣльческій трудъ исключительно или почти исключительно на плечи женщинъ и рабовъ. Много времени нужно для человѣчества, чтобы земледѣльческій трудъ занялъ теперешнее, подобающее ему мѣсто въ сознаніи человѣка.

Соединеніе земледѣлія съ скотоводствомъ и переходъ отъ пастушескаго кочевого быта къ пастушеско-земледѣльческому, болѣе осѣдлому, иногда совершается самостоятельно, иногда же обусловливается столкновеніемъ пастушескихъ народовъ съ племенами, ушедшими дальше въ культурномъ отношеніи. Такъ, древніе евреи, чисто пастушеское племя, попавъ въ Палестину, нашли тамъ земледѣліе въ цвѣтущемъ состояніи, при чемъ, завладѣвъ и разграбивъ Ханаанскую землю, по словамъ Библіи, пріобрѣли разомъ поля, которыя были расчищены другими, города, которые уже были выстроены, дома, полные предметовъ, сдѣланныхъ другими, водоемы, которые имъ не пришлось рыть, виноградники и оливковыя деревья, которыя не ими были выращены.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на отношеніи населенія къ землѣ, господствующемъ у племенъ охотничье-земледѣльческихъ или охотничье-пастушеско-земледѣльческихъ, т. е. на

поземельной собственности, какъ она проявляется на зарѣ земледѣльческой эпохи культуры. На этотъ вопросъ бросаютъ ясный свѣтъ нѣкоторыя племена, которыя до самаго послѣдняго времени еще жили или живутъ изолированно отъ передовой культуры европейскихъ народовъ.

Несмотря на коллективизмъ, обыкновенно проникающій соціальный строй охотничьихъ племенъ, можно думать, что первоначальное введеніе земледѣлія у нихъ обусловливается личной иниціативой. Племя, какъ коллективная единица, слѣдуетъ уже примѣру или указаніямъ отдѣльныхъ піонеровъ земледѣльческой культуры. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ, живущихъ по берегамъ Ориноко [1]), существованіе почти исключительно обезпечивается охотою и рыбною ловлею, поприщемъ для которыхъ служитъ охотничья территорія, составляющая общую собственность. Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этимъ отдѣльныя лица обрабатываютъ участки земли въ свою личную пользу и владѣютъ ими, пока желаютъ или могутъ ихъ обрабатывать. Но такое личное владѣніе представляетъ лишь временное или, точнѣе сказать, кратковременное, по условіямъ первобытнаго земледѣлія, пользованіе землею, а не собственность.

Факты и свидѣтельства историковъ или путешественниковъ, приводимые у Лавеле, Спенсера, Летурно и у многихъ другихъ изслѣдователей первобытнаго соціальнаго строя, даютъ основаніе думать, что коллективное владѣніе съ общей обработкой почвы и раздѣломъ продуктовъ есть самая древняя форма поземельной собственности въ земледѣльческій періодъ. Оно представляетъ вполнѣ естественное продолженіе или перенесеніе въ земледѣльческое хозяйство обычнаго коллективизма, котораго держатся, какъ мы видѣли, чисто охотничьи племена относительно охотничьей территоріи и раздѣловъ продуктовъ охоты.

„На островѣ Панхіо, говоритъ Діодоръ (писатель I вѣка, до Р. Х.), находящемся близъ береговъ счастливой Аравіи, земледѣльцы обращаютъ въ общее пользованіе плоды земель ими воздѣланныхъ, и тотъ, кто будетъ признанъ обрабатывавшимъ землю лучше всѣхъ, получаетъ болѣе значительную часть при распредѣленіи урожая“ [2]).

---

[1]) Letourneau, стр. 54.

[2]) Эмиль де Лавеле. Первобытная собственность, рус. переводъ, стр. 77.

Когда жатва кончена, читаемъ мы у Спенсера, обитатели Конго „складываютъ бобы въ одну кучу, пшеницу въ другую, и т. д. Откладываютъ для macolante (глава общины) часть, достаточную на его содержаніе, часть для посѣва; остальное же раздѣляютъ по числу хижинъ, сообразно числу живущихъ въ каждой изъ нихъ. Послѣ того всѣ женщины вмѣстѣ пашутъ и сѣютъ для новой жатвы“ [1]).

Природныя дикія племена южной Америки, извлекая главный источникъ существованія отъ охоты и рыбной ловли, отчасти уже земледѣльцы. У племени отомаковъ, по удостовѣренію Летурно, участки земли подъ маисъ, маніокъ и проч. обрабатываются сообща, такъ же производится и жатва. Собранный хлѣбъ складывается у нихъ въ особыя хижины, родъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, откуда потомъ распредѣляется начальниками (chefs) между тѣми, кто имѣетъ на него право. Земледѣльческій трудъ однако для этихъ дикарей весьма антипатиченъ; съ большой неохотой берутся они за трудную работу земледѣльца и очень стараются, чтобы не отдаваться этому скучному занятію болѣе двухъ дней подрядъ [2]).

Эта простѣйшая форма коллективной собственности, свидѣтельствующая вообще о господствѣ патріархальныхъ началъ, съ теченіемъ времени усложняется, диференцируется и такимъ образомъ уже въ очень отдаленныя времена возникаютъ весьма разнообразныя видоизмѣненія коллективнаго владѣнія землею, при чемъ эти измѣненія находятся въ тѣсной связи и съ техническими перемѣнами въ области земледѣлія.

За общимъ пользованіемъ всею общинною землею, т. е. какъ пастбищами, угодьями и лѣсомъ, такъ и полевыми угодьями, съ общею обработкою ихъ и раздѣломъ продуктовъ, наступаетъ слѣдующая фаза развитія. Община, оставляя по прежнему пастбища, лѣсъ и т. п. угодья въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ, распредѣляетъ пахатную землю между своими членами, которые обрабатываютъ полученные такимъ образомъ участки, каждый непосредственно въ свою пользу. Впрочемъ, эта форма быть можетъ возникаетъ и самостоятельно, судя по существованію ея у племенъ, которыя въ культурномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже древнихъ обитателей острова

---

[1]) H. Spencer, Principles of sociology, Political Institutions, § 538.
[2]) Letourneau, стр. 54.

Панхіи. Таковы нѣкоторыя негрскія племена въ тропической и западной Африкѣ, которыя хотя занимаются земледѣліемъ, но стоятъ такъ низко въ культурномъ отношеніи, что иногда не имѣютъ даже домашняго скота [1]). Что же у нихъ мы находимъ? Эти племена ведутъ жизнь полуосѣдлую. Ихъ коническія, круглыя хижины легко строятся и легко разрушаются. Деревни рѣдко остаются долго на одномъ и томъ же мѣстѣ и перемѣняютъ его при всякомъ поводѣ, который представляется въ ихъ глазахъ значительнымъ, какъ напримѣръ смерть главы племени или другого важнаго лица. Но къ перемѣнѣ мѣста ихъ побуждаютъ и техническія агрикультурныя соображенія. Способъ обработки почвы у нихъ обычный для дикихъ странъ. Когда хотятъ устроить поле, уничтожаютъ прежде всего лѣсъ, пользуясь для этого огнемъ. У негровъ въ Африкѣ эта часть земледѣльческой работы лежитъ на обязанности мужчинъ. По уничтоженіи лѣса, на лѣсопольѣ, женщины сажаютъ маніокъ, маисъ, бананы, при чемъ никогда не сѣютъ на одномъ и томъ же участкѣ два года сряду. Земельные участки находятся только во временномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, а не въ собственности, представителемъ которой является все племя. Но продукты земледѣлія въ тѣсномъ смыслѣ составляютъ индивидуальную собственность, также какъ и нѣкоторыя пальмовыя деревья, доставляющія матеріалъ для одежды туземцевъ, особенно цѣнныя, которыя разводятъ обыкновенно около хижинъ. Даже при общемъ пользованіи лѣсомъ, когда идутъ собирать каучукъ, семьи изолируются для этой работы. Каждая изъ нихъ ищетъ свои ліаны и собираетъ отдѣльно продуктъ своего труда. А такъ какъ шансы при этомъ естественно неодинаковы, то отсюда нерѣдки неудовольствія, споры, обвиненія въ воровствѣ.

Приведенные примѣры и масса другихъ, собранныхъ въ настоящее время индуктивной соціологіей, даютъ полное основаніе думать, что при первобытномъ земледѣліи коллективная собственность есть первая ступень въ эволюціи поземельной собственности. Коллективная собственность въ началѣ земледѣлія—въ особенности тамъ, гдѣ оно сосредоточивается на посѣвахъ хлѣбныхъ растеній въ тѣсномъ смыслѣ—зависитъ и отъ „системы земледѣлія“, которой поневолѣ держится, какъ мы видѣли, первобытный земледѣлецъ.

---

[1]) Letourneau, стр. 108.

Вначалѣ, благодаря съ одной стороны обилію земель, а съ другой — по причинѣ крайне скудныхъ эмпирическихъ знаній, въ сельскомъ хозяйствѣ практикуется самый легкій и простой способъ обработки земли, извѣстный подъ именемъ залежной или переложной системы. Хлѣбъ сѣется на опредѣленномъ участкѣ до тѣхъ поръ, пока его родится здѣсь въ достаточномъ количествѣ по мѣстнымъ обычаямъ; затѣмъ выпаханный участокъ обращается въ пастбище, а посѣвъ передвигаютъ на свѣжій участокъ, распахиваютъ новь. При этомъ каждый участокъ имѣетъ для земледѣльца лишь временное хозяйственное значеніе. Собравъ два-три года, а то и одинъ разъ, жатву, первобытный земледѣлецъ переходитъ къ новому участку.

При такихъ условіяхъ первоначальнаго земледѣлія совершенно нѣтъ почвы для самостоятельнаго (spontané) возникновенія института частной собственности на землю уже потому, что если бы у кого-либо явилась идея присвоенія обрабатываемаго клочка въ индивидуальную собственность, то, за скорымъ истощеніемъ его производительныхъ силъ, эта идея не успѣла бы даже окрѣпнуть. Но если и допустить, что какому-нибудь члену первобытнаго полу-пастушескаго, полу-земледѣльческаго общества, поселившемуся отдѣльно, удалось установить исключительное право на часть занятой площади, то много ли бы онъ выигралъ отъ этого до тѣхъ поръ, пока нѣтъ средствъ обезпечить себя отъ чужого скота? Было время, когда въ наукѣ держался взглядъ, что далеко не у всѣхъ культурныхъ народовъ на зарѣ ихъ жизни господствовало то отношеніе земледѣльца къ землѣ, которое находитъ свое выраженіе въ коллективной или общинной формѣ землевладѣнія. Общинную форму собственности считали какъ бы специфической принадлежностью славянской расы, въ противоположность романскимъ народамъ, знавшимъ будто бы исключительно частную или индивидуальную поземельную собственность. Въ настоящее время достаточно хотя бы прочесть пользующійся заслуженной извѣстностью трудъ Эмиля-де-Лавеле „De la propriété et de ses formes primitives“ [1]), 2 изд. 1878 г., чтобы убѣдиться въ полной несостоятельности приведеннаго взгляда. Въ древнихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ

[1]) Есть русскій переводъ 1875 г.

Римѣ, въ которыхъ прежде историки совсѣмъ и не подозрѣвали существованія общинной собственности на землю, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи оказалось, что она предшествовала той формѣ частной собственности, на которой покоился соціальный строй этихъ государствъ въ позднѣйшее историческое время.

Что касается Греціи, то для нея есть очень вѣскія, почти прямыя доказательства господствовавшей нѣкогда здѣсь коллективной формы собственности. Обитатели острова Панхіи, о которыхъ мы выше упоминали и которые, по свидѣтельству Діодора, держались коллективной собственности на землю съ общей обработкой и раздѣломъ продуктовъ—были выходцами изъ Греціи, а такъ какъ переселенцы естественно водворяютъ на новыхъ мѣстахъ порядки, къ которымъ привыкли у себя дома, то отсюда съ полнымъ основаніемъ можно предполагать, что коллективный строй земледѣлія былъ обычный и въ самой Греціи. На существованіе въ древней Греціи общиннаго строя земледѣлія съ передѣлами указываетъ и законодательство Ликурга (888 г. до Р. Х.). Ликургъ нашелъ въ Лакедемоніи большое неравенство: „одни были такъ бѣдны, что не имѣли клочка земли, а другіе, въ очень небольшомъ числѣ, такъ богаты, что владѣли всѣмъ". Ликургъ „уговорилъ" гражданъ соединить всю землю въ общую массу и раздѣлилъ затѣмъ Лаоконію на 30,000 равныхъ частей между всѣми хозяйствами. Каждый пай въ среднемъ былъ разсчитанъ на 82 медимна ячменя (1 медимнъ = 50 литрамъ), т. е. 41 гектолитрамъ, — 70 для мужчины и 12 для женщины, кромѣ вина и другихъ продуктовъ. „Плутархъ разсказываетъ о радости, которую испытывалъ Ликургъ, установивъ новый порядокъ вещей. Видя во время жатвы поля, усѣянныя скирдами одинаковаго размѣра, ему казалось, что Лаоконія была наслѣдствомъ, раздѣленнымъ между братьями [1])". Въ данномъ случаѣ Ликургъ, очевидно, возстановилъ лишь то, что было прежде въ обычаяхъ спартанцевъ. Съ большею вѣроятностью можно думать, что земельный строй, который Ликургъ засталъ передъ своимъ законодательствомъ, былъ общинное землевладѣніе съ раздѣльнымъ пользованіемъ, но уже тяготѣвшимъ къ индивидуальной собственности; давность послѣдняго передѣла

---

[1]) Letourneau, стр. 331.

породила неравномѣрность владѣній, на которую жаловался Ликургъ и которой были недовольны, конечно, очень многіе, помнившіе передѣлы. Ликургъ только произвелъ передѣлъ, что ему едва ли бы удалось, если бы неравномѣрное сосредоточеніе земель уже успѣло пустить глубокіе корни и заставить населеніе забыть общинные порядки землевладѣнія.

Въ странахъ, на которыя позднѣе распространилась грекоримская культура, еще и по настоящее время можно прослѣдить остатки или слѣды, нѣкогда общераспространенной, коллективной собственности на землю.

Ваксены (les Vaccéens) кельтское или скорѣе басское племя, жившее на сѣверѣ Испаніи, по свидѣтельству Діодора, распредѣляли земельные паи по ежегодной жеребьевкѣ, но обрабатывали ихъ сообща, наказывая смертельно всякаго, кто уклонялся отъ работъ, сопряженныхъ съ земледѣліемъ. Со времени древней греко-латинской эпохи поземельный строй въ странѣ басковъ хотя и измѣнялся, но очень медленно, и еще въ 1768 г. здѣсь господствовала семейная община.

Вообще изслѣдованія древняго поземельнаго строя въ разныхъ концахъ Европы приводятъ къ заключенію, что и русскій „міръ" и „задруга" южныхъ славянъ, и швейцарскія „альменды", и древняя германская „марка", и англійская „rundale" или „run-rig systeme" [1]),—все это родственныя формы, свидѣтельствующія о чрезвычайно широкомъ нѣкогда распространеніи въ Европѣ различныхъ видовъ коллективной формы поземельной собственности.

И такъ, начало земледѣльческаго періода и у культурныхъ народовъ, и у дикихъ еще племенъ, съ точки зрѣнія отношенія земледѣльца къ землѣ, характеризуется залежною системою хозяйства и коллективною (племенною, родовою или общинною) формою поземельной собственности.

---

[1]) Это особый способъ арендованія товариществами крестьянъ или цѣлою общиною, при чемъ всѣ крестьяне принимаютъ на себя круговую поруку по обязательствамъ передъ землевладѣльцемъ, землю же ежегодно дѣлятъ между собою по жребью, и нанимаютъ нужныхъ рабочихъ, въ особенности для пахоты сообща. Система эта кое-гдѣ въ Англіи и Ирландіи встрѣчается еще и теперь и представляетъ фактъ „переживанія" родовой собственности, tribal system, которая господствовала рядомъ съ деревенской общинной собственностью, village community, въ Великобританіи еще до прихода туда римлянъ. См. весьма обширное капитальное изслѣдованіе. F. Seebohm, The english willage community, 1883, стр. 226, 230, 438—440.

Господство коллективной собственности на землю въ данномъ случаѣ не есть явленіе случайное, объясняемое какою-нибудь частною причиною, а соціальный законъ, въ смыслѣ неизбѣжнаго слѣдствія совокупности естественныхъ, техническихъ и соціальныхъ причинъ, присущихъ всегда первымъ эпохамъ земледѣльческаго быта.

Въ числѣ соціальныхъ причинъ не малую роль играетъ и то обстоятельство, что даже въ то время, когда для отдѣльныхъ лицъ, по техническимъ условіямъ, благодаря большей опытности въ земледѣліи и проч., становится возможнымъ и желательнымъ обособленіе частной земельной собственности, развитіе таковой долгое время встрѣчаетъ сильное препятствіе въ традиціяхъ, или въ „переживаніи“ обычаевъ и чувствъ, сложившихся при кочевомъ бытѣ [1]).

Эпоха индивидуализаціи поземельной собственности, какъ можно думать, у разныхъ народовъ наступаетъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Это зависитъ и отъ условій политической жизни населенія, и отъ техническихъ условій земледѣлія. Гдѣ земледѣліе проявляется между прочимъ въ содержаніи, уходѣ или наконецъ разведеніи многолѣтнихъ растеній, напримѣръ пальмовыхъ деревьевъ въ тропическихъ странахъ и т. п., тамъ частная собственность возникаетъ раньше чѣмъ среди населенія, которое пользуется одними однолѣтними злаковыми и волокнистыми растеніями. Возможность ограниченія или огораживанія опредѣленныхъ участковъ составляетъ въ высшей степени важное условіе существованія частной поземельной собственности, а его несравненно легче соблюсти въ первомъ случаѣ. Огораживаніе естественно прежде всего примѣняется къ землѣ, которая непосредственно примыкаетъ къ жилищу, а потому на „застроенную собственность“ или усадебную землю раньше всего и распространяется идея частной поземельной собственности.

Развитіе собственности на жилище довольно тѣсно связано съ эволюціей поземельной собственности, поэтому, прежде чѣмъ идти дальше въ разсмотрѣніи нашего спеціальнаго предмета, познакомимся нѣсколько съ вопросомъ о жилищѣ у народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи.

---

[1]) См. H. Spencer, Principles of sociology, ч. IV, § 538.

IV.

Различнымъ отношеніемъ населенія къ жилищу характеризуются между прочимъ и тѣ четыре фазы въ эволюціи соціальной жизни — бродячая, кочевая, осѣдлая и подвижная, которыми мы отмѣчаемъ послѣдовательный ходъ культурнаго развитія вообще.

При бродячемъ образѣ жизни, населеніе или не имѣетъ вовсе искуственныхъ жилищъ или устраиваетъ ихъ настолько примитивно, что для этого употребляетъ какой-нибудь часъ времени, и потому дикарь можетъ возводить ихъ и уничтожать изо дня въ день, на томъ мѣстѣ, гдѣ его застигнетъ ночь, или гдѣ ему вздумается болѣе продолжительно отдохнуть отъ поисковъ за дичью и проч.

Дикари, встрѣчающіеся въ центральныхъ лѣсахъ острова Борнео, вовсе не строятъ жилищъ и на ночь укрываются подъ какимъ-нибудь большимъ деревомъ, а чтобы отогнать дикихъ звѣрей—разводятъ около костры. Жилища отсутствуютъ и у бушменовъ. Нѣкоторыя дикія племена въ Австраліи также не имѣютъ жилищъ и на ночь просто ютятся за древесною корою, поставленною на подобіе ширмъ около разведеннаго огня.

Жители Огненной земли, по свидѣтельству Дарвина, строятъ въ какой-нибудь часъ коническіе шалаши изъ древесныхъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю, промежутки которыхъ они закрываютъ листьями, травою, кожами. Въ такихъ примитивныхъ хижинахъ эти дикари, голые или почти голые, ютятся по 5—6 человѣкъ прямо на влажной землѣ.

При подобныхъ условіяхъ собственность на жилища въ сущности есть движимая собственность. Подвижныя жилища мы находимъ и у племенъ, стоящихъ нѣсколько выше въ культурномъ отношеніи. Такъ, мы упоминали уже о томъ частомъ передвиженіи или перекочевываніи деревень, которое практикуется у нѣкоторыхъ полуосѣдлыхъ африканскихъ дикарей. Только съ развитіемъ земледѣлія на счетъ охоты или пастушества жилище пріобрѣтаетъ прочность, соотвѣтствующую вполнѣ осѣдлой жизни. Съ этихъ поръ жилище тѣсно связывается съ даннымъ мѣстомъ и служитъ нерѣдко кровомъ для цѣлаго ряда поколѣній.

Что касается подвижного строя обществъ, то типичные

признаки его мы можемъ видѣть въ окружающей насъ жизни, въ особенности городской. Здѣсь жилище обыкновенно отличается прочностью, разсчитанною на десятки и болѣе лѣтъ, но населеніе уже не связано съ даннымъ жилищемъ. Масса лицъ постоянно мѣняетъ мѣстопребываніе, при чемъ перемѣняетъ и жилище. Фамильныхъ жилищъ становится все меньше. Многія лица имѣютъ по нѣсколько жилищъ, разбросанныхъ иногда въ отдаленныхъ концахъ страны; наконецъ, покидая временно свое постоянное мѣстожительство, каждый можетъ безъ всякаго труда, на чисто коммерческихъ основаніяхъ, найти себѣ повсюду временное жилище.

Однимъ словомъ, въ бродячій и кочевой періодъ жизни народа жилище двигается съ его обитателями; въ осѣдлой—жилище и обитатель прочно сидятъ на мѣстѣ; при подвижномъ же строѣ—жилище крѣпко срослось съ землей, а населеніе ведетъ чрезвычайно подвижную жизнь.

На низшихъ ступеняхъ цивилизаціи индивидуальная собственность на жилище едва ли и можетъ проявляться иначе какъ въ формѣ движимости, т. е. кое-какихъ искуственныхъ принадлежностей (наприм. кожъ), при помощи которыхъ дикарь-охотникъ или кочевникъ на любомъ мѣстѣ можетъ соорудить для себя жалкую хижину. Прочныя жилища, съ которыми мы привыкли соединять понятіе недвижимой собственности, непосильны для единичныхъ дикарей и даже для разрозненныхъ семей. Такія жилища, если до нихъ додумываются люди на низкой ступени цивилизаціи, могутъ быть только дѣломъ коллективной единицы, клана или племени, а потому, также какъ охотничья территорія у первобытныхъ дикарей, подобныя жилища бываютъ лишь коллективной собственностью. Примѣры коллективныхъ жилищъ у дикарей нерѣдки и очень интересны.

Когда въ 1341 г. итальянецъ Анжіолино-де-Теггіо и въ 1402 г. нормандецъ Жанъ-де-Бетанкуръ попали на Канарскіе острова, то они нашли здѣсь племя гуанчей (guanches), которые хотя и родственны берберамъ сѣв. Африки, однако по своей культурѣ являются представителями берберовъ доисторическаго времени, и вообще могутъ быть разсматриваемы даже какъ остатки троглодитовъ или пещерныхъ жителей. Они жили по возможности въ обширныхъ естественныхъ гротахъ, нерѣдко встрѣчающихся на Канарскихъ островахъ, но эти

гроты служили помѣщеніемъ повидимому для нѣсколькихъ семей или для клана, такъ какъ въ нихъ было искуственно подѣлано много особыхъ углубленій. За недостаткомъ естественныхъ пещеръ, гуанчи складывали изъ плоскихъ камней, безъ цемента, нѣчто въ родѣ длинныхъ искуственныхъ пещеръ, раздѣленныхъ перегородками на нѣсколько боковыхъ углубленій.

Подобныя же коллективныя жилища были найдены и у дикихъ племенъ Америки, Австраліи. У ирокезовъ, краснокожихъ индѣйцевъ сѣв. Америки, европейцамъ бросались въ глаза ихъ „длинные дома", которые вмѣщали въ себѣ отъ десяти до двадцати семей, составлявшихъ кланъ. Жилища ирокезовъ были сдѣланы изъ бревенъ, поставленныхъ стоймя и накрытыхъ сверху древесною корою. Они имѣли отъ 80—100 футъ длины, отъ 20—30 футъ ширины и 20 высоты. Во всю ихъ длину шелъ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго открывались отдѣленія безъ дверей, каждое около 7 футъ ширины. Въ этихъ помѣщеніяхъ женатые спали на небольшихъ помостахъ, поднятыхъ на высоту около одного фута [1]).

Еще болѣе интересный примѣръ общей коллективной собственности на жилища представляютъ индѣйцы Новой Мексики, племя пуэбло (pueblos) [2]), которое принадлежитъ, какъ полагаютъ, къ той же расѣ какъ и краснокожіе.

Въ эпоху завоеванія Мексики испанцами индѣйцы пуэбло достигли уже довольно высокой степени цивилизаціи. Они знали земледѣліе, ткали матеріи, имѣли домашнихъ куръ и состояли изъ небольшихъ общинъ, изъ которыхъ большинство уже исчезло, а нѣкоторыя существуютъ еще и теперь, хотя подъ вліяніемъ европейцевъ и сильно видоизмѣнились.

Индѣйцы пуэбло жили, и живутъ еще тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли (около 20 пуэбло, въ числѣ до 7000 человѣкъ), кланами или общинами въ огромныхъ зданіяхъ (pueblos), построенныхъ въ мало доступныхъ мѣстахъ, обыкновенно на скалахъ. Эти зданія строятся въ нѣсколько этажей, въ особенности у племенъ, которыя живутъ въ южной Мексикѣ и занимаются земледѣліемъ. Индѣйцы пуэбло, обитающіе въ сѣверной Мексикѣ, ближе къ краснокожимъ, ведутъ

---

[1]) Letourneau, стр. 60.

[2]) Это названіе перенесено на нихъ отъ ихъ жилищъ, называемыхъ pueblos.

жизнь преимущественно охотниковъ и номадовъ, и имѣютъ жилища болѣе простыя, построенныя изъ бревенъ, земли, древесной коры, и въ одинъ этажъ, состоящій изъ ряда комнатъ (cellules). У южныхъ индѣйцевъ пуэбло дома имѣютъ форму колоссальной лѣстницы, каждая ступенька которой образуется этажемъ; этажи подраздѣлены на маленькія кубическія помѣщенія, въ которыя входятъ черезъ потолокъ при помощи лѣстницы. Каждый древній пуэбло служилъ для помѣщенія клана, и каждое помѣщеніе въ немъ предназначалось для семьи. Размѣръ этихъ зданій соотвѣтствовалъ численности даннаго клана. Они разрастались по мѣрѣ увеличенія числа семей: помѣщенія присоединялись къ помѣщенію, этажъ громоздился на этажъ, а когда это становилось неудобнымъ, то начинали возводить новое подобное же зданіе, которое должно было служить коллективнымъ жилищемъ для вновь возникающаго клана [1]).

На островахъ Пасхи, въ Полинезіи, Лаперузъ также нашелъ еще „длинные дома", сходные съ домами ирокезовъ. Лаперузъ описываетъ одинъ изъ такихъ домовъ, въ формѣ большой опрокинутой пироги, длиною въ 310 футъ, шириною и высотою по 10. Входы въ этотъ домъ были на двухъ противоположныхъ концахъ и имѣли не болѣе 2 ф. вышины, такъ что входить сюда можно было только ползкомъ на четверенькахъ. Въ такомъ домѣ, по словамъ Лаперуза, помѣщалось не менѣе двухъ-сотъ лицъ, составлявшихъ деревню или кланъ. На одномъ изъ острововъ Товарищества Кукъ нашелъ послѣдній остатокъ длинныхъ домовъ, которые еще были обитаемы и представляли обширныя коллективныя жилища [2]).

Всѣ подобныя жилища первобытныхъ племенъ воздвигаются не иначе, какъ при коллективномъ участіи всѣхъ членовъ клана и составляютъ собственность племени, наравнѣ съ тою торриторіей, на которой они построены. У дикихъ народовъ постройка сообща практикуется нерѣдко и при устройствѣ раздѣльныхъ жилищъ.

Такъ, напримѣръ, въ Индіи у дикаго племени паданъ (padam), занимающагося земледѣліемъ и скотоводствомъ, когда кто-либо изъ членовъ общины женится, то вся община помогаетъ ему строить жилище, которое оканчивается обыкно-

---

[1]) Letourneau, стр. 65.

[2]) Тамъ же, 82.

венно въ одни сутки. Это племя не переноситъ уже своихъ деревень съ мѣста на мѣсто, а обрабатываетъ землю, ближайшую къ своимъ жилищамъ, по залежной системѣ, возвращаясь черезъ нѣсколько лѣтъ къ тѣмъ же участкамъ [1]).

Весьма вѣроятно, что даже въ подобныхъ случаяхъ взаимной помощи при постройкѣ отдѣльныхъ жилищъ для каждой семьи, это жилище становится затѣмъ уже собственностью данной семьи, и самый участокъ земли, на которомъ выстроенъ домъ, выходитъ изъ района общаго пользованія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока на немъ остается жилище данной семьи. Вообще съ участка, на которомъ построено жилище, и съ пріусадебной земли у первобытныхъ народовъ начинается развитіе частной поземельной собственности. Постройка жилища и приспособленіе усадебнаго мѣста къ нуждамъ семьи требуютъ отъ нея значительнаго труда, и община, по присущему въ человѣкѣ непосредственному чувству справедливости, не можетъ не уважать исключительнаго права семьи на пользованіе усадьбою, тѣмъ болѣе, что это не нарушаетъ ничьихъ интересовъ.

Въ своемъ описаніи нравовъ германцевъ, Тацитъ, напримѣръ, отмѣчаетъ, между прочимъ, что у германцевъ дома разбросаны и окружены нѣкоторымъ пространствомъ земли, что германцы устраиваютъ обыкновенно еще подземелья, куда прячутся зимою отъ холода и хоронятъ свое имущество отъ непріятеля. Эти подземелья, съ цѣлью скрыть ихъ отъ глазъ непріятеля, было необходимо устраивать въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома, при чемъ усадебное мѣсто, гдѣ были вырыты подземелья, естественно считалось настолько же неприкосновенною собственностью, какъ и движимое имущество, скрытое или скрываемое въ нихъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что у древнихъ германцевъ, при общемъ пользованіи пастбищемъ, лѣсомъ, и при временномъ раздѣльномъ пользованіи пахотными землями, относительно дома и прилегающаго къ нему огороженнаго мѣста примѣнялся принципъ наслѣдственнаго владѣнія, именно въ мужской линіи (terra salica).

Когда населеніе свыклось съ идеей наслѣдственнаго владѣнія или собственности на жилище и усадебное мѣсто, то отсюда до частной собственности на пахотныя и т. п. земли переходъ уже не великъ.

[1]) Тамъ же, стр. 134.

V.

Прослѣдимъ процессъ постепенной индивидуализаціи поземельной собственности и отмѣтимъ главныя причины разложенія первобытной коллективной или общинной собственности. Употребляя нерѣдко терминъ общинная собственность вмѣсто коллективной, мы будемъ принимать слово „община“ въ широкомъ смыслѣ, понимая подъ общинами естественные союзы, состоящіе изъ болѣе или менѣе значительнаго числа семей, связанныхъ между собою жизненными интересами и обособленныхъ съ точки зрѣнія этихъ интересовъ отъ другихъ, подобныхъ же союзовъ.

Изъ того, что намъ уже приходилось говорить о племенахъ, первобытныхъ по своей культурѣ, можно видѣть, что община не представляетъ совершенно однороднаго типа, а у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи принимаетъ различныя формы.

Не вдаваясь въ детальную группировку общинныхъ союзовъ, замѣтимъ, что поземельная община представляетъ два основныхъ типа—родовую общину и деревенскую общину (сосѣдскую, какъ ее называютъ нѣкоторые русскіе изслѣдователи)[1].

Первичная форма общины естественно должна корениться на родственныхъ, семейныхъ или кровныхъ отношеніяхъ: семья, во всякомъ случаѣ, есть основная ячейка всѣхъ общественныхъ союзовъ. Родовая община, поэтому, какъ мы думаемъ,—начальная форма поземельной общины. Примѣромъ этой родовой общины могутъ служить и тѣ кланы или небольшія племенныя группы, о которыхъ намъ приходилось упоминать, когда шла рѣчь о соціальномъ строѣ дикарей. Самое племя, въ составъ котораго входятъ кланы, и которое въ свою очередь вѣроятно разрослось изъ первичнаго клана, также представляетъ родовую общину въ широкомъ смыслѣ. Память о родоначальникѣ или относительная близость къ нему, съ которой считаются и которая опредѣляетъ соціальное положеніе членовъ общины, служитъ основнымъ признакомъ родовой общины.

---

[1]) См. интересную попытку классификаціи общинъ въ статьѣ К. Н. Благовѣщенскаго: „Формы земледѣлія у государственныхъ крестьянъ по земскимъ даннымъ“ (Вѣстникъ Европы 1888 года, сентябрь).

Но какъ скоро родственныя связи почему-либо отодвигаются на второй планъ, а населеніе остается сплоченнымъ въ коллективныя единицы, члены которыхъ связаны единствомъ владѣнія землей, отбыванія общественныхъ повинностей и т. п., мы имѣемъ дѣло съ деревенскою общиною, въ которую можетъ съ теченіемъ времени преобразоваться и родовая община, хотя такой переходъ не составляетъ неизбѣжной стадіи въ развитіи поземельной собственности. Какъ родовыя, такъ и деревенскія общины въ ихъ внутренней детальной организаціи, повторяемъ, вовсе нетождественны въ разныхъ странахъ.

Бросимъ взглядъ на поземельныя отношенія, какъ они складываются въ родовой и деревенской общинахъ.

Мы знаемъ уже, что самая древняя форма общиннаго землевладѣнія представляетъ общинную собственность съ общей обработкой земли и раздѣломъ продуктовъ. Этотъ способъ пользованія землею, обычный въ первобытной родовой и деревенской общинахъ, встрѣчается, какъ фактъ переживанія, и въ позднѣйшее время въ деревенской общинѣ, въ особенности при пользованіи нѣкоторыми угодьями, напримѣръ сѣнокосами.

Напоминая о древнѣйшей формѣ общиннаго землевладѣнія, напомнимъ также и объ очень важномъ обстоятельствѣ, объясняющемъ многое въ послѣдующемъ процессѣ индивидуализаціи поземельной собственности—именно, о существованіи неравенства при раздѣлѣ продуктовъ общей культуры у дикихъ племенъ. Глава племени получаетъ болѣе значительную долю продуктовъ, чѣмъ остальные члены клана. Когда затѣмъ наступаетъ періодъ раздѣльнаго пользованія землею, то для главъ или начальниковъ и для болѣе знатныхъ членовъ родовой общины выдѣляютъ обыкновенно бо̀льшіе участки земли, при чемъ участіе въ ихъ обработкѣ считается повинностью членовъ клана [1]). Эти участки съ теченіемъ времени становятся наслѣдственными въ данныхъ семьяхъ, подобно тому, какъ главенство въ кланахъ и племени, основанное вначалѣ на избраніи, потомъ превращается въ наслѣдственную власть.

Такимъ образомъ уже на зарѣ земледѣльческаго періода обрабатываемая площадь обыкновенно распадается на землю,

---

[1]) Letourneou. L'évolution de la propriété, стр. 99.

предоставленную въ распоряженіе главъ родовой общины, и на остальную землю, которой населеніе пользуется на принципахъ родовой или деревенской общины.

Изслѣдователи общинной формы землевладѣнія обыкновенно подчеркиваютъ фактъ, что эта форма предполагаетъ равномѣрное участіе членовъ общины въ пользованіи землей. Отсюда эпоха господства поземельной общины невольно возбуждаетъ въ умѣ читателя представленіе о соціальномъ строѣ, который является какъ бы идеальнымъ, „золотымъ вѣкомъ“ [1])

Однако такое представленіе есть результатъ ограниченія поля зрѣнія при оцѣнкѣ явленій древняго соціальнаго строя. Дѣйствительно, если думать только о первобытной общинѣ изъ равноправныхъ рядовыхъ членовъ и забыть о тѣхъ, что стояли надъ нею и подчиняли ее своей власти и силѣ, то внутри общины несомнѣнно существовало относительное равенство. Значительное накопленіе цѣнностей ни у кого изъ общинниковъ, опиравшихся на трудъ свой и своей семьи, было фактически невозможно. Совсѣмъ иначе рисуется картина первоначальнаго строя, если его взять цѣликомъ, думать не только о родовой массѣ, но и о тѣхъ лицахъ, которыя уже успѣли выдѣлиться изъ общей массы населенія, а такое выдѣленіе неизбѣжно при самомъ образованіи сколько-нибудь значительныхъ общественныхъ союзовъ.

Неудивительно поэтому, что соціологамъ приходится, останавливаясь даже на племенахъ, находящихся на весьма низкой ступени культуры, постоянно отмѣчать существованіе знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ.

Въ первобытномъ неравенствѣ выдѣляется однако одна очень симпатичная особенность. Это — тѣсная связь экономическаго и политическаго неравенства съ личными качествами и превосходствомъ. Начальники племени и другіе „лучшіе мужи“, по выраженію древнихъ русскихъ памятниковъ, хотя получаютъ значительно больше чѣмъ простые, рядовые общинники, но ихъ привиллегированное положеніе не столько обусловливается богатствомъ и даже происхожденіемъ, сколько, наоборотъ, богатство и власть создается ихъ положеніемъ въ

[1]) У Э. де-Лавеле мы находимъ даже цѣлую главу: „Золотой вѣкъ и коллективная собственность въ древности“, гдѣ онъ преданія древнихъ о золотомъ вѣкѣ связываетъ съ воспоминаніями ихъ объ общинномъ землевладѣніи.

обществѣ, сообразнымъ искуству и силѣ на войнѣ, въ управленіи общественными дѣлами и т. п.

Весьма естественно, что неравенство въ первобытныхъ обществахъ отличается также замѣчательною простотою. Сферы дѣятельности, какъ экономической, такъ и общественной, исчерпываются здѣсь небольшимъ числомъ занятій, или профессіей, выражаясь современнымъ языкомъ, въ которыхъ можно выдѣлиться. Но въ этомъ отношеніи неравенство въ культурныхъ странахъ имѣетъ несомнѣнное преимущество. Если у первобытныхъ народовъ можно занимать выдающееся мѣсто по относительному богатству, физической силѣ, особенной ловкости въ управленіи первобытнымъ оружіемъ, въ умѣньи перехитрить непріятеля и т. п., то у народовъ культурныхъ, помимо этого, можно занимать первыя мѣста и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ искуствѣ, и въ промышленной предпріимчивости и изобрѣтательности, и въ управленіи государственными дѣлами; въ каждомъ изъ этихъ подраздѣленій опять-таки есть много первыхъ мѣстъ, одинаково почетныхъ и важныхъ для общества, которыя по самой своей разнородности нельзя ставить выше или ниже. Прогрессъ культуры покоится на совмѣстномъ развитіи этихъ неравенствъ, и не о нихъ конечно слѣдуетъ сожалѣть культурному обществу. Темная сторона современнаго неравенства состоитъ въ томъ, что имущественная сила и власть, совпадающія въ первыя стадіи развитія общества, съ личными неравенствами, впослѣдствіи, съ постепеннымъ накопленіемъ имуществъ и капиталовъ, болѣе объективируется и иногда заслоняетъ личность. Развитіе такого противорѣчія въ самомъ неравенствѣ вызываетъ естественную реакцію, и можно желать, чтобы культурный прогрессъ въ концѣ концовъ привелъ къ уничтоженію этого противорѣчія, т. е. не къ отрицанію неравенства, а къ подчиненію имущественной силы и власти—силѣ и власти, связаннымъ съ личными достоинствами, что̀ въ свою очередь, какъ мы думаемъ, неизбѣжно повело бы и къ смягченію экономическаго неравенства.

Чтобы уяснить себѣ первичное дифференцированіе поземельной собственности и составить понятіе о поземельномъ строѣ родовой общины, мы остановимся на типическихъ поземельныхъ отношеніяхъ въ нынѣшнемъ княжествѣ Валлійскомъ и въ Ирландіи, т. е. въ тѣхъ частяхъ Великобританіи,

которыя позднѣе другихъ подверглись иноземному завоеванію, и гдѣ слѣдовательно первичный земельный строй развивался болѣе самостоятельно. Въ эпоху завоеванія Англіи норманами и въ предшествовавшее время въ Валлисѣ населеніе занималось преимущественно скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ. Поземельныя отношенія представляли родовую систему (the Tribal system), сущность которой, на основаніи новѣйшихъ изысканій [1]), представляется въ слѣдующемъ:

Населеніе распадалось на племена (tribes), изъ которыхъ каждое занимало опредѣленную территорію или округъ. Племя, по валлійскому наименованію cenedl, находилось подъ управленіемъ brenhin'a, который былъ какъ бы маленькимъ королемъ.

Племя состояло изъ болѣе мелкихъ родовыхъ или семейныхъ общинъ (households) свободныхъ валлійцевъ, находившихся между собою въ родствѣ. Но, кромѣ членовъ этихъ общинъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и полноправными членами племени (tribesmen), въ Валлисѣ существовалъ еще низшій классъ населенія,—это были незаконные дѣти членовъ племени, опороченные преступленіемъ и т. п., и ихъ потомки. Они составляли особыя общины, но такъ какъ между членами этихъ общинъ кровное родство уже не служило первичною связью, то и общины этихъ aillts и taeogs не имѣли характера родовыхъ общинъ, а приближались къ деревенскимъ общинамъ, но не самостоятельнымъ, а зависимымъ отъ тѣхъ начальниковъ (chief), на земляхъ которыхъ они сидѣли.

Земля, находившаяся въ распоряженіи полноправныхъ или свободныхъ членовъ племени, называлась tir gwelyawy, или семейной землей, и строго различалась отъ зависимой земли, caeth land, или, какъ ее позже стали называть, register land, которой пользовались taeogs или aillts.

Главное условіе для того, чтобы быть свободнымъ членомъ племени (cenedl), было рожденіе отъ полноправныхъ валлійцевъ.

Общинною связью для свободныхъ валлійцевъ служили: 1) общая защита, 2) общая обработка земли (common tillage), 3) обычное право. По обычному праву, перешедшему и въ древніе валлійскіе кодексы (Gwentian, Dimetian и Venedotian) каждый свободный валліецъ имѣлъ право: 1) на пять, а позже на четыре участка свободной земли (Five free erws or acre

---

[1]) Seebohm, The English village community. 1883 г., стр. 180—250.

strips), 2) на участіе въ разработкѣ пустышей (co-tillage of the waste) и, 3) на охоту.

Пять участковъ пахатной земли, о которыхъ упоминаютъ древніе валлійскіе памятники, вѣроятно находились въ связи съ системою залежнаго хозяйства, при пятилѣтнемъ оборотѣ.

Усадьба или дворъ tyddyn свободнаго валлійца состоялъ изъ дома, скотнаго двора и хлѣбнаго двора (corn-yard), при чемъ усадьба вмѣстѣ съ полевой землей разсматривалась какъ семейное владѣніе (family holding).

При жизни главы семьи всѣ его нисходящіе обыкновенно жили съ нимъ въ одной усадьбѣ, а если для нихъ на семейной землѣ устраивались новыя усадьбы, то таковыя составляли часть общей усадьбы.

Со смертью свободнаго члена племени, главы семейной общины, общинное владѣніе его удерживалось соединеннымъ черезъ три поколѣнія наслѣдниковъ. Однако, внутри общины происходилъ равный раздѣлъ земли между братьями, при чемъ младшій сынъ удерживалъ первоначальную усадьбу tyddyn, а другіе братья получали усадьбы, устроенныя для нихъ на семейной землѣ. Всѣ сыновья имѣли равное право въ чрезполосныхъ участкахъ (scattered strips) и въ пастбищѣ, принадлежавшемъ общинѣ.

Такимъ образомъ, въ первомъ поколѣніи между братьями устанавливалось равенство: они были равноправными соучастниками въ семейномъ владѣніи, которое наслѣдовали.

Послѣ смерти всѣхъ братьевъ обыкновенно происходилъ новый передѣлъ для возстановленія равенства между сонаслѣдниками, которыми теперь были двоюродные братья. За смертью всѣхъ двоюродныхъ братьевъ еще разъ могъ быть сдѣланъ передѣлъ для уравненія сонаслѣдниковъ — троюродныхъ братьевъ. Но уже никто изъ дальнѣйшихъ родственниковъ не могъ требовать передѣла или уравненія, и въ томъ случаѣ, если послѣ смерти главы семейной общины не осталось прямыхъ наслѣдниковъ и родственниковъ до третьяго поколѣнія (троюродные братья), то земля возвращалась къ главѣ племени, какъ къ представителю племени. И такъ, семейно-общинная связь удерживается здѣсь неприкосновенно отъ ея перваго главы до правнуковъ включительно, прекращаясь для дальнѣйшихъ поколѣній.

Замѣтимъ, что первоначально всѣ лица, входившія въ со-

ставъ семейной общины, жили подъ общимъ кровомъ и спали на палатяхъ (couch), расположенныхъ вдоль стѣнъ единственной комнаты дома; эти палати назывались gwely; отсюда tyr gwelyawy была земля семьи, пользовавшейся общимъ ложемъ (couch).

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, общее право собственности на землю, представителемъ котораго вначалѣ является цѣлое племя, уже въ значительной степени переродилось и было перенесено на главу племени. Семейныя общины, владѣя землей, обязаны были платить gwestra или натуральную ренту (food rent) главѣ племени и находились почти въ феодальныхъ отношеніяхъ къ нему, будучи обязаны, кромѣ ренты, еще нѣкоторыми другими повинностями феодальнаго характера. Для платежа gwestra и проч. нѣсколько семейныхъ общинъ соединялись въ группы (maenols или trevs), связанныя въ этомъ отношеніи какъ бы круговою порукою. Замѣтимъ однако, что надъ семейными общинами и группами ихъ въ Валлисѣ не стоялъ лордъ или владѣлецъ помѣстья (manor), какъ это было въ другихъ частяхъ Англіи въ эпоху норманскаго завоеванія.

Иначе представляется дѣло въ отношеніи низшаго класса населенія Валлиса, aillts или taegos, переведенныхъ въ латинскихъ статутахъ словомъ villani. Они были подчинены начальнику или лорду, на землѣ котораго жили и отъ воли котораго зависѣло держать ихъ или нѣтъ. Каждый изъ taeogs имѣлъ свою tyddyn, усадьбу съ хлѣбнымъ и скотнымъ дворомъ. Эти обязанные земледѣльцы соединялись въ taeog-trev или родъ деревенской земельной общины, такъ какъ въ ней пользовались равными правами владѣнія всѣ члены, а не родные одной степени, напр. братья, двоюродные братья,—какъ въ родовой общинѣ свободныхъ валлійцевъ. Всѣ, входившіе въ составъ общины,—отцы и сыновья, и совсѣмъ неродственныя лица,—имѣли одинаковыя доли, кромѣ младшихъ сыновей, которые жили со своими отцами и не имѣли собственной усадьбы, пока отецъ былъ живъ. По существу зависимаго владѣнія, въ случаѣ смерти члена общины, его доля не переходила къ лорду, а свободный участокъ наслѣдовала вся община, кромѣ случая, когда младшій сынъ наслѣдовалъ усадьбу отца. Смерть члена общины вызывала такимъ образомъ передѣлъ всей земли, при чемъ однако старались не трогать существующихъ уса-

дебъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости. Земля дѣлилась въ этихъ общинахъ по числу душъ (per capita).

Зависимое сельское населеніе отличалось отъ свободныхъ не только въ поземельныхъ отношеніяхъ. Зависимый не имѣлъ права носить оружія, безъ разрѣшенія лорда не могъ поступить въ школу (become a scholar), сдѣлаться кузнецомъ, бардомъ, не могъ продать свою свинью, медъ, лошадь. И даже если онъ женился на свободной валлійкѣ, его нисходящее потомство до четвертой, а иногда даже до девятой степени, оставалось зависимымъ. Но четвертый или девятый потомокъ свободной женщины могъ уже требовать для себя пять свободныхъ участковъ земли и дѣлался главою новаго рода свободныхъ валлійцевъ.

Зависимые, подобно свободнымъ валлійцамъ, обязаны были платить начальнику племени натуральную ренту, но конечно ихъ повинности были значительно тяжелѣе, чѣмъ у полноправныхъ членовъ племени.

Аналогичный валлійскому земельный строй, именно родовая община, господствовалъ и въ древней Ирландіи.

Здѣсь также опредѣленная территорія считалась принадлежностью племени (tribe), которое распадалось на родовые общины (septs), а общины состояли изъ болѣе или менѣе значительнаго числа семей. Начальники племени, также какъ и начальники общинъ (septs), имѣли въ пожизненномъ владѣніи опредѣленные участки земли, находившіеся въ собственности общинъ, но кромѣ того они получали съ подвѣдомственнаго имъ населенія разные сборы, и ими нерѣдко обирали населеніе и повергали его въ нищету.

Въ распедѣленіи земель между членами общины господствовалъ порядокъ такъ-называемаго gavelkind'а, состоящій въ томъ, что земля распредѣлялась по числу мужчинъ, входившихъ въ составъ общины, и если послѣ передѣла кто-либо изъ членовъ умиралъ, то его часть не раздѣлялась между сыновьями, но глава общины производилъ новый раздѣлъ всѣхъ земель общины, предоставляя каждому часть сообразно древности его происхожденія.

Въ послѣднемъ условіи рѣзко обнаруживается характерный признакъ родовой общины, отличающій ее отъ деревенской общины, гдѣ земля умершаго члена, хотя также переходитъ въ распоряженіе общины и при передѣлахъ въ на-

слѣдствѣ участвуютъ всѣ, но на началахъ равенства правъ. Въ настоящее время наука еще не располагаетъ достаточными данными, чтобы можно было ясно представить себѣ всѣ условія перехода родовой общины въ деревенскую, а также условія самостоятельнаго возникновенія деревенской общины. Тѣмъ не менѣе экономическая исторія Великобританіи позволяетъ предполагать, что иногда деревенская община является результатомъ внѣшняго угнетенія населенія, которому при общинныхъ порядкахъ легче нести разные платежи и повинности.

Въ ту самую эпоху, когда въ Валлисѣ и Ирландіи господствуетъ родовая община свободныхъ членовъ племени и зависимая деревенская община низшаго класса населенія, изслѣдователи констатируютъ въ собственной Англіи господство разрушенной уже деревенской общины, которая находится въ полной зависимости отъ лорда или отъ его зàмка, manor.

Въ эпоху завоеванія Англіи норманами страна была покрыта зàмками (manors or townships), которые являлись помѣстьями маноріальныхъ лордовъ. Въ сосѣдствѣ съ усадьбою лорда жила деревенская община, находившаяся въ зависимости отъ него, и владѣвшая землею какъ бы съ его соизволенія; члены общины были tenants in villenage. Эта община передѣляла полевыя земли между своими членами, а пастбищами они пользовались сообща, какъ между собою, такъ и съ лордомъ.

Члены деревенской общины (tenants in villenage) распадались на два различныхъ класса—собственно villani и bordarii или коттеры. Владѣніе (holdings) первыхъ, размѣромъ около 30 акровъ каждое, составлялось изъ полосъ, разбросанныхъ въ разныхъ поляхъ, находившихся во владѣніи общины. Усадьбы вмѣстѣ съ землей нераздѣльно переходили, съ согласія лорда, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всегда въ руки одного наслѣдника, къ старшему или младшему сыну, смотря по обычаю каждаго индивидуальнаго помѣстья.

Коттеры—это были земледѣльцы, обыкновенно не имѣвшіе даже рабочихъ воловъ („безлошадные“ по нашимъ понятіямъ) и владѣвшіе небольшими участками въ общинной землѣ, въ иныхъ помѣстьяхъ по 5 акровъ.

Еще низшее положеніе, чѣмъ вилланы и коттеры, въ Англіи занималъ классъ servi или рабовъ, но о нихъ уже въ древнихъ кадастровыхъ описяхъ упоминается всѣми рѣдко.

Этотъ классъ частью сливался съ коттерами, частью давалъ контингентъ дворни и батраковъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Зависимые (villani) были обязаны работать на лорда нѣсколько дней въ недѣлю, обыкновенно три дня, платить нѣкоторую денежную ренту и т. п.

Кромѣ зависимыхъ на землѣ, подчиненной лорду, хотя и не во всей Англіи, сидѣли еще свободные земледѣльцы (sochmanni, liberi homines, libere tenentes).

По кадастру Вильгельма-Завоевателя (Domesday survey) во всей Англіи sochmanni составляли 8% всего населенія, liberi homines—4%, villani—38%, bordarii и cotarii—32% и servi—9%. Въ географическомъ распредѣленіи этихъ классовъ по отдѣльнымъ округамъ замѣчается слѣдующее. Свободныхъ (liberi homines и sochmanni) въ большей части Англіи уже не было; наибольшій процентъ населенія они составляли въ сѣверо-восточной части Англіи, въ нынѣшнемъ графствѣ Линкольнъ (45%); рабовъ здѣсь вовсе нѣтъ, villani—30% и коттеровъ—16%. Наибольшій процентъ зависимыхъ (villani) наблюдался въ средней полосѣ по направленію отъ сѣвера къ югу (отъ рѣки Тайнъ къ Ла-Маншу), гдѣ зависимые составляли болѣе 50% населенія. Процентъ рабовъ увеличивается по направленію отъ сѣв.-востока къ югу-западу, составляя въ Корнваллисѣ, напримѣръ, 21% всего населенія [1]).

Въ настоящее время, располагая лишь отрывочными историко-археологическими указаніями объ особенностяхъ поземельнаго строя, какой господствовалъ около тысячи лѣтъ тому назадъ въ различныхъ частяхъ Соединеннаго Королевства, картину развитія этого строя можно представить себѣ только весьма предположительно. Сдѣлавъ такую оговорку, замѣтимъ, что родовая община въ Валлисѣ и Ирландіи, деревенская община въ Валлисѣ и деревня вилланов въ Англіи, находившаяся въ маноріальной зависимости,—представляются, на нашъ взглядъ, какъ бы послѣдовательными фазами развитія и разрушенія родовой общины, въ результатѣ чего въ концѣ концовъ создалась крупная поземельная собственность современнаго Соединеннаго Королевства.

Въ самомъ дѣлѣ, что́ такое деревенская община въ древ-

---

[1]) F. Seebohm, The English village community. См. картограммы на стр. 86.

немъ Валлисѣ? Это весьма интересное и своеобразное средство для поддержанія чистоты родового начала въ общинахъ свободныхъ валлійцевъ, и, пожалуй, для поддержанія вмѣстѣ съ тѣмъ принциповъ нравственности и права. Опороченные преступленіемъ и тѣ, кто не могъ доказывать своего происхожденія отъ свободнаго, не опороченнаго преступленіемъ валлійца—теряли или не имѣли мѣста въ родовой общинѣ, а должны были входить въ составъ деревенской зависимой общины, частью вѣроятно поневолѣ, а отчасти и ради собственныхъ интересовъ, чтобы въ лицѣ лордовъ, на землѣ которыхъ они сидѣли, найти себѣ, хотя бы цѣной зависимости, защиту и покровительство, что̀ родовымъ общинникамъ обезпечивалось само собою, какъ свободнымъ членамъ племени (tribe's men).

Съ теченіемъ времени, когда въ распоряженіи родовыхъ общинъ уменьшился запасъ земель для отвода вновь образующимся родамъ, контингентъ деревенской общины, по всему вѣроятію, сталъ увеличиваться также на счетъ экономически захудалыхъ членовъ родовой общины. Болѣе сильные и родовитые общинники имѣли разсчетъ и могли вытѣснять послѣднихъ въ деревенскія общины, чтобы ограничить число лицъ, пользовавшихся выгодами, связанными съ принадлежностью къ привелигированному классу свободныхъ валлійцевъ.

Если допустить, что родовая община, подобная валлійской, нѣкогда существовала и въ собственной Англіи, то на деревню (village) эпохи норманскаго завоеванія, находившуюся въ маноріальной зависимости отъ лорда, можно смотрѣть какъ на результатъ разрушенія родовой общины подъ вліяніемъ индивидуализаціи поземельной собственности, внѣшнихъ завоеваній, и распространенія зависимой деревенской общины.

Индивидуализація собственности, начавшись съ обращенія въ наслѣдственную собственность участковъ, которые предоставлялись въ родовой общинѣ главѣ общины, расширяетъ затѣмъ свое поле узурпаціей земель выморочныхъ и пустошей, изъ которыхъ вначалѣ, съ увеличеніемъ населенія, родовая община удовлетворяла полевой землей новыхъ членовъ. А по мѣрѣ стѣсненія родовой общины въ разработкѣ пустошей, прежнее равенство семейныхъ участковъ земли исчезаетъ. Индивидуализація поземельной собственности проникаетъ затѣмъ и въ предѣлы семейной общины. Части насе-

ленія удается при этомъ сдѣлаться свободными держателями земли, libere tenantes, изъ которыхъ составилось впослѣдствіи мелкое англійское дворянство, знаменитая джентри, объ исчезновеніи которой въ позднѣйшую эпоху не безъ основанія сожалѣютъ англійскіе историки. Но зато другая часть населенія, тѣснимая съ разныхъ сторонъ, складывается сперва въ зависимую деревенскую общину, а впослѣдствіи и она вырождается въ разрушенную деревенскую общину, англійскую village эпохи норманскаго завоеванія. Мы называемъ англійскую village разрушенною деревенскою общиною, потому что въ ней хотя и сохранилось еще равное чрезполосное владѣніе домохозяевъ, указывающее на бывшіе нѣкогда передѣлы, но эти владѣнія, около 30 акровъ каждое, уже перестали подвергаться передѣламъ и разсматривались какъ бы арендные участки, принадлежащіе помѣстью, manor'у, а члены прежней общины являлись только держателями земли по волѣ лорда.

Упоминая объ индивидуализаціи родовой общинной собственности, скажемъ еще нѣсколько словъ объ иноземныхъ завоеваніяхъ. Роль ихъ въ данномъ случаѣ, какъ и при индивидуализаціи поземельной собственности вообще, весьма велика. Являясь въ странѣ чуждыми ея обычнаго склада, основывая власть на своей силѣ и угнетеніи коренныхъ жителей, внѣшніе завоеватели обыкновенно прежде всего обращаютъ земли покоренной страны въ фондъ для награжденія своихъ сподвижниковъ; съ другой стороны—ради собственныхъ интересовъ, чтобы легче было владычествовать въ покоренной странѣ—они поддерживаютъ то меньшинство, которому уже удалось обособиться изъ сѣрой общинной массы и поставить ее въ зависимость отъ себя, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ значительныя поземельныя владѣнія. Завоеваніе Англіи норманами можетъ служить типическимъ примѣромъ глубокаго вліянія иноземныхъ завоеваній на аграрный строй и на образованія крупной, частной поземельной собственности. Саксонская манорiальная система, которая еще до завоеванія успѣла значительно подорвать общинный строй, была окончательно закрѣплена въ знаменитомъ Domesday survey, при чемъ члены прежней деревенской общины de jure превратились въ арендаторовъ (tenants) земли лордовъ.

Вообще сила и нерѣдко притѣсненіе слабѣйшихъ со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ „насильниковъ“, по удачному

выраженію графа Льва Николаевича Толстого (agressors—у Спенсера), играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ исчезновенія общинной формы владѣнія землей и водворенія на ея мѣстѣ частной собственности. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что общинная собственность долѣе всего удерживается въ мѣстностяхъ, которыя, по своимъ естественнымъ условіямъ, были защищены отъ нападеній извнѣ, и что при завоеваніи страны или во время хронической борьбы съ внѣшними врагами, которая создаетъ раздѣленіе на классы, характеризующіе военный типъ государствъ, обыкновенно происходитъ индивидуализація поземельной собственности въ той или иной формѣ [1]).

„Во всемъ мірѣ завоеваніе, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, ведетъ къ владѣнію, неограниченному уже потому, что нѣтъ силы, которая оспаривала бы его. Рядомъ съ другимъ грабежемъ во время войны, земля также подвергается грабежу, и, сообразно съ природою завоевательнаго общества, она или всецѣло присваивается деспотическимъ завоевателемъ, или частью и въ подчиненіе ему, при посредствѣ его соучастниковъ при завоеваніи“.—„Но не одними только внѣшними насильниками (agressors) уничтожается общее владѣніе всѣхъ свободныхъ людей площадью земли, на которой они живутъ. Оно уничтожается также тѣми внутренними насильниками (agressors), власть которыхъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ устанавливается военный строй общества. За личнымъ подчиненіемъ, которое создается во время войны, идетъ подчиненіе въ правѣ собственности, въ томъ смыслѣ, что земли, находившіяся прежде въ полномъ распоряженіи общины, становятся въ подчиненіе мѣстному магнату до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени большая часть занимаемой площади не перейдетъ въ его исключительную собственность, и лишь небольшая часть останется въ рукахъ общины“.

Приведенныя строки Спенсера представляютъ удачное обобщеніе того земельно-политическаго строя, который извѣстенъ подъ именемъ феодализма и который обыкновенно водворяется въ странахъ, когда они въ раннюю эпоху культурнаго развитія попадаютъ во власть достаточно сильныхъ иноземныхъ завоевателей. Однородныя стремленія и условія вызываютъ и сходныя

---

[1]) Spencer, Principles of sociology, ч. IV стр. 548.

послѣдствія. Общія черты феодализма, возникающаго на развалинахъ прежняго общиннаго строя, мы находимъ и въ западно-европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка, и въ Мексикѣ послѣ завоеванія ея ацтеками въ концѣ XII вѣка, и въ современной Абиссиніи, несмотря на то, что эти страны лежатъ въ разныхъ частяхъ свѣта, развились въ разныя эпохи, никакого общенія между собою имѣть не могли и существенно различаются въ этнографическомъ отношеніи.

Останавливаясь на роли внѣшнихъ завоеваній и внутреннихъ захватовъ въ образованіи частной поземельной собственности, Спенсеръ замѣчаетъ, однако: „къ этому, для полноты изложенія, необходимо добавить, что бываютъ случаи, хотя и рѣдко, что переходъ земли въ частныя руки происходитъ не путемъ насильственнаго присвоенія или постепеннаго захвата со стороны высшихъ (of a superior), но по общему соглашенію“ [1]).

Здѣсь Спенсеръ очевидно разумѣетъ прекращеніе передѣловъ общинныхъ земель вслѣдствіе сознанія большинствомъ экономическихъ неудобствъ, связанныхъ съ такими передѣлами. Но и при этомъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, стремленіе къ захвату возможно большей доли общинной земли изъ за ея рентной доходности со стороны состоятельныхъ и вліятельныхъ членовъ общины, также едва ли не играетъ главной роли въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

VI.

Изъ сдѣланнаго выше очерка родовой системы поземельнаго строя, господствовавшаго нѣкогда въ Валлисѣ, мы видѣли, что при ней основное населеніе, главная масса его, распадается на небольшія племенныя группы (tribes), которыя въ свою очередь состоятъ изъ болѣе тѣсныхъ семейно-родовыхъ группъ (households). Земля на первомъ мѣстѣ принадлежитъ племени, отъ него уступается въ опредѣленномъ количествѣ въ неотъемлемое владѣніе семейныхъ группъ, а въ предѣлахъ послѣднихъ, послѣ смерти родоначальника, равномѣрно распредѣляется между сыновьями, затѣмъ между внуками и нако-

---

[1]) Ibid.. стр. 548 и слѣд.

нецъ между правнуками. На валлійскую household очевидно нельзя смотрѣть какъ на семью въ современномъ смыслѣ, состоящую изъ родителей и дѣтей, не основавшихъ до поры до времени самостоятельнаго хозяйства. Это была болѣе обширная родственная группа, семейно-родовая или семейная община. Въ настоящее время семейныя общины, хотя и въ нѣсколько другой формѣ чѣмъ въ Валлисѣ, можно еще наблюдать въ Европѣ у южныхъ славянъ.

Древній поземельный строй Валлиса и Ирландіи представляетъ намъ типическій примѣръ родовой общины. Что касается деревенской общины, то она не имѣла тамъ, какъ мы видѣли, самостоятельнаго значенія и составляла своеобразный побочный отпрыскъ родовой общины. Чтобы познакомиться съ особенностями деревенской общины, намъ нужно обратиться къ другимъ странамъ.

Относительно деревенской общины прежде всего замѣтимъ, что на нее нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ какъ на фазу развитія, предшествующую семейной общинѣ. У Э. де-Лавеле, въ его извѣстномъ сочиненіи о первобытной собственности, двѣнадцатая глава даже озаглавлена такъ: „Деревенскимъ общинамъ наслѣдуютъ семейныя общины". Однако, изучая факты, собранные у самого Лавеле, Сибома, Мэна, Летурно и др., мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Обширныя семейныя общины въ составѣ нѣсколькихъ поколѣній представляютъ основу родовой системы поземельной собственности, а первичная простая семья служитъ, какъ мы думаемъ, началомъ и родовой, и деревенской общинъ, смотря по степени дальнѣйшаго развитія родового начала, подъ вліяніемъ всей соціальной жизни даннаго народа.

Дѣло въ томъ, что кровная связь, которая у первобытныхъ обществъ служитъ основою соціальнаго строя и которая создаетъ родовую семейную общину, не всегда достигаетъ той стойкости и развитія, какъ мы видѣли, напримѣръ, въ древнемъ Валлисѣ. Въ другихъ случаяхъ, въ силу ли расовыхъ особенностей или иныхъ условій жизни первобытныхъ племенъ, родовое начало, какъ связующій элементъ общественности, очень рано ослабляется, теряетъ характеръ своего рода культа и замѣняется другими связями, при чемъ въ области землевладѣнія пріобрѣтаетъ господство не родовая, а деревенская община. Дать убѣдительныя объясненія коренныхъ

причинъ такого явленія въ настоящее время едва-ли возможно. Соціологіи пока приходится довольствоваться въ этомъ отношеніи лишь констатированіемъ факта, какъ и по многимъ другимъ соціологическимъ вопросамъ, напримѣръ, почему мы видимъ у многихъ народовъ діаметрально противоположныя воззрѣнія на бракъ, на семейныя отношенія, на нравственное и безнравственное и т. д.?

Мнѣніе Лавеле о деревенской общинѣ, какъ о формѣ, предшествующей семейной общинѣ, для насъ представляетъ однако интересъ косвеннаго доказательства древности этой формы поземельной собственности. На нее дѣйствительно можно смотрѣть, сравнительно съ родовой общиной, какъ на параллельную, а не послѣдовательную фазу развитія поземельной собственности.

„У многихъ африканскихъ первобытныхъ народовъ, говоритъ Э. Лавеле, живетъ и дѣйствуетъ сельско-общинный порядокъ. У племени іолафовъ на берегу Гореи земля составляетъ общую принадлежность деревни. Каждый годъ глава деревни, при содѣйствіи совѣта старшинъ, производитъ передѣлъ земель, подлежащихъ обработкѣ, соразмѣряя участки съ потребностями каждой семьи. Это совершенно такой же обычай, какъ на Явѣ и въ Россіи. Среди Тихаго Океана путешественники встрѣчали точно такую же соціальную организацію“ [1]).

У жителей острова Панхіи, о которыхъ говоритъ Діодоръ, повидимому существовала деревенская община. У древнихъ германцевъ, какъ не безъ основанія думаетъ Мауреръ [2]), Э. де-Лавеле и др., поземельный строй также носилъ на себѣ ясный отпечатокъ господства деревенской общины.

Въ предѣлахъ общаго очерка развитія поземельной собственности мы, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться на разборѣ отрывочныхъ указаній древнихъ писателей о поземельномъ строѣ, нѣкогда существовавшемъ въ Германіи и пр., и сосредоточимъ наше вниманіе на поземельной общинѣ въ Россіи, не только потому, что это ближе касается русскаго быта, но и потому, что русская община обыкновенно счи-

---

[1]) Эмиль де-Лавеле, Первобытная собственность. Рус. переводъ, стр. 95.

[2]) G. Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf- und Stadtverfassung, 1854.—Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. 1856.

тается иностранными изслѣдователями поземельной собственности типичнѣйшимъ примѣромъ деревенской общины [1]).

VII.

Въ русской литературѣ вопросъ объ общинѣ до сихъ поръ принадлежитъ къ числу, если такъ можно выразиться, партійныхъ вопросовъ. Сочувствіе или несочувствіе къ общинной формѣ землевладѣнія нерѣдко поэтому отражается и на выясненіи чисто объективныхъ сторонъ вопроса, напримѣръ, относительно эпохи и причинъ возникновенія деревенской общины и т. п. Напомнимъ для иллюстраціи хотя бы, съ одной стороны, мнѣніе г. Чичерина объ искуственномъ и сравнительно весьма недавнемъ созданіи общиннаго землевладѣнія, а съ другой — утвержденія горячихъ приверженцевъ общины, что теперешняя форма поземельной общины есть исконная форма русскаго народнаго землевладѣнія. Между тѣмъ, при безпристрастномъ отношеніи, оказывается, что оба воззрѣнія – результатъ одностороннихъ увлеченій и не имѣютъ подъ собой прочнаго фактическаго основанія. Въ этомъ насъ убѣждаютъ новѣйшія изслѣдованія прошлаго русской земельной общины, хотя они также убѣждаютъ насъ и въ томъ, что пока о первобытной деревенской общинѣ можно дѣлать однѣ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы.

Въ вопросѣ о происхожденіи русской поземельной общины изъ новѣйшихъ работъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованія П. А. Соколовскаго, г-жи Александры Ефименко и И. Кейслера [2]). И несмотря на то, что всѣ три поименованные автора хорошо знакомы съ прежнею литературою объ общинномъ землевладѣніи и основываются на одно-

---

[1]) См. Лавеле, Летурно и др.

[2]) П. А. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. 1871 г.—Его же, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. 1878.—А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни. Вып. I, 1884.— J. V. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des baüerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 1876 — 1887. — Назовемъ еще Г. Ф. Блуменфельда, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. 1884. — Н. Благовѣщенскаго, Общинное землевладѣніе у б. государственныхъ крестьянъ. См. „Вѣст. Евр.“ 1888 г.

родныхъ матеріалахъ, въ ихъ изслѣдованіяхъ мы находимъ три различныхъ воззрѣнія на то, откуда и какъ пошла русская деревенская община [1]).

Критика различныхъ взглядовъ на происхожденіе современной русской общины не входитъ однако въ програму

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что г-жа Ефименко въ предисловіи къ своей книгѣ: „Изслѣдованіе народной жизни", сѣтуетъ на то, что работа ея „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ" помѣщенная въ „Русской Мысли" и перепечатанная въ этой книгѣ, была не замѣчена публикой, хотя самъ авторъ цѣнитъ эту работу выше всѣхъ остальныхъ своихъ работъ по обычному праву. Мы вполнѣ понимаемъ жалобу автора. Работа г-жи Ефименко дѣйствительно опирается преимущественно на матеріалы, впервые открытые и разработанные самимъ авторомъ, и уже по одному этому представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу; къ этому присоединяется оригинальное освѣщеніе и толкованіе фактовъ, съ которымъ можно не соглашаться, но которое тѣмъ не менѣе весьма интересно и, по отсутствію въ немъ шаблонности, оберегаетъ читателя отъ принятія на вѣру ходячихъ взглядовъ на вопросъ. Таково впечатлѣніе, вынесенное нами при чтеніи книги г-жи Ефименко. Но мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ признать доказаннымъ г-жею Ефименко, что та форма владѣнія, которую она обозначаетъ терминомъ „долевое владѣніе" представляетъ общую форму землевладѣнія, служившую переходомъ къ современной поземельной общинѣ. Дѣло въ томъ, что для индуктивнаго, на основаніи архивныхъ документовъ, изслѣдованія особенностей древняго строя русской жизни большимъ затрудненіемъ для изслѣдователей является слабое распространеніе письменности въ древней Россіи. Г-жа Ефименко въ данномъ случаѣ не представляетъ исключенія. Матеріалъ, который удалось ей собрать, не восходитъ ранѣе XVI вѣка, т. е., относится къ эпохѣ, близкой къ возникновенію крѣпостного права и ко времени паденія владычества на Сѣверѣ новгородцевъ, когда развитіе крупной частной поземельной собственности должно было сильно отразиться и на крестьянскомъ владѣніи землей. Кромѣ того, намъ кажется вообще, что на древніе русскіе акты: раздѣльные, купчія и т. п., въ виду слабой письменности, слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на удостовѣреніе вновь нарождающихся явленій, а не господствующихъ. Населеніе, привыкшее руководствоваться обычаемъ, скорѣе прибѣгаетъ къ укрѣпленію письменнымъ актомъ—договора, отклоняющагося отъ общераспространеннаго обычая, чѣмъ обратно. Поэтому „долевая организація", по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она обрисовывается письменными договорами, которые служили основнымъ матеріаломъ для г-жи Ефименко, представляется намъ одной изъ переходныхъ формъ къ подворно-участковой поземельной собственности, а не къ деревенской общинѣ; „долевая организиція" едва ли не была реакціею индивидуализма противъ господствующихъ общинныхъ началъ, въ результатѣ которой на „крайнемъ Сѣверѣ" и восторжествовала впослѣдствіи подворно-участковая поземельная собственность.

нашей книги; но и не соглашаясь съ отдѣльными мнѣніями названныхъ въ текстѣ и выноскѣ авторовъ, нельзя не быть весьма признательнымъ за тотъ свѣтъ, какой бросаетъ на эволюцію поземельной собственности сгруппированный у нихъ матеріалъ и его толкованіе.

Какъ извѣстно, самые древніе русскіе письменные историческіе и юридическіе памятники, какъ-то: Несторова Лѣтопись, Псковская ссудная грамата, Русская Правда и древнѣйшіе юридическіе акты, относятся къ X — XIII столѣтіямъ. Всѣ эти памятники, равно какъ и свидѣтельство иностранныхъ писателей, указываютъ намъ, что русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ. Въ самыя древнія времена, о которыхъ до насъ дошли свидѣтельства современниковъ, земледѣльцы, пахари, составляли главное ядро или массу русскаго населенія. Правда, при обиліи въ то время лѣсовъ, охота или звѣриная ловля составляли важное подспорье хлѣбопашеству. На основаніи отрывочныхъ указаній мы можемъ вообще предполагать, что въ эпоху зарожденія русскаго государства славяне, обитавшіе въ предѣлахъ Россіи, уже давно перешли къ земледѣльческому быту. На это указываетъ фактъ, что въ древнѣйшей Россіи, рядомъ съ обширными пространствами пустопорожнихъ незанятыхъ земель, и землями, занятыми свободными крестьянскими общинами, существовала уже личная поземельная собственность, представителями которой до прибытія варяговъ были такъ-называемые въ лѣтописяхъ „большіе люди“ „лучшіе мужи“, давшіе начало сословію „бояръ“, [1]) и вообще горожане [2]).

Какимъ образомъ возникла частная собственность въ древ-

---

[1]) И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, 1860 г. Покойный Бѣляевъ не безъ основанія указываетъ въ своей книгѣ (стр. 13) на различіе въ размѣрахъ сбора, взятаго Ярославомъ Новгородскимъ въ 1018 г., для похода Святополка, съ простыхъ мужей по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, и съ бояръ по 18 гривенъ — какъ на доказательство сильнаго экономическаго неравенства. Въ то время, когда съ простого человѣка Ярославъ могъ взять только 4 куны, бояринъ могъ дать 18 гривенъ, то-есть, въ 135 разъ больше. А такъ какъ въ эту эпоху главною основою благосостоянія служило земледѣліе, то можно съ большою увѣренностью предполагать у бояръ значительную частную земельную собственность, на которой бояринъ хозяйничалъ при посредствѣ простого земледѣльца.

[2]) В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по Исторіи русскаго права 1883 г., стр. 187 и слѣд.

нѣйшее время въ Россіи—мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи историческихъ памятниковъ. Здѣсь возможны только предположенія и заключенія по аналогіи. Мы думаемъ, что различіе между „лучшими людьми" и остальною массою населенія такъ же древне, какъ человѣческое общество, и у славянскихъ племенъ, подобно другимъ народамъ, уже въ до-земледѣльческій періодъ лучшіе люди,—по физической ли силѣ, ловкости, смѣтливости, опытности и т. п., по естественнымъ свойствомъ человѣческой природы,—должны были обратить вниманіе на то, чтобы, пользуясь своимъ вліяніемъ, создать себѣ лучшую экономическую обстановку. Достигалось ли это путемъ наравномѣрнаго раздѣла военной добычи, обращеніемъ въ рабство плѣнниковъ, которыхъ заставляли работать на побѣдителя или принужденіемъ слабѣйшей части общества, массы простыхъ людей, удѣлять часть ихъ дохода въ пользу „лучшихъ",—во всякомъ случаѣ, болѣе сильные не могли не пользоваться своею силою для того, чтобы захватывать себѣ по возможности то, что давало при данномъ соціальномъ строѣ экономическое превосходство. Съ переходомъ къ земледѣлію—поземельная рента, какъ различіе въ доходѣ, при затратѣ одного и того же капитала, съ разнокачественныхъ участковъ земли, не могла ускользнуть отъ вниманія „лучшихъ людей". Отсюда захватъ ими болѣе удобныхъ участковъ являлся естественнымъ послѣдствіемъ.

Встрѣчая въ древнихъ памятникахъ ясныя указанія на существованіе земледѣльцевъ, которые сидѣли на частныхъ земляхъ, рядомъ съ возможностью для нихъ свободнаго ухода въ опредѣленное время года и устройства самостоятельнаго хозяйства на общинныхъ и даже на непринадлежащихъ никому земляхъ, невольно останавливаешься съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ передъ этимъ фактомъ. Но онъ объясняется поземельною рентою. Для свободнаго земледѣльца, даже для такого, который владѣлъ небольшимъ капиталомъ для расчистки пустопорожнихъ земель, безрентныхъ, было безразлично—сѣсть ли на свою землю и получать съ нея нѣкоторое количество продуктовъ или поселиться на частной землѣ, съ которой онъ при тѣхъ же условіяхъ можетъ получить бо̀льшее количество продуктовъ, но съ обязательствомъ отдать избытокъ собственнику земли. Къ этому могли присоединяться еще и другія побочныя обстоятельства. Такъ,

частные землевладѣльцы могли снабжать крестьянина необходимыми земледѣльческими орудіями въ однихъ случаяхъ и избавлять отъ повинностей или податей въ пользу князя и т. п.—въ другихъ. Русская Правда, напримѣръ, говоря объ уходѣ ролейныхъ закуповъ, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, обязываетъ ихъ учинять надлежащій разсчетъ за пособіе деньгами, рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями [1]). Въ одной статьѣ Псковской ссудной граматы сказано, „что землевладѣлецъ на изорникѣ, или огородникѣ, или кочетникѣ могъ и въ закличь искать своей ссуды, и серебра, и пшеницы, и всякихъ доходовъ, а другая статья прямо указываетъ, что хозяинъ земли, отпуская изорника, или огородника, или кочетника, бралъ у него половину дохода, полученнаго съ земли“ [2]). Подтвержденіемъ того, что частный землевладѣлецъ могъ привлекать свободныхъ крестьянъ на свою землю, свободную отъ податей въ пользу общественной власти, служатъ напримѣръ граматы великаго князя Ивана Даниловича Калиты (1338—1340), нижегородскаго князя Александра Ивановича (1410—1417 г.) и др., въ которыхъ крестьяне (люди) признаются свободными, имѣвшими право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и тянувшими судомъ и данью и другими повинностями и проторами къ городу, если не были освобождены отъ этого особою граматою, данною землевладѣльцу [3]).

О существованіи частной поземельной собственности, огражденной межами и покровительствуемой законами, свидѣтельствуетъ намъ Русская Правда уже въ той части ея, которая относится къ XI вѣку.

„А межу переоретъ, говорится здѣсь, либо перетянетъ, то за обиду 12 гривенъ“. То же повторяется, но съ большими подробностями въ „Правдѣ“ XII ст., гдѣ сказано: „аже межу переоретъ бортную, или ролейную разоретъ, или дворную тыномъ перегородитъ межу, то 12 гривенъ продажи“. Такимъ образомъ уже въ XI и XII столѣтіяхъ на Руси существовали поземельныя владѣнія, разграниченныя межами, за нарушеніе которыхъ законъ назначалъ самую значитель-

---

[1]) Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, 37.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 35.

ную пеню, большую изъ всѣхъ, кромѣ уголовныхъ. По лѣтописямъ встрѣчаются слѣды частныхъ поземельныхъ владѣній и гораздо раньше; у Ольги, напримѣръ, были свои перевѣсища по Днѣпру и Деснѣ и село Ольжичи еще въ 947 году [1]).

Широкій захватъ земель частными лицами безостановочно шелъ и съ распространеніемъ предѣловъ русскаго господства путемъ колонизаціи и проч. Такъ, напримѣръ, въ Новгородскій періодъ „владѣнія Борецкихъ на Двинѣ и въ Поморьѣ и Своеземцовыхъ на Вагѣ были, говоритъ г-жа Ефименко, по истинѣ необозримы. Въ числѣ заволочскихъ владѣльцевъ были и другіе знатные новгородскіе роды, имена которыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ имена самыхъ энергическихъ и упорныхъ противниковъ Москвы. Эти бояре жили обыкновенно въ Новгородѣ, поручая своихъ половниковъ управленію приказчиковъ и лишь изрѣдка объѣзжая свои „села“. Боярскими половниками были или аборигены края — чудь („Сура поганая“) или вольные гулящіе люди, которые не имѣли силы и средствъ сѣсть на дикую землю: бояринъ могъ давать расчищенную землю и кромѣ обязательныхъ льготъ еще средства на первое обзаведеніе“ [2]).

Вообще въ эпоху древнѣйшихъ, дошедшихъ для насъ граматъ и другихъ историческихъ памятниковъ, масса русскаго населенія состояла изъ многочисленнаго класса половниковъ, жившихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и т. п., и изъ класса черныхъ людей, которые сами или ихъ отцы и дѣды расчистили дикія земли и ихъ заселяли. Классъ черныхъ людей, именовавшихся въ писцовыхъ книгахъ своеземцами или земцами, былъ вообще довольно многочисленъ; въ Двинской землѣ, въ новгородскій періодъ и позже, они являлись главными колонизаторами края. Въ отношеніи къ землѣ черныхъ людей или самостоятельныхъ земледѣльцевъ, которые существовали конечно и до пришествія варяговъ, и слѣдуетъ прежде всего искать первоначаль-

---

[1]) Отъ XII в. имѣется прямое свидѣтельство, что владѣніе землею могло быть частною собственностью съ правомъ отчужденія; это свидѣтельство заключается въ вкладной Варлаама Хутынскаго, писанной въ 1191 и 1192 г. (Дополн. къ акт. истор. № 5).

[2]) Александра Ефименко, Изслѣдованіе народной жизни, в. I, стр. 194 и слѣд.

наго зарожденія того типа землевладѣнія, который мы отмѣчаемъ терминомъ „деревенская община".

Замѣтимъ, что центромъ поземельной организаціи въ древней Россіи являлось село или деревня. Землевладѣніе крупныхъ собственниковъ опредѣлялось обыкновенно не какою-либо земельною мѣрою, а числомъ селъ и деревень: черные люди также жили селами или деревнями. Подъ этими словами не слѣдуетъ однако разумѣть современныхъ понятій.

Древняя деревня или село представляло вначалѣ поселеніе изъ одного или нѣсколькихъ дворовъ съ тяготѣющей къ нимъ землей на почвѣ трудового захвата. „Изъ которыхъ мѣстъ куда топоръ, коса и соха ходила", „куда рука ходила", или „что къ той деревнѣ изстари потягло"—вотъ обычные въ древнихъ памятникахъ опредѣлители районовъ землевладѣнія, тяготѣющіе къ данному селу, къ той или другой деревни. Въ Двинской землѣ, заселившейся сравнительно позднѣе, самымъ распространеннымъ типомъ деревень были деревни въ одинъ, два, три двора. „Напримѣръ, въ Городенскомъ погостѣ Волжской пятины изъ 140 пашенныхъ деревень, исключая нѣсколькихъ деревень рыболовныхъ, не имѣвшихъ пашни, 66% были съ однимъ дворомъ, 26% съ двумя дворами,—всего съ однимъ и двумя дворами 92%; среднимъ числомъ на деревню этого погоста приходилось 1,5 двора" [1]).

Мелкія древнерусскія деревни въ одинъ—два двора являлись въ результатѣ нерѣдкой заимки свободныхъ земель отдѣльными семьями, имѣвшими достаточно рабочихъ и капитальныхъ средствъ, чтобы вести самостоятельное хозяйство. Конечно, подобныя деревни не могли представлять сами по себѣ деревенской общины, которая по своему существу всегда состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ дворовъ. Тѣмъ не менѣе изъ нихъ, какъ можно думать на основаніи древнихъ памятниковъ письменности, съ теченіемъ времени стали слагаться деревенскія общины путемъ увеличенія дворовъ по отдѣльнымъ деревнямъ, съ одной стороны, и соединеніемъ близкихъ деревень въ болѣе крупныя единицы—волость или вервь.

Дворъ, часто совпадавшій въ древней Россіи съ понятіемъ деревни, не представлялъ семьи въ современномъ смыслѣ, а былъ семейною общиною. Въ этомъ убѣждаютъ насъ нѣкоторые древніе раздѣльные акты.

---

[1]) А. Ефименко, стр. 217.

„Се язъ Назарья Оѳанасьевъ сынъ“, говорится напримѣръ въ одномъ изъ нихъ, „да язъ Есипъ, да язъ Григорій, да язъ Валфромей, Филипповы дѣти, да язъ Елизаръ Ѳедоровъ сынъ, да язъ Василій, да язъ Павелъ, да язъ Иванъ Онкундиновы дѣти, да язъ Омосъ, да язъ Онтонъ, да язъ Иванъ, Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ Стефановъ сынъ, раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ, кони и коровы и овцы, хлѣбъ и деньги.... и земля въ корзинѣ курьи. Вси земли есмя раздѣлили по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу со братіею съ нижняго конца, Елизарью дворъ, да Онкундиновымъ дѣтямъ средній, а Омосу дворъ съ братіею, да съ Ларіономъ верхній“ и т. д.[1]).

По смыслу приведеннаго акта очевидно, что въ данномъ случаѣ до раздѣла существовалъ одинъ дворъ изъ двѣнадцати взрослыхъ мужчинъ-работниковъ, не считая женщинъ, дѣтей, стариковъ, о которыхъ не упоминается въ актѣ. Почему произошелъ раздѣлъ, изъ акта не видно; весьма вѣроятно, что онъ наступилъ вслѣдствіе смерти первоначальнаго главы-заимщика, сплачивавшаго своимъ авторитетомъ многочисленный дворъ-деревню, который состоялъ изъ родственниковъ, размѣщался въ трехъ домахъ и велъ сообща обширное хозяйство.

Съ внѣшней стороны подобные дворы невольно напоминаютъ намъ древне-валлійское household, но только съ внѣшней стороны, такъ какъ въ Россіи за нимъ не стоялъ tribe, и родовое начало, какъ сплачивающій и регулирующій элементъ, не имѣло той силы, какъ это мы видѣли въ Англіи. Русскіе дворы или первичныя деревни, „печища“, представляются намъ семейными общинами, которыя, вмѣсто того, чтобы давать начало, какъ въ Валлисѣ, сложной чисто родовой организаціи поземельнаго строя, постепенно развиваются въ деревенскія общины, вслѣдствіе того, что кровная связь очень рано стала замѣняться другими началами общественности. „Однимъ изъ очень распространенныхъ путей, говоритъ г-жа Ефименко, какимъ посторонніе элементы входили въ родовую клѣточку деревни, были брачные союзы: семья, въ которой не было сыновей, чтобы наслѣдовать ея деревенскій жеребій, а оставалась дочь, обыкновенно принимала въ дворъ зятя—пріемыша, который и вступалъ въ полныя права

[1]) Юридическіе акты № 23, цитата по Ефименко, стр. 218.

деревенскаго совладѣльца“ [1]). Но и помимо допущенія въ свой составъ свойственниковъ, древняя русская семейная община не чуждалась, какъ свидѣтельствуютъ юридическіе памятники, и совершенно постороннихъ элементовъ. Члены семейной общины переуступали нерѣдко, на основаніи различныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, свои доли земли постороннимъ лицамъ — не родственникамъ. Такимъ образомъ, тѣмъ или другимъ путемъ, изъ первоначальнаго родственнаго союза извлекались его кровные элементы и замѣщались посторонними. Родственныя связи ослаблялись и союзъ родственниковъ замѣщался союзомъ сосѣдей, односельчанъ, связанныхъ поземельными отношеніями и различными другими общими условіями экономической и политической жизни. Иначе говоря, на мѣстѣ прежней семейной общины или нѣсколькихъ семейныхъ общинъ возникла община деревенская. Въ тѣхъ случаяхъ, когда заимка свободныхъ земель дѣлалась одновременно нѣсколькими семьями—почва для деревенской общины была готова уже въ моментъ возникновенія новаго поселенія.

Вообще, почему русская древняя семейная община не развилась въ строго родовую, а приняла характеръ деревенской,—это, кромѣ указанныхъ причинъ, зависѣло конечно и отъ многихъ другихъ разнообразныхъ причинъ, часто неуловимыхъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывается народное міросозерцаніе. Не малую роль, какъ мы думаемъ, играетъ здѣсь и земельный просторъ, придававшій населенію подвижность, условіе неблагопріятное для развитія родового поземельнаго строя. Замѣтимъ, между прочимъ, что процессъ возникновенія новыхъ деревенскихъ общинъ можно наблюдать еще и теперь, напримѣръ при заселеніи сибирскихъ земель. Конечно, отождествлять его съ процессомъ образованія древней общины нельзя. Теперь не то время и вообще не та обстановка соціальной жизни крестьянина. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время деревенскія общины возникаютъ также путемъ заимки земли отдѣльными семьями или изъ совмѣстныхъ заимокъ нѣсколькими семьями [2]).

Въ Алтайскомъ горномъ округѣ первоначально семья или нѣсколько, облюбовавъ какое-нибудь мѣсто для поселенія дѣ-

[1]) А. Ефименко, 223.

[2]) См. объ этомъ весьма интересную статью С. А. Чудновскаго „Алтайская поземельная община“ (Сѣв. Вѣстникъ, 1888 г. № 9).

лаютъ „заимку“ и обрабатываютъ выбранный участокъ, насколько хватаетъ рабочихъ силъ и капитальныхъ средствъ. Этимъ участкомъ заимщикъ владѣетъ наслѣдственно, т.-е. его дѣти, внуки и т. д. продолжаютъ хозяйничать на занятомъ участкѣ, раздвигая его границы по мѣрѣ потребностей увеличившейся семьи.

Съ теченіемъ времени изъ одной семьи образуется нѣсколько, одинъ дворъ обращается въ настоящее селеніе, въ которомъ въ концѣ концовъ подъ давленіемъ тѣсноты является потребность въ передѣлахъ. Однимъ словомъ, возникаетъ современный деревенскій „міръ“ [1]).

Происхожденіемъ общинъ отъ одного или нѣсколькихъ родоначальниковъ-поселенцевъ объясняется очень часто названіе селеній и тотъ любопытный фактъ, что нерѣдко деревня изъ нѣсколькихъ десятковъ душъ состоитъ въ огромномъ большинствѣ изъ однофамильцевъ [2]).

Подобное же явленіе мы можемъ прослѣдить и въ Европейской Россіи.

Какъ относительно ни скудны письменныя свидѣтельства о соціальномъ строѣ древней Россіи, ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ исконномъ существованіи у

---

[1]) „Частной собственности на землю, говоритъ Г. Чудновскій, въ Алтайскомъ горномъ округѣ мы вовсе не находимъ. Иной со стороны можетъ подумать, что богатый крестьянинъ, захвативъ иногда, верстахъ въ 15—20 отъ селенія, болѣе или менѣе значительную площадь земли, на которую и переселяется со всѣмъ своимъ семействомъ, есть частный собственникъ этой „заимки“; но это не вѣрно: всѣ подобныя „заимки“ у общества на счету, онѣ считаются общественною собственностью, собственностью всего міра, которою всякій общественникъ можетъ пользоваться лишь до поры до времени,—пока міръ не чувствуетъ необходимости, въ силу разростанія населенія, раздвинуть дальше свои угодья“.

[2]) „Въ Верхотомской волости Кузнецкаго округа село Усть-Искитимское, по народному же прозывается „Щеглово“. Это село въ 1885 г. насчитывало 80 плательщиковъ податей и повинностей; большая половина этихъ плательщиковъ, а именно 42 носитъ фамилію „Щеглово“, а изъ остальныхъ 38: 12 Новиковыхъ, 5 Дьяконовыхъ, 3 Бѣлечевыхъ и т. д. Изъ 50 плательщиковъ той же волости д. Салтыковой было: 16 Салтыковыхъ, 11 Поповыхъ, 5 Коммогоровыхъ, 5 Муновскихъ и т. д. Изъ приговора д. Нестеровой, Касьминской волости (того же округа) видно, что въ числѣ ея 192 плательщиковъ было: 59 Нестеровыхъ, 43 Суходольскихъ, 28 Синкиныхъ, 25 Сѣрковыхъ, 14 Лопуновыхъ и др. Въ Барнаульскомъ округѣ изъ 164 домохозяевъ села Бѣлоярскаго: 68 Юдиныхъ, 19 Шибкихъ, 17 Исаковыхъ и т. д.“ (Чудновскій, стр. 116).

насъ деревенской общины. Гораздо труднѣе на основаніи ихъ составить себѣ ясное представленіе о внутренней организаціи этой общины, объ отношеніи членовъ ея къ землѣ и пр. Во всякомъ случаѣ, новѣйшія изслѣдованія исторіи общины приводятъ къ заключенію, что древнюю русскую общину нельзя отождествлять съ современной поземельной общиной.

Въ дополненіе къ сказанному раньше о древней русской общинѣ, замѣтимъ, что вначалѣ, по всему вѣроятію, это была община безъ уравнительныхъ передѣловъ [1]). При обиліи земель, тяготѣющихъ къ данному поселенію и открытыхъ для свободнаго занятія, новые дворы могли распахивать участки изъ дикихъ земель, нисколько не нарушая интересовъ односельчанъ. Но впослѣдствіи, когда деревня разрасталась, она, какъ общинная единица, могла находить для себя неудобнымъ такую свободную распашку и естественно должна была придти къ сознанію необходимости уравнять пользованіе землею между отдѣльными дворами. Въ древней Россіи это уравненіе производилось при посредствѣ особой веревки, употреблявшейся для измѣренія земли („вервь" Русской правды)— и называлась вервленіемъ, которое позднѣе получило характеръ скорѣе податной, чѣмъ земельно-уравнительный, по крайней мѣрѣ на Сѣверѣ [2]).

Для характеристики общиннаго владѣнія землей въ древней Россіи большой интересъ представляютъ нѣкоторые раздѣльные акты, дошедшіе до насъ.

Правда, они относятся сравнительно къ поздней эпохѣ и къ такъ-называемой г-жею Ефименко „долевой организаціи", но на нихъ отражается обычный характеръ равненія землей, свойственный деревенской общинѣ. Такъ, г-жа Ефименко (стр. 219) приводитъ „дѣльное письмо" 1640 г., по которому шесть братьевъ дѣлятъ „промежъ собою полюбовно хлѣбомъ и солью, и слободою, и долгомъ, и деньгами, и платьемъ, и кузнью, серебрянымъ и мѣднымъ и деревяннымъ, судовымъ и всякимъ житейскимъ запасомъ и скотомъ, и конями, и коровами и мелкимъ всякимъ скотомъ, всѣмъ безъ вывѣта, и деревнею, тяглами и оброчными землями, и дворами, и всѣми

---

[1]) П. А. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверной Россіи. стр. 87.

[2]) А. Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, стр. 245.

хоромы, и подворными землями, и всѣмъ безъ остатка". Сначала дѣлятся дворы и дворища, „хоромы" т. е. избы, хлѣвы, клѣти, амбары, бани и т. д. затѣмъ переходятъ къ землѣ. При дѣлежѣ земли, какъ явствуетъ изъ дѣльнаго письма, всѣ поля или смѣны были разбиты на одинаковыя полосы, при чемъ каждому участнику досталась, вѣроятно по жеребью, та или другая полоса въ каждомъ изъ сортовъ угодій.

„Несмотря на то, что при дѣлежѣ земли, говоритъ г-жа Ефименко, участокъ каждаго опредѣлялся реально: полоса тамъ-то, польце такое-то, доля каждаго не теряла своего первоначальнаго характера права на такую-то часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно". Напротивъ, повторныя равненія землей между соучастниками во владѣніи были обычными, по крайней мѣрѣ до второй половины XVIII в., когда въ дѣльные акты все чаще и чаще стало вноситься условіе—впередъ „лишними землями другъ друга не уравнивать, не передѣливаться и не переравниваться, новаго дѣлу другъ на другѣ не спрашивать" ни имъ самимъ, ни дѣтямъ ихъ (дѣльные 1689 г.). Такое ограниченіе передѣловъ иногда имѣло общій характеръ, иногда относилось къ части земли. „А буде который изъ насъ здумаетъ землю равнять и намъ другъ другу земля подъ равность дать опричь тѣхъ, которыми не равняться описано", именно „Борисовскаго огородца да изменнаго поля не передѣливать никогда, ни равняться ими" (дѣльная 1663 г.)[1]).

Весьма естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ родственную деревню входили посторонніе элементы, равненіе землей носило такой же характеръ равенства долей и по размѣру, и по качеству. Это подтверждается весьма распространеннымъ въ древнихъ актахъ опредѣленіемъ владѣемой даннымъ лицомъ земли словомъ „жеребій". По купчимъ XVII в., напримѣръ, продается часто не опредѣленный участокъ земли, а „деревенскій участокъ, треть, что достается по дѣлу" или „деревенскій жеребій, что достанется по дѣлу" (купчія 1699 г.).

Деревня, какъ семейная община, „печище", въ Россіи стала превращаться въ деревенскую общину весьма рано, такъ какъ въ XIV—XV вѣкахъ въ Новгородской землѣ су-

---

¹) А. Ефименко, 221.

ществовала уже деревенская община съ передѣломъ земли, какъ можно видѣть по описанію одной деревенской общины Ужинскаго погоста, Шелонской пятины, по писцовой книгѣ этой пятины 1500—1501 г. Въ названномъ погостѣ было въ это время 90 дворовъ тяглыхъ и 13 дворовъ бобылей. Главнымъ занятіемъ жителей было рыболовство, но въ то же время они занимались и земледѣліемъ. Всѣ 90 дворовъ высѣвали „въ сухія лѣта, коли вода мала", 27 коробовъ ржи „да они жъ пашутъ у погоста въ полѣ на водопойнѣ на пастьбѣ 90 участковъ полосами, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса по одному коробу на дворъ коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, кошенныхъ полосами же, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участокъ по 30 копенъ". Кромѣ того, скашивалъ „вопче съ Взважанами 1000 копенъ" (Арх. М. Юст. № 706, л. 50—51)[1].

Такимъ образомъ, въ этомъ оиисаніи писцовой книги мы встрѣчаемъ 90 дворовъ, связанныхъ единствомъ владѣнія землею, которую данная община разбиваетъ на равныя полосы въ каждомъ изъ угодій по числу дворовъ, иначе говоря, здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ несомнѣнною деревенскою общиною съ весьма равномѣрныхъ владѣніемъ землей, что даетъ основаніе въ данномъ случаѣ видѣть общину съ передѣлами.

VIII.

Мы ранѣе упоминали, что общинное владѣніе землей съ передѣлами есть сравнительно болѣе поздняя форма земельной общины.

Древняя форма общиннаго владѣнія землей безъ передѣловъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ массы причинъ, преобразовывается въ общину съ уравнительными передѣлами. Со времени возвышенія Москвы, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ—уменьшенія земельнаго приволья и постоянно увеличивающагося бремени податей и и повинностей. Обложеніе крестьянскихъ общинъ уже въ древнюю эпоху нерѣдко представляло непосильную тягость

[1]) П. А. Соколовскій. Очеркъ Исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи г., 1877, стр. 82.

для крестьянъ, заставлявшую ихъ покидать общинную землю и уходить на земли частныхъ владѣльцевъ [1]). Въ такихъ случаяхъ отрѣзка земли при передѣлѣ у однихъ членовъ общины и прирѣзка другихъ вытекали не только изъ желанія уравнять пользованіе землей, но и равномѣрно распредѣлить подати, которыя въ до-Петровской Россіи опредѣлялись по сохамъ или по нѣкоторой земельной единицѣ.

Введеніе подушнаго налога, падавшаго на все мужское населеніе общины, при условіи круговой поруки, при чрезмѣрныхъ платежахъ оказало еще болѣе значительное вліяніе на установленіе равнаго права всѣхъ членовъ общины на землю [2]), право котораго было теперь связано съ тяжелою обязанностью платить въ казну и т. п., нерѣдко больше, чѣмъ могла дать земля крестьянину. Самое равненіе землей общины стало съ этихъ поръ пріурочиваться даже по времени къ уравненію податей, и обратно. Подъ совокупнымъ вліяніемъ сложившагося въ прежнее время народнаго міросозерцанія и обычаевъ, съ одной стороны, и указовъ о подушной подати, межевыхъ инструкцій и т. п. воздѣйствія правительства, съ другой, выработалась та характерная форма общиннаго вла-

---

[1]) „Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, платили въ казну больше, нежели крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, и даже между владѣльческими крестьянами не было уравненія; крестьяне, живущіе на земляхъ боярскихъ и княжескихъ, платили менѣе, нежели крестьяне монастырскіе и церковные; это различіе въ старое время опредѣлялось сохами. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для раскладки податей и повинностей были разбиты на большія доли или единицы, называвшіяся сохами и заключавшія въ себѣ отъ 1200 до 400 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, т. е. по нынѣшней мѣрѣ отъ 1800 до 600 дес., смотря по тому, какому классу или кости принадлежали земли, составляющія соху, т. е. были ли дворцовыя, вотчинныя, или помѣстныя, или монастырскія, или общинныя черныя. А по сему и сохи назывались княжескими, боярскими, монастырскими, черными“. По уставной Бѣлозерской граматѣ 1488 года, напримѣръ, правительство получало одинаковую подать со всѣхъ сохъ, но въ княжескихъ и боярскихъ земляхъ соха была въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ черныхъ земляхъ. И не только по количеству земли, входившей въ составъ различныхъ сохъ, но и по среднему количеству крестьянъ, приходившихся на соху. Такъ, по Бѣлозерской граматѣ, помѣстничій кормъ разлагался въ боярскихъ сохахъ на 300 плательщиковъ, въ монастырскихъ на 150, а въ черныхъ на 100 плательщиковъ (И. Бѣляевъ. Крестьяне на Руси, стр. 79.)

[2]) Dr. J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Ч. I, стр. 85, ч. III, стр. 41 и др.

дѣнія землей въ Россіи, которую застало и санкціонировало новѣйшее аграрное законодательство.

Укажемъ теперь отличительныя черты русскаго общиннаго землевладѣнія, какъ оно сложилось въ новый періодъ русской исторіи.

Общинная земля представляетъ коллективную собственность всей общины или міра. Міръ, въ качествѣ юридическаго лица, владѣетъ прирѣзанной къ селенію землей, и на основаніи этого коллективнаго права владѣнія опредѣляетъ способы пользованія ею: сдаетъ одну часть въ оброчное содержаніе, другою пользуется сообща для выгона скота, для водопоя и т. п., а часть земли время отъ времени передѣляетъ между своими членами.

Передѣлы земли между домохозяевами или членами общины касаются главнымъ образомъ пахатныхъ земель. Дворовыя мѣста находятся обыкновенно въ наслѣдственномъ пользованіи и передѣламъ не подвергаются. Право собственности общины и на усадебныя земли выражается въ отсутствіи правъ владѣльцевъ продавать усадьбы постороннимъ лицамъ. При выходѣ крестьянина изъ данной общины, онъ можетъ продать только на сносъ строенія, усадебный же участокъ поступаетъ въ распоряженіе общества.

Пріусадебная земля, т. е. огороды, сады, конопляники и т. п., обыкновенно также находятся въ постоянномъ пользованіи дворовъ, и передѣлъ распространяется на нихъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Передѣлы пахатныхъ общинныхъ земель бываютъ двухъ родовъ: общіе или коренные и частные, къ которымъ относится такъ-называемая жеребьевка.

Главная цѣль передѣловъ состоитъ въ болѣе равномѣрномъ распредѣленіи общинной земли между членами общины, т. е. въ приведеніи въ соотвѣтствіе рабочей или платежной силы отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ съ количествомъ владѣемой земли. Принципъ равномѣрности въ надѣленіи землею обыкновенно проводится при коренныхъ передѣлахъ съ замѣчательною послѣдовательностью; уравниваютъ надѣлы не только количественно, но и качественно. Въ общихъ чертахъ, порядокъ коренныхъ передѣловъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Земля, подлежащая передѣлу, разбивается на большее или меньшее число участковъ, сообразно разнокачественности почвы,

мѣстоположенію или вообще тому количеству труда, какое необходимо приложить для ихъ обработки. Каждый изъ этихъ участковъ (коновъ) дѣлится на равныя полосы, сообразно числу ревизскихъ душъ или числу дворовъ, или по числу тяголъ. Нарѣзанныя такимъ образомъ полосы распредѣляются посредствомъ жеребья между отдѣльными общинниками, при чемъ каждый изъ нихъ получаетъ полосы во всѣхъ участкахъ или поляхъ.

Число полосъ, на которое каждое поле разбивается при коренномъ передѣлѣ, и ихъ границы остаются обыкновенно неизмѣнными отъ одного коренного передѣла до другого. Что же касается до распредѣленія полосъ между членами общины, то оно не остается за весь этотъ періодъ неизмѣннымъ.

Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени рабочая платежная сила отдѣльныхъ дворовъ можетъ сильно измѣниться. Въ однѣхъ семьяхъ число работниковъ увеличивается, въ другихъ уменьшается, отчего у такихъ дворовъ, которые получили, напримѣръ, земли на троихъ работниковъ, по три полосы въ каждомъ участкѣ, съ соотвѣтственнымъ размѣромъ платежей и повинностей, впослѣдствіи можетъ оказаться земли болѣе, чѣмъ они могутъ обработать, въ другихъ—наоборотъ. Съ цѣлью устраненія подобной неравномѣрности въ надѣленіи землей и отбываніи повинностей, возникающей между двумя коренными передѣлами, общины прибѣгаютъ иногда къ частнымъ передѣламъ или перераспредѣленію полосъ соотвѣтственно измѣненіямъ въ составѣ крестьянскихъ семей. Такое перераспредѣленіе полосъ дѣлается обыкновенно черезъ нѣсколько лѣтъ и называется жеребьевкой. Кромѣ того, ежегодно, вслѣдствіе упадка рабочей силы нѣкоторыхъ дворовъ, случается, что отдѣльные хозяева передаютъ часть своей земли съ соотвѣтственною долею платежей болѣе сильнымъ дворамъ. Черезъ это у иныхъ общинниковъ сосредоточивается по нѣскольку полосъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ каждаго участка. Чтобы соединить всѣ полосы, для бо̀льшаго удобства ихъ обработки, производится иногда обмѣнъ однѣхъ полосъ на другія, что называется переверсткой. Такимъ образомъ, какъ жеребьевка, такъ и переверстка ведутъ къ ослабленію нарушеннаго послѣ коренного передѣла равновѣсія въ соотвѣтствіи числа полосъ съ числомъ работниковъ по отдѣльнымъ семьямъ.

Коренные передѣлы общинныхъ земель происходятъ въ раз-

личныхъ мѣстностяхъ въ неодинаковые періоды. Въ прежнее время, до отмѣны крѣпостного права, у государственныхъ крестьянъ передѣлы обыкновенно пріурочивались ко времени ревизіи, а среди помѣщичьихъ крестьянъ—производились по усмотрѣнію помѣщика или по желанію самихъ крестьянъ, съ разрѣшенія помѣщика. При этомъ естественно передѣлы у помѣщичьихъ крестьянъ совершались черезъ неопредѣленные промежутки времени и въ общемъ гораздо чаще, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. Въ 60-хъ годахъ, послѣ освобожденія, бывшіе помѣщичьи крестьяне передѣлили свою землю по числу душъ, записанныхъ по десятой ревизіи. Но съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 20 слишкомъ лѣтъ, у огромнаго большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ передѣловъ не было, а между тѣмъ численный составъ отдѣльныхъ дворовъ за это время очень измѣнился и притомъ неравномѣрно. Во всякой сколько-нибудь значительной общинѣ опредѣлилось три группы дворовъ: многодушевые, т. е. такіе, за которыми по ревизіи числится больше душъ, а слѣдовательно душевыхъ надѣловъ, чѣмъ бы слѣдовало по наличному составу семей; малодушевые дворы или такіе, которые владѣютъ меньшимъ числомъ душевыхъ надѣловъ, чѣмъ бы имъ пришлось при равномѣрномъ распредѣленіи земли, и третью группу образуютъ средніе дворы, которые пользуются приблизительно тѣмъ количествомъ земли, какое соотвѣтствуетъ дѣйствительному составу семей этихъ дворовъ. Въ результатѣ, пользованіе общинною землею сдѣлалось весьма неравномѣрнымъ, и чтобы устранить это зло, чувствуется потребность въ коренныхъ передѣлахъ по наличному составу семей, при чемъ, естественно, часть земли должна отойти отъ многодушевыхъ къ малодушевымъ дворамъ съ недостаточными надѣлами. Это обстоятельство служитъ одною изъ главныхъ причинъ, почему обыкновенно бываетъ трудно согласить на производство передѣла требуемое закономъ большинство $^{2}/_{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Эта трудность увеличивается по мѣрѣ того, какъ усиливаются неравномѣрность пользованія общинной землей и несоотвѣтствіе между дѣйствительною цѣнностью надѣльной земли и лежащимъ на ней выкупнымъ долгомъ. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ передѣлы въ настоящее время происходятъ гораздо чаще, чѣмъ среди группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, что

отчасти объясняется большими надѣлами, при которыхъ нѣкоторая отрѣзка земли при передѣлѣ не такъ чувствительна [1]).

Упоминая о передѣлахъ и объ отношеніи къ нимъ общинниковъ, необходимо сказать о нѣкоторыхъ техническихъ условіяхъ земледѣлія, которыя могутъ служить и служатъ иногда вѣскою понудительною причиною борьбы многихъ членовъ общины противъ передѣловъ.

Очерченная нами въ общихъ чертахъ форма современнаго русскаго общиннаго землевладѣнія представляетъ, съ точки зрѣнія производительности земледѣлія, многія неудобства и невыгоды. Начнемъ съ такъ-называемой чрезполоности. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что земля, которая приходится на долю отдѣльныхъ общинниковъ, отводится не къ одному мѣсту, а разбросана клочками, узкими полосами, иногда шириною въ 3 аршина, въ разныхъ участкахъ, въ бо̀льшемъ или меньшемъ разстояніи одна отъ другой. Каждая полоса, такимъ образомъ, окружена чужой землей. Это не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на успѣшность и выгодность земледѣльческаго промысла. При обработкѣ полей неизбѣжна трата лишняго времени на переходъ съ одной полосы на другую, въ особенности, если еще онѣ далеко отстоятъ отъ усадьбы; чтобы попасть на свою полосу, иногда необходимо пересѣчь чужой участокъ; узкость полосъ не допускаетъ иногда перепахиваніе поля въ ширину и заставляетъ ограничиваться паханьемъ и бороньбою только по длинѣ поля и т. п.

Кромѣ того, при существованіи чрезполосицы, какъ неизбѣжное послѣдствіе ея въ крестьянскомъ хозяйствѣ водворяется господство принудительной земледѣльческой культуры, потому что способъ обработки земли, выборъ посѣва, время полевыхъ работъ, всецѣло зависятъ отъ общественныхъ обычаевъ. Отдѣльные общинники не могутъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать вполнѣ свободно, руководствуясь своими личными соображеніями; посѣявъ какое-нибудь другое растеніе, чѣмъ сосѣди, они рискуютъ потерять все. Если у большинства, напримѣръ, хлѣбъ уже будетъ снятъ и они пустятъ на

[1]) См. мою статью: „Основные вопросы крестьянскаго землевладѣнія“ (Русская Мысль, 1885 г. кн. XII).

убранное поле свой скотъ, когда на нѣкоторыхъ участкахъ жатва еще не убрана, то потрава неизбѣжна, такъ какъ огородить разбросанныя полосы для владѣльцевъ ихъ почти немыслимо. Принудительный характеръ земледѣльческой культуры между тѣмъ не можетъ не задерживать ея развитія въ смыслѣ введенія различныхъ улучшеній, перехода отъ трехпольной системы къ многопольной и проч.

Второй крупный недостатокъ общиннаго землевладѣнія, отмѣчаемый обыкновенно какъ сильное препятствіе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства, состоитъ въ самыхъ передѣлахъ, которые, замѣтимъ, вовсе не неразрывны съ сущностью этой формы землевладѣнія.

При господствѣ періодическихъ передѣловъ отдѣльные хозяева владѣютъ своими полосами только временно; при передѣлѣ ихъ участки могутъ перейти въ другія руки. Между тѣмъ плодородіе почвы, въ особенности тамъ, гдѣ она плохого качества, очень много зависитъ отъ степени удобренія; недостаточно удабриваемая земля мало по малу истощается, плодородіе ея падаетъ съ каждымъ годомъ, и порядочный участокъ, вслѣдствіе хищнической культуры, можетъ обратиться въ никуда негодную землю. Весьма естественно, что хозяинъ-земледѣлецъ станетъ тѣмъ охотнѣе прилагать трудъ и капиталъ для удобренія почвы, чѣмъ сильнѣе въ немъ будетъ увѣренность, что результатами подобныхъ затратъ ему удастся воспользоваться самому. При передѣлахъ же удобренный участокъ можетъ перейти въ руки того, кто въ предшествующіе годы истощилъ свою землю, а истощенная земля попадетъ въ руки хорошаго, энергичнаго хозяина. Уже одна возможность подобнаго факта достаточна, чтобы парализовать старанія хорошихъ хозяевъ, и дѣйствительно, иногда приходится наблюдать, что нѣкоторые крестьяне слабо удабриваютъ свою землю изъ опасенія передѣла; въ особенности это явленіе замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ коренной передѣлъ былъ уже давно и есть большая вѣроятность скораго повторенія его. Въ результатѣ въ такихъ случаяхъ получается истощеніе почвы въ ущербъ всему народному хозяйству.

При личной собственности во многихъ отношеніяхъ условія земледѣлія представляются гораздо благопріятнѣе. Такъ, при господствѣ личнаго землевладѣнія хозяинъ воленъ въ вы-

борѣ культуры для своей земли; отдѣльныя лица, обладающія большею смышленостью и предпріимчивостью, легче могутъ усвоить и ввести у себя посѣвъ новыхъ растеній, улучшенныя орудія и т. п., чѣмъ сдѣлаетъ это общинный міръ. Вотъ почему общая производительность извѣстнаго пространства земли при раздѣльной собственности нерѣдко значительно выше, чѣмъ при общинномъ владѣніи, и переходъ, напримѣръ, отъ трехпольной системы къ многопольной въ западной Европѣ при личной собственности совершился скорѣе, чѣмъ если бы тамъ продолжало господствовать общинное землевладѣніе.

Указывая на доводы въ пользу личнаго землевладѣнія передъ общиннымъ, замѣтимъ, что многіе изъ нихъ справедливы только при томъ предположеніи, что земля въ обоихъ случаяхъ обрабатывается самимъ хозяиномъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльческое хозяйство ведется черезъ наемныхъ рабочихъ, меньшая интенсивность наемнаго труда, сравнительно съ трудомъ самого собственника, ослабляетъ въ значительной степени указанныя выше выгоды пользованія землею на правахъ неограниченной собственности. При сдачѣ же земли собственникомъ въ аренду другимъ лицамъ, арендаторы являются такими же временными владѣльцами снятыхъ участковъ, какъ и отдѣльные общинники. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія истощенія почвы и вообще хищнической культуры земли, личная собственность, при господствѣ арендной системы обработки земли, ничѣмъ не лучше общиннаго владѣнія съ его періодическими передѣлами.

Кромѣ того, нѣкоторые недостатки, въ которыхъ упрекаютъ общинную форму землевладѣнія, обыкновенно встрѣчаются и при мелкой личной собственности, какъ напримѣръ: чрезполосность, дробность земельныхъ участковъ и т. п., а само по себѣ общинное землевладѣніе вовсе не исключаетъ возможности развитія въ смыслѣ устраненія препятствій къ улучшенію земледѣлія.

Такъ и теперь, напримѣръ, мы видимъ въ Россіи, что здравый смыслъ общинниковъ иногда побуждаетъ ихъ исключать изъ передѣла хорошо удабриваемые участки и прибѣгать къ различнымъ мѣрамъ для ослабленія неудобствъ, вытекающихъ изъ чрезполосности и узкополосности. Наблюденія показываютъ, что улучшеніе культуры, введеніе травосѣянія и т. п. можетъ

имѣть мѣсто и при общинномъ землевладѣніи. Болѣе тщательныя изслѣдованія русскаго общиннаго землевладѣнія даютъ основанія полагать, что многія темныя стороны современной крестьянской земледѣльческой культуры, слабая производительность земли, приписываемая нерѣдко господству общины, зависятъ отъ другихъ, часто весьма сложныхъ причинъ. Такъ, недостатокъ образованія въ массѣ, бѣдность населенія, отсутствіе доступнаго кредита, ростовщичество и кулачество въ сельской средѣ,—все это условія, при которыхъ земледѣльческая культура не можетъ сколько-нибудь быстро идти впередъ, какова бы ни была форма землевладѣнія.

Замѣтимъ, далѣе, что на современную поземельную общину едва ли правильно смотрѣть, какъ на застывшую форму, способную только разбиться на индивидуальную собственность. Теперешней общинѣ предшествовала не однородная съ нею древняя община, и за теперешней можетъ быть разовьется новая, которая соединитъ хорошія стороны общины и индивидуальной свободы.

Какъ бы то ни было, прекращеніе передѣловъ въ эволюціи поземельной собственности на Западѣ представляло одинъ изъ крупныхъ симптомовъ индивидуализаціи общественной собственности, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежде существовала и теперь исчезла деревенская поземельная община, уничтоженіе передѣловъ предшествовало періоду усиленной мобилизаціи поземельной собственности.

IX.

Экономическая исторія большинства современныхъ культурныхъ государствъ, также какъ и исторія выдающихся древнихъ государствъ, свидѣтельствуетъ намъ о параллельномъ развитіи двухъ явленій—разрушеніи общиннаго землевладѣнія и образованіи крупнаго землевладѣнія на его развалинахъ. Иначе говоря, за уничтоженіемъ поземельной общины обыкновенно слѣдовало водвореніе сильнаго неравенства въ сферѣ поземельной собственности.

Отмѣчая этотъ существенный фактъ въ исторіи развитія поземельной собственности, мы должны однако замѣтить, что корень зла лежитъ больше въ условіяхъ, допускавшихъ сильное сосредоточеніе поземельной собственности, чѣмъ въ самомъ

принципѣ частной собственности, которая можетъ уживаться рядомъ съ общиной, дополняя одна другую. Этнографическая соціологія даетъ намъ интересный примѣръ страны, въ которой, несмотря на сильное развитіе частной поземельной собственности, благодаря отсутствію крупной собственности и при нѣкоторомъ регулированіи частной собственности въ общихъ интересахъ, экономическое неравенство почти не даетъ себя чувствовать.

Вотъ какъ рисуетъ Летурно поземельный строй и общественный бытъ у осѣдлыхъ берберовъ или кабиловъ, обитающихъ въ гористыхъ странахъ сѣв. Африки, между имперіею Марокко и Триполи [1]).

„Кабилы уже совершенно оставили кочевой образъ жизни. Это тѣ ревностные земледѣльцы, деревни которыхъ увѣнчиваютъ всѣ вершины занятыхъ ими округовъ. По причинѣ своей осѣдлости, кабилы гораздо больше, чѣмъ народы Сахары, подверглись вліянію сначала римскихъ завоевателей, а затѣмъ арабскихъ. Ихъ соціальное развитіе, такимъ образомъ, очень далеко отъ того, чтобы быть самобытнымъ (spontanée), вотъ почему и въ ихъ законодательствѣ иностранное вліяніе постоянно сталкивается съ природными инстинктами и часто надъ ними господствуетъ. Однако, строй собственности въ Кабиліи имѣетъ въ себѣ массу особенностей, которыя придаютъ ему оригинальный характеръ“.

„Въ общемъ, частная собственность существуетъ въ Кабиліи и право собственности, въ принципѣ, понимается въ духѣ римскаго права: jus utendi et abutendi. Собственность на землю обнимаетъ и поверхность, и нѣдра земли. Вообще кабилы не терпятъ недѣлимости. Ихъ поля хорошо размежеваны, часто окружены изгородью. Всякій собственникъ можетъ принудить своего сосѣда къ установленію границъ смежныхъ владѣній, и это дѣлается на общій счетъ; акты собственности имѣютъ установленную форму и очень подробны: въ нихъ показывается не только число деревьевъ, посаженныхъ въ полѣ, но и родъ деревьевъ. Иногда идутъ еще гораздо дальше, и можно быть собственникомъ одной вѣтви оливковаго дерева. Деревья, въ особенности оливковыя, обыкновенно могутъ составлять собственность, независимую отъ почвы. Въ результатѣ—собственность въ Кабиліи очень раздроблена,

[1]) См. Letourneau, L'évolution de la propriété, стр. 249.

и тамъ нѣтъ большихъ состояній. Нація отличается большою умѣренностью, и кабилы по преимуществу вегетеріанцы. Масса довольствуется немногимъ: нѣсколько горстей couscous изъ ячменной муки или изъ сорго, немного хлѣба и нѣсколько финиковъ—достаточная ежедневная пища для большинства кабиловъ. У многихъ племенъ часто довольствуются сладкими желудями, приправленными сквернымъ масломъ. Состояніе самыхъ богатыхъ кабильскихъ фамилій не превышаетъ капитала въ 20 — 30,000 франковъ, доходъ съ котораго долженъ удовлетворять нужды до сорока лицъ. „Въ нашей странѣ, говорилъ одинъ кабилъ, богатые люди суть тѣ, кто можетъ два раза въ недѣлю ѣсть couscous изъ пшеничной муки".

„Собственность у кабиловъ пріобрѣтается различными способами, и въ большемъ числѣ случаевъ она есть результатъ труда. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, владѣющихъ значительной общинной землей, если кто-нибудь расчиститъ часть этихъ земель или еще лучше если разработаетъ заброшенную землю, то онъ дѣлается черезъ одинъ этотъ фактъ собственникомъ. Вообще пріобрѣтеніе права собственности заимкою можетъ распространяться на предметы, такъ-называемые „свободные", „незанятые". Можно сдѣлаться собственникомъ, „ожививъ собственность" „мертвую", а земля называется „мертвою", когда она долго оставалась необработанною, когда она принадлежала мусульманину, въ данное время неизвѣстному, и, сверхъ того, если она настолько удалена отъ жилищъ, что человѣческій голосъ не можетъ быть оттуда слышенъ. Если кто-нибудь сдѣлаетъ плодороднымъ поле, находящееся въ этихъ условіяхъ, „вновь оживитъ" его, то становится въ силу одного лишь этого факта собственникомъ. Это оживленіе можетъ быть произведено различными способами: или устройствомъ оросительнаго колодца, или осушкою почвы, или разведеніемъ тамъ плантаціи, или очищеніемъ отъ зарослей, и т. п." [1]).

Благодаря отсутствію крупной поземельной собственности и вслѣдствіе равномѣрнаго распредѣленія богатствъ, начало солидарности у кабиловъ имѣетъ большое значеніе. Несмотря на развитую индивидуальную поземельную собственность, древній общинный духъ глубоко проникаетъ ихъ жизнь, и придаетъ всей соціальной жизни кабиловъ очень выгодную окра-

---

[1]) Letourneau, стр. 249 и слѣд.

ску. „Ассоціація, въ особенности ассоціація семейная—душа кабильской жизни, говоритъ Летурно“. Изолированный трудъ хотя и дозволенъ, но вызываетъ порицанія. Семейная ассоціація, thadoukeli, очень древняго происхожденія. Она представляетъ общество, члены котораго соединяютъ свое имущество и свой трудъ. Община снабжаетъ каждаго изъ сочленовъ инструментами, орудіями, необходимымъ капиталомъ для промысла или торговли, наконецъ, ружьемъ. Вся заработная плата и барыши членовъ идутъ въ руки главы семьи. Недвижимость, которая можетъ переходить по наслѣдству, остается частной собственностью, поскольку это касается самой земли, но пользованіе ею принадлежитъ семьѣ. Деньги, по крайней мѣрѣ если дѣло идетъ о небольшихъ суммахъ, поступаютъ въ общину. Члены владѣютъ, на правахъ частной собственности, только платьемъ, женами, стадами и драгоцѣнностями, полученными ими въ день свадьбы. Ихъ одежда и предметы роскоши покупаются на общій счетъ и остаются общей собственностью. Пользованіе доходами ассоціаціи общее. Въ свою очередь каждая женщина обязана готовить пищу. Если ассоціація слишкомъ многочисленна, то провизію раздѣляютъ, по числу душъ, не исключая при этомъ даже грудныхъ дѣтей. Завѣдываніе хозяйствомъ ввѣряется самой пожилой женщинѣ, если она въ состояніи вполнѣ оправдать довѣріе. Если глава семьи неспособенъ или не исполняетъ своихъ обязанностей, то семья устраняетъ его отъ главенства и ставитъ на его мѣсто другого. Община платитъ thamanth, цѣну за женщину, когда женится кто-либо изъ ея членовъ, взамѣнъ того она получаетъ цѣну за своихъ дѣвушекъ при выходѣ ихъ замужъ. Интересно отмѣтить фактъ, что многіе женщины враждебны этимъ семейнымъ ассоціаціямъ; онѣ пилятъ (obsèdent) своихъ мужей, чтобы заставить ихъ выйти изъ ассоціаціи.

„Слова подушки, говоритъ пословица, разрушаютъ семью“. Дѣйствительно, въ случаѣ смерти члена ассоціаціи, его наслѣдники могутъ отдѣлиться отъ семьи, и тогда община исчисляетъ ихъ часть и выплачиваетъ ее, но почти всегда отецъ, умирая, совѣтуетъ не раздѣляться“ [1]).

„Земля въ Кабиліи принадлежитъ или отдѣльнымъ ли-

[1]) Тамъ же, стр. 254.

цамъ, или нераздѣленнымъ семьямъ, или общинамъ, деревнямъ или частямъ деревни, мечетямъ и т. п" [1]). „Продажа недвижимаго имѣнія всегда подчинена праву chefâa, т. е. праву преимущественной покупки. Это право принадлежитъ не только родственникамъ и членамъ ассоціаціи, но и жителямъ деревни (kharouba), наконецъ, всѣмъ членамъ конфедераціи. Кромѣ того, съ точки зрѣнія индивидуальной свободы, ограниченіе велико и въ другихъ случаяхъ: тяжко больной не можетъ продать болѣе трети своего имѣнія и ему запрещается покупать что-либо на сумму, большую этой трети. Какъ общее правило, частныя лица не могутъ располагать своими имѣніями иначе, какъ сообразуясь съ обычаями, съ kanouns, относящимися до общественной экспропріаціи, къ праву chefâa etc."

„Вообще духъ солидарности очень живой въ Кабиліи, и собственникъ не имѣетъ свободы быть жестокимъ. Если кто нибудь строитъ или исправляетъ домъ, то онъ, безо всякаго вознагражденія, можетъ провозить необходимый строевой лѣсъ черезъ владѣнія сосѣдей. Провозъ мельничныхъ жерноновъ съ каменоломни составляетъ сервитутъ подобнаго же рода. Сосѣду должны всегда быть готовы помочь, если онъ нуждается въ рабочихъ рукахъ и проситъ объ этомъ. Съ такой добровольной помощью бѣдный кабилъ строитъ свой домъ, собираетъ оливковые плоды и пр. По поводу массы случаевъ устраиваются общественные пиры (thimecheret') на которыхъ удѣляются части для новорожденныхъ, для отсутствующихъ, для путешественниковъ и для умершихъ, на ихъ погребеніе. Thimecheret' устраиваютъ по случаю родинъ, свадьбы, передъ моленіемъ о прекращеніи эпидемій, эпизоотій и т. д. Для этихъ общественныхъ пировъ отчисляется часть штрафовъ, пожертвованій и завѣщаннаго общиннаго имущества, часть доходовъ отъ мельницъ и т. д." [2]).

„И за предѣлами небольшихъ замкнутыхъ группъ, составляемыхъ семействами, всякій кабилъ дѣйствительно можетъ, въ достаточно широкихъ размѣрахъ, разсчитывать на помощь не только односельцевъ или своего клана (tribu), но и всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Захочетъ ли онъ выстроить какое-

[1]) Тамъ же, стр. 258.
[2]) Тамъ же, стр. 252 и слѣд.

нибудь зданіе,—онъ имѣетъ право на помощь деревни, по установившимся правиламъ. Такъ на его обязанности лежитъ задѣльная плата каменьщикамъ, покупка и провозъ мелкихъ матеріаловъ, но деревня должна поставить ему работниковъ-каменьщиковъ, привезти строевой лѣсъ и, въ случаѣ надобности, жерновые камни. Amin или староста созываетъ рабочихъ и иногда устанавливаетъ очередь отбыванія повинности. Въ этомъ случаѣ требуются всѣ крѣпкіе мужчины. Кромѣ того, большая часть полевыхъ работъ, — пахата, жатва, сѣнокосъ, сборъ винныхъ ягодъ и оливъ, производятся при взаимной помощи, хотя и добровольной; каждая семья послѣдовательно предоставляетъ себя въ распоряженіе семей, которыя помогали ей".

„Но и помимо этихъ взаимныхъ услугъ, точно обозначенныхъ, общая солидарность обязательна. Тотъ, кто покинетъ раненаго на полѣ битвы, подвергается не только общественному презрѣнію, но штрафу и изгнанію. Всякая семья считаетъ за честь удовлетворять нужды своихъ престарѣлыхъ и немощныхъ членовъ; нищіе также очень рѣдки. На нищенство въ Кабиліи смотрятъ какъ на случайность, которая можетъ постигнуть всякаго, и она не даетъ повода ни для презрѣнія, ни для стыда. Во время обѣда бѣдняку никогда не отказываютъ; каждая состоятельная семья имѣетъ даже по нѣсколько покровительствуемыхъ ею бѣдныхъ. Всякое событіе въ семьяхъ, счастливое или бѣдственное, служитъ поводомъ или для милостыни, или для угощенья, гдѣ бѣдняки находятъ себѣ мѣсто. Большая часть самостоятельныхъ людей изъ своихъ доходовъ предварительно отдѣляютъ дѣйствительную десятину для несчастныхъ, а дѣти-сироты находятъ пріютъ въ семьяхъ относительно богатыхъ. Во многихъ мѣстностяхъ есть фиговые сады, предназначенные исключительно для бѣдныхъ. Богатые люди передъ смертью рѣдко не завѣщаютъ съ этою благотворительною цѣлью нѣсколько фиговыхъ или оливковыхъ деревьевъ. Наконецъ, бѣдняки осенью могутъ входить во всѣ фруктовые сады и ѣсть плоды, сколько хотятъ, съ единственнымъ условіемъ, не уносить ихъ съ собою. Они имѣютъ свою часть также во всѣхъ пиршествахъ деревни (thimecheret'), при религіозныхъ раздачахъ и т. д. Кромѣ того, общественныя земли и принадлежащія къ мечетямъ всегда сдаются по низкой цѣнѣ бѣднымъ семьямъ, которыя, какъ и

всѣ жители деревни, имѣютъ право на даровую помощь при ихъ работѣ. Наконецъ, въ случаяхъ нужды, прибѣгаютъ къ спеціальному налогу, такъ какъ община никогда не относится безучастно къ судьбѣ своихъ несчастныхъ членовъ" [1]) [2]).

Мы привели весьма привлекательную картину быта кабиловъ, конечно, не для того, чтобы противопоставлять ее во всемъ господствующему строю европейскихъ государствъ. Кабиліи недостаетъ для этого цивилизаціи, которая отличаетъ европейскія государства и которая мѣшаетъ сравненію. Но не сравнивая странъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, сопоставимъ съ Кабиліей хотя бы Англію временъ норманскаго завоеванія, съ господствомъ тамъ крупнаго частнаго землевладѣнія въ лицѣ маноріальныхъ лордовъ, и мы думаемъ, что сравненіе будетъ не въ пользу Англіи.

Относительное равенство не только правъ, но и экономическое, общая солидарность и дѣятельная поддержка обез-

---

[1]) Тамъ же, стр. 256 и слѣд.

[2]) Въ дополненіе къ приведеннымъ выдержкамъ изъ Летурно о бытѣ кабиловъ, сдѣлаемъ небезинтересную ссылку относительно кабиловъ на Geographisches Handbuch, herausg. v. Richard Andree. 1882 г. „Берберскій элементъ въ Алжирѣ, говорится здѣсь, представляетъ преимущественно народъ кабилы (kabila—племя). Представители этого народа средняго роста, смуглые, худощавы и безспорно потомки древнихъ ливійцевъ (нѣкоторые признаютъ въ нихъ потомковъ древнихъ христіанъ въ Африкѣ) *); они обитаютъ въ чрезвычайно живописной провинціи Константина и насчитываютъ около 800.000 душъ. Они говорятъ на древнемъ берберскомъ нарѣчіи, для котораго на письмѣ усвоили, со времени принятія ислама, арабскія буквы. Что отличаетъ названное племя — это неутомимая сила, трудолюбіе, непреодолимая любовь къ свободѣ и стремленіе къ полнѣйшей независимости. Кабилы живутъ въ бѣдныхъ деревняхъ, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и немного обрабатывающей промышленностью. Они работаютъ также въ желѣзныхъ и свинцовыхъ рудникахъ Атласскихъ горъ и выдѣлываютъ превосходное оружіе. Ихъ lawia или церковная община располагаетъ властью надъ членами племени, собираетъ налоги, поддерживаетъ монастыри, школы".

---

*) Косвеннымъ потвержденіемъ такого предположенія могутъ конечно служить и современные нравы и бытъ кабиловъ. Многіе обычаи и порядки кабиловъ невольно переносятъ наше воображеніе къ эпохѣ первыхъ христіанъ, когда вѣрно понятая и усвоенная сердцемъ идея Евангелія проникала весь гражданскій строй немногочисленныхъ христіанскихъ общинъ, боровшихся нравственною силою съ языческимъ міромъ.

доленныхъ судьбою, но не гнетъ со стороны привилегированнаго класса, въ первомъ случаѣ, и рѣзкая разница соціальная и экономическая между лордами и вилланами, коттерами и рабами, при узурпаціи общинныхъ земель частными лицами—въ другомъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ такого различія, какъ намъ кажется, лежитъ въ томъ, что въ старой Англіи условія благопріятствовали сосредоточенію поземельной собственности, тогда какъ у кабиловъ частная собственность хотя и пробила себѣ дорогу, но укрѣпилась въ формѣ мелкой собственности земледѣльцевъ, и, кромѣ того, вопреки Летурно, который утверждаетъ, что у кабиловъ принципъ собственности признается до предѣловъ jus abutendi; въ дѣйствительности, у нихъ господствуетъ, какъ видно изъ очерка самого же Летурно, ограниченная частная собственность. Институтъ chefâa гарантируетъ поземельный строй кабиловъ и отъ чрезмѣрной мобилизаціи поземельной собственности, и отъ сосредоточенія ея въ немногихъ рукахъ. Общественный строй кабиловъ можетъ служить фактическимъ доказательствомъ того, что частная поземельная собственность, регулируемая надлежащимъ образомъ, уживается не только рядомъ съ общинною собственностью, но при широкомъ развитіи частной собственности на землю, не мѣшаетъ господствовать и общинному духу при самыхъ разнообразныхъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ и предохраняетъ населеніе отъ пролетаріата.

X.

На первыхъ ступеняхъ развитія общества частная поземельная собственность, какъ мы видимъ, возникаетъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ общественно-политическихъ причинъ, каковы: усиленіе власти выборныхъ начальниковъ племени и закрѣпленіе за ними обширныхъ земельныхъ имуществъ, внѣшнія завоеванія съ отнятіемъ земли у коренныхъ жителей и т. п.

Но съ теченіемъ времени, въ дальнѣйшемъ процессѣ эволюціи частной поземельной собственности, на первый планъ выступаютъ чисто экономическіе факторы. Сюда мы относимъ увеличеніе цѣнности земли, возрастаніе ренты, господство денежнаго хозяйства и развитіе индустріализма. Англійскимъ терминомъ индустріализмъ мы обозначаемъ совокупность

многочисленныхъ и разнообразныхъ отраслей обрабатывающей промышленности, торговли и вообще такихъ отраслей экономической дѣятельности, гдѣ земля не служитъ непосредственнымъ факторомъ производства.

Изъ указанныхъ экономическихъ причинъ, цѣнность земли и рента служатъ двигательными стимулами въ процессѣ индивидуализаціи поземельной собственности съ момента возникновенія частной собственности; денежное же хозяйство и индустріализмъ всецѣло явленія позднѣйшихъ эпохъ.

Понятіе цѣнности земли входитъ въ сознаніе человѣка значительно позднѣе, чѣмъ сама земля становится объектомъ хозяйства. Въ началѣ земледѣльческаго періода, когда земли еще много, сравнительно съ населеніемъ, такъ что всякій можетъ пользоваться ею, обрабатывать ее въ неограниченномъ количествѣ, она не имѣетъ свойства цѣнности; человѣкъ смотритъ на нее, какъ на даровую полезность. Только съ тѣхъ поръ, какъ населеніе начинаетъ встрѣчать затрудненіе въ расширеніи своей хозяйственной территоріи, хотя бы вслѣдствіе того, что сосѣдняя территорія занята другими племенами, земля становится цѣнностью. Иначе говоря, понятіе цѣнности земли возникаетъ одновременно съ понятіемъ коллективной собственности. Позднѣе, когда вслѣдствіе относительнаго недостатка вполнѣ удобныхъ для культуры земель населенію приходится считаться съ разнокачественностью участковъ, лучшіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ въ глазахъ человѣка еще бо̀льшую цѣнность, такъ какъ обезпечиваютъ ихъ владѣльцамъ нѣкоторый избытокъ продуктовъ, сравнительно съ владѣльцами худшихъ земель, т. е. даютъ уже ренту.

Но пока земля находится въ равномѣрномъ пользованіи первобытной общины, цѣнность земли не находитъ еще для себя опредѣленнаго, яснаго выраженія, какъ позднѣе въ цѣнахъ на землю,—ее только чувствуютъ члены общины, почему и отстаиваютъ при передѣлахъ свои права на одинаковыя доли во всѣхъ разнокачественныхъ участкахъ общинной земли.

На этой стадіи развитія цѣнности земли, поземельная рента не имѣетъ еще характера самостоятельнаго дохода и сливается съ общимъ доходомъ каждаго общинника; доходъ же общинника выражается въ суммѣ продуктовъ, получаемыхъ съ участка, предоставленнаго ему во временное пользованіе до ближайшаго передѣла.

Съ присвоеніемъ части земель въ индивидуальную собственность, преимущественно тѣхъ, которыя способны въ данное время давать наивысшую ренту, поземельная рента можетъ уже явиться какъ часть дохода отъ земли, независимаго отъ труда самого собственника. При достаточномъ количествѣ земли она можетъ обезпечивать всѣ потребности владѣльца, хотя бы самъ онъ и не принималъ лично труда въ землѣ.

На низкой ступени развитія культуры этому весьма благопріятствуетъ институтъ рабства, тамъ, гдѣ онъ существуетъ.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ земледѣльческій трудъ обезпечиваетъ поземельную ренту, для первобытныхъ племенъ становится выгоднымъ обращать военно-плѣнныхъ къ земледѣлію въ качествѣ рабовъ. При посредствѣ рабства рента, въ формѣ значительнаго количества продуктовъ, можетъ усиливать, даже при общинномъ владѣніи землею, экономическое могущество вліятельныхъ членовъ общины, располагающихъ рабскимъ трудомъ и пользующихся сравнительно большимъ количествомъ общинной земли, какъ это мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у древнихъ германцевъ.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего описанія нравовъ германцевъ (глава XXVI), Тацитъ разсказываетъ, что германцы, завладѣвъ сообща достаточнымъ количествомъ земли для наличнаго числа земледѣльцевъ, дѣлятъ затѣмъ землю соотвѣтственно положенію отдѣльныхъ лицъ, а нѣсколько раньше (гл. XXV), упоминая о рабахъ, занятыхъ въ земледѣліи, онъ говоритъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ отдѣльное жилище (выстроенное вѣроятно на участкѣ, данномъ господиномъ), и что обязанность раба въ отношеніи господина ограничивается лишь доставленіемъ опредѣленнаго количества хлѣба, скота и тканей. Такимъ образомъ, насколько можно судить по описанію Тацита, земледѣльческіе рабы у древнихъ германцевъ, прокармливая сами себя съ предоставленнаго господиномъ участка земли, могли добывать нѣкоторый избытокъ въ пользу господина, что и составляло поземельную ренту. Мы не станемъ утверждать, что это была чистая рента, такъ какъ господинъ, по праву сильнаго, могъ требовать съ раба больше даже, чѣмъ оставалось за покрытіемъ его дѣйствительныхъ нуждъ, но что, по крайней мѣрѣ, часть продуктовъ земли, получавшихся господиномъ, была дѣйствительная рента, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Съ теченіемъ времени способы полученія ренты дѣлаются разнообразнѣе. Съ развитіемъ индивидуальной собственности на землю, долженъ былъ наступить, раньше или позже, моментъ, когда для новаго земледѣльца по близости вовсе не оказывалось свободныхъ для занятія земель, на которыхъ онъ могъ бы прокормиться, потому что всѣ такія земли уже были заняты. Онъ волею-неволею долженъ былъ селиться въ такомъ случаѣ на землѣ частнаго владѣльца, хотя бы за это пришлось отдавать послѣднему часть полученныхъ продуктовъ или платить натуральную поземельную ренту. Съ этихъ поръ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ водворяется система половничества.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства и индустріализма рядомъ съ натуральною рентою возникаетъ и затѣмъ постепенно вытѣсняетъ ее денежная рента, разсчитанная по денежной оцѣнкѣ тѣхъ продуктовъ, которые собственникъ земли прежде получалъ въ формѣ натуральной ренты отъ половниковъ и т. п.

Но всякая причина, кромѣ главнаго дѣйствія, всегда вызываетъ рядъ другихъ, и новое крупное явленіе неизбѣжно вызываетъ много другихъ. Этотъ общій законъ прогресса какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и соціальномъ [1]), подтверждается и въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ.

Возникновеніе денежной ренты и вытѣсненіе въ эпоху индустріализма натуральной ренты ведетъ за собой новыя крупныя явленія въ области земледѣлія и землевладѣнія въ особенности. На этой стадіи развитія народнаго хозяйства каждый видитъ, что земля нерѣдко даетъ денежную ренту, независимо отъ промысловой дѣятельности самого землевладѣльца, подобно тому, какъ денежный капиталъ приноситъ хорошіе проценты своему собственнику, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній не пользуется капиталомъ самъ, а отдаетъ его въ чужія руки, въ ссуду. Весьма понятно, что въ общественномъ сознаніи землю, какъ источникъ денежнаго дохода, начинаютъ все чаще и чаще приравнивать денежному и всякому иному капиталу. Опредѣленное пространство земли пріобрѣтаетъ въ глазахъ человѣка одинаковую и даже бо̀льшую цѣнность, сравнительно съ капиталомъ, доставляющимъ равный доходъ.

---

[1]) H. Spencer, Essays. v I, Progress its law and cause.

Это не остается безъ дальнѣйшихъ весьма важныхъ последствій въ соціально-экономическомъ отношеніи.

Прежде оборотливый земледѣлецъ, накопивши нѣкоторый капиталъ, могъ заняться индустріей, находя это болѣе выгоднымъ, чѣмъ обрабатывать безрентную землю и хозяйничать на чужой землѣ, уплачивая ренту землевладѣльцу; теперь обнаруживается обратное теченіе. Земля, какъ рентный фондъ, представляетъ въ сущности гораздо болѣе прочный источникъ дохода, чѣмъ капиталъ, въ особенности съ точки зрѣнія частнаго лица. Не удивительно поэтому, что капиталистъ, по мѣрѣ развитія индустріализма, начинаетъ все болѣе обращать свои взоры на землю, но не столько ради приложенія къ ней капитала для увеличенія производительности почвы, сколько какъ на средство упрочить тотъ доходъ, который онъ создалъ себѣ въ капиталѣ, пріобрѣтенномъ индустріей. Это стремленіе, вытекающее изъ воспитанной поколѣніями основательности и дальновидности капиталистовъ, встрѣчаетъ удобную почву въ привычкахъ неразсчетливости, въ болѣе утонченныхъ вкусахъ и потребностяхъ, которые также прежде всего вырабатываются поколѣніями въ средѣ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, пользующихся издавна выгодами поземельной ренты.

Широкія потребности землевладѣльцевъ и возможность реализировать землю въ денежный капиталъ, который можно обратить на удовлетвореніе привычекъ роскоши, нерѣдко являются и до сихъ поръ одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ для мобилизаціи поземельной собственности. Во всякомъ случаѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, земля, кромѣ естественнаго перехода ея изъ рукъ въ руки по наслѣдству, мало-по-малу обращается въ объектъ купли-продажи, дѣлается товаромъ, наравнѣ съ движимостью.

Мы сказали „мало-по-малу". Дѣйствительно, вначалѣ мобилизація встрѣчаетъ сильное препятствіе въ старыхъ традиціяхъ, въ силу которыхъ владѣніе на правѣ собственности землею во многихъ странахъ составляло привилегію аристократіи или потомковъ-завоевателей и другихъ лицъ, которымъ, въ силу ихъ политическаго и военнаго значенія, удалось сосредоточить значительное земельное имущество. Что еще болѣе затрудняло свободный переходъ земель въ руки новыхъ людей, возвысившихся индустріальною дѣятельностью—это личная зависимость землевладѣльцевъ отъ крупнаго собственника,

и тѣ повинности, которыми была обязана крестьянская земля въ пользу помѣщика. Въ самомъ дѣлѣ, повинности крестьянъ или крестьянской земли представляютъ наслѣдіе феодальныхъ или служилыхъ отношеній крупныхъ землевладѣльцевъ; онѣ обыкновенно опираются на память о тѣхъ заслугахъ, какія были оказаны государственной власти предками крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, почему вопросъ объ этихъ повинностяхъ не могъ не затруднять мобилизацію поземельной собственности, когда шла рѣчь о переходѣ имѣній въ руки новыхъ людей, вышедшихъ изъ средняго или низшаго класса, людей, которые, обладая значительными капиталами, тѣмъ не менѣе не имѣли никакой связи съ традиціями помѣстнаго дворянства. Съ другой стороны, и крестьянская земля въ тѣсномъ смыслѣ, вслѣдствіе лежавшихъ на ней повинностей, не могла служить удобнымъ объектомъ мобилизаціи.

Такимъ образомъ индустріализмъ естественно долженъ былъ вызвать стремленіе къ уничтоженію или ослабленію означенныхъ препятствій для мобилизаціи со стороны двухъ самыхъ вліятельныхъ классовъ общества: крупныхъ землевладѣльцевъ, которые были бы не прочь отказаться отъ части своихъ земель ради пріобрѣтенія капиталовъ, созданныхъ индустріей, и представителей индустріализма, которымъ было желательно пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ. При такихъ условіяхъ естественно, что препятствія рано или поздно должны были быть или устранены, или по крайней мѣрѣ достаточно ослаблены.

Мы дѣйствительно видимъ изъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, что индустріализмъ явился сильнымъ врагомъ личныхъ зависимыхъ отношеній земледѣльцевъ и представлялъ чрезвычайно важную опору для чисто гуманитарныхъ стремленій въ томъ же направленіи.

Съ уничтоженіемъ личныхъ повинностей земледѣльца въ пользу крупныхъ собственниковъ, путемъ ли „округленія" помѣстій, выкупа повинностей, лежавшихъ на крестьянской землѣ и т. п., право частной собственности на землю достигло въ нѣкоторыхъ странахъ высокой степени развитія. Съ этихъ поръ открылся широкій просторъ для мобилизаціи поземельной собственности, въ особенности въ тѣхъ государствахъ, гдѣ вѣковое обычное право не препятствовало и прежде дробленію земельныхъ имуществъ по наслѣдству. Тамъ же, гдѣ,

какъ въ Англіи, пустило глубокіе корни начало единонаслѣдія, индивидуализмъ встрѣтилъ почти непреодолимыя препятствія для развитія мобилизаціи поземельной собственности.

Въ концѣ-концовъ переворотъ, произведенный индустріализмомъ въ отношеніяхъ земледѣльца къ землѣ, въ главномъ можно свести къ слѣдующему.

Благодаря вліянію индустріализма, частная собственность на землю получила широкое развитіе. Земледѣлецъ пріобрѣлъ личную свободу, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла его прежняя связь съ землею. Въ сельскомъ хозяйствѣ несвободный, рабскій и крѣпостной трудъ былъ вытѣсненъ юридически „свободнымъ“ наемнымъ трудомъ. Денежной оцѣнкѣ стала подвергаться не только рента, но и самая земля, т. е. земля стала приравниваться капиталу. Земля вошла въ число объектовъ свободной купли-продажи, т. е. сдѣлалась товаромъ.

XI.

Частная поземельная собственность, развившаяся въ большинствѣ культурныхъ государствъ на развалинахъ того или другого типа общинной собственности, въ свою очередь не представляетъ какого-либо одного исчерпывающаго типа. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ политическихъ, бытовыхъ и другихъ обстоятельствъ, въ различныхъ государствахъ и въ отдѣльныхъ частяхъ одного и того же государства выработался весьма неодинаковый укладъ частной поземельной собственности.

Не задаваясь цѣлью перечислять и описывать всѣ встрѣчающіяся въ культурныхъ государствахъ формы и разновидности частной поземельной собственности, остановимся здѣсь на важнѣйшемъ, какъ намъ кажется, юридико-экономическомъ признакѣ, который можно было бы поставить въ основаніе классификаціи частной поземельной собственности. Мы разумѣемъ степень свободы частныхъ землевладѣльцевъ въ распоряженіи своею собственностью. Въ этомъ отношеніи частная поземельная собственность распадается на свободную и замкнутую, при чемъ, смотря по преобладанію въ странѣ одного изъ этихъ видовъ, весь поземельный строй можно характеризовать понятіемъ свободнаго или замкнутаго.

Подъ замкнутымъ аграрнымъ строемъ мы разумѣемъ такой строй, при которомъ поземельная собственность, по гос-

подствующимъ въ населеніи воззрѣніямъ, санкціонированнымъ обычнымъ правомъ или законами, считается принадлежностью семьи, а не даннаго собственника, который въ сущности есть только пожизненный владѣлецъ съ ограниченнымъ правомъ распоряженія землею. Онъ или вовсе не можетъ продать или передать свою землю въ чужія руки, или можетъ это сдѣлать не иначе, какъ съ согласія своихъ наслѣдниковъ; онъ не можетъ также передать землю путемъ завѣщанія по своему усмотрѣнію; его посмертная воля ставится въ тѣсныя рамки обычно-правового или законнаго порядка наслѣдованія, ограничивающаго дробимость поземельнаго владѣнія. Въ понятіе замкнутой собственности входятъ и нѣкоторыя другія ограниченія права владѣльца въ распоряженіи землею, напримѣръ, относительно обремененія имѣнія ипотечными долгами, и т. п.

Свободная поземельная собственность—это такая собственность, распоряженіе которой не ограничивается ничѣмъ, кромѣ общихъ гражданскихъ нормъ и вытекающихъ отсюда свободныхъ договоровъ землевладѣльца съ третьими лицами. Онъ можетъ по собственному усмотрѣнію отчуждать принадлежащую ему землю въ другія руки, можетъ закладывать ее, завѣщать кому угодно послѣ своей смерти, раздроблять, и т. д. Мы знаемъ, что общинная собственность предшествуетъ частной поземельной собственности. Но общинная собственность, по своей сущности, есть замкнутая. Отсюда прямой логическій выводъ, что замкнутая поземельная собственность въ послѣдовательной эволюціи собственности болѣе раннее звено, чѣмъ свободная. Это положеніе справедливо и для индивидуальной собственности въ отдѣльности. Развитіе частной собственности на землѣ начинается съ замкнутой собственности. Неограниченное право отчужденія, залога, завѣщанія, или „свободная земля“, есть позднѣйшій продуктъ индустріализма.

Приведемъ доказательства господства замкнутой частной поземельной собственности у современныхъ некультурныхъ племенъ и въ древнія эпохи у историческихъ націй.

Частная поземельная собственность у кабиловъ носитъ на себѣ несомнѣнный характеръ замкнутой собственности. Право chefâa даетъ возможность не допускать отчужденія земли за предѣлы семейной ассоціаціи, если послѣдняя желаетъ того, въ противномъ случаѣ, за предѣлы деревни и даже опредѣленной группы деревень. Въ Индіи, несмотря на то, что уже

законы Ману даютъ основаніе предполагать еще въ глубокой древности существованіе личной поземельной собственности, до вторженія европейцевъ въ этой странѣ земля не была подвержена мобилизаціи. Съ поземельной собственностью не соединялось право продажи ея; конфискація и продажа земли за частные долги—это были явленія, совершенно неизвѣстныя въ странѣ. Нѣкоторое отчужденіе поземельной собственности если и допускалось, то не иначе, какъ при согласіи жителей деревни, сосѣдей и родственниковъ. Даже въ настоящее время продажи земли здѣсь рѣдки, несмотря на легкость этихъ продажъ, допущенную англійскими законами [1]).

Въ Полинезіи, несмотря на существованіе, рядомъ съ общинною собственностью, и частной собственности на землю, до прихода европейцевъ продажа земли также не имѣла мѣста. „Это европейцы дали полинезійцамъ идею коммерческихъ сдѣлокъ съ землею, да едва ли дикари разумѣли при этомъ уступку навсегда. Большинство дикихъ и даже многіе варварскіе народы, говоритъ Летурно, съ трудомъ могутъ усвоить себѣ идею продажи земли или отождествленіе ея съ предметами движимости" [2]).

У древнихъ евреевъ мы также видимъ чрезвычайно интересное ограниченіе въ распоряженіи поземельной собственностью въ смыслѣ принциповъ замкнутой собственности. Поземельный строй у евреевъ любопытенъ и потому, что относится къ эпохѣ, когда законодателю уже приходилось бороться съ послѣдствіями поклоненія „золотому тельцу".

Палестина для евреевъ была обѣтованною землею, которой они, послѣ долгихъ странствованій по пустынѣ, завладѣли съ мечемъ въ рукахъ. Основаніемъ поземельной собственности евреевъ въ Палестинѣ служило завоеваніе, но, при общемъ религіозномъ строѣ евреевъ, они естественно смотрѣли на право владѣнія землею въ странѣ Ханаанской, какъ на непосредственно дарованное Богомъ и предоставленное, согласно его волѣ, какъ бы въ ленную зависимость [3]).

По свидѣтельству Библіи, Моисей первоначально раздѣлилъ землю, согласно повелѣнію Божію, равномѣрно между израильтянами. Земля должна была переходить по наслѣдству

---

[1]) Letourneau, стр. 297.
[2]) Letourneau, стр. 92.
[3]) Пятикнижіе. Числа, гл: XXXIII. 53, 54.

къ старшему сыну, не выходя изъ одного колѣна въ другое. Старшій сынъ, если даже онъ родился отъ нелюбимой жены, наслѣдовалъ въ размѣрѣ двухъ третей всего оставленнаго отцомъ [1]). Пользованіе землею было у древнихъ евреевъ регулировано закономъ въ двоякомъ отношеніи—агрикультурномъ и соціально-политическомъ.

Каждое поле обрабатывалось въ теченіе шести лѣтъ подъ-рядъ, а въ седьмой годъ, годъ покоя или субботній, поля не засѣвались и виноградъ не обрѣзывался. Въ седьмой годъ „что само выростаетъ на жатвѣ твоей", предписывалъ законъ Моисеевъ: „не сжинай, и гроздовъ съ необрѣзаннныхъ лозъ твоихъ не снимай: да будетъ это годъ покоя земли. И будетъ это въ продолженіе субботы земли всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, поселившемуся у тебя" [2]).

Такимъ образомъ субботній годъ у евреевъ имѣлъ въ земледѣльческомъ отношеніи такое же значеніе для поддержанія плодородія почвы, какъ и оставленіе земли подъ паромъ на третій годъ при трехпольной системѣ хозяйства или оставленіе въ залежь при переложномъ хозяйствѣ.

Что касается поземельной собственности, то здѣсь огромное значеніе имѣлъ юбилейный годъ, наступавшій черезъ каждыя сорокъ девять лѣтъ [3]).

Этотъ пятидесятый годъ, также какъ и сорокъ девятый (седьмой, субботній), былъ годомъ отдыха для земли, но юбилейный годъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ этомъ году каждой семьѣ возвращались безвозмездно всѣ земли, которыми она первоначально владѣла и которыя ею были утрачены подъ вліяніемъ нужды или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Такимъ образомъ, цѣль юбилейнаго года была возстановлять первоначальное отношеніе между владѣніями, препятствовать скопленію земли въ немногихъ рукахъ и уничтожать тяжелую личную зависимость обѣднѣвшихъ отъ богатыхъ.

Это не были уравнительные передѣлы земельной общины, но самостоятельный институтъ, дѣлавшій поземельную собственность замкнутой въ извѣстныхъ фамиліяхъ и препятствовавшей мобилизаціи поземельной собственности. Земля

---

[1]) Пятикнижіе. Числа, гл. XXXVI. 7. Второзаконіе, гл. XXII, 17.
[2]) Левитъ, гл. XXV, 5—6.
[3]) Левитъ, гл. XXV, 8—22.

могла переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія подъ вліяніемъ задолженности и проч., но этотъ переходъ былъ временный.

Всякая уступка земли въ постороннія руки за капитальную сумму, при существованіи юбилейнаго года, представляла родъ долгосрочнаго залога, при которомъ пользованіе имѣніемъ въ теченіи сорока-девятилѣтняго срока замѣняло платежъ процентовъ и погашенія въ современныхъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита. Продажа земли въ современномъ смыслѣ воспрещалась у евреевъ и прямыми предписаніями закона.

„Землю не должно продавать навсегда, читаемъ мы въ Пятикнижіи Моисея: ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня".

Имѣніе могло быть продано только съ условіемъ права выкупа. При этомъ прежде всего требовалось, чтобы покупатель или продавецъ не притѣснялъ своего ближняго, но чтобы цѣна опредѣлялась смотря по близости даннаго года къ юбилейному и по доходности. Израильтянинъ, который продалъ свою землю по нуждѣ, сохранялъ право самъ и даже родственники его выкупить ее, при чемъ изъ покупной цѣны вычитался доходъ, который соотвѣтствовалъ протекшему времени [1]).

Въ древней Греціи поземельная собственность также была замкнутою.

Обращаясь къ средневѣковой Европѣ, мы находимъ вездѣ, гдѣ частная поземельная собственность успѣла пустить глубокіе корни, замкнутую частную собственность. Только съ развитіемъ индустріализма, какъ нами уже отмѣчено выше, въ Европѣ стали все болѣе и болѣе одерживать побѣду начала „свободной" поземельной собственности. Къ какимъ послѣдствіямъ для европейскихъ государствъ эта побѣда можетъ въ концѣ-концовъ привести—на это до извѣстной степени указываетъ прошлое отжившихъ свой вѣкъ народовъ.

Въ эпоху могущества древнихъ евреевъ, когда отъ ихъ меча пали племена, населявшія Палестину, у нихъ дѣйствовали законы Моисея, заключавшіе замѣчательно дальновидныя и поучительныя даже для нашего времени предписанія, соблюденіе которыхъ гарантировало населеніе отъ мобилизаціи

[1]) Левитъ, гл. XXV, 23—28.

поземельной собственности и отъ латифундій. Но постоянныя уклоненія отъ этихъ предписаній, уничтоженіе юбилейныхъ годовъ, подчиненіе аграрнаго строя бездушнымъ экономическимъ началамъ торговли, торжество узкаго эгоизма надъ общественностью,—явились глубокими язвами, которыя тщетно громили ветхозавѣтные пророки и которыя еще задолго до появленія въ міръ Сына Божьяго разъѣли древнее іудейское царство.

Въ древней Спартѣ и Аѳинахъ точно также первоначально обычаи и законы не допускали отчужденія и залога земли. Но уже ко времени Салона ссуды подъ недвижимость практиковались открыто, украшая нерѣдко имѣнія и зданія особыми дощечками съ именемъ кредитора и цифрою долга, лежащаго на имѣніи. Задолженность вела къ концентраціи поземельной собственности и къ порабощенію массы гражданъ богатыми евпатридами. И Салонъ, выступившій на борьбу со зломъ, очевидно уже не могъ воспретить продажу земли, ограничившись лишь тѣмъ, что сдѣлалъ ее болѣе трудною и постыдною, лишивъ продавцевъ права гражданства. Но это были только палліативы, которые скоро были забыты, какъ и другія предписанія Салоноваго законодательства. Экономическое неравенство и подчиненіе земли капиталу, культъ золотаго тельца въ Аѳинахъ, какъ и въ Іудеѣ, привелъ къ однороднымъ послѣдствіямъ, т. е. къ постепенной гибели страны. Не даромъ Салонъ такъ горько сѣтовалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: „Честолюбіе богатыхъ не знаетъ границъ, говорилъ онъ: самые богатые хотятъ сдѣлаться еще богаче. Но кто могъ бы утолить эту ненасытную жадность!.. Они не уважаютъ ни священной собственности, ни общественной казны: они грабятъ все, попирая священные законы справедливости. Я далъ въ своихъ законахъ равное могущество гражданамъ; я ничего не отнялъ, ничего не прибавилъ никому; я предписалъ только самымъ богатымъ и самымъ могущественнымъ не оскорблять бѣдныхъ; я оградилъ сильныхъ и слабыхъ двойнымъ щитомъ, одинаково крѣпкимъ съ обѣихъ сторонъ, не давая преимущества ни тѣмъ, ни другимъ. Мои совѣты были преданы презрѣнію. За это теперь несутъ наказаніе“ [1]).

Идеалъ свободной поземельной собственности сводится къ неограниченному праву отчужденія, залога, завѣщанія, дроб-

---

[1]) См. Letourneau, 327.

ленія и концентраціи. Вполнѣ этого идеала не достигло еще ни одно изъ европейскихъ государствъ, однако результаты, въ большей или меньшей мѣрѣ, свободной земли успѣли уже обнаружиться настолько осязательно, что вопросъ о регулированіи въ общихъ интересахъ землевладѣнія съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ въ Европѣ новыхъ сторонниковъ и симпатіи населенія, и аграрная политика многихъ государствъ дѣлаетъ очевидный поворотъ въ пользу принциповъ замкнутой собственности. Крупнѣйшіе авторитеты философской мысли также отказываются видѣть въ свободной частной собственности конечную фазу эволюціи поземельной собственности. Такъ, Гербертъ Спенсеръ, указавъ на измѣненія въ правѣ собственности на землю подъ вліяніемъ индустріализма, говоритъ слѣдующее:

„Съ перваго взгляда, отсюда получается очевидный выводъ, что неограниченная поземельная собственность частныхъ лицъ должна быть конечнымъ положеніемъ, которое приноситъ съ собой индустріализмъ. Но хотя индустріализмъ имѣетъ сильное стремленіе къ индивидуализаціи поземельной собственности, вмѣстѣ съ другими видами ея, однако сомнительно, чтобы она достигла въ настоящее время конечной стадіи развитія. Собственность, устанавливаемая силою, покоится не на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ собственность, устанавливаемая договоромъ, и хотя купля-продажа, которая становится все чаще, не дѣлая различія между этими двумя видами собственности, безмолвно признаетъ ихъ одинаковыми, тѣмъ не менѣе можетъ случиться, что такое отождествленіе будетъ отвергнуто (the assimilation may eventually be denied). Аналогія, которую представляетъ прежнее право собственности на человѣка, помогаетъ намъ признать возможность этого. Именно, военно-плѣнные сперва были обращаемы въ неопредѣленную собственность (первоначально они содержались приблизительно какъ прочіе члены дома), которая приняла болѣе опредѣленную форму по мѣрѣ распространенія торговли рабами, и на этомъ основаніи, много вѣковъ тому назадъ, быть можетъ, думали, что право собственности одного человѣка на другого установилось окончательно; однако мы видимъ, что болѣе поздняя стадія цивилизаціи, измѣнивъ этотъ процессъ въ обратномъ направленіи, уничтожила право собственности на человѣка. Подобнымъ образомъ, еще на болѣе

высокой ступени цивилизаціи можетъ случиться, что исчезнетъ и частная собственность на землю. И какъ съ упадкомъ военнаго строя возстановляется первобытная свобода индивидуума, которая существовала прежде, чѣмъ были созданы порабощающія учрежденія (coercive intstitutions) и личное рабство, такъ же кажется возможнымъ, что первобытная общинная собственность на землю, которая, съ развитіемъ принудительныхъ (coercive) учрежденій, перешла, въ значительной степени или вся въ частную собственность, оживетъ вновь по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія индустріализма. Въ настоящее время господство договора уже настолько развилось, что право собственности на движимое имущество признается только при условіи возникновенія путемъ добровольной мѣны услугъ или продуктовъ, или въ силу даренія ихъ тѣми, кто пріобрѣлъ его по такому добровольному соглашенію; но оно можетъ развиться и далѣе, такъ что собственность на продукты почвы будетъ признаваться только въ силу соглашенія между отдѣльными лицами, какъ арендаторами и общиною (the community), какъ поземельнымъ собственникомъ. Вѣдь и теперь у насъ (Спенсеръ разумѣетъ Англію) частная собственность на землю вовсе не абсолютная. По теоріи юристовъ ландлорды непосредственно или косвенно суть арендаторы короны (что въ настоящее время равносильно государству или, другими словами, общинѣ); и община время отъ времени отбираетъ назадъ свое владѣніе, за надлежащее вознагражденіе. Быть можетъ придетъ время, когда право общины на землю, признаваемое такимъ образомъ безмолвно, будетъ признано открыто и станетъ дѣйствующимъ послѣ сдѣланнаго сполна вознагражденія за накопленную, благодаря искусству, цѣнность (and acted upon after making full allowance for the accumulated value artificially given" [1]).

„Полная индивидуализація собственности есть ступень промышленнаго прогресса. Первоначально вещи, которыя отождествляются съ продуктами собственнаго труда человѣка, признаются принадлежащими ему; и съ дальнѣйшей цивилизаціей, несмотря на существованіе общинной собственности и коллективнаго хозяйства (joint household), оно не исключало признанія собственности, пріобрѣтенной личнымъ трудомъ.

[1]) Spenser, Political institutions, изд. 1885 г., стр. 553.

Возникшее такимъ путемъ, накопленіе частной движимой собственности увеличивается по мѣрѣ того, какъ возрастающій индустріализмъ ослабляетъ военный строй. Причина этого та, что индустріализмъ предполагаетъ бóльшую легкость въ распоряженіи продуктами промышленности, что съ нимъ устанавливаются мѣры количества и цѣнности, благопріятствующія обмѣну; и что болѣе мирныя отношенія побуждаютъ и дѣлаютъ безопаснѣе для людей обособленіе отъ группъ, въ которыя они прежде сплачивались, ради взаимнаго обезпеченія. Индивидуализація собственности, развиваясь и дѣлаясь опредѣленнѣе вслѣдствіе производимаго съ нею торговаго оборота на основаніи договора, отражается (affects eventually) и на поземельной собственности. Покупаемая и продаваемая на мѣру и за деньги, земля приравнивается въ этомъ отношеніи личной собственности, созданной трудомъ, и вслѣдствіе того въ общемъ представленіи смѣшивается съ нею. Однако есть основаніе предполагать, что въ то время, какъ частная собственность на предметы, созданные трудомъ, сдѣлается еще болѣе опредѣленною и священною, чѣмъ въ настоящее время,—обитаемая поверхность, которая не можетъ быть создана трудомъ, будетъ потомъ (eventually) отличаться какъ нѣчто такое, что не можетъ быть въ частной собственности. Подобно тому, какъ отдѣльное лицо, первоначально собственникъ самого себя, теряетъ въ теченіе военнаго режима право собственности на себя, но затѣмъ постепенно возвращаетъ это право, съ развитіемъ промышленнаго строя,—такъ же возможно, что общинная собственность на землю, частью или совсѣмъ поглощенная собственностью господствующихъ классовъ (merged in the ownership of dominant men) въ періодъ развитія военнаго типа (государства), будетъ возстановлена, какъ скоро промышленный типъ разовьется вполнѣ" [1]).

Сочиненіе, изъ котораго заимствованы приведенныя страницы, „Political institutions", принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ работъ Спенсера и впервые вышло въ 1882 г. Такимъ образомъ оно, во всякомъ случаѣ, есть результатъ глубокаго ума, огромныхъ знаній и философскаго размышленія въ теченіе весьма долгой жизни.

Въ предвидѣніи отдаленнаго грядущаго и великіе умы

---

[1]) Spencer, тамъ же, стр. 556.

могутъ впадать и впадаютъ иногда въ большія ошибки, но если эволюція поземельной собственности въ культурныхъ государствахъ завершится, согласно Спенсеру торжествомъ общиннаго начала, будущая поземельная община, если она когда-нибудь явится, естественно будетъ результатомъ амальгамы многообразныхъ явленій прогресса соціальной жизни.

Устанавливавшееся господство подвижного быта въ культурныхъ обществахъ, замѣтное даже теперь, вліяя на физическую и въ особенности на нервную организацію современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, по законамъ наслѣдственной передачи и накопленія пріобрѣтенныхъ качествъ, не можетъ оставаться безслѣднымъ для грядущихъ поколѣній. Тѣ перемѣны, которыя въ культурномъ человѣкѣ и обществѣ совершаются подъ вліяніемъ промышленнаго прогресса, средствъ быстраго передвиженія и чрезвычайно быстрой и удобной передачи мыслей и свѣдѣній, подъ вліяніемъ широкаго распространенія образованія и печати, уже сами по себѣ дѣлаютъ невозможнымъ и возстановленіе древней поземельной общины, которая покоится на крайне простыхъ жизненныхъ отношеніяхъ бродячаго, кочевого и отчасти осѣдлаго быта.

Трудно представить себѣ поэтому характеръ будущаго общиннаго или общественнаго поземельнаго строя, но, судя по той аграрной политикѣ, какая въ настоящее время съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пробиваетъ себѣ дорогу въ культурныхъ государствахъ, можно думать, что переходною ступенью къ цивилизованной общинѣ въ западныхъ государствахъ послужитъ развитіе частнаго мелкаго землевладѣнія на принципахъ замкнутой или ограниченной частной поземельной собственности.

Что касается тѣхъ странъ, входящихъ въ составъ культурнаго міра, гдѣ поземельная община дожила до глубокихъ перемѣнъ въ окружающемъ, которыя характеризуютъ періодъ подвижного быта, то здѣсь эволюція поземельной собственности естественно не можетъ уже идти послѣдовательно по всѣмъ тѣмъ ступенямъ, которыя проходила собственность въ странахъ, постепенно достигшихъ современной стадіи культуры вообще. Если сила меча и огня, вторгаясь въ область первобытной поземельной общины, производитъ, какъ мы видѣли, рѣзкія перемѣны въ аграрномъ строѣ, то тѣмъ болѣе сила мысли, знанія и историческаго опыта, воздѣйствуя на

сохранившуюся общину, въ состоянiи дать ея развитiю такое направленiе, которое, минуя промежуточныя стадiи, могло бы привести аграрный строй къ болѣе совершенной формѣ. Уже по одному этому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ внѣшнимъ давленiемъ уничтожать земельную общину тамъ, гдѣ она существуетъ, а лучше заботиться о приспособленiи ея къ условiямъ современнаго прогресса.

ГЛАВА II.

Цѣнность земли и поземельная рента.

I. Функцiи земли въ современномъ народномъ хозяйствѣ.—Отождествленiе земли съ капиталомъ. — Понятiе о первичныхъ и производныхъ, или конъюнктуральныхъ цѣнностяхъ. — Отличiе земли отъ капитала. — Отношенiе цѣнности земли къ капиталамъ, вложеннымъ въ землю.—Теорiя П. Леруа-Болье о соцiальномъ трудѣ.—II. Поземельная рента.—Неточность опредѣленiя ренты у Рикардо.—Взглядъ физiократовъ и А. Смита; силы природы какъ первоначальный источникъ ренты.—III. Возникновенiе поземельной ренты и отношенiе этого явленiя къ экономичеекому прогрессу. — Низкiя цѣны на хлѣбъ и ростъ ренты. — Свидѣтельство экономической исторiи Англiи.—IV. Ошибочность положенiя Рикардо о невыгодности сельско-хозяйственныхъ улучшенiй для поземельныхъ собственниковъ. — V. Теорiя поземельной ренты и распредѣленiя у Кэри. — Развитiе взглядовъ Кэри у П. Леруа-Болье.—VI. Разборъ мнѣнiя Леруа-Болье: свидѣтельство исторiи.— Конъюнктуральное возрастанiе поземельной ренты. — Распредѣленiе поземельной собственности, какъ показатель относительнаго участiя разныхъ классовъ населенiя въ конъюнктуральной части народнаго дохода.

I.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ современной Европѣ, эволюцiя поземельной собственности достигла уже стадiи, которая соотвѣтствуетъ перiоду подвижного быта, связаннаго съ широкимъ развитiемъ индустрiализма, роль земли не ограничивается уже, какъ въ первобытныхъ обществахъ, только тѣмъ, что она служитъ простымъ мѣстомъ помѣщенiя и источникомъ кое-какихъ даровыхъ полезностей. Земля здѣсь является могущественнымъ орудiемъ производства, благодаря тому, что человѣкъ научился заставлять ее производить массу необходимыхъ для него предметовъ; она служитъ источникомъ ренты и тѣмъ оказываетъ огромное влiянiе на распредѣленiе; право

собственности на землю, обезпечивая за владѣльцемъ полученіе ренты, создаетъ нерѣдко возможность для него, помимо личнаго труда, пріобрѣтать все необходимое, иначе говоря, заставлять другихъ работать на себя; право собственности на землю составляетъ нерѣдко основаніе для политической власти, которая, въ свою очередь, ведетъ за собой усиленіе экономическаго благосостоянія; наконецъ, земля служитъ важнымъ объектомъ обложенія для государственнаго и мѣстнаго общественнаго хозяйства.

Таковы разнообразныя соціально-экономическія функціи земли. Что же такое сама земля, какъ экономическая категорія, и гдѣ лежитъ коренная причина столь сложной роли земли въ современномъ народномъ хозяйствѣ? Этотъ вопросъ далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и воззрѣнія экономической науки относительно его, къ сожалѣнію, относятся еще до сихъ поръ къ числу наиболѣе спорныхъ.

Земля въ настоящее время, подобно всякаго рода капиталамъ, во всѣхъ культурныхъ государствахъ представляетъ значительную цѣнность; подобно капиталу, она весьма часто служитъ орудіемъ производства и даетъ доходъ, — на этомъ основаніи многіе экономисты прямо отождествляютъ землю съ капиталомъ. Извѣстный англійскій экономистъ Г. Д. Маклеодъ, напримѣръ, называя капиталомъ все, „чѣмъ человѣкъ можетъ производить обороты, что онъ можетъ затратить въ видахъ извлеченія прибыли, или что даетъ ему средства къ полученію дохода“, поясняетъ далѣе: „такъ, инструменты ремесленника, вмѣстѣ съ его искусствомъ и предпріимчивостью, составляютъ его капиталъ; образованіе, книги и опытность врача и адвоката составляютъ ихъ капиталъ; товары купца, его смѣтливость и дальновидность суть его капиталъ; имѣніе землевладѣльца есть его капиталъ, который онъ пускаетъ въ оборотъ самъ или сдаетъ арендаторамъ“ [1]). „Земля для землевладѣльца — постоянный капиталъ“, читаемъ мы у Лавассёра, въ довольно распространенномъ краткомъ французскомъ учебникѣ политической экономіи, переведенномъ и на русскій языкъ [2]). „Земля есть товаръ (commodity), создан-

---

[1]) Г. Д. Маклеодъ, Основанія политической экономіи. Переводъ М. И. Веселовскаго, стр. 74.

[2]) Lévasseur, Précis d'économie politique.

ный человѣческимъ трудомъ", утверждаетъ американскій экономистъ А. Перри. „Цѣнная земля представляетъ одну изъ формъ капитала. А такъ какъ земля есть капиталъ, то рента есть прибыль" [1]).

Такимъ образомъ, отождествленіе земли съ капиталомъ можно встрѣтить не только въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ трактатахъ, но и въ распространенныхъ элементарныхъ руководствахъ политической экономіи, какъ Лавассёра, Перри. Тѣмъ не менѣе, такой взглядъ на землю вовсе нельзя считать общепризнаннымъ, и противъ него можно сдѣлать весьма существенныя возраженія. Но прежде чѣмъ разбирать вопросъ объ отличіяхъ земли и капитала, намъ необходимо коснуться общаго понятія цѣнности, такъ какъ оно до сихъ поръ не принадлежитъ къ числу установившихся въ экономической наукѣ, а потому мы не считаемъ удобнымъ говорить о цѣнности земли и капитала, не выяснивъ предварительно нашъ собственный взглядъ на цѣнность вообще.

Въ окружающей насъ средѣ мы различаемъ два рода внѣшнихъ матеріальныхъ благъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ человѣка. Одни изъ нихъ являются относительно потребностей человѣка безграничными и общедоступными, человѣкъ пользуется ими или путемъ безсознательныхъ автоматическихъ усилій организма (напр., воздухомъ при дыханіи), или же, хотя и съ сознательными усиліями, но почти не встрѣчающими сопротивленія въ окружающей средѣ (пользованіе водою для питья изъ естественныхъ водовмѣстилищъ и т. п.)—это такъ называемыя даровыя полезности. Другая группа нужныхъ человѣку предметовъ или полезностей, не отличающихся характеромъ общедоступности, является въ глазахъ человѣка цѣнностями.

Чтобы предметъ былъ цѣнностью, необходимо, чтобы онъ могъ удовлетворять какую-нибудь потребность человѣка, чтобы человѣкъ желалъ имѣть его и чтобы его нельзя было, какъ общее правило, пріобрѣсти безъ прямой или косвенной затраты болѣе или менѣе значительныхъ трудовыхъ усилій для устраненія сопротивленія внѣшней среды. Иначе говоря, цѣнность предмета есть опредѣленіе сознаніемъ человѣка отношенія между сопротивленіемъ, которое необходимо пре-

[1]) A. Perry, Political Economy. Изд. 18-ое, стр. 298.

одолѣть, чтобы овладѣть предметомъ, степенью желанія его имѣть и средствами для устраненія означеннаго сопротивленія. Отсюда понятно, что предметъ можетъ быть значительною цѣнностью не только вслѣдствіе большого труда, непосредственно затраченнаго на производство, но и по причинѣ рѣдкости предмета, такъ какъ въ этомъ случаѣ, для пріобрѣтенія новаго, вполнѣ замѣняющаго данный предметъ, требуется обыкновенно истратить много труда съ рискомъ безуспѣшности (отыскиваніе драгоцѣнныхъ камней, золота и т. п.) или же преодолѣть большое сопротивленіе въ желаніи собственника предмета владѣть имъ, если мы хотимъ пріобрѣсти, напримѣръ, какой-нибудь предметъ рѣдкости [1]).

Цѣнность можетъ имѣть или субъективный характеръ, когда она является результатомъ сознанія отдѣльныхъ лицъ, и объективный, когда опредѣленіе цѣнности есть, такъ сказать, среднее изъ общественнаго сознанія или сознанія массы лицъ, относящихся къ данному предмету, какъ къ цѣнности. Объективное понятіе цѣнности находитъ свое ясное выраженіе въ формѣ мѣновой цѣнности, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ цѣнности вообще, хотя въ экономической литературѣ и можно нерѣдко встрѣтить такое смѣшеніе, при чемъ возникновеніе идеи цѣнности пріурочиваютъ обыкновенно къ началу мѣновыхъ отношеній. Но это представляется намъ психологически неправильнымъ.

Первобытный человѣкъ, будь онъ совершеннымъ Робинзономъ, не можетъ не отличать въ своемъ сознаніи даровыхъ полезностей отъ продуктовъ труда и болѣе значительныхъ цѣнностей въ этомъ смыслѣ отъ цѣнностей незначительныхъ т. е. хозяйственныхъ благъ или полезностей, добываемыхъ съ затратою меньшаго труда. При мѣновыхъ отношеніяхъ цѣнность предмета только пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленное выраженіе въ количествѣ однихъ предметовъ, обмѣниваемыхъ на другіе. При этомъ вначалѣ единицы измѣренія естественно

---

[1]) Давая такое опредѣленіе цѣнности, мы не только не считаемъ его вполнѣ точнымъ, но и не считаемъ вообще возможнымъ дать точное исчерпывающее опредѣленіе, по той простой причинѣ, что это понятіе, какъ намъ кажется, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя не поддаются простому опредѣленію, а лишь чувствуются всякимъ и познаются изъ разсмотрѣнія ихъ съ различныхъ сторонъ (см. нашу книгу „Политическая экономія въ связи съ финансами", 2-ое изд. 1887 г., стр. 3)

отличаются крайнею неопредѣленностью. Мѣры длины, вѣса, объема и т. д. имѣютъ свою очень долгую исторію развитія, которая не закончилась еще и по настоящее время. Въ связи съ этой исторіей стоитъ и выраженіе цѣнности.

На первой ступени экономическаго развитія человѣкъ считаетъ цѣнностями исключительно только тѣ предметы, которые созданы трудомъ; при мѣнѣ однѣхъ цѣнностей на другія обѣ стороны естественно сравниваютъ затрату труда на свои продукты съ тѣмъ трудомъ, который пришлось бы употребить на производство чужого продукта — объекта мѣны. Сколько-нибудь точной объективной эквивалентности труда, представляемаго обмѣниваемыми предметами, при этомъ не можетъ быть: сперва мѣна отличается крайне случайнымъ характеромъ. Съ теченіемъ времени, постоянное повтореніе мѣновыхъ актовъ съ различными продуктами устанавливаетъ уже болѣе точное соотношеніе между количествами обмѣниваемыхъ цѣнностей, въ зависимости отъ приблизительно бо̀льшаго или меньшаго количества труда, необходимаго при производствѣ данныхъ цѣнностей.

Вначалѣ мѣновыми цѣнностями становятся естественно только предметы первой необходимости: скотъ, хлѣбъ, одежда и т. п., т. е. все такіе предметы, которые являются результатомъ труда. Но при нѣкоторомъ избыткѣ подобныхъ цѣнностей, владѣлецъ при случаѣ можетъ отдать часть ихъ для удовлетворенія своей прихоти, въ обмѣнъ за какой нибудь предметъ, который случайно найденъ его сосѣдомъ и который привлекаетъ вниманіе, нравится по своему виду, и проч., какъ напримѣръ: красивая раковина, особенной формы или цвѣта mинералъ, и проч. При обмѣнѣ подобныхъ „рѣдкихъ" предметовъ, хотя бы вовсе не стоившихъ труда для своихъ первоначальныхъ владѣльцевъ, цѣнность ихъ приравнивается къ цѣнности предметовъ, созданныхъ извѣстнымъ количествомъ труда, и они пріобрѣтаютъ этимъ путемъ опредѣленную мѣновую цѣнность. Такимъ образомъ, „рѣдкіе" предметы или, правильнѣе выражаясь, не общедоступные въ данное время продукты природы, не созданные трудомъ, пріобрѣтаютъ мѣновую цѣнность не сами по себѣ, а лишь потому, что для полученія ихъ нужно преодолѣть сопротивленіе, средствомъ для чего служитъ избытокъ цѣнностей, произведенныхъ трудомъ. На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ назвать одну категорію хозяйственныхъ благъ, именно созданныя трудомъ—первич-

ными цѣнностями, а другую — цѣнностями производными или конъюнктуральными, желая этимъ отмѣтить, что послѣднія зависятъ не отъ того труда, какой былъ осуществленъ въ нихъ, а отъ общихъ экономическихъ условій, независимыхъ отъ воли и намѣреній первоначальнаго владѣльца подобныхъ цѣнностей.

Если мы теперь, установивши различіе между первичными и производными или конъюнктуральными цѣнностями, обратимся къ занимающему насъ вопросу о землѣ и капиталѣ, какъ экономическихъ категоріяхъ, то при ближайшемъ разсмотрѣніи убѣдимся, что земля и капиталъ, обладая въ настоящее время общимъ кореннымъ свойствомъ, свойствомъ цѣнности, отличаются другъ отъ друга характеромъ этой цѣнности, а именно: капиталъ, по своему существу, уже при первомъ своемъ появленіи въ хозяйствѣ есть первичная цѣнность, а цѣнность земли конъюнктуральная.

Возникновеніе капитала относится къ самымъ раннимъ ступенямъ культурнаго развитія, и всегда, отъ начала существованія человѣческаго общества до нашего времени включительно, капиталъ имѣлъ своимъ источникомъ трудъ, всегда онъ былъ цѣнностью. Не то съ землею. Она долгое время въ глазахъ человѣка является общедоступною даровою полезностью и никакой цѣнности не имѣетъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ уменьшается относительное количество земли, или, точнѣе говоря, когда населеніе увеличивается настолько, что данное общество чувствуетъ недостатокъ въ земляхъ желаемаго качества, земля пріобрѣтаетъ въ глазахъ человѣка цѣнность и становится даже конъюнктуральною мѣновою цѣнностью.

Въ настоящее время, какъ всегда и прежде, капиталъ не что иное, какъ результатъ прошедшаго труда, продуктъ труда, и, какъ таковой, онъ представляетъ цѣнность самъ по себѣ, первичную цѣнность, независимо отъ того, даетъ онъ доходъ или нѣтъ. Цѣнность капитала, равно какъ и земли, конечно, немыслима безъ человѣка, который ими пользуется, но безъ человѣка не можетъ быть самого капитала, чего нельзя сказать о землѣ. Земля прежде всего есть чистый продуктъ природы, а не труда, а потому сама по себѣ не есть цѣнность. Это положеніе требуетъ, однако, нѣкоторыхъ разъясненій.

Земли, находящіяся въ сельско-хозяйственномъ пользованіи, или современная поземельная собственность, распадаются на двѣ

группы. Существуютъ, во-первыхъ, земли, которыми человѣкъ пользуется въ томъ видѣ, какъ онѣ даны природою; во-вторыхъ, такія, которыя потребовали значительнаго труда и капитала для обращенія ихъ въ сельско-хозяйственную культуру. Не говоря уже о случаяхъ, когда населеніе береговыхъ странъ (Голландія напримѣръ), устраивая плотины и т. п., отвоевываетъ у моря плодороднѣйшія площади для пастбищъ или другого сельско-хозяйственнаго пользованія, во всякой культурной странѣ можно указать не мало примѣровъ, когда для улучшенія земли (осушеніе, орошеніе, образованіе искусственной почвы на каменистомъ грунтѣ и т. п.) потребовалась масса труда и капитала. Относительно первой группы земель для всякаго очевидно, что цѣнность ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ труду или капиталамъ, вложеннымъ въ нихъ въ прежнее время, и что цѣнность подобныхъ земель вовсе не тождественна съ цѣнностью капитала, созданнаго прошедшимъ трудомъ. По второй категоріи земель дѣло не такъ ясно. Вложенные въ землю капиталы представляютъ сами по себѣ первичную цѣнность, а потому цѣнность земли можетъ казаться не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ перенесенія на землю цѣнности затраченныхъ капиталовъ. Однако, при ближайшемъ анализѣ конкретныхъ случаевъ, почти всегда обнаруживается, что цѣнность земли выше цѣнности этихъ капиталовъ, другими словами, она представляетъ сумму цѣнности капиталовъ съ нѣкоторымъ плюсомъ, который соотвѣтствуетъ цѣнности земли, если бы данный участокъ находился въ хозяйственномъ пользованіи въ своемъ примитивномъ видѣ, и эта-то часть цѣнности земли, хотя бы высококультивированной, обусловливается не капиталомъ и трудомъ, прежде вложеннымъ въ землю, а лишь рентной доходностью послѣдней; эта часть цѣнности земли, во всякомъ случаѣ, вовсе не есть продуктъ труда, какимъ является капиталъ, не первичная цѣнность, а производная, конъюнктуральная. „Чистый доходъ“ не только представляетъ единственный естественный базисъ цѣнности поземельной собственности, говоритъ Родбертусъ, но онъ представляетъ эту самую цѣнность. Поземельная собственность имѣетъ только доходную цѣнность (Ertragswerth), а вовсе не капитальную“ [1]). По мнѣнію Л. Штейна, цѣнность имѣнія опредѣляется отно-

[1]) Rodbertus, Zur Erklärung und Abhilfe der h. Kreditnoth des Grundbes., Einleitung.

шеніемъ издержекъ производства по рыночной цѣнѣ продуктовъ имѣнія [1]). Вальрасъ также утверждаетъ, что цѣнность имѣнія соотвѣтствуетъ его доходу, возвышаясь и падая, съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ послѣдняго.

И такъ, цѣнность земли, на которой культура достигла значительнаго развитія, если не принимать во вниманіе какихъ-либо случайныхъ исключеній, больше суммы вложенныхъ въ нее капиталовъ.

Для бо̀льшаго освѣщенія приведеннаго положенія, остановимся здѣсь на теоріи цѣнности земли, которую развиваетъ П. Леруа-Болье въ опроверженіе мнѣнія, что цѣнность поземельной собственности отличается отъ другихъ видовъ цѣнности, созданныхъ трудомъ.

„Что земля не имѣетъ естественной цѣнности, которая не зависила бы отъ человѣческаго труда, говоритъ Леруа-Болье,—это неоспоримый фактъ. Почвѣ сообщаетъ цѣнность трудъ заимщика или же окружающій соціальный трудъ. Нужно очень различать эти двѣ категоріи труда — трудъ поземельнаго собственника, собственно говоря, и трудъ сосѣдняго съ нею общества“.—„Такимъ образомъ цѣнность земли въ примитивныхъ странахъ равна нулю, или по крайней мѣрѣ незначительная, за недостаткомъ человѣческаго труда и труда соціальнаго; ибо этотъ послѣдній, въ формѣ дорогъ, осушки, орошенія, устройства плотинъ и проч., придаетъ въ значительной части цѣнность присвоенной землѣ“.—„Безспорно, что земля, которой совершенно не коснулся трудъ владѣльца и окружающій соціальный трудъ, не имѣетъ цѣнности. Она пріобрѣтаетъ иногда цѣнность, и очень большую, но съ тѣхъ поръ, какъ къ ней приложенъ соціальный трудъ. Такъ, напримѣръ, въ Winnebayo, гдѣ имѣется станція южной миннезотской желѣзной дороги, земля, уже находившаяся въ обработкѣ, стоила нѣсколько лѣтъ тому назадъ всего только 87—125 франковъ за гектаръ, въ 1879 г. поднялась до 500—575 франковъ. Причина этой прибавочной цѣнности и есть соціальный трудъ [2])“.

---

[1]) Z. v. Stein, Drei Fragen des Grundbes. und seiner Zukunft, стр. 82 и слѣд.

[2]) P. Leroy-Beaulieu, Essai sur la répartition des richesses. 3 изд., стр. 53, 54, 57.

Для подтвержденія приведенныхъ сейчасъ взглядовъ, Леруа-Болье приводитъ не мало примѣровъ, которые мы опускаемъ, такъ какъ само по себѣ явленіе, отмѣчаемое имъ, слишкомъ извѣстно всякому. Для насъ любопытно теоретическое освѣщеніе его французскимъ экономистомъ. Леруа-Болье повидимому также различаетъ двоякую цѣнность земли или двѣ составныя части цѣнности культивированныхъ земель: ту, которая зависитъ отъ труда и капитала, вложенныхъ въ землю, что̀ мы называемъ первичной цѣнностью земли, и ту, которая зависитъ отъ внѣшнихъ условій—конъюнктуральную цѣнность, какъ мы ее обозначаемъ, или цѣнность обусловливаемую соціальнымъ трудомъ, по мнѣнію Леруа-Болье. Такимъ образомъ, съ перваго взгляда можетъ казаться, что здѣсь дѣло идетъ только о различіи въ терминахъ. На самомъ же дѣлѣ, введеніемъ соціальнаго труда, какъ образователя цѣнности земли, Леруа-Болье желаетъ доказать, что основою и оправданіемъ законности вѣчной, частной и неограниченной собственности на землю служитъ трудъ, т. е. то великое нравственно-экономическое начало, которое въ экономической области должно было бы служить важнѣйшимъ регуляторомъ соціально-экономическихъ отношеній. Но, конечно, трудъ какъ образователь того, что мы называемъ первичною цѣнностью и соціальный трудъ, какъ нравственное обоснованіе поземельной собственности, представляютъ слишкомъ разныя величины, чтобы ихъ можно было отличать терминами, напоминающими нашему уму скорѣе видовое различіе понятій, а не коренное родовое различіе, какъ это есть въ дѣйствительности. Замѣтимъ при этомъ, что самъ Леруа-Болье, довольно пространно говоря о происхожденіи цѣнности земли отъ труда собственнаго и труда соціальнаго, въ концѣ-концовъ мимоходомъ все-таки признается, что есть еще нѣчто, отличное отъ труда, что вліяетъ на цѣнность земли. „Мы установили, говоритъ онъ, что на землю нельзя смотрѣть, какъ на имѣющую естественную цѣнность, которая предшествуетъ труду владѣльца или, по крайней мѣрѣ, которая идетъ впереди соціальнаго труда. Этимъ мы не хотимъ, конечно, сказать, что окончательная (ultérieure) цѣнность всякой земли пропорціональна или труду, объектомъ котораго она служитъ, или труду владѣльца, или труду общества. Подобное утвержденіе было бы рѣшительно несо-

гласно съ фактами" [1]). Подчеркнутая фраза чрезвычайно ослабляетъ всю предъидущую аргументацію Леруа-Болье, но, брошенная имъ мимоходомъ, она естественно можетъ ускользнуть отъ вниманія читателя.

Цѣнность всякаго предмета, въ томъ числѣ и земли, есть само по себѣ соціальное свойство вещи, а не природное, естественное. Гдѣ нѣтъ человѣка, тамъ не можетъ быть цѣнности, а гдѣ человѣкъ, тамъ и трудъ, а потому Леруа-Болье тратитъ напрасно усилія, доказывая, что цѣнность земли не можетъ предшествовать труду или возникновенію человѣческаго общества. Въ вопросѣ о цѣности земли важно не это, а то, что въ первобытныя эпохи земля не имѣетъ цѣнности, хотя и служитъ уже объектомъ труда, и что на высокихъ ступеняхъ экономическаго развитія земля можетъ имѣть большую цѣнность даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней трудъ раньше не прилагался, и наконецъ, что цѣнность высококультурной земли обыкновенно значительно выше цѣнности труда и капитала, въ нее вложенныхъ и еще не погашенныхъ. Прибавочная конъюнктуральная цѣнность земли съ теченіемъ времени составляетъ, сравнительно съ цѣнностью первичною, все бо̀льшую часть въ общей суммѣ цѣнности, которую представляетъ данная земля. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ одно изъ самыхъ существенныхъ отличій земли отъ капитала, такъ какъ въ общей суммѣ капиталовъ съ развитіемъ промышленности, наоборотъ—первичная часть возрастаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ конъюнктуральная. Мало того,—конъюнктура промышленнаго прогресса дѣйствуетъ, какъ общее правило, совершенно обратно въ отношеніи къ землѣ и капиталамъ. Цѣнность земель, находившихся въ обработкѣ, повышается, а цѣнность накопленнаго ранѣе капитала обыкновенно понижается. Въ этомъ лежитъ другое различіе земли отъ капитала, которое можно назвать неуничтожаемостью. Капиталъ, не только помѣщенный въ производствѣ, но и мертвый, если только онъ не заключается въ денежной формѣ, съ теченіемъ времени уничтожается даже матеріально; къ этому присоединяется еще экономическое уничтоженіе капитала, остающагося безъ употребленія: машина, цѣнность которой производство не успѣло еще перенести на продукты, утрачиваетъ большую часть своей

[1]) Тамъ же, 59.

капитальной стоимости, какъ скоро изобрѣтена и стала входить въ употребленіе однородная машина улучшенной конструкціи. Между тѣмъ въ отношеніи земли стихійное уничтоженіе цѣнности почти не имѣетъ мѣста, и даже послѣ истощенія ея производительныхъ силъ такъ-называемымъ хищническимъ хозяйствомъ человѣка, онѣ могутъ быть возстановлены простымъ воздѣйствіемъ однѣхъ силъ природы, какъ то бываетъ при залежной системѣ хозяйства. Правда, бываютъ примѣры, что уничтожается и „земля": провалы вслѣдствіе землетрясеній, пониженіе прибрежной мѣстности и потопленіе ее водой и т. п., но эти случаи, по ихъ относительной количественной ничтожности, не подрываютъ общаго экономическаго положенія о неуничтожаемости земли, тѣмъ болѣе, что капиталы уничтожаются отъ аналогичныхъ стихійныхъ причинъ (пожары, землетрясенія, наводненія) безъ сравненія въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Экономическія же причины больше и чаще работаютъ въ пользу возрастанія, а не пониженія цѣнности земли.

Такимъ образомъ, въ силу какъ физическихъ, такъ и экономическихъ особенностей, землю неправильно отождествлять съ капиталомъ: ее слѣдуетъ разсматривать, какъ самостоятельную экономическую категорію, и даже мало отличать отъ капитала въ тѣсномъ смыслѣ особымъ эпитетомъ, какъ то дѣлаетъ, напримѣръ, Лоренцъ Штейнъ [1]), называя ее земельнымъ капиталомъ. Земельнымъ капиталомъ можно назвать только ту часть цѣнности земли, которая соотвѣтствуетъ фиксированному въ ней и неоплаченному еще капиталу. Въ цѣломъ же, какъ по законамъ образованія цѣнности, такъ и законамъ, которыя управляютъ ея доходностью, земля далеко не тождественна съ капиталомъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Производный или конъюнктуральный характеръ цѣнности земли обнаруживается очень ясно при анализѣ главныхъ причинъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ доходность земли, извѣстная подъ именемъ поземельной ренты. Поземельная рента имѣетъ глубокую и тѣсную связь со всѣми поземельными отношеніями, и намъ необходимо, поэтому, остановиться на ней съ особеннымъ вниманіемъ.

---

[1]) См. Drei Fragen etc.

II.

Какъ извѣстно, со времени появленія „Основаній политической экономіи и налоговъ“ Давида Рикардо, вопросъ о поземельной рентѣ сдѣлался однимъ изъ краеугольныхъ въ экономической наукѣ. Принятая экономистами вначалѣ съ большимъ единодушіемъ, какъ одно изъ замѣчательныхъ открытій въ области политической экономіи, теорія ренты Рикардо впослѣдствіи подверглась горячей критикѣ и нападкамъ съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Въ настоящее время, даже въ Англіи, гдѣ ученіе Рикардо пустило наиболѣе глубокіе корни, можно нерѣдко встрѣтить въ экономической литературѣ весьма суровые отзывы объ этомъ ученіи. Одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ англійскихъ авторитетовъ въ области политической экономіи, оксфордскій профессоръ Роджерсъ напримѣръ, того мнѣнія, что „такъ-называемое открытіе Рикардо не заслуживаетъ большого кредита; оно частью представляетъ избитую истину (трюизмъ), частью заблужденіе, и принятіе ее за достаточный анализъ ренты составляетъ одно изъ спеціальныхъ препятствій, которыя загромождаютъ путь, когда дѣло идетъ о рѣшеніи современныхъ затрудненій чрезвычайной важности“ [1]).

Мы, однако, думаемъ, что, несмотря на справедливость многихъ нападокъ на теорію ренты Рикардо, несмотря на очевидную въ настоящее время необходимость существенныхъ поправокъ и измѣненій въ ней, для своего времени она внесла значительный свѣтъ въ этотъ сложный вопросъ и до сихъ поръ сохраняетъ въ себѣ болѣе научной цѣнности, чѣмъ теоріи позднѣйшихъ ея противниковъ, какъ Бастіà, Леруа-Болье и даже Кэри. Въ виду этого, обращаясь къ разсмотрѣнію теоріи поземельной ренты, мы за отправной пунктъ возьмемъ ученіе Рикардо.

„Рента, говоритъ Рикардо, есть та часть земледѣльческаго продукта, которая уплачивается землевладѣльцу за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы“ [2]).

Давая такое опредѣленіе, Рикардо, какъ онъ объясняетъ, желаетъ лишь ограничить слово „рента“, придать ему болѣе

---

[1]) J. E. Thorold Rogers, The economic interpretation of History. 1888, стр. 161.

[2]) Сочиненіе Давида Рикардо. Переводъ Н. Зибера. 1882. стр. 29.

строгое значеніе, чѣмъ тотъ смыслъ, какой придаютъ ему въ обыкновенной рѣчи, когда „ренту смѣшиваютъ съ процентомъ и съ прибылью на капиталъ или разумѣютъ подъ рентою весь годичный платежъ фермера землевладѣльцу". Совершенно послѣдовательно своему взгляду на ренту, Рикардо считаетъ, что возникновеніе ренты слѣдуетъ за обращеніемъ земель въ собственность.

Первое, что можно сказать про опредѣленіе Рикардо — это, что оно вообще недостаточно ясно и точно. Рикардо, имѣя передъ глазами господствующую въ Англіи систему крупнаго землевладѣнія и фермерства, неудачно называетъ ренту платежемъ, такъ какъ въ дѣйствительности она не всегда является въ формѣ платежа, напримѣръ, при системѣ общиннаго и мелкаго заемнаго землевладѣнія, при крупномъ самостоятельномъ хозяйствѣ землевладѣльца, и т. п. Поземельная рента, кромѣ того, не есть вознагражденіе за одни естественныя свойства, но и за экономическія. Это, впрочемъ, чувствовалъ и самъ Рикардо.

Такимъ образомъ поземельную ренту лучше было бы опредѣлить какъ вознагражденіе за пользованіе естественно-экономическими свойствами земли, которое получаютъ землевладѣльцы отъ арендаторовъ, или доходъ отъ земли, соотвѣтствующій этому вознагражденію.

Выдѣляя поземельную ренту, какъ самостоятельный видъ дохода, Рикардо и вообще англійская школа строго противопоставила ее доходу отъ труда и капитала. Что же это за доходъ и откуда онъ берется?

Физіократы, какъ извѣстно, съ большей убѣдительностью для современниковъ доказывали, что земледѣліе—единственная отрасль производства, которая даетъ чистый доходъ, благодаря тому содѣйствію, какое оказываетъ въ земледѣльческомъ трудѣ природа своими даровыми силами. Только въ земледѣліи одно зерно, брошенное въ землю, въ результатѣ даетъ нѣсколько. Трудъ, обращенный на мануфактурную промышленность и т. п.—трудъ непроизводительный, такъ какъ онъ лишь измѣняетъ тѣ продукты, какіе берутся прямо у природы при добывающей промышленности. Поэтому дѣйствительно производителенъ одинъ только добывающій трудъ.

Адамъ Смитъ, отбросивъ многія положенія физіократовъ, которыя считалъ неправильными, тѣмъ не менѣе, не порвалъ

всѣхъ связей съ сущностью воззрѣній физіократовъ на землю. „Нѣтъ капитала, утверждалъ онъ, который при одинаковомъ размѣрѣ приводилъ бы въ движеніе большее количество труда, чѣмъ капиталъ фермера. У послѣдняго не только его люди, но и рабочій скотъ являются производительными рабочими. Въ земледѣліи, сверхъ того, вмѣстѣ съ человѣкомъ работаетъ природа, и хотя трудъ ея даровой, но продукты его представляютъ такую же цѣнность, какъ и продукты труда самыхъ дорогихъ рабочихъ". Занятые въ земледѣліи „рабочіе и рабочій скотъ, не только воспроизводятъ, подобно мануфактурнымъ рабочимъ, цѣнность, равную ихъ потребленію или капиталу, который ихъ занимаетъ, и прибыли капиталиста, но создаютъ еще гораздо бо̀льшую цѣнность. Кромѣ капитала фермера и его прибыли, они регулярно воспроизводятъ еще ренту землевладѣльца. На эту ренту можно смотрѣть какъ на продуктъ тѣхъ силъ природы, пользованіе которыми землевладѣлецъ уступаетъ земледѣльцу. Она бываетъ больше или меньше, смотря по предполагаемымъ размѣрамъ этихъ силъ, другими словами, смотря по естественному или искусственному плодородію земли. Она есть работа (the work) природы и остается за вычетомъ или вознагражденіемъ всего, что можно разсматривать какъ работу человѣка. Она составляетъ рѣдко менѣе одной четверти, а часто болѣе трети всего продукта. Никогда равное количество производительнаго труда, употребленнаго въ мануфактурѣ, не можетъ дать такого воспроизведенія. Въ мануфактурной промышленности природа не дѣлаетъ ничего, — все дѣлаетъ человѣкъ, а производство (the reproduction) всегда должно быть пропорціонально силѣ дѣятелей, участвующихъ въ немъ. Капиталъ, употребленный въ земледѣліи, не только приводитъ въ дѣйствіе большее количество производительнаго труда, чѣмъ равный капиталъ въ мануфактурной промышленности, но въ соотвѣтствіи съ количествомъ производительнаго труда, который приводится въ дѣйствіе капиталомъ, онъ прибавляетъ гораздо бо̀льшую цѣнность къ годовому продукту земли и труда въ данной странѣ, къ дѣйствительному богатству и доходу жителей. Изъ всѣхъ способовъ употребленія капитала это есть безъ сравненія самое выгодное для общества" [1]).

---

[1]) A. Smith, On the wealth of nations. Book. II, ch. 5.

Положеніе физіократовъ и А. Смита о преимущественной роли природы въ земледѣліи, сравнительно съ другими отраслями хозяйственной дѣятельности, вызвало горячіе нападки со стороны послѣдующихъ экономистовъ, въ томъ числѣ и Рикардо.

„Развѣ природа ничего не дѣлаетъ для человѣка?—читаемъ мы, напримѣръ, у Рикардо:—развѣ силы вѣтра и воды, приводящія въ дѣйствіе машины и оказывающія пособіе мореплаванію, не имѣютъ никакого значенія? Давленіе атмосферы и упругость пара, посредствомъ которыхъ мы приводимъ въ движеніе самыя удивительныя машины, развѣ это не дары природы? Не говоря о дѣйствіи теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и объ участіи воздуха въ процессахъ окрашиванія и броженія, нѣтъ ни одной отрасли мануфактуры, въ которой природа не оказывала бы помощи человѣку и при томъ помощи даровой и щедрой".

Справедливое, съ перваго взгляда, возраженіе Рикардо А. Смиту, на самомъ дѣлѣ сохраняетъ свою силу лишь въ отношеніи къ его абсолютному выраженію, что „въ мануфактурной промышленности природа не производитъ ничего, все производитъ человѣкъ". Но это возраженіе вовсе не подрываетъ положенія физіократовъ и А. Смита о бо̀льшемъ значеніи природы въ земледѣліи, сравнительно съ мануфактурою, и т. п.

Конечно, безъ содѣйствія естественныхъ силъ — теплоты, свѣта, тяготѣнія, сцѣпленія и проч., безъ участія природы невозможно представить себѣ ни одного производства. Всякое производство всегда сводится къ той или иной комбинаціи матеріи и силъ, въ результатѣ чего является нужный человѣку предметъ, услуга,—вообще какая-нибудь цѣнность. Но что же изъ того? Разница все-таки остается разницей.

Силы природы, связанныя съ землей могутъ работать на пользу человѣка при самыхъ примитивныхъ знаніяхъ его и умѣніи. Австралійскій дикарь, бросивъ въ землю зерно хлѣбнаго дерева, можетъ этимъ ограничить весь трудъ, а природа въ свое время предложитъ къ его услугамъ изобильное количество прекрасныхъ питательныхъ плодовъ. Совсѣмъ не то въ мануфактурѣ. Здѣсь каждый шагъ, выдѣлка ничтожной булавки, должна опираться на громадную массу знаній и продолжительныхъ опытовъ. Въ земледѣліи, изъ посѣянныхъ хлѣбныхъ зеренъ, нѣкоторыя могутъ пропасть, но изъ осталь-

ныхъ непремѣнно выростутъ хлѣбныя растенія, которыхъ желаетъ человѣкъ, а въ мануфактурѣ однѣ и тѣ же матеріалы, употребленныя въ дѣло, при неумѣніи обращаться съ ними, могутъ дать самые неожиданные результаты. Сила пара, конечно, сила естественная, даровая, но несвоевременное открытіе какого-нибудь клапана въ паровой машинѣ, излишекъ топлива и проч., можетъ сдѣлать то, что природа, вмѣсто помощи человѣку, исковеркаетъ все по-близости и лишеніемъ жизни накажетъ его за неумѣнье, неосторожность или небрежность. Въ земледѣліи же природа смотритъ сама за всѣми клапанами, здѣсь она гораздо менѣе требовательна къ человѣку, болѣе мягка и снисходительна къ его невѣжеству.

Различіе идетъ и дальше. Въ мануфактурѣ, чтобы заставить силы природы дѣйствовать въ нужномъ направленіи, человѣкъ долженъ затратить много предварительнаго труда на устройство соотвѣтствующихъ приспособленій, машинъ; въ земледѣліи, между тѣмъ, земля представляетъ уже отъ природы готовое орудіе, своеобразный „приборъ" или „машину". Для дѣйствія силы пара, кромѣ топлива, простыхъ орудій и текущаго труда, необходимо прежде истратить много труда и капитала, чтобы соорудить паровую машину; для дѣйствія же производительныхъ силъ почвы очень часто довольствуются только текущимъ трудомъ подготовки ея къ посѣву, при помощи самыхъ примитивныхъ орудій, и посѣвными сѣменами.

На высокихъ ступеняхъ развитія культуры отмѣченное основное различіе экономической роли природы въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ промышленности затемняется тѣмъ, что въ земледѣліе вкладываютъ большіе капиталы на дренажъ, орошеніе и т. п., и что въ немъ примѣняютъ также сложныя сельско-хозяйственныя орудія и паровую двигательную силу. Но различіе продолжаетъ существовать. Имъ объясняется большая производительность труда въ земледѣліи, которую чувствовали, не безъ основанія, физіократы и А. Смитъ, и здѣсь же лежитъ первоначальный источникъ поземельной ренты.

III.

Остановимся на первичныхъ явленіяхъ земледѣльческой жизни, сопровождающихъ возникновеніе и развитіе поземельной ренты.

Въ началѣ земледѣльческаго періода, при господствѣ простѣйшихъ формъ коллективной собственности,—все равно, обрабатываются ли пахатныя земли сообща и затѣмъ дѣлятся продукты, или каждый членъ общины утилизируетъ свой участокъ въ личную пользу,—ренты не существуетъ, такъ какъ при обиліи земли для культуры хлѣба естественно выдѣляется однородный по качеству участокъ или участки. Будутъ ли занятыя земли самыми плодородными по своимъ физическимъ свойствамъ или нѣтъ—это несущественно.

Рикардо, развивая свою теорію ренты, исходилъ изъ того предположенія, что по мѣрѣ увеличенія населенія, оно постепенно переходитъ все къ худшимъ землямъ. Кэри рядомъ фактовъ изъ исторіи заселенія Сѣверо-американскихъ Штатовъ и нѣкоторыми фактами, относящимися къ Европѣ, доказывалъ, что обработка земли начинается съ болѣе тощихъ почвъ на возвышенныхъ мѣстахъ и затѣмъ уже, когда поселенцы накопятъ достаточный капиталъ и будутъ располагать улучшенными орудіями, они переходятъ къ низкимъ болотистымъ или заросшимъ лѣсомъ мѣстностямъ, съ жирною плодородною почвою. Любопытные факты, приводимые Кэри, несомнѣнно доказываютъ, что въ исторической послѣдовательности не всегда самыя плодородныя земли въ странѣ поступаютъ въ земледѣльческую культуру первыми. Исторія земледѣлія въ Россіи также подтверждаетъ отчасти справедливость мнѣнія Кэри: разселеніе у насъ шло отъ нечерноземной полосы отъ Новгородо-Московской области къ черноземному югу и юго-востоку, и если теперь изъ естественныхъ областей Россіи самою населенною является черноземная нестепная полоса (40 чел. на кв. версту), которая въ этомъ отношеніи стоитъ выше центральной промышленной области (35 чел. на кв. версту), то совсѣмъ другая картина населенности была въ древней Руси. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что историческія изслѣдованія въ этомъ направленіи могли бы доставить не мало данныхъ, говорящихъ какъ въ пользу предположенія Рикардо, такъ и въ подкрѣпленіе мнѣнія Кэри. Земледѣліе въ дѣйствительности могло переходить и отъ плодородныхъ участковъ къ менѣе плодороднымъ и обратно, въ зависимости частью отъ случайныхъ причинъ, въ родѣ недостаточнаго знакомства съ занимаемою мѣстностью, частью по соображеніямъ съ другими экономическими выгодами, какъ-то: удобствомъ путей сообщенія, лег-

костью обработки почвы и т. п. Но во всѣхъ случаяхъ можно все-таки сказать, что населеніе старается занимать прежде всего земли лучшія въ экономическомъ смыслѣ, по понятіямъ даннаго времени и мѣста.

По теоріи Рикардо, когда населеніе увеличивается настолько, что обществу приходится, для удовлетворенія потребностей новыхъ членовъ въ землѣ, распахивать менѣе удобные участки, то прежде поступившія въ обработку земли будутъ давать, при одинаковомъ трудѣ, больше продуктовъ сравнительно съ новыми, и эта разница есть именно поземельная рента.

При такомъ предположеніи рента есть результатъ ухудшившихся условій жизни населенія, такъ какъ человѣку приходится теперь примѣнять свой трудъ на менѣе плодородной или удобной землѣ. Производительность земледѣльческаго труда, слѣдовательно, какъ будто понижается, и рента есть мѣра этого пониженія. Въ такомъ смыслѣ развиваетъ свою теорію Рикардо, считая прямую связь пониженія производительности земледѣльческаго труда съ возникновеніемъ и ростомъ ренты, какъ бы основнымъ закономъ поземельной ренты, но это одна изъ слабыхъ сторонъ его теоріи.

Въ дѣйствительности, увеличеніе населенія ведетъ за собой цѣлый рядъ измѣненій, которыя, при переходѣ къ культурѣ новыхъ земель, ставятъ примѣняемый на нихъ трудъ въ условія, при которыхъ онъ дѣлается нисколько не менѣе производительнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде на ранѣе занятыхъ земляхъ. Съ обращеніемъ въ культуру новыхъ земель идетъ и разселеніе жителей по странѣ, при чемъ существованіе старыхъ поселеній можетъ быть отнесено къ числу конъюнктуральныхъ условій для поступающихъ въ земледѣльческую культуру новыхъ земель,—условій, благодаря которымъ эти земли для новыхъ земледѣльцевъ могутъ быть нисколько не хуже, чѣмъ ранѣе занятыя земли для прежняго, болѣе рѣдкаго населенія. Благодаря конъюнктуральнымъ условіямъ, экономическія качества прежнихъ, худшихъ земель поднимаются. Къ этому присоединяются, хотя и медленныя, но постоянныя улучшенія въ сельско-хозяйственной техникѣ, измѣненія въ системахъ земледѣлія, въ организаціи труда и т. п., что, въ свою очередь, дѣлаетъ трудъ на сравнительно менѣе плодородныхъ участкахъ не менѣе производительнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде на лучшихъ земляхъ.

Весьма понятно, что новыя техническія условія производства будутъ примѣняться не только на „худшихъ" земляхъ, которыя, безъ этого обрабатывать было бы совсѣмъ невыгодно, но и на прежнихъ лучшихъ земляхъ, при чемъ послѣднія естественно дадутъ избытокъ не только противъ количества продуктовъ, получаемыхъ съ худшихъ земель, но и по сравненію съ тѣмъ, что онѣ доставляли раньше. Этотъ избытокъ, представляющій натуральную поземельную ренту, есть такимъ образомъ совмѣстный результатъ естественныхъ силъ почвы и прогресса, и прямой выигрышъ для общества. Онъ-то и создаетъ, уже на зарѣ экономическаго развитія, возможность обратить часть земли и труда на производство новыхъ, менѣе необходимыхъ продуктовъ или на прокормленіе тѣхъ лицъ, которыя начинаютъ посвящать свой трудъ earnedземледѣльческимъ промысламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, натуральная поземельная рента, при обмѣнѣ избытковъ земледѣльческихъ продуктовъ на другіе предметы потребленія, обусловливаетъ бо̀льшее благосостояніе тѣхъ, кто получаетъ ренту, сравнительно съ тѣми, кто ее не получаетъ.

Съ возрастаніемъ производительности труда, при увеличеніи населенія, весьма возможно, что земли, находившіяся раньше въ обработкѣ, будутъ способны прокормить и приростъ населенія. Поэтому, не обращаясь къ обработкѣ худшихъ земель, приростъ населенія можетъ прокормиться неземледѣльческимъ промысломъ, обмѣнивая продукты ихъ на хлѣбъ, мясо и проч., производимые владѣльцами худшихъ земель, и если онъ можетъ прокормиться только такъ же, какъ обрабатывая худшія земли, то производительность неземледѣльческаго труда будетъ соотвѣтствовать производительности земледѣльческаго труда на худшихъ земляхъ, а избытокъ, который въ этомъ случаѣ обмѣнивается на продукты неземледѣльческихъ промысловъ, соотвѣтствуетъ разницѣ между доходомъ съ лучшихъ и худшихъ земель. Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ производительности земледѣльческаго труда, хотя бы населеніе не расширяло запашекъ на „худшія земли", „лучшія земли" все же будутъ давать ренту, которая въ этомъ случаѣ опредѣлится не разницею между производительностью лучшихъ и худшихъ земель, а разницею между производительностью труда въ земледѣліи и въ неземледѣльческихъ промыслахъ, къ которымъ обращается свободный излишекъ населенія или приростъ. Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что, упоминая

о производительности неземледѣльческаго труда, мы разумѣемъ здѣсь простой трудъ, среднiй, а не квалифицированный.

По теорiи Рикардо возрастанiе ренты неизбѣжно связано и зависитъ отъ повышенiя цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, при чемъ эти цѣны опредѣляются количествомъ труда, затрачиваемаго при производствѣ хлѣба на худшихъ земляхъ. Указанiе на измѣненiе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ на причину измѣненiя ренты, было несомнѣнною заслугою Рикардо, разсѣявшаго заблужденiе, господствовавшее до него, будто бы поземельная рента входитъ въ составъ цѣны на хлѣбъ и проч., т. е. что хлѣбныя цѣны повышаются или понижаются за соотвѣтственными перемѣнами въ рентѣ. Однако, и въ этомъ пунктѣ нельзя во всемъ согласиться съ разсужденiями Рикардо.

Въ дѣйствительности прогрессъ промышленности, вызываемый улучшенiемъ въ обработкѣ земли, въ связи съ накопленiемъ капиталовъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, ведетъ къ тому, что цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ нѣсколько понижается сравнительно съ количествомъ труда, необходимаго на обработку худшихъ участковъ, а цѣнность неземледѣльческихъ продуктовъ соотвѣтственно повышается. Другими словами, прогрессъ техники въ связи съ закономъ спроса и предложенiя приводитъ къ тому, что количество неземледѣльческихъ продуктовъ, производимыхъ данною суммою труда и капитала, обмѣнивается на бóльшее количество хлѣба и т. п., чѣмъ можно было бы произвести его при затратѣ того же количества труда и капитала на худшихъ земляхъ, способныхъ прокормить земледѣльца.

Разъяснимъ это положенiе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣнiемъ Рикардо о полной противоположности интересовъ землевладѣльцевъ, получающихъ ренту, съ интересами другихъ классовъ населенiя, на примѣрѣ, заимствованномъ у него самого.

„Предположимъ, говоритъ Рикардо, что извѣстное населенiе для своего прокормленiя нуждается въ миллiонѣ квартеровъ пшеницы, которые даютъ участки № 1, 2, 3; если впослѣдствiи дѣлается усовершенствованiе, при помощи котораго участки № 1 и 2 могутъ доставлять надлежащее количество пшеницы безъ помощи № 3, то очевидно непосредственнымъ слѣдствiемъ должно быть пониженiе ренты, потому что, вмѣсто № 3, будетъ воздѣлываться № 2, не платя ренты,

а рента № 1 вмѣсто того, чтобы представлять разность между продуктомъ № 1 и 3, будетъ только разностью между № 1 и 2. При одномъ и томъ же населеніи не можетъ быть спроса на прибавочное количество хлѣба; капиталъ и трудъ, употребляемые въ обработку № 3, будутъ затрачены на производство другихъ полезныхъ для общества предметовъ и будутъ способствовать возвышенію ренты только въ такомъ случаѣ, если первоначальный матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, можетъ быть пріобрѣтенъ лишь при менѣе прибыльномъ употребленіи земледѣльческаго капитала, а въ этомъ случаѣ снова поступилъ бы въ обработку № 3".

Исключимъ послѣднее предположеніе и посмотримъ, дѣйствительно ли рента уменьшается для участка № 1 и уничтожается для № 2 при предположенномъ Рикардо улучшеніи? Теперь, за покрытіемъ прежнихъ расходовъ по обработкѣ, кромѣ прежняго избытка или ренты, владѣльцы № 1 и 2 получатъ еще избытокъ, равный прокормленію земледѣльцевъ, занятыхъ прежде на участкѣ № 3 и который они могутъ вымѣнять на неземледѣльческіе продукты лицъ, прежде обрабатывавшихъ участокъ № 3. Соціально-экономическое значеніе этого избытка, какъ ренты, не измѣнится отъ того, что обработка земель № 3 будетъ оставлена. Слѣдовательно, въ примѣрѣ, взятомъ Рикардо, рента не только не понизится, а повысится и по оцѣнкѣ на нее новымъ излишкомъ продуктовъ, и по оцѣнкѣ ее на количество другихъ предметовъ потребленія, которые можно получить за этотъ излишекъ, и наконецъ по оцѣнкѣ на деньги, если явленіе имѣетъ мѣсто при господствѣ денежнаго хозяйства. Справедливость этого видна даже, если мы представимъ себѣ, что рента выражается въ формѣ платежа фермеру-землевладѣльцу. Арендаторы, подъ опасеніемъ лишенія аренды, естественно удовольствуются прежнимъ или почти прежнимъ доходомъ для себя съ земли № 1 и 2, и весь новый прибавокъ или значительную часть его отдадутъ землевладѣльцу какъ поземельную ренту. Поэтому утвержденіе, что участокъ № 2 не даетъ ренты только потому, что не находится въ обработкѣ № 3, противорѣчитъ дѣйствительности.

Спрашивается, выиграютъ ли, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе классы общества при описанномъ повышеніи поземельной ренты? Совершенно естественно, что если для излишка

населенія, который могутъ прокормить, благодаря сдѣланнымъ улучшеніямъ, участки № 1 и 2, будетъ свободный выборъ между прокормленіемъ себя обработкою № 3 и занятіемъ другимъ промысломъ, продукты котораго можно вымѣнить на избытокъ хлѣба владѣльцевъ № 1 и 2, то они изберутъ второй способъ существованія лишь при томъ условіи, что владѣльцы № 1 и 2, которымъ необходимо сбыть свой излишекъ хлѣба на другіе предметы, отдадутъ этотъ излишекъ не за всѣ продукты труда населенія, отказавшагося отъ обработки № 3, а лишь за болѣе или менѣе значительную часть ихъ. Такимъ образомъ причины, повліявшія на увеличеніе ренты, увеличиваютъ и выгоды неземледѣльческаго класса, такъ какъ его трудъ теперь лучше оплачивается, чѣмъ на безрентномъ участкѣ № 3. Внѣшнимъ образомъ это выразится въ нѣкоторомъ пониженіи цѣнности хлѣба сравнительно съ цѣнностью неземледѣльческихъ продуктовъ. Такимъ образомъ повышеніе ренты можетъ сопровождаться пониженіемъ цѣнности хлѣба.

Въ экономической исторіи мы находимъ прямое подтвержденіе этого. Такъ, въ XVII столѣтіи въ Англіи средняя рента (арендная плата) пахатной земли составляла 3 шиллинга 6 пенсовъ за акръ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія она дошла уже до 7 шил., т. е. удвоилась, между тѣмъ какъ средняя цѣна пшеницы въ продолженіе XVII в. была 41 шил. за квартеръ, а въ первой половинѣ XVIII в. значительно ниже. Цѣны на другіе сельско-хозяйственные продукты были также не выше, чѣмъ въ XVII в., а на нѣкоторые, по свидѣтельству крупнѣйшаго авторитета по исторіи англійскаго земледѣлія, профессора Роджерса, цѣны стояли, употребляя обычное теперь выраженіе, „разорительно низкія“. Такъ, шерсть въ теченіе долгаго времени стоила 6 пенсовъ за фунтъ, т. е. менѣе той номинальной цѣны, которая нерѣдко стояла въ XIV и XV столѣтіяхъ. Въ позднѣйшее время ростъ ренты въ Великобританіи также вовсе не находился въ соразмѣрности съ движеніемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Именно, въ послѣдніи 50—75 лѣтъ рента на пахатную землю, сравнительно съ прежними эпохами, во многихъ случаяхъ увеличилась въ 80 разъ, тогда какъ цѣна на пшеницу повысилась въ то же время въ восемь разъ [1]).

---

[1]) J. E. Thorold Rogers, The economic interpretation of History, 1888 г. стр. 168, 176, 180.—Аналогичное явленіе подтверждаютъ и данныя, приведенныя у Rodbertus'a (Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 194 и слѣд.).

IV.

Для оцѣнки соціально-экономическаго значенія поземельной ренты, весьма существенно остановиться на разборѣ еще той части теоріи Рикардо, гдѣ онъ разъясняетъ отношенія, которыя существуютъ, по его мнѣнію, между земельною рентою и сельско-хозяйственными улучшеніями.

„Земледѣльческія улучшенія“, читаемъ мы у Рикардо, „бываютъ двухъ родовъ: одни увеличиваютъ производительную силу земли, другія даютъ намъ возможность, путемъ улучшенія нашихъ машинъ, получать прежній продуктъ, при помощи меньшаго количества труда. Тѣ и другія стремятся понизить цѣну естественныхъ произведеній; тѣ и другія дѣйствуютъ на ренту, но не одинаковымъ образомъ“. „Улучшенія, которыя увеличиваютъ производительную силу земли, представляютъ, напр., или болѣе выгодный сѣвооборотъ, или лучшаго качества удобреніе. Эти усовершенствованія даютъ намъ исключительную возможность добывать то же самое количество продукта на меньшемъ пространствѣ земли. Если, посредствомъ введенія въ сѣвооборотъ рѣпы, я могу прокормить своихъ овецъ, не увеличивая количества хлѣба, то участокъ, который служилъ прежде для прокормленія овецъ, останется безполезнымъ, и, такимъ образомъ, я получу прежнее количество сырыхъ произведеній съ меньшаго числа участковъ. Если я открою такое удобреніе, благодаря которому можно будетъ на одномъ и томъ же участкѣ земли производить на 20% болѣе хлѣба, то я могу извлечь часть капитала изъ наиболѣе непроизводительной части моей фермы. Но, какъ я уже замѣтилъ, продолжаетъ Рикардо, нѣтъ необходимости, для пониженія ренты, оставлять безъ обработки землю; для этого достаточно затрачивать послѣдовательно капиталъ на ту же самую землю съ различной выручкой и извлекать ту часть капитала, которая даетъ наименьшую выручку. Если, посредствомъ введенія въ хозяйство воздѣлыванія рѣпы или употребленія болѣе сложнаго удобренія, я могу получить то же количество продукта на меньшій капиталъ и не нарушая разности, существующей между производительной силой послѣдовательныхъ частей капитала, то я понижу ренту, такъ какъ въ этомъ случаѣ иная и болѣе производительная

часть будетъ служить мѣрою для опредѣленія всѣхъ прочихъ. Предположимъ, напр., что послѣдовательныя части капитала даютъ 100, 90, 80 и 70; пока я буду употреблять эти четыре части, моя рента будетъ 60 или разность между:

70 и 100 = 30 70 „ 90 = 20 70 „ 80 = 10 60	тогда какъ продуктъ будетъ 340	100 90 80 70 340

Пока я буду расходовать эти части, рента останется безъ измѣненія, хотя продуктъ каждой изъ нихъ подвергнется одинаковому возрастанію. Если отъ 100, 90, 80 и 70 продуктъ возрастаетъ до 125, 115, 105, 95, рента все-таки останется 60, что составляетъ разность между

95 и 125 = 30 95 „ 115 = 20 95 „ 105 = 10 60	между тѣмъ, какъ количество продукта увеличится до 440	125 115 105 95 440

Но при такомъ увеличеніи продукта безъ возрастанія спроса не было бы повода посвящать землѣ столько капитала; часть его была бы извлечена, и слѣдовательно послѣдняя часть капитала принесла бы 105, вмѣсто 95, а рента понизилась бы до 30 или до разности между

105 и 125 = 20 105 „ 115 = 10 30	тогда какъ продуктъ оставался бы, по прежнему, въ соотвѣтствіи съ потребностями населенія, ибо составлялъ бы 345 или	125 115 105 345

между тѣмъ, какъ спросъ составлялъ бы только 340 квартеровъ[1])".

Приведенное разсужденіе Рикардо представляетъ намъ одинъ изъ характерныхъ примѣровъ такъ называемаго математическаго метода выясненія различныхъ экономическихъ вопросовъ, которымъ постоянно пользуется Рикардо и который много разъ вызывалъ удивленіе и восхищеніе у позднѣйшихъ экономистовъ, гораздо въ большей степени, чѣмъ того заслуживалъ.

---

[1]) Сочиненія Давида Рикардо, стр. 38 и слѣд.

Только что цитированныя нами ариѳметическія выкладки Рикардо приводятъ къ очевидному заключенію, что для землевладѣльцевъ невыгодны улучшенія въ сельско-хозяйственной техникѣ,—выводъ, противорѣчащій опыту и разсчетамъ хорошихъ хозяевъ, что указываетъ на какую-то ошибку въ выкладкахъ. Но вмѣстотого, чтобы искать эту ошибку, Рикардо старается лишь отвлечь вниманіе читателя отъ парадоксальнаго вывода. Именно, къ приведенной страницѣ онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Надѣюсь, что не станутъ предполагать, будто я уменьшаю значеніе всякаго рода улучшеній для землевладѣльца: непосредственное ихъ дѣйствіе—пониженіе ренты; но такъ какъ они даютъ сильный толчекъ увеличенію народонаселенія и такъ какъ одновременно съ этимъ они даютъ намъ возможность воздѣлывать болѣе бѣдныя земли при помощи меньшаго количества труда, то, въ концѣ-концовъ, они приносятъ землевладѣльцу громадныя выгоды; тѣмъ не менѣе, должно пройти значительное время, въ теченіе котораго они будутъ положительно вредны для него".—Но мы знаемъ, что приростъ населенія въ среднемъ, напр. для европейскихъ государствъ, колеблется въ предѣлахъ 0,25 до 1,5% въ годъ, что рождаемость ни въ одномъ государствѣ не превышаетъ 5%, между тѣмъ, самъ же Рикардо не видитъ ничего поразительнаго въ открытіи такого улучшенія, которое увеличило бы производительность почвы на 20%. Неужели же при этомъ нашлось бы много землевладѣльцевъ, которые стали бы, въ разсчетѣ на увеличеніе народонаселенія въ странѣ, дѣлать улучшенія, которыя въ теченіе очень продолжительнаго времени будутъ имъ положительно вредны?! Такихъ чудаковъ найти не легко. Обычный разсчетъ землевладѣльца при улучшеніи въ хозяйствѣ — возвысить ренту немедленно или, по крайней мѣрѣ, въ недалекомъ будущемъ. Только такіе разсчеты служатъ сильнымъ двигателемъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Прекрасной иллюстраціей и подтвержденіемъ этого можетъ служить страничка изъ исторіи развитія сельскаго хозяйства въ Англіи.

Въ продолженіе XVIII вѣка, по утвержденію профессора Роджерса, англійское дворянство (country gentlemen), повидимому, всецѣло охватила страсть къ практическому земледѣлію. „Фермерскій классъ (tribe), говоритъ Артуръ Юнгъ, отмѣчая

проявленію этой моды, составился изъ всѣхъ слоевъ, отъ герцога до ремесленника (apprentice)". Въ нѣкоторыхъ классахъ общества страсть къ фермерству замѣчалась еще и въ эпоху юности Роджерса. „Это была, я не сомнѣваюсь, говоритъ Роджерсъ, разумная оцѣнка тѣхъ выгодъ, какія могли быть извлечены изъ новаго способа земледѣльческаго хозяйства". Сельская аристократія принялась за сельско-хозяйственныя улучшенія съ такимъ рвеніемъ, что въ какія нибудь 25—50 лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ было сдѣлано больше успѣховъ, чѣмъ за цѣлыя столѣтія прежде. Если этотъ благородный духъ удержится, говорилъ между прочимъ Артуръ Юнгъ, то наше сельское хозяйство скоро достигнетъ совершенства и будетъ основано на вѣрныхъ и философскихъ принципахъ, подобно медицинѣ" (sic). Прогрессивная дѣятельность поземельныхъ собственниковъ прошлаго столѣтія въ общемъ была для нихъ весьма прибыльною. „Лордъ Ловель (Lovell), съ фермерскими книгами котораго профессору Роджерсу далъ возможность ознакомиться его потомокъ и наслѣдникъ лордъ Лейчестерскій, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей „фермерскаго класса". Онъ сѣялъ хлѣбъ, билъ скотъ на мясо и не гнушался снабжать имъ своихъ благородныхъ сосѣдей и получать съ нихъ деньги. Онъ выдѣлывалъ для округа солодъ, обжигалъ кирпичи, известь. Онъ завѣдуетъ всей фермой, самъ оплачиваетъ всѣ счета, провѣряетъ каждую статью счета. Затѣмъ, при основательномъ выдѣленіи прибыли отъ ренты, при щедрой оплатѣ рабочихъ по времени, и значительныхъ и дорогихъ улучшеніяхъ въ имѣніи, какъ удобреніе части его мергелемъ, онъ всетаки опредѣляетъ свою прибыль въ 36% на затраты перваго года" [1]).

Подобные факты противорѣчатъ теоретическимъ выводамъ Рикардо; но факты отвергать нельзя, а потому слѣдуетъ искать ошибки въ разсужденіи. Ошибка Рикардо состоитъ въ его посылкѣ, что худшія земли ренты не даютъ, а на лучшихъ земляхъ рента равняется разности продуктовъ съ нихъ и съ безрентныхъ, по его представленію, земель. На самомъ дѣлѣ, если вначалѣ послѣдовательныя части капитала даютъ 100, 90, 80,

---

[1]) J. Thorold Rogers, „The Economic interpretation of History", 1888, стр. 176—179.

70 и общая сумма ренты равна (100—70)+(90—70)+(80—70), т. е. 60, то это значитъ, что 70 единицъ продукта оплачиваютъ достаточно трудъ и капиталъ. Когда затѣмъ вслѣдствіе улучшеній, при томъ же спросѣ, послѣдняя часть капитала будетъ извлечена и въ производствѣ останутся три части, дающія 125, 115 и 105 единицъ продукта, то, 3×70 или 210 единицъ продукта будетъ по прежнему достаточно для оплаты труда и капитала, затраченныхъ на производство, а землевладѣльцу останется въ видѣ ренты (125—70)+(115—70)+(105—70) или 135 единицъ, а не 30, какъ выходитъ по разсчету Рикардо. Отсюда ясно, что землевладѣльцу вовсе не придется долго ждать выгодъ отъ сдѣланныхъ улучшеній. Онъ при меньшемъ количествѣ капитала или съ меньшаго количества земли будетъ получать гораздо болѣе, чѣмъ вдвое, продуктовъ, за которые соотвѣтственно можетъ пріобрѣсти и больше другихъ предметовъ.

Указывая на выгодность улучшеній какъ для общества, такъ и для землевладѣльцевъ въ частности, слѣдуетъ однако замѣтить, что не для всѣхъ землевладѣльцевъ выгодны улучшенія, вводимыя въ странѣ. Если улучшенія, какъ обыкновенно бываетъ, ведутъ къ пониженію цѣнности продуктовъ, то рента на малопроизводительныхъ земляхъ можетъ понизиться, при чемъ обработка ихъ сдѣлается невыгодною. Но, по разсчету Рикардо, выходитъ, какъ будто потеряютъ отъ улучшенія всѣ землевладѣльцы въ странѣ, тогда какъ въ дѣйствительности могутъ потерять только нѣкоторые. Здѣсь мы сталкиваемся съ такимъ же явленіемъ, какъ и въ фабричной промышленности: улучшеніе техники, введеніе новыхъ, болѣе совершенныхъ машинъ, выгодныя для тѣхъ, кто начинаетъ съ ними дѣло, уменьшаютъ прибыль и даже могутъ разорить тѣхъ изъ предпринимателей, которые ранѣе затратили большіе капиталы на пріобрѣтеніе машинъ прежняго типа и которымъ требуется значительное время, чтобы эти машины успѣли перенести свою цѣнность на продукты производства.

И такъ, улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, выгодныя для массы населенія, выгодны и для большинства землевладѣльцевъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, возможенъ антагонизмъ между интересами поземельныхъ собственниковъ и остального населенія. Такъ, при неурожаяхъ и отсутствіи достаточнаго подвоза хлѣба изъ другихъ странъ, очень высокія цѣны на

9*

хлѣбъ иногда обезпечиваютъ большую денежную ренту для землевладѣльцевъ, когда населеніе терпитъ нужду. Бываютъ и обратные случаи. Конкурренція иноземнаго привоза, которая застала землевладѣльцевъ данной страны въ расплохъ, можетъ понизить цѣны на сельско-хозяйственные продукты, понизивъ вмѣстѣ съ тѣмъ поземельную ренту и обезпечивъ населенію дешевый хлѣбъ, и проч. Но въ послѣднемъ случаѣ, перемѣнами въ способѣ извлеченія дохода въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. улучшеніями, землевладѣльцы только и могутъ прямо помочь бѣдѣ. Какъ бы то ни было, все это частные случаи, притомъ противоположнаго характера, и ихъ нельзя возводить въ законъ поземельной ренты.

Раньше нами было указано, что рента можетъ повышаться вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Добавимъ къ этому, что возрастаніе ренты и при повышеніи этихъ цѣнъ не всегда есть признакъ ухудшившихся условій жизни населенія.

Въ промышленной густо населенной странѣ цѣны на хлѣбъ, напримѣръ, обыкновенно гораздо выше, чѣмъ въ земледѣльческой странѣ съ слабымъ развитіемъ мануфактурной и фабричной промышленности. Это, по теоріи Рикардо, объясняется тѣмъ, что для удовлетворенія потребностей населенія въ хлѣбѣ приходится на обработку земли тратить все новыя части капитала, которыя даютъ въ продуктахъ все меньше, и цѣна хлѣба поднимается по причинѣ пониженія такимъ образомъ производительности земледѣльческаго труда. Въ дѣйствительности же, съ прогрессомъ промышленности, съ примѣненіемъ большихъ капиталовъ къ земледѣлію, трудъ становится болѣе производительнымъ, и прежнее земледѣльческое населеніе теперь можетъ доставить хлѣбъ для увеличившагося населенія страны. Чѣмъ же объясняется въ данномъ случаѣ высокая цѣна на хлѣбъ? Мы думаемъ, болѣе значительнымъ возрастаніемъ производительности фабричнаго труда сравнительно съ трудомъ земледѣльческимъ. Благодаря этому, неземледѣльческій классъ теперь получаетъ возможность, при той же затратѣ труда и капитала, отдавать большее количество мануфактурныхъ товаровъ за то же количество хлѣба и все-таки, несмотря на это, имѣть въ своемъ распоряженіи большее количество продуктовъ неземледѣльческой промышленности.

V.

Ученіе Рикардо о поземельной рентѣ находится въ тѣсной связи съ его теоріей распредѣленія, о которой мы упоминали еще во введеніи и суть которой сводится къ тому, что соціальное развитіе, сопровождающееся ростомъ населенія и уменьшеніемъ производительности земледѣльческаго труда, въ концѣ концовъ ведетъ къ несомнѣнному и безусловному экономическому выигрышу только для класса поземельныхъ собственниковъ.

Разборъ теоріи поземельной ренты Рикардо заставляетъ признать ее въ очень значительной степени результатомъ увлеченія чисто дедуктивнымъ методомъ при ошибочныхъ посылкахъ; одинаковую судьбу съ этой теоріей должно раздѣлить и обоснованное на ней ученіе Рикардо о распредѣленіи.

Въ вопросѣ о поземельной рентѣ ближе къ истинѣ стоитъ Кэри. Его теорія по существу согласна съ тѣмъ, что было высказано нами на предшествовавшихъ страницахъ; но въ своихъ конечныхъ выводахъ, относительно распредѣленія, Кэри впадаетъ въ другую крайность, рисуя слишкомъ въ яркихъ краскахъ выигрышъ остальныхъ классовъ общества сравнительно съ выгодами поземельныхъ собственниковъ. Теорія Кэри имѣла не мало сторонниковъ, имѣетъ ихъ и теперь, а потому для болѣе полнаго освѣщенія какъ теоріи Рикардо, такъ и самаго вопроса о поземельной рентѣ, мы остановимся нѣсколько на разсужденіяхъ Кэри и его новѣйшемъ сторонникѣ, Леруа-Болье.

„Богатство есть власть, говоритъ Кэри: и чѣмъ богаче почва, которая разрабатывается, чѣмъ многочисленнѣе населеніе, которое можетъ получить средства существованія съ данной поверхности, тѣмъ легче становятся ассоціаціи и сильнѣе стремленіе къ комбинаціямъ для побѣды надъ остающимся еще сопротивленіемъ природы. Здѣсь, какъ вездѣ, первый шагъ самый дорогой и наименѣе производительный. На каждой слѣдующей ступени — усилій требуется все меньше, между тѣмъ какъ продуктъ труда постоянно увеличивается. Стоимость воспроизведенія инструментовъ, равныхъ по значенію съ тѣми, которые находятся въ употребленіи, постепенно уменьшается, цѣнность ихъ также уменьшается, прежняя земля и прежній топоръ замѣняются

новыми. Рента падаетъ, такъ какъ поземельный собственникъ вынужденъ довольствоваться меньшею долею продуктовъ въ вознагражденіе за пользованіе землею. Когда у собственника первой маленькой фермы спрашивали позволенія обрабатывать ее, онъ могъ отвѣтить: „Получая съ нея, въ результатѣ дневного труда, столько пищи, сколько безъ нея вы могли имѣть въ недѣлю, вамъ выгодно дать мнѣ три четверти продукта земли и труда. При этомъ вамъ останется, правда, лишь небольшая часть полученныхъ продуктовъ, но такъ какъ количество продуктовъ у васъ на много увеличится, то ваша заработная плата будетъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ теперь. Вы, слѣдовательно, должны быть довольны". По заключеніи условія, обѣ стороны находятъ свои силы увеличенными, вслѣдствіе чего онѣ могутъ теперь посвятить время и умъ для устройства машинъ, съ цѣлью дальнѣйшаго сбереженія труда. Прежде, въ теченіе долгихъ лѣтъ маленькая ферма требовала почти непрерывнаго труда и тѣмъ не менѣе могла доставлять только 100 бушелей въ результатѣ труда, затрачиваемаго при ея обработкѣ. Но вслѣдствіе постепенной комбинаціи силы ума съ чисто физическими силами, теперь ферма, доставляющая 200 бушелей, можетъ быть создана при меньшемъ трудѣ. Точно также при дальнѣйшихъ комбинаціяхъ, ферма въ 300 бушелей пріобрѣтается за меньшій трудъ, чѣмъ вначалѣ ферма со 100 бушелями, а затѣмъ вознагражденіе за ферму, доставляющую 400 буш., требуетъ еще меньшаго труда. Съ каждой новой ступенью улучшеній, цѣнность человѣка увеличивается по сравненію съ капиталомъ — настоящій трудъ пріобрѣтаетъ силу на счетъ прошлаго накопленія, и рента уменьшается относительно, хотя увеличивается въ своемъ абсолютномъ количествѣ. Первый собственникъ могъ заставить земледѣльца удовольствоваться четвертою частью продуктовъ его работы; но когда второму собственнику пришлось измѣрять силу его накопленія и его окружающихъ, онъ увидѣлъ, что относительное положеніе человѣка и матеріи (matter) сильно измѣнилось. Его собственная власть увеличилась, но также увеличилась и власть другихъ. Онъ могъ получить ферму въ 200 бушелей годового дохода съ меньшею затратою труда, чѣмъ прежде приходилось отдавать за ферму въ 100 бушелей; но то же стало доступнымъ и другимъ. Вмѣсто того,

чтобы требовать три четверти, какъ прежде, онъ назначитъ теперь только три пятыхъ, при чемъ получитъ 120 вмѣсто 75, которыя получалъ его предшественникъ и оставитъ земледѣльцу 80, т. е. болѣе чѣмъ въ три раза прежнее количество. На третьей ступени то же явленіе обнаружится еще съ большею силою. Ферма, способная доставить 300 бушелей, сдѣлается доступною за гораздо меньшую затрату труда, чѣмъ прежде приходилось тратить, чтобы получить ферму въ 200 бушелей, такъ какъ ея собственникъ будетъ договариваться съ земледѣльцами, располагающими бо̀льшею силою, — съ людьми, которые сами накопили капиталъ. Требуя теперь только половину продукта, онъ получитъ 150, оставляя 150 земледѣльцу тамъ, гдѣ его непосредственный предшественникъ оставлялъ только 80. Заработная плата возрастетъ теперь до 150 бушелей, сильно облегчая дальнѣйшее увеличеніе капитала. Движимый съ постоянно возрастающей силою прогрессъ въ дѣлѣ созданія еще болѣе улучшенныхъ машинъ, сдѣлается еще быстрѣе, чѣмъ онъ былъ прежде; и теперь полученіе фермы съ производительностью въ 400 бушелей будетъ стоить меньшихъ усилій, чѣмъ прежде требовалось за ферму съ производительностью въ 300 бушелей. Такъ какъ стоимость воспроизведенія теперь ниже, то собственникъ будетъ вынужденъ довольствоватся 45 процентами, беря 180 и оставляя рабочему 220. На пятой ступени доля капиталиста упадетъ до двухъ пятыхъ, а власть общества, располагать услугами природы, увеличится настолько, что ферма въ 600 бушелей можетъ быть получена за половину того труда, который требовался для кого-либо изъ предшественниковъ. То же самое будетъ имѣть мѣсто затѣмъ по отношенію фермы, доставляющей 1000 бушелей. Заработная плата возрастетъ въ соотвѣтственной степени, и рабочій, измѣряя свою власть трудомъ, за который могла быть получена новая ферма, увидитъ въ этомъ поводъ требовать двѣ трети, оставляя собственнику только одну треть тамъ, гдѣ первый собственникъ требовалъ и получалъ три четверти.

„Такимъ образомъ при распредѣленіи капиталистъ выигрываетъ, получая постоянно увеличивающееся количество отъ постоянно уменьшающейся доли постоянно увеличивающейся суммы продуктовъ; но рабочій выигрываетъ еще

болѣе, удерживая для себя постоянно возрастающую долю этой увеличившейся суммы, какъ видно изъ слѣдующаго:

	Вся сумма.	Доля капитала.	Доля труда.
На первой ступени.	100	75	25
„ второй „	200	120	80
„ третьей „	300	150	150
„ четвертой „	400	180	220
„ пятой „	600	240	360
„ шестой „	1000	333	667

„Сила капитала такимъ образомъ нѣсколько болѣе чѣмъ учетверилась, между тѣмъ какъ власть труда увеличилась болѣе чѣмъ въ двадцать шесть разъ. Чѣмъ быстрѣе идетъ уменьшеніе доли капиталиста, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ увеличенію отношенія постояннаго капитала къ оборотному, и къ дальнѣйшему уменьшенію доли, которая требуется въ качествѣ ренты. Съ развитіемъ власти человѣка надъ природою, слѣдовательно, связана постоянная тенденція къ уменьшенію власти человѣка надъ его ближнимъ и къ водворенію равенства различныхъ группъ человѣческой расы. Чтобы слабыя могли стать на одномъ уровнѣ съ сильными и чтобы женщины могли занять свое мѣсто рядомъ съ существомъ, которое повсюду было ея господиномъ—все это требуетъ, чтобы не было препятствій для возрастанія богатствъ, чтобы кооперацiи было предоставлено увеличиваться, и чтобы развивалась индивидуальность благодаря той спеціализаціи и раздѣленію занятій, которыя совершенно необходимы для быстроты обращенія и дѣятельнаго прогресса" [1]).

Теорія Кэри, какъ онъ справедливо отмѣчаетъ и самъ, совершенно отличается отъ установленной Мальтусомъ и Рикардо. По мнѣнію Рикардо прогрессъ промышленности ведетъ къ увеличенію доли землевладѣльца на счетъ долей капиталиста и рабочаго; по теоріи Кэри, всѣ выигрываютъ абсолютно,—доля же труда возрастаетъ и абсолютно, и относительно. Такая перспектива экономическаго развитія безспорно весьма утѣшительна для человѣчества, и если теорія Рикардо можетъ дѣйствовать подавляюще на сознаніе человѣка, которому приходится задумываться о будущемъ нашей куль-

[1]) H. C. Carey, Principles of social science. 1859, т. III, стр. 131—134.

туры, то теорія Кэри подкупаетъ своимъ благожелательствомъ и вѣрою въ однѣ свѣтлыя стороны экономическаго прогресса и въ самоустрояющееся благоденствіе всѣхъ классовъ общества. Къ сожалѣнію, если спросить себя, насколько теорія распредѣленія Кэри имъ доказана, то придется сознаться, что всѣ его ариѳметическія выкладки о доляхъ капитала и труда еще болѣе гипотетичны и произвольны, чѣмъ у Рикардо, при чемъ еще уступаютъ разсужденіямъ Рикардо въ краткости, отчетливости и простотѣ изложенія.

Кэри фантазируетъ какъ поэтъ, погруженный въ радужныя мечты, который чувствуетъ себя хорошо и желаетъ, чтобы и всѣмъ было такъ же хорошо. При такомъ оптимистическомъ настроеніи, для Кэри ничего не стоило въ своей таблицѣ, на первой предполагаемой имъ ступени экономическаго развитія, изъ 100 бушелей хлѣба отдѣлить на долю капитала 75 и на долю труда 25, а на 6 ступени изъ 1000 бушелей капиталу предоставить 333, а труду 667! Но читателю достаточно только, при нѣсколько худшемъ настроеніи духа чѣмъ у Кэри, поставить въ его таблицу другія цифры — и картина сейчасъ же измѣнится. Добавимъ къ этому, что въ своихъ разсчетахъ Кэри даже не выдѣляетъ доли капиталиста и землевладѣльца, т. е. не раздѣляетъ доходъ отъ капитала и поземельную ренту — и такимъ образомъ оставляетъ безъ должнаго анализа законъ возрастанія поземельной ренты въ тѣсномъ смыслѣ, а возможность рабочаго требовать себѣ большей доли при обработкѣ фермы обусловливаетъ накопленіемъ капитала у рабочаго, другими словами, при заключеніи взаимныхъ условій между собственникомъ фермы и рабочимъ противополагаетъ первому рабочаго-капиталиста. Кэри, кромѣ того, оставляетъ насъ въ недоумѣніи, о какихъ рабочихъ идетъ у него рѣчь въ приведенныхъ разсужденіяхъ—о земледѣльцахъ-фермерахъ или о рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, даже земледѣльческихъ, не говоря уже о многочисленной группѣ мануфактурныхъ рабочихъ и т. п.

Замѣтимъ, что въ выкладкахъ и разсужденіяхъ Кэри монопольный, коньюнктуральный характеръ поземельной ренты совершенно исчезаетъ, и это составляетъ существенную сторону его теоріи. Однако, такое отрицаніе монопольнаго характера вовсе не обосновано у него на фактахъ. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ отсутствіе въ поземельной рентѣ монополь-

наго характера удалось доказать Полю Леруа-Болье, который посвятилъ этому вопросу не мало страницъ въ своемъ „Опытѣ о распредѣленіи богатствъ“.

Изложивъ теорію Рикардо и разъясненія Д. Стюарта Милля по этому предмету, Леруа-Болье останавливается для провѣрки ихъ положеній на Англіи, Бельгіи и Франціи. „Во всѣхъ трехъ названныхъ странахъ богатство, говоритъ Леруа-Болье, въ теченіе столѣтія чрезвычайно увеличилось; въ двухъ первыхъ населеніе также особенно увеличилось; во Франціи же, напротивъ, оно осталось почти неподвижнымъ, въ особенности въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Повышеніе поземельнаго дохода въ этихъ трехъ странахъ, повидимому, не опровергаетъ, а подтверждаетъ идеи Стюарта Милля.

„Въ Англіи поземельная рента исчислялась въ 1800 г. въ 500 мил. франкахъ (20 мил. ф. стерл.), въ 1804 г. въ 700 мил. (28 мил. ф. с.), въ 1838 г. въ 750 м., въ 1857 г. въ 1.200; въ 1875 г. она была опредѣлена для подоходнаго налога въ 1.250 мил.; а такъ какъ вообще доходъ, подлежащій налогу, объявленный или опредѣленный по таксѣ, всегда менѣе дѣйствительнаго, то можно принять 1.500 мил. за вѣроятный доходъ сельской поземельной собственности, за поземельную ренту въ Англіи въ 1875; такимъ образомъ она утроилась съ 1800 г. и удвоилась съ 1838 г., что составляетъ 37—38 лѣтъ для періода удвоенія.

„Въ Бельгіи, согласно „Rapport présenté au nom des Sociétés agricoles de Belgique et sous les auspices du gouvernement“, сдѣланному Эмилемъ-де-Лавеле относительно „L'agriculture Belge“ въ 1878 г., въ періодъ съ 1830 г. по 1866 г., средняя арендная плата за гектаръ поднялась съ 57 фр. 25 с. до 108 фр., т. е. повысилась на 88%.

„Посмотримъ теперь на Францію, гдѣ населеніе почти неподвижное и гдѣ капиталы быстро растутъ; это должно вызывать, согласно положеніямъ Стюарта Милля, пониженіе промышленной прибыли и повышеніе заработной платы, что и наблюдается. Сельскій поземельный налогъ оцѣнивался Лавуазье въ 1790 г. въ 1.200 мил., въ 1815 его опредѣляла оффиціальная статистика въ 1.500 м. фр., въ 1874— въ 2 милліарда 750 мил., такимъ образомъ болѣе чѣмъ вдвое больше съ 1790 и почти вдвое съ 1815. Нѣкоторые экономисты, М. Ипполитъ Пасси между ними, думаютъ, что въ

настоящее время поземельный доходъ значительно превышаетъ только что приведенную цифру и исчисляютъ его въ 4—5 милліардовъ. Послѣдняя цифра намъ кажется преувеличенной, а оффиціальное исчисленіе болѣе точнымъ.

„Поземельный доходъ такимъ образомъ значительно увеличился во Франціи, хотя въ меньшей пропорціи, чѣмъ въ Англіи и Бельгіи; это неравенство въ возрастаніи въ трехъ названныхъ странахъ зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ многихъ причинъ, но одна изъ нихъ та, что населеніе менѣе увеличилось во Франціи, чѣмъ въ двухъ сосѣднихъ странахъ.

„Факты, которые мы только что привели, повидимому, говоритъ Леруа-Болье, вполнѣ подтверждаютъ доктрины Рикардо и Д. Стюарта Милля. Нужно, однако, разсмотрѣть, не происходитъ ли это столь большое возвышеніе поземельной ренты съ 1800 или 1830 г., въ этихъ богатыхъ странахъ, всецѣло или по крайней мѣрѣ въ большей части отъ того, что капиталы еще болѣе значительные были вложены въ почву, и много ли превышаетъ увеличеніе ренты процентъ и погашеніе этихъ новыхъ капиталовъ. Экономисты англійской школы пренебрегаютъ этимъ анализомъ, который они считаютъ маловажнымъ, и приписываютъ все это возвышеніе поземельнаго дохода или почти все законамъ, которые они открыли и которые дѣлаютъ изъ поземельнаго собственника своего рода получателя десятины, который безъ труда обращаетъ въ свою пользу преимущественную долю въ развитіи общественнаго богатства (une sorte de décimateur prélevant sans travail un préciput sur le developpement de la richesse sociale“ [1]).

Подчеркнутыя нами строки совершенно ясно обнаруживаютъ не только точку зрѣнія французскаго экономиста, но и указываютъ на самый отвѣтъ его.

Послѣ многихъ цитатъ изъ Бастіà, Кэри, Пасси,—Леруа-Болье говоритъ: „Одинъ пунктъ въ теоріи Рикардо остается вѣрнымъ — что въ чистомъ доходѣ многихъ земель есть часть, очень различная по значенію, которая представляетъ естественное превосходство плодородія или пониженія передъ другими землями, находящимися въ обработкѣ. Бастіà былъ неправъ, нападая на это по-

---

[1] Тамъ же, 88—90.

ложеніе, столь вѣрное. Но что ошибочно въ теоріи Рикардо —то это то, что цивилизація имѣетъ тенденцію вызывать постепенное, самопроизвольное (spontanément), возвышеніе поземельной ренты, независимо отъ всякаго труда или всякихъ издержекъ собственника, всякаго улучшенія почвы. Если разсмотрѣть въ мельчайшихъ подробностяхъ (minutieusement) возвышеніе арендъ, если бы можно было составить полный счетъ совокупности капиталовъ, которые были вложены въ землю всѣмъ классомъ поземельныхъ собственниковъ за четверть или за пол-столѣтія, то очень сомнительно, чтобы сумма возвышенія всѣхъ арендъ страны представила бы болѣе, чѣмъ средній обычный процентъ, гражданскій или коммерческій, всѣхъ этихъ издержекъ. Это возвышеніе арендъ распредѣляется, безъ сомнѣнія, очень неравномѣрно между различными собственниками, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, сдѣлавъ большія издержки, не извлекаютъ отсюда никакой выгоды; другія, напротивъ, получаютъ значительную пользу за малыя издержки, или даже просто какъ результатъ внѣшнихъ обстоятельствъ, къ которымъ они вовсе непричастны. Классъ же собственниковъ, взятый въ цѣломъ и за длинный рядъ годовъ, за три четверти вѣка или за цѣлый вѣкъ, не болѣе благопріятствуемъ судьбою, чѣмъ классъ торговцевъ, промышленниковъ или классъ простыхъ рабочихъ“ [1]).

VI.

Итакъ, по мнѣнію Леруа-Болье рента есть не что иное, какъ процентъ съ фиксированныхъ въ землѣ капиталовъ, и процентъ болѣе умѣренный, чѣмъ тотъ, которымъ въ среднемъ довольствуются капиталисты при помѣщеніи капиталовъ въ другія отрасли промышленности. Мнѣніе это, однако, не выдерживаетъ критики. Въ культурныхъ странахъ, конечно, можно указать не мало мѣстностей съ неудобной почвой, которыя уже цѣлыя столѣтія, какъ обращены въ плодороднѣйшія земли, благодаря непрестанному труду и затратамъ земледѣльца или землевладѣльца. Нечего и сомнѣваться въ томъ, что если бы съ самаго начала собственниками подоб-

[1]) Тамъ же, стр. 98 и слѣд.

ныхъ земель велся аккуратно счетъ всѣмъ произведеннымъ капитальнымъ затратамъ, то теперешняя цѣнность этихъ земель оказалась бы ничтожной, сравнительно съ общимъ итогомъ капитальныхъ издержекъ, а рента составляла бы ничтожный процентъ съ суммы этихъ издержекъ. Но само по себѣ подобное суммированіе, какъ намъ кажется, есть логическій и экономическій абсурдъ. Огромное большинство капитальныхъ затратъ подлежитъ постепенному уничтоженію. Чтобы сохранить качества улучшенной земли, необходимо время отъ времени возобновлять однородныя капитальныя затраты, капиталы, вкладываемые въ землю уничтожаются и пагашаются, также какъ это имѣетъ мѣсто и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Суммировать же всѣ капиталы, вложенные въ землю за неопредѣленно долгій періодъ, какъ считаетъ возможнымъ Леруа-Болье, все равно, что для оцѣнки фабрики складывать стоимость машинъ и орудій, какія пріобрѣтались за все время ея существованія, не принимая во вниманіе, что многія изъ нихъ давно уже, выполнивъ свое назначеніе, пришли въ негодность, окупились въ цѣнѣ продуктовъ и замѣнены новыми,—все равно, что для опредѣленія, напримѣръ, цѣны старой рабочей лошади складывать стоимость ея содержанія за весь ея возрастъ.

Произвольность такого суммированія наглядно обнаруживается у Леруа-Болье, когда онъ принимаетъ для этого срокъ за 25 лѣтъ или за 50. Если, по его мнѣнію, можно по произволу взять сумму въ предѣлахъ 25—50 л., то отчего же, въ случаѣ надобности, не взять за 75, 100, 1000 лѣтъ, при чемъ мы можемъ, конечно, получить любую, желаемую нами, сумму.

Любопытно, что Леруа-Болье приведенными выше оговорками и исключеніями самъ же подрываетъ даже внѣшнюю убѣдительность своего положенія, что поземельная рента представляетъ средній или даже менѣе обычнаго процента съ капитала, вложеннаго въ землю.

Если, рядомъ съ „нѣкоторыми“ собственниками, сдѣлавшими неудачныя затраты и не извлекающими изъ этого никакихъ выгодъ, есть „другіе“, въ дѣйствительности большинство, которые получаютъ выгоды, несоразмѣрныя съ затратами въ землю или даже просто зависящія отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ воли, таланта или затратъ собственниковъ земли (мы называемъ это конъюнктурою), то

можно ли отвергать, что прогрессъ промышленности ведетъ къ возвышенію поземельной ренты, независимо отъ тѣхъ услугъ, которыя данные землевладѣльцы оказываютъ обществу своею дѣятельностью и капиталами? Правда, Леруа-Болье завѣряетъ насъ, что классъ поземельныхъ собственниковъ, взятый въ цѣломъ, за 75—100 лѣтъ, не болѣе благопріятствуемъ судьбою, чѣмъ другія общественныя группы, въ томъ числѣ и классъ простыхъ рабочихъ. Но это еще надо доказать, хотя не безъ нѣкоторыхъ основаній можно сомнѣваться въ томъ, что это можетъ быть доказано.

Въ разсужденіяхъ Леруа-Болье мы находимъ еще одну весьма слабую сторону: отождествляя поземельную ренту съ доходомъ отъ капиталовъ, фиксированныхъ въ землѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсуждаетъ такъ, какъ будто эти капиталы вкладываются самими поземельными собственниками. Между тѣмъ, если мы обратимся напримѣръ, къ экономической исторіи Англіи, то увидимъ, что въ самомъ началѣ англійскаго земледѣлія бремя капитальныхъ затратъ на себя принимали землевладѣльцы, при чемъ самая рента носила на себѣ скорѣе характеръ пошлины, налагаемый сильнымъ на слабаго за дѣйствительное или предполагаемое покровительство. При этихъ условіяхъ рента цѣлыя столѣтія оставалась почти неизмѣнной. Но уже въ семнадцатомъ столѣтіи положеніе дѣлъ въ Англіи существенно измѣнилось. Водворяется господство ренты, устанавливаемой на законахъ конкурренціи между арендаторами, которые принимаютъ на себя обязанность дѣлать капитальныя затраты въ хозяйствѣ. „Ренты семнадцатаго столѣтія, говоритъ Роджерсъ: какъ онѣ ни кажутся намъ малыми, начинаясь съ рентъ, опредѣляющихся соперничествомъ, быстро доходятъ до голодныхъ рентъ, т. е. такихъ, которыя арендатору, за скуднымъ пропитаніемъ, не оставляютъ ничего ни для улучшеній, ни для сбереженій“. Только благодаря побочнымъ промысламъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи (ткачество), въ особенности въ восточныхъ графствахъ, на западѣ и сѣверѣ, фермеръ могъ сравнительно индифферентно относиться къ возрастанію ренты [1]).

По теоріи Кэри и Леруа-Болье законы конкурренціи при

---

[1]) J. E. Thorold Rogers, „The economic interpretation of History“, 1888 г., стр. 174 и слѣд.

заключенiи сдѣлокъ между поземельными собственниками и арендаторами, дѣйствуютъ преимущественно въ пользу арендаторовъ. Въ картинѣ, нарисованной Кэри, поземельные собственники оказываются даже совершенно въ рукахъ фермеровъ, которые предписываютъ условiя, и поземельнымъ собственникамъ приходится брать, что даютъ. Но не есть ли это созданiе фантазiи? Въ результатѣ своихъ историко-экономическихъ изысканiй, Роджерсъ, напримѣръ, приходитъ совсѣмъ къ другимъ выводамъ относительно ренты, опредѣляемой свободнымъ соперничествомъ. Онъ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что законъ конкурренцiи при арендованiи земли дѣйствуетъ, въ самыхъ благопрiятныхъ случаяхъ, лишь въ моментъ заключенiя сдѣлки, но что затѣмъ фермеръ уже вовсе не свободенъ въ продолженiи аренды или въ оставленiи фермы, такъ изъ нея нельзя извлечь капиталы безъ потери для его владѣльца. Эту потерю для англiйскаго фермера опредѣляютъ въ 10—15 процентовъ. Что же выходитъ отсюда? „Положимъ, говоритъ Роджерсъ, арендаторъ снимаетъ ферму въ 800 акровъ за 500 фунт. стерл. въ годъ, и вкладываетъ въ нее капиталъ, необходимый для веденiя первокласснаго хозяйства, въ 5 000 ф. с., или одну треть продажной цѣны фермы въ лучшiе годы. Представимъ себѣ теперь, что ландлордъ рѣшаетъ повысить ренту на 22 шил. 6 п. съ акра и предлагаетъ арендатору принять это условiе или оставить ферму. Въ послѣднемъ случаѣ потеря фермера составитъ, по крайней мѣрѣ, 500 ф. с. или, согласно авторитету Джемса Керда—750 ф., и чѣмъ фермеръ будетъ лучшiй хозяинъ, тѣмъ вѣрнѣе потеря. Это онъ знаетъ, но если бы у фермера была привычка вести счетъ, онъ видѣлъ бы значенiе альтернативы, ибо я полагаю, говоритъ Роджерсъ, что приведенныя суммы представляютъ максимумъ прибыли, какую можно ждать отъ сельскаго хозяйства. Но не имѣя привычки вести счеты, фермеръ разсуждаетъ такъ: „Если я уйду, я потеряю отъ 500 — 750 ф. с.; если я останусь при возвышенной рентѣ, я буду платить 62 ф. 10 ш. болѣе. Рискну этимъ, цѣны могутъ улучшиться, я могу съэкономить на чемъ-нибудь, и сведу концы съ концами“. Между тѣмъ умѣй фермеръ разсчитывать, ему было бы ясно, что при этомъ онъ теряетъ часть своего капитала такъ же вѣрно, какъ если бы покинулъ ферму“ [1]).

---

[1]) Th. Rodgers, „The Ec. Interpretation“, etc., стр. 173.

Въ началѣ этой главы мы старались уже разъяснить, что цѣнность земли въ значительной степени есть цѣнность конъюнктуральная. Добавимъ здѣсь, что конъюнктуральный характеръ цѣнности земли въ особенности обнаруживается въ томъ, что цѣнность земли въ современномъ народномъ хозяйствѣ опредѣляется по капитализаціи поземельной ренты. Это значитъ, что цѣнность земли зависитъ отъ высоты ренты и средняго процента, какой даетъ собственнику ссудный капиталъ при наиболѣе обезпеченномъ помѣщеніи, именно: цѣнность земли измѣняется въ прямомъ отношеніи съ размѣромъ ренты и въ обратномъ — съ ссуднымъ процентомъ. Но мы знаемъ изъ приведенныхъ выше цифръ, что поземельная рента, по общему правилу, возрастаетъ съ прогрессомъ промышленности, а съ другой стороны, извѣстно, что по мѣрѣ этого прогресса понижается среднiй процентъ на капиталъ. Такимъ образомъ, поземельные собственники, въ отношеніи цѣнности земли, выигрываютъ отъ развитія внѣшнихъ конъюнктуральныхъ обстоятельствъ въ двоякомъ смыслѣ: и вслѣдствіе повышенія ренты, и по причинѣ пониженія процентовъ на капиталъ. Само собою разумѣется, что нельзя говорить о возрастаніи поземельной ренты, даже для цѣлыхъ странъ, а не только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ изъ года въ годъ: урожай или неурожай въ сосѣднихъ странахъ, заатлантическая конкурренція и т. п. — всѣ эти причины въ различныхъ направленіяхъ вліяютъ на движеніе земельной ренты въ европейскихъ странахъ. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, напримѣръ, вслѣдствіе паденія цѣны на хлѣбъ въ Западной Европѣ, во многихъ случаяхъ обнаружилось замѣтное пониженіе ренты. Какъ бы то ни было, статистическія данныя неоспоримо доказываютъ, что, несмотря на извилистость линіи, которою пришлось бы графически изобразить измѣненія во времени земельной ренты въ нашей части свѣта и въ Америкѣ, общее направленіе этой линіи для значительныхъ періодовъ и въ большинствѣ мѣстностей показываетъ возрастаніе земельной ренты, которое нельзя въ значительной степени не ставить въ зависимость отъ постепеннаго культурнаго развитія страны, увеличенія народонаселенія и т. п. Въ Англіи, напримѣръ, какъ мы видѣли, поземельная рента въ 1800 году опредѣлялась въ 500 милл. фр., а въ 1875 году достигла 1500 м. фр., т. е. утроилась. Въ Бельгіи съ 1830 г. по 1866 годъ арендная

плата повысилась на 88%. Во Франціи, по оффиціальнымъ даннымъ, доходъ съ сельско-хозяйственной недвижимости въ 1815 г. простирался до 1500 милл. фр., а въ 1874 г. достигъ до 2750 милл. фр., т. е. съ 1815 г. почти удвоился.

Было бы неосторожною поспѣшностью относить все это возрастаніе поземельнаго дохода на приростъ одной только земельной ренты: въ увеличеніи земельнаго дохода въ приведенныхъ примѣрахъ нѣкоторую роль, конечно, игралъ и тотъ капиталъ, который вложенъ за это время въ землю. Повторяемъ, однако, что было бы еще менѣе основательно почти все возрастаніе относить на проценты со вложенныхъ капиталовъ и приписывать ничтожное значеніе увеличенію народонаселенія, усиленію промышленности и т. п. Вліяніе конъюнктуральныхъ условій въ особенности обнаруживается на возвышеніи ренты въ такихъ странахъ, гдѣ сельское хозяйство стоитъ сравнительно на низкой степени развитія.

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что въ Россіи до и послѣ освобожденія крестьянъ сельское хозяйство поглотило большіе капиталы на такія прочныя улучшенія, какъ дренажъ, орошеніе, искусственные туки и т. п. Между тѣмъ рента почти повсемѣстно повысилась; на это указываетъ: 1) возвышеніе арендныхъ цѣнъ на землю; 2) возрастаніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, которое нельзя объяснить одними неурожаями; 3) возвышеніе капитальной цѣнности земли. При сравненіи средней выкупной ссуды на десятину земли съ банковою оцѣнкою оказывается, что въ большинствѣ губерній банковая оцѣнка выше выкупной. А такъ какъ при опредѣленіи выкупной оцѣнки послѣдняя по самому существу дѣла не могла быть выше среднихъ дѣйствительныхъ цѣнъ на землю, то означенный результатъ сравненія убѣдительно свидѣтельствуетъ объ относительномъ возрастаніи съ тѣхъ поръ цѣнности земли, что въ данномъ случаѣ равносильно увеличенію земельной ренты.

Здѣсь кстати замѣтить, что изученіе условій сельскаго хозяйства въ Россіи въ связи съ общими экономическими условіями страны приводитъ къ убѣжденію, что въ нашемъ отечествѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, ростъ ренты обезпеченъ на долгое время. Но даже и въ западной Европѣ убѣжденіе въ тенденціи ренты къ возрастанію не только высказывается большинствомъ экономистовъ, но подтверждается,

можно сказать, и гласомъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, при продажѣ земельныхъ участковъ, довольно обыкновенное явленіе, что за землю при покупкѣ даютъ сумму бо̀льшую той, какая получается изъ капитализаціи ренты по среднему обычному проценту. Если это обусловливается иногда потребностью въ прикупкѣ необходимыхъ участковъ, ради округленія смежныхъ владѣній, то съ другой — главную роль играетъ здѣсь, по справедливому замѣчанію Рошера, основательный разсчетъ, что земельная рента съ теченіемъ времени повысится, между тѣмъ какъ процентъ на капиталъ упадетъ.

Въ результатѣ всего предшествовавшаго разбора основныхъ положеній о поземельной рентѣ, сопоставленія теоріи Рикардо, Кэри, Леруа-Болье и пр., опираясь на указанія экономической исторіи, можно придти къ заключенію, что поземельная рента принадлежитъ къ числу тѣхъ видовъ дохода, которые съ теченіемъ времени возрастаютъ относительно и абсолютно, и что классъ поземельныхъ собственниковъ относительно получаетъ едва ли не больше всѣхъ отъ конъюнктуральнаго роста народнаго хозяйства. Само собою разумѣется, что конъюнктуральное возрастаніе различныхъ цѣнностей и конъюнктуральные доходы можно встрѣтить не только въ области землевладѣнія, но и въ другихъ сферахъ народнаго хозяйства. Иначе говоря, ренту даетъ не только земля, но можетъ давать и капиталъ, и квалифицированный трудъ. Въ этомъ смыслѣ высказывается, между прочимъ, Шеффле, по мнѣнію котораго рента по существу есть часть дохода, получаемаго въ зависимости отъ исключительныхъ благопріятныхъ условій производства и сбыта [1]). Но, по справедливому замѣчанію Рошера, между поземельной рентой и исключительнымъ доходомъ отъ труда и капитала всегда остается существенное различіе: въ послѣднемъ случаѣ личныя заслуги получающихъ ренту и ея непостоянство составляютъ общее правило, а при поземельной рентѣ это лишь рѣдкое исключеніе [2]).

Если, въ заключеніе настоящей главы, мы спросимъ себя, почему, повидимому, чисто теоретическіе вопросы о томъ, гдѣ лежитъ источникъ ренты, отъ какихъ причинъ зависитъ ея

---

[1]) Shäffle, „Das gesellschaftliche System". Dritte Aufl. 1873 г., т. II, стр. 76, 129 и др.

[2]) Roscher, „Grundlagen", стр. 362.

ростъ и колебаніе, отличается ли рента монопольнымъ характеромъ и пр., вызвали массу сочиненій, изъ которыхъ даже выдающіяся могутъ иногда произвести на непривычнаго читателя впечатлѣніе схоластическихъ разсужденій, почему эти вопросы возбуждали и до сихъ поръ могутъ возбуждать горячіе споры, то увидимъ, что причина этого лежитъ въ томъ, что въ связи съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ ставится обыкновенно защита или отрицаніе правъ частной поземельной собственности. Эта политическая сторона вопроса при разборѣ теоріи ренты, напримѣръ у Леруа-Болье, проглядываетъ отъ начала до конца.

Дѣйствительно, хотя поземельная рента представляетъ явленіе чисто-экономическое, а поземельная собственность — явленіе экономически-правовое, между ними есть несомнѣнная связь. Эта связь заключается въ томъ, что возникновеніе и развитіе поземельной ренты, вызываетъ поземельную собственность и обусловливаетъ ея развитіе. Сдѣлавъ вопросъ о поземельной собственности главнымъ предметомъ нашей книги, мы поэтому не случайно остановились предварительно на поземельной рентѣ.

Анализъ поземельной ренты показалъ намъ, что поземельная рента есть конъюнктуральный прибавочный доходъ, который земля, какъ факторъ производства, сравнительно съ капиталомъ, обезпечиваетъ хозяйству, благодаря своимъ экономическимъ свойствамъ. Поземельные собственники, въ силу своего права на землю, обыкновенно получаютъ ренту, тѣмъ не менѣе земля даетъ ренту въ народномъ хозяйствѣ независимо отъ этого права. Другими словами, землевладѣльцы могутъ и не получить ренты, если ее, напримѣръ, взяло бы правительство въ формѣ поземельнаго налога, хотя при этомъ рента все-таки останется рентою. Какъ бы то ни было, въ настоящее время вездѣ поземельные собственники вмѣстѣ съ тѣмъ и полные собственники получаемой отъ земли ренты, а потому вопросъ о поземельной собственности есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о распредѣленіи поземельной ренты въ обществѣ. Выгоды поземельной собственности на первомъ мѣстѣ сводятся къ выгодамъ полученія ренты. Сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, указываетъ на сосредоточеніе самаго крупнаго конъюнктуральнаго дохода народнаго хозяйства въ рукахъ немногочисленнаго класса

населенія; болѣе равномѣрное распредѣленіе поземельной собственности свидѣтельствуетъ о болѣе равномѣрномъ участіи массы населенія въ тѣхъ выгодахъ, которыя являются въ результатѣ промышленнаго и культурнаго прогресса, въ результатѣ соціальнаго труда.

ГЛАВА III.

Мелкая или крестьянская поземельная собственность.

I. Неопредѣленность понятій о мелкой, средней и крупной поземельной собственности.—Произвольность статистическихъ нормъ.—Необходимость экономическихъ основаній для группировки собственности.—Меньшія выгоды крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ сравнительно съ фабричнозаводскою промышленностью.—II. Выгодныя стороны мелкаго хозяйства.—Значеніе большого валового дохода.—III. Клочковая поземельная собственность.—Чрезполосность.—Преувеличенность опасеній чрезмѣрнаго развитія этихъ явленій. — Мѣры, принимаемыя для уменьшенія чрезполосности. — IV. Сельско-хозяйственные кризисы и мелкая поземельная собственность.

I.

Посвящая слѣдующія главы общему обзору поземельныхъ отношеній и распредѣленію поземельной собственности въ важнѣйшихъ государствахъ, въ настоящей главѣ мы остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ и экономическихъ особенностяхъ мелкаго землевладѣнія.

Въ вопросѣ, связанномъ съ размѣрами поземельной собственности, изслѣдователь прежде всего наталкивается на крайнюю неопредѣленность понятій, соединяемыхъ съ тѣми или иными размѣрами собственности. Въ экономической литературѣ и публицистикѣ весьма нерѣдко встрѣчаются разсужденія о мелкомъ, среднемъ и крупномъ землевладѣніи въ такомъ смыслѣ, какъ будто значеніе этихъ терминовъ для читателей ясно само собой, а между тѣмъ въ народномъ хозяйствѣ мало найдется болѣе условныхъ субъективныхъ понятій, чѣмъ эти. Спросите у лицъ, которыя выросли и воспитались не въ одной и той же странѣ, которыя сжились съ представленіями не одной и той же мѣстности, какихъ размѣ-

ровъ имѣнія они разумѣютъ, когда говорятъ о крупномъ, среднемъ или мелкомъ, и вы получите навѣрное столько же различныхъ отвѣтовъ, сколько будетъ отвѣчающихъ. Тотъ, кому приходилось постоянно жить въ мѣстности, гдѣ весьма распространены обширныя помѣстья, латифундіи, навѣрное укажетъ норму „крупнаго“ имѣнія въ болѣе значительной цифрѣ, чѣмъ тотъ, кто привыкъ вокругъ себя встрѣчать или слышать все о сравнительно небольшихъ владѣніяхъ.

Во Франціи понятіе о крупномъ сельскомъ хозяйствѣ связывается уже съ 100—300 гектаровъ, въ Бельгіи съ $112^1/_2$. Въ 1771 г. А. Юнгъ опредѣлялъ среднюю величину фермъ для сѣверной Англіи въ 114,5, для восточной—въ 139 гектаровъ. Около 1821 года Синклеръ полагалъ, что отъ 80 гект. (200 акровъ) начинается уже крупная собственность, между тѣмъ какъ по Макъ-Куллоху (1847) средняя величина арендныхъ участковъ для всей Англіи отъ 63 до 67,25 гект. Въ Брабантѣ имѣнія рѣдко превышаютъ 40—60 гект.; во французской Фландріи аренда въ среднемъ почти 25 гект., а въ бельгійской Фландріи существуетъ только 562 имѣнія свыше 50 гект., да изъ нихъ лишь 33 имѣютъ свыше 100 гект.

Около Лондона семья арендатора съ 5—20 акрами можетъ жить такъ же хорошо, какъ въ остальной Англіи съ 150—200 акровъ. Также вблизи большихъ рѣкъ часто можно замѣтить, рядомъ съ другими признаками болѣе высокой культуры, и большее дробленіе земли, при чемъ благосостояніе хозяевъ доказываетъ, что дробленіе не чрезмѣрно. Такъ, напримѣръ, во Франціи долина Гаронны, въ Германіи долина Рейна, въ Испаніи морское побережье, оказываются вмѣстѣ самыя парцеллированныя и самыя богатѣйшія мѣстности. На болѣе плодородной почвѣ интензивное хозяйство возможно раньше, чѣмъ на неплодородной. То же самое можно сказать и о дробленіи земли [1]).

Въ округѣ Merzig владѣльца 20-ти и болѣе гектаровъ (18,3 десят. и болѣе) считаютъ богатымъ уже крестьяниномъ, который можетъ получать нѣкоторый избытокъ, за покрытіемъ потребностей своей семьи. Собственники меньше 5 гектаровъ ($4^1/_2$ дес.) считаются „бѣдными, несчастными людьми“. О „среднемъ крестьянинѣ“, владѣющемъ 5—10 гектарами, думаютъ, что въ нормальный по урожаю годъ онъ произво-

---

[1]) W. Roscher, „Nationalökonomik des Ackerbaues“. 11 Aufl. 1885, стр. 179.

дитъ достаточно для своей семьи, и можетъ поэтому просуществовать безъ долговъ, за исключеніемъ случаевъ падежа скота, большого числа дѣтей, болѣзней и т. п. [1]).

Что касается статистическаго распредѣленія поземельной собственности на мелкую, среднюю и крупную, то здѣсь обыкновенно въ основаніе берутся въ настоящее время чисто ариѳметическія произвольныя нормы. Такъ, напримѣръ, группируя частную личную собственность въ Е. Россіи по размѣрамъ владѣнія, центральный статистическій комитетъ принимаетъ предѣлы: а) мелкой собственности до 100 дес. включительно, б) средней отъ 100 до 1000, и в) крупной—свыше 1000 дес. Но какой же смыслъ въ этихъ нормахъ при разнообразіи почвенныхъ, географическихъ и экономическихъ условій различныхъ областей Россіи? Если въ черноземной, густо населенной губерніи, напримѣръ Курской, имѣніе въ 100 — 150 дес. имѣніе средней величины, то въ области „башкирскихъ земель"—такая собственность считалась да и считается всѣми мелкою. Суммируя мелкую, среднюю и крупную собственность по этимъ нормамъ, статистики сознательно или безсознательно впадаютъ въ грубую статистическую ошибку, суммируя числа неоднороднаго ряда. Статистика поземельной собственности можетъ выйдти изъ своего теперешняго печальнаго состоянія не раньше, чѣмъ положитъ въ основу дѣленія различіе численныхъ нормъ для отдѣльныхъ мѣстностей, основанное на общемъ экономическомъ критеріи.

Наиболѣе цѣлесообразнымъ основнымъ признакомъ для группировки землевладѣнія могло бы служить, какъ намъ кажется, отношеніе участниковъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ между собою и къ землѣ [2]).

На этомъ основаніи къ мелкому землевладѣнію слѣдовало бы относить такую собственность, хозяйственное пользованіе которой не выходитъ изъ предѣловъ рабочихъ силъ средней семьи. Слѣдовательно, владѣлецъ такого участка земли можетъ обрабатывать свою землю самъ съ помощью членовъ своей семьи и не прибѣгать вовсе къ помощи наемныхъ работниковъ или же обращаться къ нимъ въ исключительныхъ случаяхъ.

---

[1]) „Bäuerliche Zustände in Deutschland: Berichte, veröffentlicht vom Vereine für Socialpolitik", 1883, т. I, 193. См. Rocher 168.

[2]) См. нашу книгу: „Политическая экономія въ связи съ финансами", 2 изд. 144.

Среднее землевладѣніе обнимаетъ такія имѣнія, которыя въ цѣломъ составѣ не могутъ обходиться безъ значительнаго и постояннаго участія наемнаго труда, но общее завѣдываніе которымъ, какъ-то организація работъ, надзоръ, закупка матеріала, сбытъ продуктовъ и т. п. могутъ вестись безъ ущерба для дѣла самимъ собственникомъ или вообще однимъ лицомъ, замѣстителемъ собственника.

Наконецъ, крупной поземельной собственностью надо считать такую, съ хозяйственнымъ ближайшимъ завѣдываніемъ которой собственникъ, хотя бы желалъ, не въ состояніи справиться одинъ. Здѣсь уже необходима цѣлая администрація.

Естественно, что при согласованіи ариѳметическихъ нормъ съ указаннымъ критеріемъ, придется брать различныя цифры не только для разныхъ странъ, но и для частей ихъ и для разныхъ эпохъ.

Научный критерій для раздѣленія землевладѣнія на крупное, среднее и мелкое, такимъ образомъ, ставитъ для статистики землевладѣнія весьма трудную задачу, которая совершенно не подъ силу теперешней, крайне несовершенной сельско-хозяйственной статистикѣ во всѣхъ государствахъ. Существующіе статистическіе матеріалы слишкомъ недостаточны и неудовлетворительны для примѣненія къ нимъ означеннаго критерія уже потому, что онъ не имѣлся въ виду при самомъ собираніи матеріала.

Вопросъ о размѣрахъ землевладѣнія весьма часто находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о размѣрахъ сельскаго хозяйства, настолько тѣсной, что ихъ иногда смѣшиваютъ. Однако необходимо твердо помнить, что крупное землевладѣніе и крупное хозяйство, мелкая поземельная собственность и мелкое хозяйство явленія не всегда сопутствующія, въ особенности первыя два. Крупное имѣніе, при системѣ мелкихъ арендъ, можетъ быть представителемъ мелкаго хозяйства, и мелкія, въ особенности же среднія имѣнія, могутъ путемъ аренды или товариществъ сливаться въ крупныя хозяйственныя единицы. Поэтому въ особенности надо быть осторожнымъ при оцѣнкѣ соціально-экономическаго значенія крупной поземельной собственности, если доводы въ ея пользу извлекаются изъ наблюденія надъ большими хозяйствами. Эти доводы сохраняютъ свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока крупное имѣніе представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одно хозяйство.

II.

Сравнивая крупное, среднее и мелкое земледѣльческое или вообще сельское хозяйство, съ точки зрѣнія производства или количества продуктовъ и ихъ стоимости для производителя, мы естественно найдемъ здѣсь всѣ тѣ относительныя выгоды и невыгоды, какія обнаруживаетъ сравненіе крупнаго, средняго и мелкаго производства вообще [1]). Но что касается степени проявленія и вліянія этихъ различій, отраженія ихъ на производительности труда, количествѣ, качествѣ и стоимости продуктовъ, то въ сельско-хозяйственной промышленности въ этомъ отношеніи можно наблюдать существенно иную картину.

Извѣстный законъ экономическаго развитія, выражающійся въ поглощеніи или вытѣсненіи мелкаго производства или мелкихъ и среднихъ предпріятій крупными, и представляющій производную отъ техническихъ выгодъ крупнаго производства сравнительно съ мелкимъ и среднимъ—въ области земледѣльческой промышленности наблюдается съ значительными ограниченіями. Вообще, законъ вытѣсненія мелкихъ предпріятій крупными имѣетъ обыкновенно тѣмъ большую примѣнимость, чѣмъ въ производствѣ по техническимъ условіямъ, шире приложимо полное раздѣленіе труда. А какъ извѣстно въ земледѣльческой промышленности, связанной тѣсно съ природою, т. е. климатомъ, временами года, погодою, и проч., раздѣленіе труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и механическіе двигатели и машины, могутъ быть примѣняемы далеко не въ той степени, какъ въ мануфактурахъ, фабрикахъ или заводахъ. „Въ этомъ отношеніи крупный сельскій хозяинъ имѣетъ передъ крестьяниномъ гораздо менѣе преимуществъ, чѣмъ крупный фабрикантъ передъ ремесленникомъ“ [2]). Вообще, если съ технической точки зрѣнія крупное землевладѣніе, при условіи соединенія съ нимъ крупнаго хозяйства, и имѣетъ преимущество передъ мелкимъ, то едва ли сравнительныя невыгоды послѣдняго не перевѣшиваются, даже съ технической точки зрѣнія, выгодными сторонами мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Въ особенности это спра-

---

[1]) См. нашу книгу: „Политическая экономія въ связи съ финансами“, стр. 147 и слѣд.

[2]) W. Roscher, 176.

ведливо для тѣхъ странъ, гдѣ еще существуетъ достаточный просторъ для экстензивнаго хозяйства. Здѣсь, по мнѣнію А. Вагнера [1]), вопросъ о побѣдѣ крупнаго земледѣлія надъ мелкимъ очень сомнителенъ, если нѣтъ прямо благопріятствующихъ тому юридическихъ нормъ. Къ этому существенно добавить, что преимущество мелкаго хозяйства, выражающееся въ большей заинтересованности, въ лучшей обработкѣ земли и т. п.—по мѣрѣ перехода къ интензивному хозяйству вслѣдствіе болѣе густого населенія, и проч.—скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается. Чѣмъ интензивнѣе земледѣльческая культура и чѣмъ тщательнѣе должна быть обработана земля, тѣмъ на меньшемъ участкѣ можно вести хозяйство. Если взять для сравненія въ этомъ отношеніи въ области обрабатывающей промышленности фабрику, какъ видъ предпріятія высшихъ ступеней экономическаго развитія, и сравнить съ огородничествомъ, представляющимъ одинъ изъ самыхъ интензивныхъ видовъ земледѣлія, то разница бросается въ глаза. Въ то время какъ въ одномъ случаѣ мелкій самостоятельный предприниматель не находитъ для себя никакой почвы, въ другомъ — небольшой огородъ небогатаго собственника можетъ спокойно существовать рядомъ съ болѣе крупнымъ хозяйствомъ того же рода.

Къ числу важныхъ особенностей мелкой поземельной собственности и хозяйствъ, находящихся въ тѣсной связи съ только-что указанными, слѣдуетъ отнести еще то, что въ сельскомъ хозяйствѣ мелкое производство имѣетъ гораздо больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Прогрессъ культуры и естественный ростъ населенія расширяетъ, а не съуживаетъ сферу мелкаго хозяйства. Въ обрабатывающей промышленности густое населеніе и обширный сбытъ создаютъ почву для фабрики, которая давитъ и вытѣсняетъ кустарное и ремесленное производство, а въ сельскомъ хозяйствѣ крупные центры населенія вызываютъ масссу спеціальныхъ культуръ и отраслей сельскаго хозяйства, въ которыхъ мелкое производство наиболѣе выгодно и продуктивно. Напомнимъ огородничество, молочное хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ, птицеводство, шелководство, разведеніе конопли, садоводство и т. п. Правда, рядомъ съ этимъ существуютъ и такія отрасли, гдѣ экономическія выгоды стоятъ на сто-

[1]) Grundlegung, etc.

ронѣ крупнаго хозяйства, таковы—лѣсоводство, нѣкоторыя отрасли скотоводства, сыровареніе и т. п. Такимъ образомъ относительная выгодность мелкаго и крупнаго сельскаго хозяйства много зависитъ отъ характера тѣхъ или иныхъ отраслей его. Существуетъ, однако, мнѣніе, что крупное земледѣліе или сельское хозяйство вообще даетъ большій чистый доходъ, мелкое же обусловливаетъ болѣе значительный валовой доходъ. Есть авторитеты, какъ, напримѣръ, знаменитый агрономъ Тэръ, которые отрицаютъ справедливость этого, но допустивъ даже полную справедливость указаннаго мнѣнія, придется признать, что оно хотя и приводится какъ одно изъ преимуществъ крупнаго хозяйства, въ дѣйствительности говоритъ все-таки въ пользу мелкаго хозяйства.

Что такое чистый доходъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь? Это тотъ остатокъ, который получается съ десятины, гектара, и проч. за покрытіемъ издержекъ производства, считая въ томъ числѣ и прокормленіе наемныхъ рабочихъ, и который составляетъ чистый доходъ землевладѣльца. Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія этотъ чистый доходъ и его размѣръ имѣетъ главное значеніе. Совсѣмъ иначе представится дѣло, если стать на народно-хозяйственную точку зрѣнія. Значительный чистый доходъ можетъ вполнѣ мириться съ недостаточнымъ для потребностей населенія производствомъ земледѣльческихъ продуктовъ; правда, иногда это можетъ до нѣкоторой степени возмѣщаться развитіемъ фабричной промышленности и привозомъ хлѣба изъ другихъ странъ, но въ соціальномъ отношеніи для массы населенія отсюда происходитъ не мало неудобствъ и страданій. Между тѣмъ, при большомъ валовомъ продуктѣ, доставляемомъ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, оно не только снабжаетъ сельско-хозяйственными продуктами болѣе значительную часть населенія страны, но и обезпечиваетъ существованіе большаго числа людей. Это въ особенности справедливо въ случаѣ мелкаго хозяйства собственниковъ.

Преимущество мелкой собственности передъ крупной, въ смыслѣ обезпеченія потребностей большей массы населенія, можно подтвердить, между прочимъ, условіями обработки безрентныхъ земель. Крупному землевладѣльцу нѣтъ никакого разсчета отдавать въ постороннія руки свою землю безъ вознагражденія, безъ полученія ренты: оставляя ее лежать впустѣ,

онъ если и не будетъ получать ренты, за то избавится отъ излишнихъ хлопотъ. Безрентныя земли могутъ обрабатываться только тѣми землевладѣльцами, которые вкладываютъ въ землю свой собственный трудъ или капиталъ. Для русскаго крестьянина, напримѣръ, есть разсчетъ хозяйничать и на такой землѣ, чистый доходъ отъ которой будетъ соотвѣтствовать лишь сносной заработной платѣ, такъ какъ и при этихъ условіяхъ онъ все же получитъ выгоду передъ простымъ рабочимъ, оставаясь самостоятельнымъ лицомъ, хозяиномъ. Такимъ образомъ, при господствѣ въ странѣ крупной собственности изъ безрентныхъ земель гораздо меньшая часть будетъ обрабатываться и увеличивать тѣмъ богатство и благосостояніе страны, чѣмъ при господствѣ мелкой собственности.

Выше мы упоминали, что размѣры земледѣльческаго хозяйства и размѣры поземельной собственности нерѣдко могутъ не совпадать. Такое несовпаденіе обыкновенно весьма невыгодно отражается какъ на чистомъ, такъ и на валовомъ доходѣ хозяйства. При соединеніи путемъ аренды мелкихъ участковъ въ крупныя хозяйственныя единицы, обрабатываемыя наемнымъ трудомъ, арендаторъ, какъ общее правило, не можетъ получать съ каждой десятины такой чистый доходъ, какой она давала бы въ составѣ крупнаго имѣнія, вслѣдствіе того, что дробная аренда непремѣнно вызываетъ лишніе хлопоты и расходы, и въ рѣдкихъ случаяхъ свободна отъ чрезполосицы. А выручить такой валовой доходъ, какой получился бы при обработкѣ означенныхъ мелкихъ участковъ самостоятельными хозяевами, при подобной арендѣ еще труднѣе.

То же самое придется сказать и про крупную поземельную собственность, когда она эксплуатируется въ сущности на почвѣ мелкаго хозяйства, сдачею мелкими участками въ аренду. Въ этомъ случаѣ, съ точки зрѣнія интересовъ всего народнаго хозяйства, крупное землевладѣніе теряетъ всѣ выгоды крупнаго хозяйства и не пріобрѣтаетъ преимуществъ мелкаго. Нагляднымъ доказательствомъ этого служитъ Ирландія—страна крупнаго землевладѣнія и мелкаго хозяйства.

Если взвѣсить всѣ тѣ доводы, какіе приводятъ въ пользу крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства, и принять во вниманіе сказанное сейчасъ о совпаденіи и несовпаденіи размѣровъ собственности и хозяйства, то, какъ намъ кажется, необходимо признать, что чашка вѣсовъ при такомъ сравненіи

перетянетъ въ сторону мелкаго хозяйства, связаннаго съ мелкой поземельной собственностью.

Конечно, это не значитъ, что во всякой странѣ быстрое превращеніе крупной поземельной собственности и хозяйства въ мелкую—дало бы немедленно хорошіе результаты. Въ относительныхъ преимуществахъ мелкой собственности большую роль играютъ вѣками воспитанные привычки и характеръ населенія. Всякое самостоятельное хозяйство на небольшомъ участкѣ земли требуетъ со стороны владѣльца мелочной внимательности и разсчета, умѣнья располагать и временемъ и средствами. Этихъ качествъ можетъ не оказаться въ населеніи, привыкшемъ видѣть кругомъ широкое веденіе дѣлъ въ крупныхъ хозяйствахъ, съ ослабленными традиціями мелкаго самостоятельнаго земледѣльца. Съ общимъ характеромъ и привычками населенія необходимо, такимъ образомъ, серьезно считаться въ вопросѣ о такъ-называемой мобилизаціи поземельной собственности.

III.

Подъ мелкимъ землевладѣніемъ, какъ упомянуто выше, мы разумѣемъ такую собственность, которая при господствующей техникѣ сельско-хозяйственной культуры въ данной отрасли земледѣлія не превышаетъ или почти не превышаетъ рабочихъ силъ средней семьи. Но въ этихъ предѣлахъ, въ составъ мелкаго землевладѣнія могутъ входить: 1) такіе участки, которые недостаточны ни для прокормленія семьи собственника, ни для того, чтобы сполна поглатить его трудъ; 2) такіе, на которыхъ при существующей системѣ хозяйства можетъ сполна утилизироваться трудъ крестьянской семьи, но при этомъ она не въ состояніи была бы прокормиться съ своей земли; 3) участки, которые достаточны и для занятія семьи, и для удовлетворенія ея насущныхъ нуждъ; наконецъ, въ 4) такая собственность, съ которой собственникъ, за удовлетвореніемъ обычныхъ потребностей семьи, еще можетъ получить нѣкоторый избытокъ, и можетъ, слѣдовательно, дѣлать кое-какія сбереженія.

Первыя двѣ категоріи поземельной собственности естественно не могутъ служить основою для самостоятельнаго мелкаго хозяйства. Такая поземельная собственность представляетъ

главное значеніе какъ мѣсто помѣщенія для земледѣльческаго или иного рабочаго, а обработка собственной земли можетъ служить лишь добавочнымъ источникомъ заработка, который преимущественно сосредоточивается или на обработкѣ чужой земли въ качествѣ наемника или на примѣненіи своего труда въ другихъ отрасляхъ промышленности. Поземельную собственность такого рода, въ отличіе отъ третьей и четвертой категоріи, мы будемъ называть клочковымъ владѣніемъ, клочковою собственностью (la parcelle, Parcellenbesitz) [1]).

Если дѣло идетъ о населеніи земледѣльческомъ, то клочковая поземельная собственность представляетъ недостаточное крестьянское землевладѣніе и является темною стороною мелкаго землевладѣнія. Это именно тотъ видъ собственности, который развивается нерѣдко при системѣ свободной поземельной собственности и обусловливаетъ явленіе, чрезвычайно удачно и образно выраженное французскими словами pulverisation du sol (обращеніе почвы въ порошокъ), т. е. такое измельчаніе собственности, которое становится непреоборимымъ препятствіемъ для сколько-нибудь сноснаго веденія земледѣльческаго хозяйства и держитъ клочковыхъ собственниковъ въ состояніи вѣчной нужды и лишеній.

Другое невыгодное явленіе, которое въ настоящее время обыкновенно сопутствуетъ мелкой собственности, состоитъ въ чрезвычайномъ иногда развитіи чрезполосности. Мелкому собственнику приходится при этомъ имѣть дѣло съ клочками земли, разбросанными на большомъ пространствѣ; онъ теряетъ массу времени на перетаскиваніе земледѣльческихъ орудій съ одного мѣста на другое, межи и тропки дѣлаютъ часть земли потерянною для культуры, и т. д.

Чрезполосность при господствѣ личной собственности частью есть наслѣдіе общиннаго землевладѣлія, частью само-

---

[1]) Этимъ терминомъ я считаю наиболѣе удачнымъ перевести французскій терминъ la parcelle или нѣмецкій Parcellenbesitz. Правда для русскаго уха болѣе привычно выраженіе нищенское владѣніе (напомнимъ такъ-называемые нищенскіе надѣлы), но оно не такъ удобно, ибо имѣетъ уже само по себѣ порицательный оттѣнокъ, тогда какъ клочковое владѣніе для населенія неземледѣльческаго, напримѣръ, можетъ служить признакомъ относительнаго благосостоянія, а вовсе не нищенства, хотя бы не въ прямомъ смыслѣ. Менѣе удачнымъ считаемъ мы и эпитетъ: „карликовая собственность“.

стоятельнаго происхожденія. При личной поземельной собственности для развитія чрезполосности особенно удобную почву представляетъ система свободной собственности и равныхъ наслѣдственныхъ раздѣловъ. Примѣромъ можетъ служить Франція. Здѣсь уже въ половинѣ прошлаго столѣтія раздаются сѣтованія на чрезполосность, препятствующую сколько-нибудь правильному хозяйству.

„Зѐмли массы деревень и приходовъ, которыя я имѣлъ случай видѣть, пишетъ агрономъ Patullo (Essai sur l'amelioration des Terres, Paris 1758) распредѣлены столь невыгоднымъ способомъ для ихъ культуры, что нельзя было бы сдѣлать хуже, если бы это хотѣли сдѣлать нарочно. Естественно думаешь найти землю каждаго собственника въ одномъ мѣстѣ, но отъ этого далеко. Если какое-нибудь наслѣдство состоитъ изъ сотни arpents, то его надо идти искать въ тридцати или сорока различныхъ мѣстахъ, иногда на большомъ разстояніи, гдѣ они перемѣшаны съ другими клочками въ небольшое число arpents. Это составляетъ крайнее неудобство для всѣхъ, ибо нужно, чтобы каждый взаимно проходилъ бы всякій день по землямъ своего сосѣда, для того, чтобы пахать, сѣять или жать на своихъ клочкахъ. Паханіе перекрещивается въ различномъ направленіи, образуя со всѣхъ сторонъ острые углы и выемки (des pointes et des haches), которые увеличиваютъ трудъ и ведутъ всегда къ потерѣ земли. Нѣкоторые клочки даже малы до такой степени, что не стоитъ труда перетаскивать на нихъ плугъ такъ часто, какъ это было бы необходимо“ [1]).

На подобное явленіе чрезполосицы раздаются жалобы и по настоящее время какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ, напр. въ Германіи, гдѣ существуетъ мелкое землевладѣніе.

Для сужденія объ экономическомъ значеніи мелкаго землевладѣнія большой интересъ представляетъ вопросъ о томъ, усиливается или ослабляется, съ развитіемъ мелкаго землевладѣнія, отмѣченное вредное явленіе.

Посмотримъ какія указанія въ этомъ отношеніи даетъ намъ экономическое развитіе Франціи, гдѣ для устраненія зла до сихъ поръ ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ не прибѣгали.

Въ періодъ первоначальныхъ кадастровыхъ работъ во

---

[1]) См. A. de Foville, „La Morcellement“, стр. 156.

Франціи число parcelles было опредѣлено въ 126.076.962. Въ настоящее время компетентные изслѣдователи принимаютъ, что число parcelles 140 – 150 милл. Такимъ образомъ увеличеніе составляетъ 20—25 мил. Однако это увеличеніе еще не можетъ служить доказательствомъ усиленія чрезполосности, такъ какъ, во-первыхъ, иногда десятки parcelles, принадлежащіе одному собственнику, въ дѣйствительности составляютъ не чрезполосное, а сплошное владѣніе, разбитое только на соотвѣтственное число участковъ съ различною культурою и хозяйственнымъ назначеніемъ; во-вторыхъ, въ періодъ, протекшій со времени начала кадастра во Франціи, явились милліоны мелкихъ обособленныхъ земельныхъ участковъ съ постройками на нихъ дачныхъ помѣщеній, жилищъ неземледѣльческихъ рабочихъ и т. п.

Если же обратиться къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, на которыя было обращено съ этой точки зрѣнія особенное вниманіе новѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ enquête, то мы увидимъ слѣдующее:

„Въ 116 коммунахъ, окадастрованныхъ вновь въ Арденнахъ, было найдено 341.957 parcelles между 1808 и 1818 г.; между 1843—1848 ихъ было опредѣлено только 324.228, хотя число собственниковъ увеличилось съ 31.231 до 32.713.

Въ 112 коммунахъ департамента la Meuse, найдено было между 1812—1825 гг. 601.326 parcelles; между 1845—1852 только 530.915, хотя число собственниковъ поднялось съ 27.427 до 30.343.

Въ 76 коммюнахъ департамента la Haute-Marne, въ 1823—1828 г. было 363.295 parcelles, въ 1835 – 1881 только 340.924, хотя число собственниковъ увеличилось съ 18.476 до 20.327.

Въ 136 коммунахъ Seine et Marne въ 1819—1827 г. было 667.467 parcelles, а въ 1840—1853 всего только 638.227.

Департаментъ de l'Eure представляетъ аналогичные результаты. Въ 25 коммунахъ округа d'Evreux, окадастрованныхъ въ 1824 г. и затѣмъ въ 1858 г. число собственниковъ возрасло на 10%, а число parcelles уменьшилось на 7—8%“ [1]).

А это все мѣстности, гдѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія дробленіе почвы замѣчалось особенно сильно. Такимъ обра-

---

[1]) A. de Foville, 150.

зомъ изъ приведенныхъ сейчасъ фактовъ можно заключить, что дробленіе земли въ связи съ чрезполосностью, даже при системѣ свободной поземельной собственности и равныхъ наслѣдственныхъ раздѣловъ, вовсе не имѣетъ тенденціи къ безконечному клочкованію почвы (l'émiettements du sol, какъ говорятъ французы), а напротивъ, рядомъ съ дробленіемъ болѣе крупныхъ сельско-хозяйственныхъ единицъ, замѣчается сосредоточиваніе parcelles въ тѣхъ случаяхъ, когда чрезполосность и дробленіе земли особенно сильно даетъ себя чувствовать. Одни и тѣ же причины побуждаютъ иногда продавать и слишкомъ большія имѣнія, и слишкомъ малыя. Въ „Обслѣдованіи“, вызванномъ земледѣльческимъ кризисомъ, относительно департамента de l'Aisne приводятся, напр., такіе случаи, что ферма, состоявшая въ 1852 г. изъ 160 изолированныхъ участковъ, обнимавшихъ всего 112½ гект., въ 1883 г. при 163 гект. распадалась только на 65 участковъ; или другая ферма, прежде также страдавшая отъ крайней чрезполосицы, теперь имѣетъ свои 200 гект. въ одномъ кускѣ, съ хозяйственными постройками въ центрѣ [1]).

Подвергая критикѣ мелкую поземельную собственность за присущую иногда ей крайнюю чрезполосицу, необходимо всегда помнить, что причина зла въ значительной степени лежитъ не въ самой по себѣ мелкой собственности, а во внѣшнихъ условіяхъ, которыя часто, при всемъ желаніи, удерживаютъ собственниковъ отъ округленія путемъ обмѣна участковъ съ сосѣдями, размежеванія и проч.

Къ числу важнѣйшихъ условій, задерживающихъ добровольное уничтоженіе чрезполосности, надо отнести многочисленныя формальности и высокія пошлины, которыя нерѣдко бываютъ связаны съ обмѣномъ или прикупкою мелкихъ участковъ.

Во Франціи до революціи, напримѣръ, каждый обмѣнъ съ фискальной точки зрѣнія разсматривался какъ двойная покупка, и при высокой пошлинѣ, съ разными добавочными сборами доходившей при продажѣ до 9—10% покупной цѣны, обмѣнъ участковъ, ради устраненія чрезполосности, вызывалъ издержки до 20%! Съ 1790 г. означенные сборы при мѣнѣ имущества начали брать однократно и вообще пошлины при мѣнѣ двухъ недвижимыхъ имуществъ были уменьшены настолько, что общій сборъ ея, т. е. съ добавочными сантимами,

---

[1]) A. de Foville, стр. 158.

составлялъ 4,375%. Въ позднѣйшее время были сдѣланы еще нѣкоторыя облегченія при обмѣнѣ смежныхъ имѣній, сперва (1824 г.) безъ ограниченія стоимости ихъ, но законъ этотъ былъ черезъ десять лѣтъ отмѣненъ вслѣдствіе злоупотребленій, къ которымъ прибѣгали крупные собственники.

Послѣ enquête'a 1869 г. закономъ 27 іюля 1870 года пропорціональный сборъ, главный и добавочный, былъ уменьшенъ до 0,25%, но эта льгота примѣнялась только къ обмѣну сельской незастроенной недвижимости, находящейся въ томъ же самомъ кантонѣ или въ смежныхъ; кромѣ того, обмѣниваемая собственность должна находиться во владѣніи данныхъ собственниковъ не менѣе двухъ лѣтъ, обмѣниваемый участокъ долженъ быть смежнымъ съ собственностью одной изъ сторонъ и не превышать 50 аровъ (полъ-гектара). Столь строгія требованія сдѣлали то, что законъ 1870 г. имѣлъ весьма слабое примѣненіе въ дѣйствительности. Закономъ 3 ноября 1884 г. было нѣсколько расширено дѣйствіе привилегированнаго обмѣна со взиманіемъ 0,20% главнаго сбора.

На основаніи закона 3 ноября 1884 г. обмѣнъ сельской поземельной собственности, застроенной и незастроенной, можетъ въ настоящее время пользоваться указанной льготой въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сблизить разбросанные участки (parcelles), принадлежащіе одному собственнику, причемъ обмѣниваемое имущество находится въ томъ же или смежныхъ кантонахъ, и 2) когда обмѣниваются смежныя имѣнія, чтобы облегчить регулированіе чрезполосной собственности, находящейся во владѣніи не менѣе двухъ лѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ размѣръ обмѣниваемыхъ участковъ не можетъ служить препятствіемъ для примѣненія льготной таксы.

Слѣдующія статистическія данныя могутъ служить нѣкоторымъ указателемъ на стремленіе къ устраненію чрезполосности владѣній во Франціи:

Годы.	Обмѣнъ несмежныхъ имуществъ (3,50% основной пошлины).		средн. цѣна.	Обмѣнъ смежныхъ имуществъ (0,20% основной пошлины).		средн. цѣна.
	Число актовъ.	Таксирован. цѣнность.		Число актовъ.	Таксирован. цѣнность.	
1881	36.085	31.896 тыс. фр.	884 фр.	4.638	3.491 тыс. фр.	753 фр.
1882	34.770	32.206 „	926 „	4.827	3.020 „	626 „
1883	34.481	31.888 „	925 „	5.386	3.712 „	689 „
1884	32.392	30.026 „	927 „	5.368	5.883 „	1096 „

Незначительная средняя цѣнность имуществъ по обмѣннымъ актамъ несомнѣнно указываетъ на то, что почти исключительную роль здѣсь играетъ обмѣнъ чрезполосныхъ parcelles. Общее число обмѣнныхъ актовъ свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣло объединенія чрезполосныхъ владѣній при исключительномъ господствѣ свободнаго обмѣна (les échanges libre), идетъ крайне медленно.

Для устраненія чрезполосности, несравненно дѣйствительнѣе поэтому принудительное регулированіе поземельной собственности, къ которому въ Швейцаріи правительство прибѣгло еще въ 1591 г. (кантонъ Бернъ, а за нимъ и другіе), и къ которому въ XVII и XVIII столѣтіяхъ прибѣгаютъ во многихъ странахъ (Баварія, Шотландія, Данія, Швеція, Англія). Принудительное разверстаніе земель въ нынѣшнемъ столѣтіи въ особенности практикуется въ Германіи, при чемъ оно ставится въ зависимость отъ желанія большинства чрезполосныхъ владѣльцевъ. При этомъ въ однихъ государствахъ, какъ напримѣръ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, разверстанія могутъ требовать двѣ трети собственниковъ, представляющихъ по крайней мѣрѣ $^2/_3$ земли въ коммунѣ; въ другихъ, какъ по новѣйшему прусскому законодательству—достаточно простого большинства. Именно, по прусскому закону 13 мая 1867 г., дѣйствующему и въ Гессенѣ, и касающемуся какъ выкупа повинностей, такъ и раздѣла общихъ имуществъ и соединенія участковъ „въ смыслѣ принциповъ сельской экономіи“, разверстаніе производится по требованію собственниковъ болѣе половины земель, подлежащихъ обмѣну, при чемъ площадь опредѣляется на основаніи кадастра поземельнаго налога; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязательная разверстка можетъ производиться даже по требованію меньшинства. Обмѣнъ участковъ при разверсткѣ освобождается отъ платежа пошлинъ.

Благодаря дѣйствію такого закона „площадь разверстанныхъ земель уже десять лѣтъ тому назадъ составляла въ Пруссіи болѣе милліона гектаровъ, 100.000 гект. въ великомъ герцогствѣ Нассау, пятую часть кадастровой площади въ королевствѣ Саксонскомъ. Въ округѣ Кассель пятая часть обрабатываемой площади также была разверстана съ 1867—1881, и около 600.000 участковъ, принадлежащихъ 41.112 лицамъ (изъ которыхъ 27.008 владѣльцевъ менѣе одного гек-

тара), были сведены къ 80.000. Въ Гессенѣ за тотъ же періодъ были достигнуты подобные же результаты" [1]).

Въ новѣйшее время прусское правительство сдѣлало еще болѣе рѣшительный шагъ въ томъ же направленіи. По закону 18 марта 1885 г., принятому въ ландтагѣ большинствомъ 201 голосовъ противъ 109, общая эксплуатація чрезполосныхъ участковъ, принадлежащихъ разнымъ собственникамъ, можетъ быть потребована четвертою частью собственниковъ, владѣющихъ не менѣе какъ половиною кадастровой площади и половиною чистаго дохода, подлежащаго обложенію у собственниковъ, о соединеніи которыхъ идетъ дѣло; при условіи, однако, что такое соединеніе можетъ значительно улучшить культуру.

Въ Австріи (по закону 7 іюня 1883 г.), для устраненія чрезполосицы достаточно согласія простого большинства собственниковъ, если они являются представителями $^2/_3$ всего кадастроваго дохода.

Результаты дѣйствія означенныхъ законовъ въ Германіи дали въ общемъ блестящіе результаты. Приведемъ нѣкоторые примѣры: „589 гектаровъ небольшой саксонской коммуны Hohenhaid'а около Лейпцига, принадлежавшіе только 35 собственникамъ, состояли не менѣе какъ изъ 774 parcelles, въ 76 аръ въ среднемъ каждый. Разверстаніе, которое было сдѣлано около 20 лѣтъ тому назадъ въ силу закона 1861 г. уменьшило число parcelles до 60, въ среднемъ по 10 гектаровъ каждый (9,82 гект.). Работа, выполненная въ одинъ годъ, стоила всего только 3.126 франковъ. Уменьшеніе площади, занятой дорогами и огорожами представляла выгоду, превышавшую эти издержки, а производительность всей территоріи увеличилась такъ, что понадобилось увеличить хозяйственныя постройки (les granges et les étabes)" [2]).

IV.

Мы не думаемъ, чтобы исчезновеніе изъ состава народнаго хозяйства средней и крупной поземельной собственности, въ той или иной формѣ, было бы желательнымъ соціально-экономическимъ явленіемъ. Средняя и крупная собственность

---

[1]) A. de Foville, 170.

[2]) A. de Foville, Le Marcellement, 17.

имѣютъ свои хорошія стороны. Правильно организованное хозяйство въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ можетъ служить практическимъ примѣромъ въ дѣлѣ улучшеній сельско-хозяйственной техники, — и въ этомъ отношеніи хорошее хозяйство, основанное на частной иниціативѣ и рискѣ, едва ли могутъ замѣнить чисто учебныя фермы или школы. Мы считаемъ поэтому совершенно справедливымъ мнѣніе Рошера, что въ народно-хозяйственномъ отношеніи совмѣстное существованіе всѣхъ трехъ видовъ собственности наиболѣе выгодно [1]), конечно, предполагая при этомъ совпаденіе размѣровъ собственности и хозяйства и отсутствіе или незначительное число клочковыхъ собственниковъ.

Во всякомъ случаѣ, достаточная мелкая поземельная собственность представляетъ весьма надежную основу народнаго благосостоянія и могущества страны. Въ наше время господства международныхъ конъюнктуръ, вызывающихъ періодическіе промышленные кризисы, едва ли существуетъ для борьбы съ сельско-хозяйственными кризисами лучшее средство, чѣмъ укрѣпленіе и развитіе мелкой поземельной собственности.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія такъ-называемыхъ сельско-хозяйственныхъ кризисовъ свидѣтельствуетъ, что между ними много такихъ, которые, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ международнаго рынка, были бы немыслимы, если представить себѣ, что въ странѣ почти исключительно господствуетъ мелкая поземельная собственность. Таковы большинство кризисовъ, на которые жалуются крупные и средніе землевладѣльцы въ урожайные годы, при паденіи цѣнъ на хлѣбъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сдѣлать примѣрный разсчетъ вліянія паденія цѣнъ на хлѣбъ, при урожаѣ въ хозяйствѣ крупнаго собственника и мелкаго.

Представимъ себѣ крестьянскую семью, которая на собственномъ участкѣ земли производитъ въ средній годъ 25 четв. хлѣба; изъ нихъ 15 потребляетъ натурою, а 10 продаетъ по 8 рублей, для уплаты податей и для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ потребленія, которые не производятся въ своемъ хозяйствѣ. Возьмемъ рядомъ съ этимъ семью крупнаго землевладѣльца, получающаго въ годъ чистаго дохода 500 четв. или 4.000 р. по денежной оцѣнкѣ, и посмотримъ

[1]) W. Roscher, Nationalökonomik des Ackerbaues, стр. 189.

каковъ результатъ получится для взятыхъ нами двухъ хозяйствъ, если, напримѣръ, при урожаѣ на 20% выше средняго, цѣна хлѣба упадетъ съ 8 рублей на 6 за четверть. Мелкій собственникъ соберетъ теперь 30 четвертей, изъ которыхъ 15 потребитъ самъ, а 15 продастъ и выручитъ, вмѣсто прежнихъ 80 рублей, 90 р. Крупный же землевладѣлецъ, продавъ 600 четвертей, выручитъ только 3.600 руб. вмѣсто 4.000 р., выручаемыхъ прежде за 500 четв. Различіе относительнаго положенія собственниковъ обостряется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во время урожая крупному собственнику нужно больше рабочихъ рукъ, а усиленный спросъ на трудъ поднимаетъ заработанную плату и увеличиваетъ издержки хозяйства; между тѣмъ мелкій собственникъ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ управиться, увеличивъ только интензивность труда своего и своей семьи. Чтобы рабочій проработалъ въ горячее время у крупнаго собственника семь дней въ недѣлю, вмѣсто шести — ему необходимо заплатить за седьмой день, да еще больше обыкновеннаго, а для хозяина-земледѣльца это ничего не стоитъ. Отказаться отъ праздника или удлиннить будніе рабочіе дни—его добрая воля!

Такимъ образомъ всякій разъ, когда хлѣбъ падаетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ повышается урожай — для крупнаго землевладѣльца будетъ сельско-хозяйственный кризисъ, а для мелкаго собственника — благодатное времячко.

Но и помимо разобраннаго нами случая—дѣйствительнаго кризиса въ глазахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и фиктивнаго съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, мелкіе собственники вообще легче могутъ переносить какіе-либо чрезвычайныя бѣдствія для страны. „Такъ, во время нужды, обусловливаемой войною, говоритъ Рошеръ: крестьянинъ можетъ ограничить ежедневное потребленіе своей семьи и тѣмъ покрыть значительную часть потери, между тѣмъ какъ крупный землевладѣлецъ не можетъ побудить къ соотвѣтственному ограниченію своихъ батраковъ и поденщиковъ, именно потому, что они наемныя лица и каждую минуту могутъ уйти отъ него“ [1]. — „Въ случаѣ призыва резерва или ландвера, Рошеръ далѣе развиваетъ свою мысль, стараясь, повидимому, сдѣлать ее болѣе убѣдительною и съ точки зрѣнія современ-

---

[1]) W. Roscher, 175.

наго нѣмецкаго милитаризма: крестьянинъ, за недостаткомъ батраковъ, будетъ работать самъ больше, чѣмъ прежде, и покроетъ тягости войны сбереженіемъ на заработной платѣ и содержаніи своихъ батраковъ; крупный же хозяинъ долженъ стараться дополнить пробѣлъ болѣе высокимъ вознагражденіемъ [1])".

Восторженный поклонникъ мелкой собственности, Мишле съ своей обычною горячностью идетъ еще дальше. Если вѣрить ему, то эпохи всякаго рода кризисовъ не только легче переносятся мелкимъ собственникомъ, но и прямо благопріятны развитію мелкой поземельной собственности. „Въ самыя тяжелыя времена, читаемъ мы у Мишле, въ моментъ, когда даже богатый чувствуетъ себя бѣднымъ (est pauvre) и вынужденнымъ продавать землю, бѣдный оказывается въ состояніи покупать: когда покупателей совсѣмъ нѣтъ, приходитъ крестьянинъ въ лохмотьяхъ съ своей золотой монетой и пріобрѣтаетъ клочекъ земли" [2]).

Устойчивое положеніе мелкихъ поземельныхъ собственниковъ въ періоды кризисовъ какъ нельзя болѣе подтверждается, между прочимъ, фактическимъ изслѣдованіемъ положенія сельскаго хозяйства во Франціи за послѣднія годы (Enquête 1879—80 г.).

„Изслѣдованіе" дало наиболѣе благопріятные результаты для мелкихъ собственниковъ, при томъ какъ въ мѣстностяхъ хлѣбородныхъ, такъ и тамъ, гдѣ преимущественное вниманіе обращаютъ на скотоводство. Мелкій собственникъ, который выполняетъ всѣ работы самъ или съ помощью членовъ своей семьи, не испытываетъ тягости отъ возвышенія заработной платы, и даже болѣе: въ тѣхъ случаяхъ, когда у него остается свободное время для работы на сторонѣ, ему высокая заработная плата приноситъ еще пользу, увеличивая его доходъ [3]).

Оказывается, что неблагопріятная конъюнктура послѣднихъ лѣтъ отразилась чувствительно преимущественно на собственникахъ и арендаторахъ крупныхъ и среднихъ имѣній въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ хлѣбной культуры; но это невыгодное дѣйствіе, какъ можно заключить изъ Enquête'а

---

[1]) Тамъ же, стр. 178.

[2]) J. Michle, Le Peuple, стр. 5.

[3]) F. von Reitzenstein und E. Nasse: Agrarische Zustände in Frankreich und England, стр. 90.

1879—80 г., съ избыткомъ окупается какъ улучшеніемъ положенія собственниковъ и арендаторовъ вообще въ областяхъ скотоводственныхъ, такъ и почти повсемѣстнымъ улучшеніемъ положенія половниковъ и мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ [1]).

ГЛАВА IV.

Поземельныя отношенія въ Соединенномъ Королевствѣ.

I. Статистическіе источники для сужденія о поземельныхъ отношеніяхъ въ Соединенномъ Королевствѣ. — Свѣдѣнія о распредѣленіи поземельной собственности въ древнее время.—Древнее происхожденіе крупнаго землевладѣнія въ Англіи и его послѣдующее развитіе.—II. Статистическія данныя о современномъ распредѣленіи собственности и владѣній (Holdings).—III. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. — IV. Основныя особенности англійскаго поземельнаго строя. — Послѣдствія господства крупной поземельной собственности и крупнаго фермерскаго хозяйства.—V. Современная аграрная политика въ цѣляхъ развитія мелкаго землевладѣнія въ Англіи.

I.

Основнымъ статистическимъ источникомъ для выясненія поземельныхъ отношеній въ Соединенномъ Королевствѣ служитъ обыкновенно, во-первыхъ, такъ-называемыя „domesday-books“, книги поземельнаго кадастра, и затѣмъ спеціальныя сельско-хозяйственныя „изслѣдованія“, agricultural Returns. Но оба источника могутъ дать лишь приблизительное понятіе о распредѣленіи здѣсь поземельной собственности.

Первая domesday-book относится къ 1085 г. и есть результатъ поземельнаго кадастра, предпринятаго Вильгельмомъ-Завоевателемъ. Руководящими побудительными причинами этого кадастра были, какъ и всѣхъ древнихъ переписей и кадастровыхъ работъ—военно-финансовыя соображенія. Опасаясь нападенія со стороны датчанъ, Вильгельмъ предпринялъ общую перепись поземельныхъ собственниковъ и ихъ владѣній, чтобы выяснить свои военныя силы, такъ какъ воинская повинность вассаловъ въ то время соразмѣрялась съ размѣрами ихъ поземельной собственности.

---

[1]) Тамъ же, стр. 91.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Соединенномъ Королевствѣ составлена новая domesday-book или кадастровая перепись поземельныхъ собственниковъ—„Return of Owners of land". Эта перепись была предпринята по предложенію графа Дерби, сдѣланному парламенту въ 1872, а результатъ кадастровыхъ работъ былъ представленъ парламенту относительно Англіи въ 1873 г., для Шотландіи—въ 1874 и относительно Ирландіи—въ 1876 г.

Новая „domesday-book 1873 г.", несмотря на большіе расходы, которые она вызвала, не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, въ смыслѣ точнаго выясненія англійской поземельной собственности. „Собственники въ этой domesday-book сведены по графствамъ, между тѣмъ какъ одинъ и тотъ же землевладѣлецъ нерѣдко владѣетъ землею въ нѣсколькихъ графствахъ; герцогъ Buccleugh, напримѣръ, — въ 14 графствахъ. Четыре другихъ лорда представлены по той же причинѣ какъ 44 поземельныхъ собственника" [1]). То же самое надо сказать о коронѣ, университетскихъ коллегіяхъ, желѣзнодорожныхъ обществахъ и т. п. Къ этому присоединяются разныя другія неточности: нераздѣленіе полевыхъ угодій и луговъ отъ земель подъ строеніями, садами, парками и т. п.; опущеніе лѣсовъ, кромѣ подлежащихъ рубкѣ на продажу, какъ изъятыхъ отъ налога для бѣдныхъ, а также общинныхъ земель и пустырей, на томъ же основаніи.

Какъ бы то ни было, означенныя двѣ domesdays-books, при всѣхъ недостаткахъ и неточностяхъ, которыми онѣ страдаютъ, представляютъ намъ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія объ общемъ характерѣ поземельной собственности въ Соединенномъ Королевствѣ.

Въ первой domesday-book было зарегистрировано около 55 тысячъ личныхъ собственниковъ, за которыми право собственности было такимъ образомъ признано оффиціально; кромѣ того, въ кадастровую опись было внесено 7.968 burgenses или burgesses, но была ли это личная собственность или коллективная (общинная?)—неизвѣстно.

Вотъ небезъинтересная таблица поземельныхъ собственниковъ по кадастру 1086 г. [1]):

---

[1]) E. Nasse, Agrarische Zustände in England. 1884, стр. 131.

[2]) A. de Foville, Le Morcellement, 214.— См. также F. Seebohm, The English village Community. 1883.

Tenants in capite (непосредственныхъ вассаловъ короля).	1.422
Subfeudatarii (вассаловъ mesne lord'а)	7.871
Liberi homines (свободныхъ tenanciers, обязанныхъ воинской повинностью).	12.400
Sochemanni или Socmen (tenanciers censitaires) . .	23.072
Homines (вассалы ostreints à l'hommage)	1.300
Cotarii и coscets (крестьяне, владѣющіе небольшими участками земли)	7.000
Pesbyteri (монастыри)	1.000
Radmanni (tenanciers cesitaires особеннаго рода) . .	370
Milites (вассалы mesne lords, обязанные воинской повинностью)	140
Aloarii (независимые наслѣдственные собственники) .	12
Angli, anglici, beures или coliberti, censarii или censores	248
Итого записанныхъ собственниковъ . .	54.813
Bourgeness или burgesses	7.968
Переписанныхъ villani 108.407	

Весьма любопытный вопросъ—это количество земли, которое находилось во владѣніи лицъ, перечисленныхъ въ Domesday-book 1086 г. Къ сожалѣнію, послѣдняя не даетъ на это прямого отвѣта. Нѣкоторый свѣтъ въ этомъ отношеніи проливаетъ прекрасное изслѣдованіе Фридриха Сибома [1]).

Согласно Сибому, нормальное владѣніе (a yard-land или virgate) villani обыкновенно состояло изъ многихъ (a bundle) разбросанныхъ полосъ, которыя въ совокупности равнялись 30 акрамъ; что на всѣ 108.407 составило бы площадь въ 3.250.000 акровъ. Но такъ какъ число villani, которые владѣли половинною нормою, было, по всему вѣроятію, значительнѣе, чѣмъ тѣхъ, у кого было больше 30 акровъ, то Сибомъ принимаетъ средній размѣръ владѣнія (holding) въ 20 акровъ или немного больше, и опредѣляетъ общую площадь въ $2^1/_4$ мил. акровъ, именно [2]):

---

[1]) Frederic Seebohm, The english village community. An Essay in Economic History. 1883.

[2]) F. Seebohm, стр. 102.

Въ пользованіи	108.407	villani было земли . . .		2.250.000 акровъ.
„	82.000	bordarii „	3 акра въ среднемъ	250.000 „
„	6000—7000	codtier tenants		

Итого площадь обрабатываемой земли, находившейся въ общинномъ пользованіи (open fields) зависимыхъ крестьянъ и коттеровъ	2.500.000 акровъ.
Въ собственности 23.000 sochmanni	500.000 „
„ 12.000 liberi homines	500.000 „
Обрабатываемая площадь lord's demesne	1—2.000.000 „

Такимъ образомъ, по мнѣнію Сибома, во время перваго общаго кадастра въ Англіи, площадь обрабатываемой земли составляла около 5.000.000 акровъ, т.-е. менѣе $1/2$ обрабатываемой теперь площади (около 12 мил. акровъ) въ тѣхъ же англійскихъ графствахъ. Изъ этого количества земли на долю мелкихъ 23.000 самостоятельныхъ собственниковъ (sochmanni) приходилось 10%, на долю 12.000 среднихъ (liberi homines) тоже 10%; крупная собственность (обрабатываемая) составляла 40%, и 40% находилось въ пользованіи крестьянъ, коттеровъ и т. п. лицъ, при чемъ 30—35%, можно думать, были общинною собственностью, хотя и подчиненною юрисдикціи ближайшаго лорда, подобно тому, какъ собственники-лорды были подчинены королю, а остальная земля считалась также собственностью крупныхъ лордовъ.

Возникновеніе крупной поземельной собственности въ Англіи нерѣдко относятъ къ времени завоеванія ее норманами. Между тѣмъ Вильгельмъ-Завоеватель уже нашелъ тамъ помѣщичьи усадьбы, manors, съ маноріальными лордами, юрисдикціи которыхъ была подчинена сосѣдняя деревня, а village или township.

„1422 manors были древними владѣніями короны во времена перваго земельнаго кадастра (the Survey), а большинство ихъ были королевскими помѣстьями уже во времена Эдуарда-Исповѣдника (1042—1066). Такъ, въ теченіе столѣтій послѣ завоеванія, на Domesday-book постоянно ссылаются для доказательства, что тотъ или другой manors изъ числа „ancient demesne“, т.-е. что онъ былъ королевскимъ manors въ эпоху Эдуарда-Исповѣдника; почему владѣльцы (the tenants) такихъ помѣстій требовали извѣстныхъ привилегій и свободы отъ податей (immunities), которыми другіе владѣльцы не пользовались. Монастыри также уже во время Эдуарда-Исповѣдника

владѣли (were holders) многими помѣстьями, часто въ разныхъ графствахъ и, какъ показываетъ кадастръ, монастырямъ было дозволено удержать эти помѣстья и послѣ завоеванія. Графы и могущественные таны владѣли во время Эдуарда-Исповѣдника многими помѣстьями также какъ и ихъ норманскіе преемники во время кадастра. Однако, могло быть, что каждое помѣстье (manors) имѣло своего лорда, резидента, или вѣдалось черезъ управляющаго или чиновника (villicus)". Какъ до завоеванія, такъ и послѣ завоеванія „типическимъ помѣстьемъ (manor) было имѣніе лорда (a manorial lord's estate) съ находившеюся вблизи, подъ его юрисдикціей и крѣпостной зависимостью (in villenage), деревнею или селомъ (township). Земли, лежавшія внѣ помѣстья и земель селенія (township), составляли вѣроятно королевскіе лѣса и пустоши (waste). Во время кадастра эти неприсвоенные еще въ частную собственность лѣса, также какъ и многочисленныя помѣстья (manors), упомянутыя раньше, были включены въ составъ королевскихъ имѣній (in the royal demesne). Все, что относилось сюда, было изъято изъ юрисдикціи мѣстнаго суда (the courts of the hundreds); не стояло въ зависимости отъ какого-либо лорда, но зависѣло только отъ короля и было записано въ кадастровой описи (in the Survey) какъ terra regis" [1]).

Такимъ образомъ описанный аграрный строй для Англіи не былъ совершенной новостью, занесенной сюда Вильгельмомъ-Завоевателемъ. Ландъ-лоризмъ существовалъ здѣсь и раньше. Вильгельмъ-Завоеватель, правда, отнялъ у многихъ прежнихъ собственниковъ ихъ землю, чтобы вознаградить своихъ сподвижниковъ и сторонниковъ, закрѣпилъ и санкціонировалъ крупную поземельную аристократію своей кадастровою описью, но было бы ошибочно думать, что крупная частная поземельная собственность въ Англіи возникла лишь съ приходомъ нормановъ. Какъ бы то ни было, сосредоточеніе поземельной собственности въ Англіи въ немногихъ рукахъ, начавшееся задолго до Вильгельма-Завоевателя, въ послѣдующіе эпохи шло неудержимо впередъ.

Въ эпоху завоеванія Англіи норманами, по предположенію Макъ-Куллоха, населеніе Англіи съ княжествомъ Валлійскимъ составляло около 2 мил.; изъ нихъ на долю земледѣльцевъ,

---

[1]) F. Seebohm, The English village community, 83.

сидѣвшихъ на своей или помѣщичьей землѣ, приходилось, считая семью, около милліона, слѣдовательно около 500.000 лицъ рабочаго возраста уже тогда составляли контингентъ наемныхъ рабочихъ, которые при слабомъ развитіи промысловъ, являлись въ качествѣ безземельныхъ батраковъ и т. п. въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ послѣдующее время число безземельныхъ должно было возрасти не только абсолютно, но и относительно. Правда, поселяне различныхъ наименованій (cottarii, bordarii, villani, servi) съ опредѣленіемъ ихъ повинностей особыми инвентарями (rolls), въ качествѣ copyholders, были взяты подъ общую охрану обычнаго права, и не могли въ силу этого быть выселены, пока исправно отбывали свои повинности. Эта охрана была однако недостаточнымъ оплотомъ противъ обезземеленія, какъ видно изъ того, что въ XV столѣтіи (1448 г.) помѣщикамъ было воспрещено особымъ статутомъ сносить дворы и уничтожать усадьбы пространствомъ болѣе 20 акровъ (7,4 дес.), а также захватывать общинныя земли и огораживать ихъ для образованія господскихъ фермъ. Но, принимая подъ свою охрану болѣе значительное крестьянское землевладѣніе, статутъ косвенно какъ бы санкціонировалъ отбираніе мелкихъ усадебъ. Введеніе инвентарей (court-rolls) имѣло свою хорошую сторону для крестьянъ въ томъ отношеніи, что устраняло произволъ помѣщиковъ въ назначеніи повинностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было и невыгодно, такъ какъ формально признало землю помѣщичьей, а за крестьянами оставило лишь право пользованія землею за опредѣленныя повинности, которыя не могли быть повышаемы по произволу лорда. Въ XVII столѣтіи англійскимъ лордамъ удалось, однако, въ большинствѣ случаевъ устранить послѣднее ограниченіе, замѣнивъ прежніе законные контракты (court-rolls) частными условіями (lease), при чемъ поселяне были переименованы изъ copyholders въ leaseholders, а право законнаго владѣнія (tenure) замѣнено правомъ пользованія по волѣ лорда (the will of the Lord) [1]).

Рядомъ съ этимъ развитіе крупнаго землевладѣнія шло еще и другимъ путемъ: припискою уцѣлѣвшихъ еще общинныхъ крестьянскихъ земель къ имѣніямъ лордовъ, за которою потомъ послѣдовало въ широкихъ размѣрахъ включеніе (in-

---

[1]) См. кн. А. Васильчиковъ, Землевладѣніе и земледѣліе, т. I, стр. 103.

closure) этихъ земель въ составъ помѣщичьихъ земель на правѣ полной собственности.

Еще при Карлѣ II статутомъ 1676 г., въ воздаяніе услугъ и вѣрности дворянства династіи Стюартовъ, аристократическимъ родамъ было предоставлено право, во-первыхъ, обращать свои помѣстья (estates), считавшіяся прежде феодами короля въ entails, т. е. заповѣдныя имѣнія, и, во вторыхъ, къ имѣніямъ были приписаны общественныя земли. „Онѣ были признаны собственностью (tenansy) лордовъ, но прочимъ сельскимъ жителямъ предоставлены нѣкоторыя права пользованія—выгонъ скота (pastures) и въѣздъ въ лѣсныя дачи, такъ что они образовали смѣшанное владѣніе, принадлежавшее совмѣстно и вотчинникамъ, и сельскимъ обществамъ (commons). Это двоякое владѣніе имѣло самыя печальныя послѣдствія для земледѣльческой культуры: общинныя земли получили по своей безплодности прозваніе пустошей (wastes) и, при томъ, пустошей лордовъ (the wastes of the lords), такъ какъ лорды запрещали на нихъ селиться и держали ихъ впустѣ для выгона скота и овецъ. Первые опыты разверстанія общинныхъ земель (clearing of estates) произведены были еще въ XVII столѣтіи, но дѣло подвигалось туго; для размежеванія требовалось соглашеніе двухъ сторонъ—членовъ обществъ (commons) и лорда-вотчинника, и это обоюдное согласіе достигалось съ большимъ трудомъ, такъ что въ теченіе 132 лѣтъ съ 1665 по 1797 г. разверстано было не болѣе $^1/_3$ общественныхъ земель. Расходы межеванія были громадны, и англійскіе писатели приводятъ примѣръ, что они достигли 68 руб. за десятину [1])“. „Въ концѣ XVIII ст., въ 1798 г., считалось еще въ Англіи съ Уэльсомъ на 35 мил. акровъ всѣхъ удобныхъ земель—7.800.000 акровъ ofen fields, т. е. болѣе $^1/_5$ всей культурной почвы; они были приписаны большею частью къ помѣстьямъ лордовъ, но на какихъ-то двусмысленныхъ и шаткихъ основаніяхъ, взятыхъ изъ статута Карла II 1676 г.“.

„Съ начала XIX вѣка размежеваніе пошло быстрѣе, но большею частью кончалось тѣмъ, что лорды скупали эти общія угодья, платя за нихъ высокія цѣны и обращая ихъ въ пастбища и искусственные луга. [2]).

---

[1]) Кн. А. Васильчиковъ, т. I, стр. 106.

[2]) Тамъ же.

II.

Напомнивъ важнѣйшіе исторические факты, которые послужили основою для укрѣпленія и развитія крупнаго землевладѣнія въ Англіи, обратимся теперь къ новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, характеризующимъ современное распредѣленіе поземельной собственности какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ частяхъ Соединеннаго Королевства

Упомянутая нами вначалѣ перепись землевладѣльцевъ въ 1873 (новыя Domesdoy-book) для Англіи и Уэлься дала:

Англія и Уэльсъ:

Собственники [1]) съ владѣніемъ:	Число.	Общая площадь акр. [2]).	Сумма чистаго дохода.
Менѣе одного акра . . .	703.289	151.171	29.127.679
Отъ 1 до 10 акр.	121.983	478.679	6.438.324
„ 10 „ 50 „	72.640	1.750.079	6.509.289
„ 50 „ 100 „	25.839	1.791.605	4.302.002
„ 100 „ 500 „	32.317	6.827.346	13.680.759
„ 500 „ 1.000 „	4.799	3.317.678	6.427.552
„ 1.000 „ 2.000 „	2.719	3.799.307	7.914.371
„ 2.000 „ 5.000 „	1.815	5.529.190	9.579.311
„ 5.000 „ 10.000 „	581	3.974.724	5.522.610
„ 10.000 „ 20.000 „	223	3.098.674	4.337.023
„ 20.000 „ 50.000 „	66	1.917.076	2.331.302
„ 50.000 „ 100.000 „	3	194.938	188.746
„ 100.000 и болѣе „	1	181.616	161.874
Тѣхъ пространствъ, которыхъ не опредѣлено . .	6.448	—	2.831452
Тѣхъ, чистый доходъ которыхъ не опредѣленъ . .	113	1.423	—
Итого	972.836	33.013.514	99.352.301 [3])

Къ этому надо прибавить общинныхъ земель и пустырей (commons and waste Lands) по приблизительному опредѣленію 1.522.648 акровъ, такимъ образомъ исчисленіе распространялось на площадь въ 34.538.158 акр. Общая площадь Англіи и Уэльса составляетъ 37.319.222 акр.: разница въ 2.781.063 акровъ состоитъ изъ неудобныхъ земель (Wüste Landereien), величину которыхъ нельзя было выяснить, лѣсовъ,

[1]) Къ числу собственниковъ отнесены также владѣльцы долгосрочныхъ арендъ (leas cholders) болѣе чѣмъ на 99 лѣтъ.

[2]) Акръ = 0,404678 гектара = 0,370415 десятины.

[3]) Итоги въ обоихъ послѣднихъ столбцахъ нѣсколько больше суммы слагаемыхъ вслѣдствіе того, что при сложеніи откидывались части акровъ и ф. стерлинговъ.

рѣкъ, дорогъ, коронныхъ земель, не отдаваемыхъ въ аренду, церковныхъ дворовъ и другихъ, не подлежащихъ налогу недвижимостей. Часть ихъ, при болѣе точномъ исчисленіи, слѣдовало бы еще прибавить къ крупной поземельной собственности [1]).

При разсмотрѣніи приведенной таблицы необходимо помнить, что, при господствующей въ Англіи системѣ фермерскаго хозяйства, группы „собственниковъ" менѣе 10 и даже до 100 акровъ, въ большинствѣ случаевъ состоятъ не изъ представителей самостоятельнаго сельскаго хозяйства, а изъ коттеровъ, а также собственниковъ домовъ, садовъ и парковъ, фабрикъ и другихъ промышленныхъ учрежденій.

По вычисленіямъ англійскихъ статистиковъ, старавшихся внести поправки въ оффиціальныя данныя (John Bateman, у Brodrick'a, English Land and English Landlords. 1881), по классамъ собственники распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Число собственниковъ.	Классы.	Площадь владѣній. Акровъ.	% отношеніе ко всей площади.
400	перовъ (включая сюда peeresses и старшихъ сыновей перовъ	5.728.979	16,6
1.288	крупныхъ собственниковъ, владѣющихъ не менѣе 3.000 акр. съ 3.000 ф. ст. чистаго доходу	8.497.699	24,7
2.529	squires, владѣющихъ 1,000—3,000 акровъ или болѣе, но съ доходомъ менѣе 3.000 ф. ст. — въ среднемъ 1.700 акровъ	4.319.271	12,2
9.585	greater yeomen, съ владѣніемъ 300—1.000, а среднимъ въ 500 акровъ .	4.782.627	13,9
24.412	lesser yeomen, съ владѣніемъ 100 — 300 акровъ, въ среднемъ 170 акр.	4.144.272	12,0
217.049	мелкіе собственники отъ 1-го до 100 акровъ	3.931.806	11,4
703.289	владѣльцы избъ (cottagers) съ землею менѣе одного акра.	151.148	0,4
14.459	Общественныя учрежденія:		
	а) Корона, казармы, тюрьмы, маяки и т. п.	165.427	0,5
	б) Религіозныя, воспитательныя и благотворительныя	947.655	2,7
	с) Коммерческія и другія	330.460	0,8
	Неудобныя земли (wüstes Land). . .	1.524.624	4,5
973.011		34.523.968	100%

[1]) E. Nasse, Agrarische Zustände in England, стр. 131.

И такъ крупные собственники и имѣнія „мертвой руки“ — составляютъ 75,4% всѣхъ земель.

Число собственниковъ, опредѣляемыхъ Bateman'омъ, можно принять какъ максимальное, а площадь — минимальною [1]).

Данныя, приведенныя на предыдущихъ страницахъ, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильномъ сосредоточеніи поземельной собственности въ Англіи. При очень густомъ населеніи этой страны (117 чел. на кв. килом.; во Франціи 72 ч.; въ Германіи 87 ч.), при господствѣ почти исключительно хлѣбной культуры и скотоводствѣ (гористыя мѣстности, которыя могутъ служить только для лѣса и выгоновъ, находятся лишь въ Уэльсѣ, въ Англіи же ихъ почти нѣтъ) — дробленіе земли въ Англіи, казалось, должно было бы имѣть примѣненіе еще въ большей степени, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи или Франціи, между тѣмъ въ дѣйствительности даже въ тѣхъ провинціяхъ этихъ странъ, въ которыхъ крупная собственность въ особенности распространена, и тамъ она далеко не имѣетъ такого преобладанія, какъ въ Англіи [2]).

Судя по новой Domesday-book, 33 мил. акровъ, составляющихъ поверхность Англіи съ Уэльсомъ, находятся въ рукахъ 972.836 лицъ. Но изъ всей поверхности 5.386.913 акровъ или болѣе 16% принадлежитъ 293 собственникамъ; въ рукахъ же собственниковъ, владѣющихъ каждый менѣе 100 акровъ, находятся только 4.297.754 акровъ, или 13%. Изъ 972.836 землевладѣльцевъ Англіи и Уэльса не менѣе 703.289 лицъ владѣютъ каждый менѣе одного акра; совокупность этихъ владѣній (holdings) составляетъ всего только 151.148 акр., или въ среднемъ $^1/_5$ акра на каждое, между тѣмъ какъ одинъ изъ герцоговъ владѣетъ на 30.000 акр. болѣе, чѣмъ всѣ эти 703.289 лицъ.

Эти данныя, какъ я уже упоминалъ, не представляютъ большой точности, что легко видѣть изъ сопоставленія ихъ съ другими источниками. По свѣдѣніямъ, напримѣръ, о поземельной собственности, подлежащей платежу подоходнаго налога, число „separate properties“, помѣщенныхъ В для взиманія подоходнаго налога подъ шедулою, включая и изъятыя отъ обложенія, оказывается [3]):

[1]) E. Nasse, 132.

[2]) E. Nasse, 133.

[3]) P. G. Craigie, The Size and Distribution of Agricultural Holdings in England and Abroad, стр. 88 (Journ. of the Royal Statist. Society, 1887 March).

Англія и Уэльсъ	798.797
Шотландія	79.265
Ирландія	717.986
Соединенное Королевство	1.596.048

Такимъ образомъ разница для одной Англіи съ данными Domesday-book на 174.214, т. е. болѣе 21%.

Важнымъ источникомъ для сужденія о поземельныхъ отношеніяхъ въ Англіи и прочихъ частяхъ Соединеннаго Королевства могутъ служить также Agricultural Returns for Great Britain, 1886 г. и Agricultural Returns for Ireland 1885. Но за основной элементъ этихъ „сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій“ принимается не „собственность“, а „сельско-хозяйственныя владѣнія“ (Agricultural holdings), а потому они выясняютъ намъ въ сущности господствующій типъ хозяйственныхъ единицъ, фермъ и т. п., и могутъ служить лишь косвеннымъ указателемъ на преобладающій типъ поземельной собственности. Число „agricultural holdings“ весьма значительно расходится какъ съ числомъ собственниковъ, опредѣленнымъ въ новой Domesday-book, такъ и съ числомъ „собственности“ по спискамъ подоходнаго обложенія. Именно: по даннымъ Returns распредѣленіе „сельско-хозяйственныхъ владѣній“ представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]):

	Англія и Уэльсъ.	Шотландія.	Ирландія.	Соединен. Корол.
Число „separate properties“, помѣщенныхъ подъ шедулою B для взиманія подоходнаго налога, включая и изъятыя отъ обложенія.	798.797	79.265	717.986	1.596.048
Число „agricultural holdings“ въ Великобр. и Ирл., согласно даннымъ департамента земледѣлія.	475.140	80.715	565.313	1.121.168

Число владѣній и процентное отношеніе группъ:

Классификація владѣній.	Англія.	Уэльсъ.	Шотланд.	Великобританія.	Ирланд.	Соедин. Корол.
Отъ ¼ акра до 1.	21.069	1.083	1.360	23.512	49.744	73.256
	5,08%	1,80	1,69	4,23	8,79	6,53
„ 1 „ „ 5 .	103.229	11.044	21.463	135.736	61.876	197.612
	24,88	18,35	26,59	24,42	10,94	17,61

[1]) См. P. G. Graigie, The Size and Distribution etc.

Классификація владѣній.	Англія.	Уэльсъ.	Шотланд.	Великобританія.	Ирланд.	Соедин. Корол.
Свыше 5 до 20 .	109.285	17.389	22.132	148.806		
	26,34	28,89	27,42	26,77	365.113	598.068
„ 20 „ 50 .	61.146	12.326	10.677	84.149	64,55	53,43
	14,74	20,48	13,23	15,14		
„ 50 „ 100 .	44.893	10.044	9.778	64.715	56.172	120.887
	10,82	16,69	12,11	11,64	9,94	10,78
„ 100 „ 300 .	59.180	7.844	12.549	79.573		
	14,26	13,03	15,55	14,31	30.860	124.308
„ 300 „ 500 .	11.452	389	2.034	13.875	5,45	11,09
	2,76	0,65	2,52	2,50		
„ 500 „ 1000 .	4.131	63	632	4.826		
	0,99	0,10	0,78	0,87	1.548	7.037
„ 1000 акровъ.	565	8	90	663	0,27	0,63
	0,13	0,01	0,11	0,12		
Всего . . .	414.950	60.190	80,715	555.855	565.313	1.121.168
	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Чтобы отчетливѣе представить господствующій характеръ землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ Англіи, укажемъ средній размѣръ „владѣній“ и посмотримъ, какъ распредѣляется площадь обработываемой земли между отдѣльными группами владѣній:

	Holdings of all Classes. Число.	Площадь.	Средній размѣръ владѣній.
Англія	414.950	24.891.539	60,0
Уэльсъ.	60.190	2.818.547	46,8
Шотландія	80.715	4.848.166	60,1
Великобританія . .	555.855	32.558.252	58,7

Такимъ образомъ средній размѣръ владѣній для всей Великобритании въ настоящее время выражается 58.7 акровъ; при чемъ для Англіи и Шотландіи онъ почти одинаковъ, превышая нѣсколько средній для Великобританіи: въ Уэльсѣ же распространены болѣе мелкія формы, дающія въ среднемъ 46,8 акровъ.

Сравненіе среднихъ размѣровъ „владѣній“ 1885 г. съ таковыми 1875 г. въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи (Norfolk, Rutland и др.), обнаруживаетъ увеличеніе этихъ размѣровъ, что объясняется сосредоточеніемъ владѣній въ рукахъ фермеровъ въ хорошіе годы, а въ послѣднее время концентраціею не отданныхъ въ аренду фермъ въ рукахъ ихъ собственни-

ковъ. Впрочемъ возрастаніе среднихъ размѣровъ владѣній отчасти объясняется и тѣмъ, что увеличивается площадь земель, которая включается въ число „обрабатываемыхъ". Число отдѣльныхъ владѣній въ Англіи въ дѣйствительности увеличилось съ 412.000 въ 1875 г. до 415.000 въ 1885 г. [1]).

Что касается пространства обрабатываемой земли, то оно распредѣляется въ Англіи между отдѣльными классами владѣній слѣдующимъ образомъ:

Владѣнія.	Акры.	% площади.	Число владѣній.
Отъ 1/4 акра до 1. .	9.988	0,0	294.729 мелкихъ влад. 3.558.547 акровъ.
„ 1 „ „ 5. .	286.526	1,1	
„ 5 „ „ 20. .	1.219.663	4,9	
„ 20 „ „ 50. .	2.042.370	8,6	
„ 50 „ „ 100. .	3.285.350	13,1	115.525 средн. владѣн. 17.900.060 акровъ.
„ 100 „ „ 300. .	10.285.988	41,3	
„ 300 „ „ 500. .	4.328.722	17,3	
„ 500 „ „ 1000. .	2.697.794	10,8	4.696 крупн. владѣн. 3.432.932 акра.
свыше 1000 акровъ. . .	735.138	2,9	
Итого . .	24.891.539	100,0	

Такимъ образомъ на крупныя „владѣнія", болѣе 100 акровъ каждое, которыя въ общемъ числѣ составляютъ только 18,1%, приходится въ Англіи 18.047.642 акровъ или 72,4% всей обрабатываемой площади.

Общій выводъ изъ статистическихъ данныхъ о поземельныхъ и сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ сводится къ тому, что Соединенное Королевство представляетъ страну крупной поземельной собственности. Но для пониманія господствующихъ поземельныхъ отношеній въ Соединенномъ Королевствѣ нельзя довольствоваться одними статистическими выводами. Необходимо коснуться дѣйствующаго тамъ обычнаго права и законовъ о наслѣдованіи, которые придаютъ англійскому землевладѣнію характеръ типичнаго замкнутаго поземельнаго строя, покоющагося на крупной поземельной собственности и препятствующаго въ сильной степени дробленію и образованію мелкой собственности. Остановимся сперва на Ирландіи.

III.

Если Англія и Шотландія представляютъ намъ части Соединеннаго Королевства съ господствомъ крупнаго землевла-

[1]) Graigie, стр. 94.

дѣнія въ связи съ крупнымъ и среднимъ хозяйствомъ, то Ирландія является типическою страною крупнаго землевладѣнія и мелкихъ фермъ.

И въ Ирландіи, также какъ въ другихъ странахъ, было время, когда земля обрабатывалась и находилась во владѣніи свободныхъ общинъ. Но съ половины XII вѣка здѣсь начинается возмутительный процессъ экспропріаціи земельной собственности изъ рукъ коренного мѣстнаго земледѣльческаго населенія—кельтовъ въ пользу англійской аристократіи.

Дѣло началось съ того, что папа Адріанъ II, считая Ирландію одной изъ своихъ церковныхъ эпархій, пожаловалъ ее въ 1156 г. англійскому королю Генриху II. Опираясь на это пожалованіе и военную силу, англійскіе короли щедро раздаютъ ирландскія земли церквамъ, монастырямъ и англійскимъ лордамъ, а сопротивленіе коренного населенія прекращаютъ вооруженною силою. Съ упраздненіемъ въ періодъ реформаціи католическихъ монастырей, принадлежащіе имъ обширныя помѣстья распредѣляются или жалуются на маіоратныхъ правахъ знатнѣйшимъ протестантскимъ фамиліямъ. Англійская аристократія, завладѣвъ такимъ образомъ поземельными богатствами Ирландіи, переводитъ сельскихъ обывателей-земледѣльцевъ сначала на оброкъ, затѣмъ опредѣляетъ право пользованія землею срочными контрактами (leases), а когда эти контракты оказались стѣснительными и невыгодными для поземельныхъ лордовъ, то въ Ирландіи почти повсемѣстно стала вводиться система сдачи земель въ аренду „по волѣ владѣльцевъ" (at will).

При господствѣ издавна въ Ирландіи мелкаго хозяйства, съ увеличеніемъ населенія, арендные участки подверглись крайнему дробленію. Но при системѣ крупной поземельной собственности, крупнымъ собственникамъ, проживающимъ въ большинствѣ случаевъ въ Англіи, непосредственная возня съ массою мелкихъ съемщиковъ земли представляла бы слишкомъ много хлопотъ и заботъ. Отсюда естественное послѣдствіе — возникновеніе класса крупныхъ съемщиковъ цѣлыхъ имѣній. Эти съемщики (middleman) сдаютъ уже отъ себя настоящимъ арендаторамъ-земледѣльцамъ, выжимая изъ нихъ послѣдніе соки.

Крайне бѣдственное положеніе ирландскихъ клочковыхъ арендаторовъ, снимающихъ землю изъ вторыхъ-третьихъ рукъ

и необезпеченныхъ вовсе въ томъ, что собственникъ не сегодня-завтра прогонитъ ихъ и отдастъ землю другимъ—давно уже обращало на себя вниманіе общества и правительства и заставляло искать средствъ для изцѣленія зла, но зло пустило слишкомъ глубокіе корни, а потому ирландскій вопросъ и до сихъ поръ составляетъ жгучій земельный вопросъ въ Великобританіи.

Важнѣйшія мѣры, которыя предлагались и предлагаются для рѣшенія ирландскаго вопроса, Рошеръ сводитъ въ три группы:

„А. Введеніе въ Ирландіи англійской системы хозяйствъ, для чего необходимо соединить клочковыя аренды въ болѣе или менѣе крупныя фермы, на которыхъ могли бы быть прежніе арендаторы поденными рабочими или батраками. А такъ какъ естественнымъ послѣдствіемъ такой системы было бы уменьшеніе труда для обработки земли, то для излишняго населенія, за недостаткомъ спроса въ промышленности, слѣдовало облегчить эмиграцію при содѣйствіи государства (Torrens, The budget: on commercial and colonial policy, 1844) или же переселить ихъ на приспособленныя для земледѣлія луговыя и болотистыя мѣстности самой Ирландіи, съ тѣмъ, чтобы ихъ тамъ сдѣлать наслѣдственными арендаторами или собственниками (Thornton, Overpopulation, стр. 429). Сисмонди рекомендовалъ соединеніе обѣихъ этихъ мѣръ, а чтобы воспрепятствовать возвращенію зла, совѣтовалъ на первое время, пока не измѣнятся народные обычаи въ благопріятномъ смыслѣ, издать законъ, которымъ устанавливалась бы недѣлимость новыхъ крестьянскихъ дворовъ и стѣснялись браки (Etudes I, № 7).

Идеи о выгодахъ замѣны клочковыхъ арендъ болѣе крупными хозяйственными единицами не остались безъ практическихъ результатовъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Ирландіи считалось хозяйствъ:

	отъ 1—5 акр.	5—15	15—30	болѣе 30
1841	310.136	252.799	79.342	48.625
1861	85.469	183.931	141.251	157.833
1866	79.742	174.357	136.499	158.406

Уже въ 1855 г. хозяйства свыше 30 акр. составляли болѣе $^3/_4$ всей площади, въ 1867 г. на хозяйства свыше 15 акр. приходилось $^7/_8$ (Statist. journ. 1869, 73). Съ уменьшеніемъ

числа клочковыхъ хозяйствъ въ Ирландіи въ сильной степени поднялось какъ количество, такъ и качество скота. Такъ, рогатый скотъ въ Ирландіи въ 1841 оцѣнивался въ 19.400.000 ф. ст., а въ 1851 г. по одинаковому способу исчисленіе въ $33^1/_2$ мил. (Edinb. R. Juli. 1857 г., 121). Число простыхъ землянокъ, въ одну комнату и безъ оконъ (one-roomed and windowless), которыя около 1841 г. составляли 37% ирландскихъ жилищъ, къ 1851 г. уменьшилось на 355.689.

Къ сожалѣнію, для массы ирландскаго земледѣльческаго населенія эти культурно-хозяйственныя перемѣны связывались не съ улучшеніемъ, а съ ухудшеніемъ. Населеніе Ирландіи съ 1846 къ 1851 г., напримѣръ, уменьшилось вслѣдствіе эмиграціи и проч. на 26,5%.

B. Большее обезпеченіе прочности арендъ до настоящаго времени въ большей части Ирландіи господствуетъ tenancy at will, т. е. безсрочная аренда, въ которой можетъ быть отказано арендатору по произволу землевладѣльца; такъ, въ 1870 г. изъ 682.237 holdings 526.539 были at will; 25.406 не свыше 21 года, 22.217 отъ 21 до 31; 13.712 на 31—99 г.; 28.339 пожизненно и 20.217 были заняты собственниками. (Statist. journ. 1870, стр. 152). Сторонники аграрныхъ реформъ въ Ирландіи желаютъ сдѣлать положеніе арендатора болѣе прочнымъ. Въ этомъ отношеніи любопытно постепенное развитіе требованій, какія предъявляются сторонниками аграрныхъ реформъ въ Ирландіи.

O'Connell въ 1843 году былъ бы доволенъ 21-лѣтней leases. Еще въ 1867 г. ирландскіе либеральные члены парламента отстаивали проектъ Диллона, по которому арендаторъ долженъ быть обезпеченъ или 31-лѣтнимъ контрактомъ, или уплатою по частямъ опредѣленной суммы, размѣръ которой долженъ устанавливаться по соображенію съ увеличеніемъ арендной платы съ послѣдующаго арендатора (Edinb. Rev., Jan. 1870, 257), между тѣмъ въ настоящее время все болѣе распространяется требованіе: fixity of tenure at fair rents, при чемъ многіе понимаютъ подъ этимъ распространеніе на всю Ирландію Эльстерскаго tenants-right, другіе же прямо обращенія срочной аренды въ наслѣдственную (Conner, True political economy of I. и Letters ou the rack-rent-oppression of I.). Милль въ своемъ сочиненіи England and Ireland (1868) полагалъ, что арендаторовъ слѣдуетъ сдѣлать собственниками,

при вознагражденiи за то владѣльцевъ имѣнiй, подъ гарантiей государства. Въ такомъ же смыслѣ высказывается Rogers (Letter to Sir J. Gray) въ дублинскомъ Freemans-Journal, Sept. 1869. Впрочемъ, положенiе ирландскихъ фермеровъ говоритъ Рошеръ улучшилось и безъ того: шотландскiй радикалъ Maclagen (Land-culture and land-tenure in I., 1869, стр. 34) — находитъ, что арендная плата не слишкомъ высока. Съ 1861 г. она повысилась въ Англiи на 7%, въ Шотландiи на 8, въ Ирландiи большею частью на 5½% (Caird, The Irish land-question, 1869, 15). Случаевъ изгнанiя арендаторовъ въ 1868 г. было только 1.155, изъ нихъ 787 вслѣдствiе неплатежа арендной платы (Quart. Rev. Jan. 1870, 277), въ 1870 только 444 (въ 1850 г. еще 74.171, 1854—8.989)

С. Непосредственное основанiе новыхъ крестьянскихъ дворовъ.—Лордъ J. Russell предлагалъ въ 1847 г. въ палатѣ депутатовъ съ этою цѣлью экспропрiацiю необрабатываемыхъ земель. Нѣсколько ранѣе Брайтъ проектировалъ добровольную покупку на счетъ государства около половины земли у крупныхъ землевладѣльцевъ и предоставить ее земледѣльцамъ, которые бы затѣмъ постепенно погасили покупную сумму.

Ирландскiй земельный актъ 1870 г. соединилъ въ себѣ обѣ мѣры (В и С), такъ такъ имъ не только было, при участiи суда, сдѣлано всеобщимъ Эльстерское tenant-right и вознагражденiе удаляемыхъ арендаторовъ за ихъ капитальныя затраты, но также облегчена покупка арендуемыхъ участковъ тѣмъ, что, смотря по обстоятельствамъ, государство можетъ оказать ссуду до ⅔ покупной цѣны. Къ сожалѣнiю, законъ 1870 г. въ первые годы, повидимому, очень мало дѣйствовалъ, такъ какъ до 1874 г. только 338 арендаторовъ купили свои Holdings въ размѣрѣ 22.116 акровъ за 319.522 ф. ст., при чемъ государство выдало имъ въ ссуду 192.066 ф. ст. Между 1876 и 1879 г. было сдѣлано еще 326 покупокъ на сумму 304.250 ф. ст. (Statist. Journ. 1881, 218).

Недавно рядъ неурожаевъ, при американской конкуренцiи, которая уничтожила естественное въ этомъ случаѣ облегченiе для земледѣльцевъ — высокiя цѣны на хлѣбъ, чрезвычайно обострили политическую сторону земельнаго вопроса.

Главный пунктъ Гладстоновскаго билля 1881 г., который представляетъ усиленное новое изданiе закона 1870 г., состоитъ въ образованiи коммиссiи изъ трехъ членовъ, которые

не должны принадлежать къ членамъ нижней палаты, съ широкою судебною властью. Этотъ тріумвиратъ, не только можетъ выдавать ссуды арендаторамъ, которые желаютъ купить свои участки, до 3/4 покупной цѣны, покупать крупныя имѣнія для продажи ихъ раздробленными участками, дѣлать ссуды переселенцамъ, но можетъ даже безапелляціонно опредѣлить цѣну подлежащихъ вознагражденію улучшеній, сдѣланныхъ арендаторомъ, и надлежащій размѣръ арендной платы. (Fair rent=a rent as in the opinion of the court after hearing the parties and considering all the circumstances... a solvent tenant would undertake to pay one year with another: provided that the court, in fiting such rent, shall have regard to the tenants interest in the holding). При установленіи такой judicial rent коммисія можетъ также предписать арендатору устройство или улучшеніе рабочихъ жилищъ. Обращается также вниманіе на устройство fixed tenancier, которые могутъ быть уничтожены только по причинѣ нарушенія установленныхъ (statuarisher) условій, и арендные платежи, которые большею частью должны быть пересматриваемы коммисіей, только черезъ каждыя 15 лѣтъ (Срав. G. M'Dermot Landacts of Ireland 1881, 1870 и 1860 (1881)[1]).

IV.

Обращаясь къ Англіи въ тѣсномъ смыслѣ, замѣтимъ, что здѣсь господствуетъ, въ отличіе отъ Ирландіи, крупная поземельная собственность въ связи съ крупнымъ фермерскимъ хозяйствомъ. Въ основѣ поземельнаго строя лежитъ господство начала первородства и порядокъ энтайлированія (Entail).

Общеизвѣстный фактъ, что въ Англіи недвижимыя имущества со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ обыкновенно переходятъ къ старшему въ родѣ, т. е. наслѣдованіе происходитъ по принципу маіората, что имѣнія обыкновенно представляютъ неотчужденное владѣніе даннаго рода. Но гораздо менѣе извѣстно, что этотъ аграрный строй замкнутой поземельной собственности вытекаетъ не изъ законовъ о наслѣдствѣ, а изъ обычнаго порядка добровольнаго возобновленія время отъ времени замкнутости каждаго даннаго владѣнія. Англійскіе

[1]) См. W. Roscher, Nationalökonomik des A., стр. 240—244.

законы вовсе никого не обязываютъ передавать имѣніе непремѣнно старшему сыну; законъ отдаетъ предпочтеніе старшему сыну передъ младшимъ только въ случаѣ смерти безъ завѣщанія, но при рѣдкости такихъ случаевъ самъ по себѣ законъ о первородствѣ имѣетъ въ сущности весьма ограниченное дѣйствіе. Гораздо большее вліяніе имѣетъ укоренившійся въ этомъ смыслѣ обычай и въ особенности законъ объ энтайлированіи (law of entail). Въ системѣ энтайлированія лежитъ главный ключъ къ уразумѣнію англійскаго поземельнаго строя.

По закону объ Entail, поземельный собственникъ имѣетъ право особымъ документомъ или завѣщаніемъ опредѣлить, что завѣщаемая земля до третьяго поколѣнія не можетъ быть ни продана, ни раздроблена, ни обременена долгами. Собственникъ же свободной, этимъ путемъ незакрѣпленной земли, имѣетъ напримѣръ право сдать ее въ аренду, на срокъ отъ 21—999 лѣтъ, и въ этомъ случаѣ, въ формѣ аренды, можетъ обременить землю разнаго рода повинностями и платежами; онъ можетъ даже установить способъ веденія хозяйства впередъ на весь этотъ огромный срокъ.

Однако большая часть англійскихъ земель „связана“ посредствомъ Entail, и послѣдній „Entail—наслѣдникъ“, въ рукахъ котораго собственность вновь становится свободною, обыкновенно ее опять связываетъ завѣщаніемъ. „Въ общемъ форма подобнаго завѣщанія такова: я (A) имѣю трехъ сыновей: (B), (C) и (D), изъ которыхъ послѣднему одинъ годъ. Симъ опредѣляю, что послѣ моей смерти имѣніе должно перейти въ пожизненное владѣніе (B); въ случаѣ смерти (B), имѣніе переходитъ къ C, а за смертію C—къ D. Въ случаѣ смерти D, имѣніе должно перейти къ тому первому сыну (E), одного изъ названныхъ трехъ наслѣдниковъ, который достигъ 21 года, а за неимѣніемъ таковыхъ, къ старшему сыну D. По достиженіи E 21 года имѣніе становится „свободнымъ“. До этого времени оно не могло быть ни продано, ни задолжено, ни раздроблено. E дѣлаетъ обыкновенно тотчасъ подобное же завѣщаніе. Иногда E дѣлаетъ энтайлированное завѣщаніе по соглашенію съ своимъ сыномъ и наслѣдникомъ F („son and heir“—есть обычное выраженіе въ Англіи), при чемъ завѣщаетъ своей женѣ и своимъ дочерямъ пожизненныя ренты, которыя онъ вписываетъ въ документъ. F естественно соглашается на это,

такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отецъ не сдѣлаетъ его наслѣдникомъ по Entail. Этимъ путемъ многія имѣнія обременяются рентами, но не уплачиваемымъ (Kündbarer) капитальнымъ долгомъ [1]):

Въ способѣ хозяйства въ Англіи господствуетъ, какъ мы видѣли изъ статистическихъ данныхъ, система сдачи земли въ аренду крупными фермами. Фермеры обыкновенно ведутъ дѣло собственнымъ капиталомъ, при чемъ далеко нельзя сказать, чтобы ихъ интересы были достаточно ограждены закономъ, скорѣе—напротивъ.

По закону of fixtures, если арендаторъ сдѣлаетъ на землѣ какія-либо постройки, то они должны остаться на землѣ. При своемъ уходѣ онъ не можетъ ихъ увезти или разрушить. Съ другой стороны, на основаніи закона of distress (объ арестѣ имущества) поземельный собственникъ имѣетъ преимущественное право передъ всѣми кредиторами арендатора, при взысканіи арендныхъ платежей, на все движимое имущество арендатора; это право простирается даже на тѣ предметы, которые фермеръ привезъ на ферму, хотя бы они не принадлежали ему, какъ, напримѣръ, скотъ, который онъ взялъ только на нѣсколько мѣсяцевъ для пастьбы, или машины, которыя онъ пріобрѣлъ на условіи постепеннаго погашенія покупной стоимости. Этотъ жестокій въ отношеніи арендатора законъ, только въ министерство Гладстона былъ нѣсколько смягченъ въ томъ смыслѣ, что за поземельнымъ собственникомъ была признана привилегированная ипотека на его арендаторѣ лишь до половины годичной арендной платы.

Противники англійскаго аграрнаго порядка не безъ основанія упрекаютъ его въ томъ, что онъ крайне затрудняетъ небогатому населенію пріобрѣтать землю въ собственность. Если вообще въ странахъ, гдѣ не существуетъ ипотечной системы, часто бываетъ очень трудно выяснить дѣйствительныя права продавца имѣнія и лежащія на немъ запрещенія, то въ Англіи, при господствующей системѣ Entail, иногда почти невозможно выяснить сущность владѣнія даннаго лица. Требуется масса труда и издержекъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о

[1]) R. Meyer, Heimstätten und andere Wirthschaftsgesetze. 1883, стр. 277. См. также. System of Land Tenure, изд. Cobden Club'a, 1881 г., Fawcett, Manual etc.

продажѣ земли, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, владѣетъ ли данное лицо „свободною“ собственностью или „энтайлированною“ т. е. „связанною“, что удерживаетъ покупку и дѣлаетъ ее нерѣдко совершенно невозможною для небольшихъ участковъ и для небогатыхъ людей.

Говоря о затрудненіяхъ, которыя въ Англіи встрѣчаетъ развитіе мелкой поземельной собственности въ обычномъ правѣ и законахъ, необходимо указать еще на причины соціально-экономическаго характера, которыя дѣлаютъ все труднѣе пріобрѣтеніе земли въ Англіи для небогатыхъ людей. Сюда относится ростъ капиталовъ у промышленнаго класса и стремленіе лицъ, разбогатѣвшихъ индустріей, пріобрѣтать поземельную собственность, не столько ради извлеченія изъ нея прибыли, сколько ради соціальнаго и политическаго положенія и вліянія, связаннаго съ владѣніемъ земельными богатствами; собственность на землю доставляетъ также возможность пользоваться удовольствіями деревенской жизни. Эти побочныя выгоды поземельной собственности поднимаютъ продажныя цѣны на землю и дѣлаютъ ее мало доступной для человѣка, который хочетъ купить землю, чтобы обрабатывать ее и извлекать изъ нея достаточный расходъ на затраченный капиталъ. Покупатель, который смотритъ на покупаемое имѣніе, какъ на источникъ удовольствій, вліянія, гораздо смѣлѣе и охотнѣе можетъ накинуть лишнія сотни или тысячи, лишь бы оставить его за собой. „При густомъ населеніи Англіи разница между рыночною цѣною на землю и сельскохозяйственною цѣнностью ея постоянно растетъ, говоритъ Фоссетъ: „отсюда съ каждымъ годомъ все меньшая площадь нашей земли будетъ обрабатываться самими собственниками“ [1]).

При всѣхъ несомнѣнныхъ заслугахъ въ смыслѣ сельскохозяйственныхъ успѣховъ, которыми Англія была обязана прогрессивной дѣятельности земельной аристократіи и системѣ крупнаго хозяйства [2]), и при всемъ общественно-политическомъ тактѣ, какимъ славится англійская аристократія,—экономическія послѣдствія системы крупной замкнутой поземельной соб-

---

[1]) H. Fawcett, Manual of Political Economy. Seventh Edition 1888, стр. 193.

[2]) См. объ этомъ: Thorold Rodgers, The Economic interpretation of History, стр. 176 и слѣд.

ственности и хозяйства арендаторовъ, при наемномъ трудѣ, господствующей въ Англіи, въ общемъ весьма неутѣшительны.

„Сельскіе округа обезлюдиваются, между тѣмъ какъ города переполняются населеніемъ. По причинѣ обезземеленія земледѣльцевъ и средняго класса, многіе изъ предметовъ необходимости, какъ-то: молоко, яйца, домашняя птица, плоды и овощи—становятся рѣдкими и дорогими; и эти продукты приходится привозить почти отовсюду изъ Европы и даже изъ Америки; между тѣмъ какъ ихъ можно было бы производить дома, и мы, говоритъ Уоллесъ, имѣли бы ихъ тогда у нашихъ дверей, при томъ лучшаго качества и дешевле, чѣмъ теперь. Это представляетъ положительную несправедливость относительно каждаго, несправедливость, которая вовсе не вознаграждается свободною торговлею, благодаря которой означенные предметы привозятся въ болѣе или менѣе испорченномъ видѣ, между тѣмъ какъ сотни милліоновъ, ежегодно переплачиваемые при этомъ иностранцамъ, могли бы пойти нашему собственному сельскому населенію и оберечь его отъ нищеты и пьянства, а для насъ облегчить поддержку бѣдныхъ.

„Благодаря господству ландлоризма лишеніе имущества (evictions) въ Англіи практикуется какъ нигдѣ, и ни одинъ человѣкъ, если онъ не обрабатываетъ собственной земли, не может чувствовать себя обезпеченнымъ. Онъ можетъ быть выгнанъ изъ своего дома по прихоти ландлорда, и, какъ свидѣтельствуютъ факты, люди изгоняются такимъ образомъ и изъ-за политическихъ убѣжденій, и изъ-за религіозныхъ воззрѣній, и изъ-за независимости мнѣній, и ради любви къ спорту. Всякій, кто не собственникъ земли, фактически является рабомъ. Онъ можетъ не чувствовать цѣпей, если его лордъ снисходительный деспотъ, но цѣпи тѣмъ не менѣе существуютъ. Можно ли быть дѣйствительно свободнымъ, когда васъ безъ всякаго преступленія или вины могутъ подвергнуть наказанію, принудивъ противъ воли, во всякій періодъ жизни, бросить ваше жилище и искать новое“ [1]).

Но Уоллесъ принадлежитъ къ числу выдающихся сторонниковъ націонализаціи земли, и потому можетъ явиться сомнѣніе, не кладетъ ли онъ слишкомъ густыхъ красокъ въ своей картинѣ. Послушаемъ поэтому, что говоритъ безусловно умѣ-

---

[1]) A. R. Wallace, Land Nationalisation, стр. 182.

ренный экономистъ и притомъ горячій противникъ націонализаціи земли—Фоссетъ.

„Отмѣтивъ нѣкоторыя изъ невыгодныхъ сторонъ сосредоточенія поземельной собственности, важно посмотрѣть, говоритъ онъ: нѣтъ ли какихъ уравновѣшивающихъ преимуществъ, вытекающихъ изъ существующей въ Англіи системы арендованія земель (land tenure). Даже тѣ, что принадлежатъ къ числу людей, наиболѣе убѣжденныхъ въ продуктивности англійскаго хозяйства, должны чувствовать, продолжаетъ Фоссетъ, что условія, въ которыхъ находится земледѣльческое населеніе, крайне неудовлетворительны; ибо мало найдется рабочихъ группъ, столь несчастныхъ, какъ англійскіе сельскіе рабочіе. Во многихъ округахъ они находятся въ такой нищетѣ, что если бы завтра ихъ обратили въ рабовъ, то ихъ владѣльцы изъ-за собственнаго интереса, должны были бы кормить ихъ лучше, чѣмъ они питаются въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вдали отъ мануфактурныхъ округовъ, 12 шиллинговъ въ недѣлю составляютъ максимумъ заработной платы въ зимніе мѣсяцы. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ господствующая заработная плата была еще ниже; 8—9 шилл. въ недѣлю была тогда нерѣдкая плата. Легко видѣть, что такая плата едва достаточна для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. При ней мяса нельзя ѣсть болѣе одного раза въ недѣлю, и тѣ, кому приходится жить въ такой скудости, болѣе другихъ подвержены неблагопріятнымъ вліяніямъ нашего измѣнчиваго климата. При такой платѣ нельзя дѣлать ни малѣйшихъ сбереженій на случай болѣзни или старческой слабости. Въ цѣлыхъ обширныхъ земледѣльческихъ округахъ нельзя найти ни одного земледѣльческаго работника, сбереженіе котораго равнялось бы недѣльной платѣ. Въ перспективѣ жизни, полной тяжелаго и непрестаннаго труда—ничего, кромѣ бѣдственной старости; и какъ скоро эти рабочіе слишкомъ стары, чтобы работать они попадаютъ или въ рабочіе домы или должны, какъ нищіе, прибѣгать къ помощи приходской благотворительности. Но физическое страданіе, связанное съ бѣдностью сельскихъ рабочихъ, еще не самая худшая сторона ихъ положенія; ихъ невѣжество столь же совершенно, какъ и прискорбно. Усовершенствованныя школы, огромныя издержки на образованіе и общія заботы объ образованіи бѣдныхъ, оказываются несостоятельными для образованія сельскихъ рабо-

чихъ. Причина этой несостоятельности очевидна. Когда дѣти покидаютъ школу въ возрастѣ 8 — 9 лѣтъ, чтобы ходить за плугомъ (to become ploughboys), они забываютъ, конечно, и то немногое, чему выучились; въ результатѣ, во многихъ большихъ деревняхъ нѣтъ ни одного молодого человѣка, который могъ бы знать достаточно хорошо, чтобы читать газету. Родителей обвиняютъ за пренебреженіе благополучіемъ дѣтей; но какъ мы можемъ ожидать отъ тѣхъ, кто такъ жалко бѣденъ, невѣжественъ и не знаетъ цѣны знанія, чтобы они отказывались отъ двухъ шиллинговъ въ недѣлю, которые восьмилѣтній или девятилѣтній ребенокъ можетъ заработать наличными деньгами? Въ другихъ странахъ, безъ сомнѣнія, есть рабочіе, которые столь же бѣдны и невѣжественны; но бѣдность и невѣжество выступаютъ еще сильнѣе, когда они находятся въ контрастѣ съ накопленнымъ богатствомъ и хвастливою цивилизиціей, которая ихъ окружаетъ. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія, говоритъ Фоссетъ, чтобы показать, что если даже система пользованія землею (system of land tenure) въ Англіи выгодна въ смыслѣ производства богатства, то распредѣленіе этого богатства столь неудовлетворительно, что тѣ, чьимъ трудомъ оно производится, ужасно бѣдны, и жизнь ихъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне незавидна. Имъ приходится въ дѣйствительности работать съ регулярностью машинъ, безъ надежды на то, что положеніе ихъ улучшится“ [1]).

V.

Мрачныя стороны системы поземельныхъ отношеній, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ частяхъ Соединеннаго Королевства, въ послѣднее время привлекаютъ къ себѣ все большее вниманіе и общества, и правительства. Земельный вопросъ уже многіе годы здѣсь является однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ внутренней политики. Для полноты картины поземельныхъ отношеній въ Соединенномъ Королевствѣ, необходимо поэтому хотя вскользъ остановиться на тѣхъ мѣрахъ, ка-

---

[1]) H. Fawcett, Manual of P. E., стр. 194.—О положеніи сельскихъ рабочихъ въ Англіи, см. также: Н. Каблуковъ, Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, 1884.

кія принимаются въ Англіи для развитія мелкаго землевладѣнія и мелкаго хозяйства и о результатахъ, достигнутыхъ ими.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, прежде всего необходимо сказать о системѣ надѣловъ, такъ-называемой allotments system, въ которой преимущественно проявляется мелкое хозяйство и землевладѣніе въ Англіи.

Allotments—это небольшіе участки до одного акра, частью принадлежащіе сельскимъ и пригороднымъ рабочимъ на правѣ собственности, частью представляющіе „надѣлы“ сельскихъ рабочихъ въ дополненіе къ заработной платѣ.

На развитіе системы надѣловъ, существовавшей въ Англіи и прежде, особенное вниманіе было обращено съ половины сороковыхъ годовъ, когда, въ виду постепеннаго поглощенія общественныхъ земель крупною собственностью, правительство признало необходимымъ оградить бѣднѣйшихъ обывателей отъ скупки общественныхъ земель лордами и издало съ этою цѣлью Inclosure Act 1845 г.

„Inclosure Act 1845 г. представляетъ собою, можно сказать, первый случай вмѣшательства правительства въ аграрное управленіе страны: по этому акту установлено, что для разверстанія общественныхъ земель требуется, съ одной стороны, постановленіе обывателей, пользовавшихся угодьями, и съ другой стороны—формальное согласіе вотчинника; далѣе, что всѣ домохозяева (householders) имѣютъ право на выдѣлъ участка въ натурѣ, и что бѣднѣйшимъ изъ нихъ надѣляется, во всякомъ случаѣ, не менѣе $^1/_4$ акра (200 кв. сажень). Участки эти отводятся по жеребью (allotments), подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ и присяжныхъ оцѣнщиковъ (wardens) и подъ высшимъ контролемъ коммиссіи (inclosure commission) изъ 12 членовъ“ [8]).

„Въ сущности, читаемъ дальше у того же автора, это была только полумѣра, возбудившая по своему принципу опасенія помѣстнаго сословія и не удовлетворившая сельскихъ рабочихъ: участки (allotments) были такіе мелкіе, отъ $^1/_4$ и до $^1/_2$ акра, что не могли служить никакимъ (?) подспорьемъ хозяйству; къ тому же они присуждались не въ полную собственность, а только въ пользованіе, правда, безсрочное, но за высокую плату, доходящую, въ случаѣ если отве-

---

[1]) Князь А. Васильчиковъ, Землевладѣніе и земледѣліе, т. I, стр. 107.

денный участокъ унавоженъ, до 8 ф. ст. за акръ въ годъ; при томъ же самый отводъ надѣловъ находится въ зависимости отъ другого акта, отъ полюбовнаго соглашенія землевладѣльца съ сельскимъ обществомъ, и эти полюбовныя сдѣлки должны восходить на утвержденіе парламента, такъ что на каждое разверстаніе требуется особый актъ — inclosure bill. Понятно, что при такой долгой и дорогой процедурѣ, продолжаетъ кн. Васильчиковъ, дѣло подвигается медленно и обращается почти исключительно въ пользу тѣхъ сельскихъ обывателей, которые имѣютъ средства для покрытія межевыхъ расходовъ. Съ 1845 по 1853 г. разверстано было всего 80.238 акровъ и приступлено къ размежеванію 298.828 (всего вмѣстѣ въ 8 лѣтъ около 140.000 десятинъ)“ [1]).

Со времени даты, къ которой относятся цифры, приведенныя у кн. Васильчикова, въ англійскомъ аграрномъ законодательствѣ, подъ вліяніемъ духа времени, было внесено уже нѣсколько поправокъ, съ цѣлью облегченія мобилизаціи крупной поземельной собственности и образованія какъ allotments, такъ и вообще мелкой собственности.

Такъ, въ министерствѣ Биконсфильда было издано четыре узаконенія, относившихся къ ограниченію права эйтайлированія, упрощенію и улучшенію порядка перехода поземельной собственности въ другія руки и арендованія, къ регулированію и уменьшенію пошлинъ при покупкѣ земли, и, наконецъ, къ сроку давности.

Завѣщательное распоряженіе поземельною собственностью до второго наслѣдника черезъ „settlement“, хотя и удерживается новымъ закономъ, но онъ отнюдь не допускаетъ обременять имѣніе долгами по усмотрѣнію собственника. Допуская продажу, раздѣлъ, сдачу въ аренду для земледѣльческихъ цѣлей на 21 годъ, для горнаго промысла на 60 л., для построекъ на 95 лѣтъ, законъ строго регулируетъ рас-

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.—Однако, въ Англіи и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, правительственнымъ мѣропріятіямъ предшествовали попытки частныхъ обществъ. Такъ, англійскіе Land-Societies, основанные противниками хлѣбныхъ пошлинъ съ цѣлью увеличить по графствамъ число выборщиковъ для своей партіи (сорока-милліонные freeholders), еще въ періодъ 1843—1853 гг. купили 310 большихъ имѣній и образовали изъ нихъ 19.500 участковъ (allotments) для продажи на льготныхъ условіяхъ (Statistical Journal XVI, 338).

ходованіе вырученныхъ отъ продажи денегъ и капиталовъ, уплоченныхъ по арендным договорамъ впередъ и ограничиваетъ это расходованіе новою покупкою, погашеніемъ долга, улучшеніями, такъ что при этомъ хотя и можетъ произойти измѣненіе въ владѣемой площади, но не въ экономической сущности владѣемаго поземельнаго имущества. Здѣсь мы имѣемъ свободу въ связанности. „Очень разумный,—говоритъ Р. Мейеръ,—принципъ, который потомъ нашелъ общее признаніе". Особенный судъ наблюдаетъ за этими сдѣлками, которыя не могутъ быть заключаемы безъ его позволенія.

Второй законъ упрощаетъ и улучшаетъ переходъ и арендованіе поземельной собственности. Такъ какъ въ Англіи не существуетъ никакихъ земельныхъ книгъ, то получить не возбуждающій сомнѣнія титулъ собственности прежде было трудно, теперь это можетъ быть сдѣлано легко. Тотъ же законъ защищаетъ арендатора отъ придирчивыхъ отказовъ отъ аренды (Pachtkündigung) вслѣдствіе нарушенія несущественныхъ статей арендного договора [1]).

Результаты мѣръ для облегченія образованія мелкой собственности въ Англіи пока, во всякомъ случаѣ, не велики, по крайней мѣрѣ съ нашей русской точки зрѣнія. Впрочемъ, сами англичане могутъ быть и другого мнѣнія.

Въ цитированной выше статьѣ Крэги, авторъ, для подтвержденія того, что въ Англіи не только существуетъ la petite culture, но „и крестьянская собственность, вовсе не такая „рѣдкая птица", какъ иногда думаютъ", приводитъ, по достовѣрнымъ источникамъ, распредѣленіе мелкой собственности и мелкихъ хозяйствъ по шести округамъ (приходамъ). Данныя относятся къ 1871 г. Изъ приведенныхъ шести округовъ въ пяти (по шестому не показано у Крэги число жителей) на 8,178 жит. оказывается [2]):

Размѣръ владѣнія.	Фермеровъ собственниковъ.	Фермеровъ арендаторовъ.	Итого.
менѣе 1 акра	125	161	286
отъ 1 до 5 „	177	99	276
„ 5 „ 20 „	215	130	346
Итого	518	390	908

[1]) R. Meyer, 279.

[2]) См. Craigie, The size of Distribution etc., стр. 101.

Такимъ образомъ, если какихъ-нибудь $6^1/_3\%$ населенія нѣкоторыхъ сельскихъ округовъ — собственники небольшихъ участковъ земли, то уже это, по мнѣнію англичанъ, не „рѣдкая птица“!

Что касается до числа allotments, то недавнее спеціальное правительственное изслѣдованіе огородныхъ или полевыхъ надѣловъ 1886 г. (Returns of Allotments, etc. Agrucultural Departement, 1886), явившееся повтореніемъ обслѣдованія, произведеннаго въ 1873 году, даетъ цифру надѣловъ — участковъ подъ огородами, и т. п., въ 795.532. Цифра эта въ частности распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Allotments, кромѣ желѣзнодорожныхъ.

	Отдѣльность отъ котеджей.	Соединенныхъ съ котедж. изъ 1/8 акр. и бол.	Картофельная польза.	Выгонъ для скота: Общій.	Выгонъ для скота: Опредѣл. площадь.	Всего.
Англія	381.049	230.316	80.045	4.135	3.279	698.824
Уэльсъ	8.018	27.152	13.263	838	1.214	50.485
Шотландія	5.450	15.099	17.838	7.620	216	46.223
Великобританія	394.517	272.567	111.146	12.593	4.709	795.532 [1]).

Въ числѣ 795.532 надѣльныхъ участковъ, находящихся частью въ собственности, частью въ постоянномъ пользованіи лицъ рабочаго класса — значительное число находится въ рукахъ мануфактурныхъ рабочихъ, а не сельскихъ, что можно видѣть уже изъ сопоставленія числа надѣльныхъ участковъ съ числомъ сельскихъ рабочихъ. Сельскихъ рабочихъ мужского пола, включая и малолѣтнихъ, насчитывается въ Великобританіи около 900.000, считая въ томъ числѣ и классъ фермерскихъ слугъ, которые не могутъ претендовать на земельный надѣлъ. Такимъ образомъ, если бы все число надѣльныхъ участковъ распредѣлялось только между сельскими рабочими, то почти всѣ взрослые рабочіе владѣли бы землею, чего на самомъ дѣлѣ далеко нѣтъ. Вообще спросъ на земельные участки въ Великобританіи не ограничивается классомъ сельскаго населенія. Рабочіе во многихъ

---

[1]) Сверхъ того, въ Великобританіи насчитывалось желѣзнодорожныхъ allotments, отдѣльныхъ отъ котеджей — 39.425 и соединенныхъ съ котеджами—6.162, всего слѣдовательно 841.119.

мануфактурныхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, лейчестерскіе чулочники, нерѣдко является владѣльцами allotments. Вопросъ о надѣльныхъ участкахъ въ Англіи, по свидѣтельству Крэги, сдѣлался городскимъ или, по крайней мѣрѣ, подгороднымъ, не менѣе чѣмъ сельскимъ.

Въ недавнее время сторонникамъ крестьянской поземельной собственности въ Англіи удалось провести черезъ палату общинъ спеціальный билль о правительственномъ содѣйствіи въ пріобрѣтеніи земли мелкими собственниками— The Jeomen and Small Holdings Act, 1885. Чтобы облегчить пріобрѣтеніе земли occupier'ами въ Англіи и Уэльсѣ, этимъ актомъ предоставлено городскимъ и сельскимъ властямъ, sanitary authorities, право выдавать изъ суммъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе государственнымъ казначействомъ, ссуды фермерамъ для покупки ихъ holdings, если послѣдніе не превышаютъ 150 акровъ [1]). Кромѣ того, мѣстной власти предоставляется покупать, брать въ аренду или вымѣнивать какія бы то ни было земли въ ихъ округѣ въ цѣляхъ Act'а и для такихъ улучшеній, какъ дренажъ, орошеніе и т. п. [2])

Въ заключеніе замѣтимъ, что какъ ни значительны могутъ казаться нѣкоторымъ англійскимъ изслѣдователямъ цифры надѣльныхъ участковъ и пр., но, сопоставляя 800—900 тыс. allotments съ 37 милліоннымъ населеніемъ и, принимая въ соображеніе размѣръ ихъ отъ $^1/_8$ до 1 акра (акръ=0,37 дес.), нельзя не признать всю ничтожность участія массы населенія въ выгодахъ поземельной собственности и самостоятельнаго хозяйства. Всѣ мѣры, предпринятыя въ Великобританіи до настоящаго времени, съ цѣлью создать крестьянскую собственность, для насъ, русскихъ, не могутъ не казаться безсильными разрѣшить земельный вопросъ. По своему характеру, онѣ скорѣе приближаются къ заслуживающей всякаго уваженія и подражанія англійской практической филантропіи, чѣмъ къ глубокимъ аграрнымъ реформамъ нашего отечества.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что мелкіе holdings актъ опредѣляетъ такъ: „участокъ не менѣе одного и не болѣе 30 акровъ".

[2]) J. S. Jeans, England's Supremacy, 1885, стр. 53.

ГЛАВА V.

Поземельныя отношенія въ Германіи.

I. Статистическія данныя о распредѣленіи хозяйствъ въ Германіи.—Области съ господствомъ крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣнія.—II. Общій взглядъ на историческій ходъ развитія крупной поземельной собственности въ Германіи.—Участіе въ немъ городского торговаго дворянства.—Латифундіи въ Силезіи.—III. Результаты изслѣдованія проф. Конрада о латифундіяхъ въ 7-ми восточныхъ провинціяхъ Пруссіи.—IV. Темныя стороны современнаго мелкаго и средняго землевладѣнія въ Германіи.—V. Дворовая система въ Германіи.—VI. Послѣдствія введенія въ Вестфаліи началъ „свободной собственности".—VII. Новѣйшее нѣмецкое аграрное законодательство съ цѣлью сохраненія въ цѣлости крестьянскихъ дворовъ.

I.

Для сужденія о поземельныхъ отношеніяхъ въ Германіи, въ настоящее время накопился уже довольно богатый статистическій матеріалъ, какъ оффиціальной статистики, такъ и въ частныхъ работахъ, среди которыхъ въ особенности выдѣляются изданія Verein'a für Socialpolitik [1]. Изъ оффиціальныхъ работъ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить спеціальное обслѣдованіе 1882 г., которое охватило 41 мил. гектаровъ сельско-хозяйственной площади обрабатываемой земли, не считая домовъ и построекъ, не находящихся въ сельско-хозяйственномъ пользованіи. Къ сожалѣнію и здѣсь, какъ и въ Великобританіи, о распредѣленіи „поземельной собственности" приходится судить косвенно по даннымъ, относящимся къ размѣрамъ хозяйствъ (Betriebe).

Въ результатѣ обслѣдованія 1882 г. получилась слѣдующая общая картина современнаго распредѣленія хозяйствъ (Betriebe) по размѣрамъ принадлежащей имъ производительной площади въ Германской имперіи:

---

[1]) Эти изданія, а также работа E. Jäger'a, Die Agrarfrage der Gegenwart, 3 части,—Statistisches Handbuch für den Preussischen Staat. 1888.—J. Conrad, Agrar-statistische Untersuchungen. (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1888 т. XVI), служили главными источниками, по которымъ написана эта глава.

Классы хозяйствъ.	Число хозяйствъ.	Общ. пл. пахатной земли, лѣса и т. п. гектаровъ.
Отъ 1 до 2 ар.	65.623	1.970
„ 2 „ 5 „	188.321	10.250
„ 5 „ 20 „	643.141	91.896
„ 20 „ 1 гек.	1.385.018	807.130
„ 1 „ 2 „	727.746	1.218.882
„ 2 „ 5 „	989.716	3.857.330
„ 5 „ 10 „	575.738	4.935.947
„ 10 „ 20 „	386.321	6.898.950
„ 20 „ 50 „	246.822	9.304.746
„ 50 „ 100 „	42.439	3.397.341
„ 100 „ 200 „	11.501	1.999.413
„ 200 „ 500 „	9.814	4.126.325
„ 500 „ 1.000 „	3.629	3.200.642
Свыше 1.000 „	515	1.024.884
Итого.	5.276.344	40.875.706

Изъ общаго числа хозяйствъ:

Сами собственники ведутъ хозяйство.	2.953.445
Менѣе половины земли сдается въ аренду . . .	946.805
Болѣе половины сдается въ аренду	546.957
Вся земля въ арендѣ.	829.137
Итого	5.276.344

Изъ этой таблицы оказывается, что въ Германіи на крупную поземельную собственность (свыше 100 гектаровъ) приходится 25,3%, на среднюю (отъ 10—100 гект.)—47,9% и на мелкую—26,8% общей производительной площади. Такимъ образомъ, основываясь на этой статистической группировкѣ, можно сказать, что Германская имперія—страна средней поземельной собственности. Но Германская имперія, еще такъ недавно сплотившаяся подъ гегемоніей Пруссіи изъ разнородныхъ государственно-политическихъ единицъ, по своему аграрному строю вовсе не представляетъ той сравнительной однородности типа, какую мы находимъ въ Соединенномъ Королевствѣ или во Франціи. Германію нельзя назвать страною средняго землевладѣнія и хозяйства въ такомъ смыслѣ, какъ Францію—государствомъ съ преобладаніемъ мелкой собственности и культуры, а Соединенное Королевство—страною крупнаго землевладѣнія. Въ составъ Германской имперіи входятъ сплошныя обособленныя области-государства крупной собственности, и обширные районы рѣшительнаго преобладанія мелкаго и средняго землевладѣнія. Въ географическомъ порядкѣ обнаруживается въ общемъ убываніе среднихъ размѣровъ поземельной собственности отъ востока къ западу и отъ сѣвера къ югу, при чемъ, по развитію крупной поземельной собственности, въ особенности выдѣляются семь восточныхъ

прусскихъ провинцій, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ [1]):

Число хозяйствъ (der Betriebe) и процентныя отношенія:

	Германія.	Пруссія.	7 восточн. провинцій Пруссіи.
Менѣе 1 гектара	2.323.316	1.456.724	733.723
	44,0%	**47,9%**	**46,64%**
Отъ 1 до 10 гектар. .	2.274.096	1.178.625	582.812
	43,1	**38,8**	**37,06**
„ 10 „ 100 „ .	653.941	384.408	237.971
	12,4	**12,6**	**15,15**
„ 100 и болѣе „ .	24.991	20.439	17.896
	0,5	**0,7**	**1,15**
Итого.	5.276.344	3.040.196	1.572.402
	100,0	**100,0**	**100,0**

Изъ общей сельско-хозяйственной площади на хозяйства каждаго класса приходится гектаровъ и въ процентахъ:

	Германія.	Пруссія.	7 восточн. провинцій Пруссіи.
Менѣе 1 гектара	777.958	459.921	248.096
	2,4%	**2,2%**	**1,7%**
Отъ 1 до 10 гектар. .	8.145.130	4.148.998	2.115.997
	25,6	**19,8**	**14,5**
„ 10 „ 100 „ .	15.159.621	9.638.483	6.083.720
	47,6	**46,3**	**41,8**
„ 100 и болѣе „ .	7.786.263	6.606.131	6.120.059
	24,4	**31,7**	**42,0**
Итого	31.857.972	20.853.532	14.567.872
	100,0	**100,0**	**100.0**

Такимъ образомъ въ семи восточныхъ прусскихъ провинціяхъ на долю крупныхъ хозяйствъ приходится 42% сельско-хозяйственной площади (пахатныхъ земель, луговъ и т. п.). Господство крупной собственности здѣсь, сравнительно съ другими частями, ясно обнаруживается, какъ по сравненію этого процента съ соотвѣтствующимъ среднимъ процентомъ (24,4) для всей Германіи и для всей Пруссіи (31,7), такъ и по проценту числа крупныхъ хозяйствъ. Конечно, число мел-

[1]) J. Conrad, Agrar-statistische Untersuchungen, стр. 134.

кихъ хозяйствъ и здѣсь, какъ вездѣ, превышаетъ число крупныхъ, но въ то время, какъ процентъ хозяйствъ до 10 гектаровъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи ниже средняго для цѣлой Германіи и Пруссіи, процентъ хозяйствъ отъ 10 и въ особенности отъ 100 гект. здѣсь рѣзко превышаетъ средній процентъ—1,15% для восточныхъ провинцій и только 0,5% для всей Германіи.

Если сравнивать процентъ площади, занимаемой крупными хозяйствами въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи съ другими частями Германіи, то мы получимъ слѣдующій рядъ, по степени меньшаго или большаго преобладанія крупныхъ хозяйствъ.

На крупныя хозяйства изъ сельско-хозяйственной площади приходится:

	%		%
Въ Баденѣ	1,8	Въ Гессенъ-Нассау	6,7
„ Вюртембергѣ	2,0	„ Ганноверѣ	6,9
„ Баваріи	2,3	„ Эльзасъ-Лотарингіи	7,3
„ Рейнской п.	2,7	„ Саксоніи	14,1
„ Ольденбургѣ	3,4	„ Шлезвигъ-Гольшт.	16,4
„ Вестфаліи	4,8	„ Меклен.-Шверин.	59,9
„ Гессенѣ	4,9	„ Меклен.-Стрелиц.	61,0

Весьма естественно, что меньшее развитіе крупной поземельной собственности въ той или другой части страны предполагаетъ преобладаніе мелкой и средней собственности, и обратно. Дѣйствительно, въ то время какъ въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Германской Имперіи и въ побережьи Балтійскаго моря (восточная часть Лауенбурга, оба Мекленбурга, восточныя и юго-восточныя провинціи Пруссіи, Курмаркъ, Познань, Силезія, Померанія, восточная и западная Пруссія) крупная поземельная собственность составляетъ 50—70% и даже, какъ въ Новой Помераніи, свыше 80% всей поверхности,—въ противоположныхъ частяхъ имперіи, именно на западѣ и юго-западѣ (Прирейнская Пруссія, большинство Тюрингскихъ государствъ, оба Гессена, франконская часть Баваріи, Пфальцъ, Эльзасъ-Лотарингія, Нассау, Баденъ и большая часть Вюртемберга)—наоборотъ, 60 — 80% приходится на долю мелкой собственности. Здѣсь встрѣчаются кое-какіе

остатки господствовавшей нѣкогда общинной собственности и масса клочковъ собственниковъ (Zwerg- und Taglöhnergüter).

Въ областяхъ, занимающихъ пространство между означенными районами крупнаго и мелкаго землевладѣнія, и населенныхъ чисто нѣмецкими племенами — саксонцами, фризами и баварцами—лежатъ страны средней поземельной собственности, главными представителями которой являются крестьянскіе дворы. Такимъ образомъ къ мѣстностямъ, гдѣ господствуетъ дворовая система (Hofsystem) относятся на сѣверозападѣ нѣмецкія береговыя страны у Нѣмецкаго моря, западная и средняя часть Шлезвигъ-Гольштейна, Бременская земледѣльческая область, Ольденбургъ, Ганноверъ, Вестфалія, Брауншвейгъ, графство Шаумбургъ, оба Липпе, Вальдекъ, небольшая часть обоихъ Гессеновъ, затѣмъ на юго-востокѣ обѣ древнебаварскія провинціи Верхней и Нижней Баваріи, часть Верхняго Пфальца Баварской Швабіи. Сюда же примыкаютъ и нѣмецкія коронныя земли Австріи, которыя до Штеймарка, Тироля и Каринтіи населены баварскимъ племенемъ.

Въ полосѣ съ господствомъ дворовой системы крестьянское подворное владѣніе занимаетъ около половины, а иногда и болѣе общей площади. На крупную поземельную собственность приходится обыкновенно здѣсь не болѣе 25% сельскохозяйственной площади.

Послѣ сдѣланныхъ общихъ указаній на характеръ распредѣленія поземельной собственности въ Германіи, остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на областяхъ крупнаго землевладѣнія въ Германіи и на характерныхъ особенностяхъ средней и мелкой поземельной собственности.

II.

Области Германской имперіи съ господствомъ крупнаго землевладѣнія были нѣкогда славянскими землями, постепенно захваченными и германизированными нѣмцами. Путь и способы, какими нѣмецкіе завоеватели мало-по-малу захватили земли у кореннаго славянскаго населенія, подобно аналогичному процессу въ другихъ государствахъ, въ общемъ не отличался справедливостью. Сначала аграрный строй здѣсь былъ только феодализированъ, а затѣмъ нѣмецкая и частью славянская аристократія, примкнувшая къ новымъ хозяевамъ

страны, пользуясь временными обстоятельствами, принялась съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ изгонять крестьянъ и присваивать себѣ всю землю на правахъ полной собственности.

Какъ быстро шелъ процессъ обезземеленія крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, можно судить по слѣдующему факту. Въ концѣ XIV столѣтія, какъ видно изъ поземельной книги за 1375, составленной по повелѣнію Карла IV, марка Бранденбургъ вовсе не знала громадныхъ дворянскихъ имѣній настоящаго времени, въ десятки тысячъ моргеновъ. Отъ нерѣдкихъ еще въ эту эпоху крестьянскихъ дворовъ уже въ половинѣ XIV столѣтія оставалось весьма немного, а XV и XVI столѣтія порѣшили и съ этими остатками. Число крестьянскихъ дворовъ продолжало уменьшаться, увеличивая тѣмъ помѣщичье землевладѣніе [1]).

Говоря объ исчезновеніи или сокращеніи прежняго крестьянскаго землевладѣнія въ мѣстностяхъ съ господствомъ въ настоящее время крупной собственности въ Германіи, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ процессъ не всегда имѣлъ одинъ и тотъ же характеръ.

Въ средніе вѣка, при натуральномъ хозяйствѣ и массѣ повинностей, которыми крестьяне были обязаны въ пользу помѣщиковъ, существованіе большого числа крестьянскихъ дворовъ было выгодно для помѣщика; безъ особенныхъ заботъ и хлопотъ онъ получалъ съ нихъ хорошій доходъ въ формѣ хлѣба, живности и другихъ припасовъ, а также даровыхъ услугъ. При этихъ условіяхъ помѣщики естественно старались всѣми силами удерживать крестьянъ на ихъ земляхъ и привлекать крестьянъ со стороны. Но притѣсненія и необезпеченность крестьянъ въ тѣ времена были настолько велики, что усилія помѣщиковъ въ этомъ направленіи часто оставались безуспѣшными; крестьяне нерѣдко добровольно покидали свои дворы, въ особенности разоренныя во время войны, и крестьянскіе участки десятки лѣтъ оставались безъ обработки. Тогда помѣщики начали присоединять пустующія крестьянскія земли къ своимъ, хотя сначала это было для нихъ менѣе выгодно, чѣмъ прежній порядокъ, но мало-по-малу обстоятельства перемѣнились. Съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ промышленности и сельскаго хозяйства, крупное помѣщичье хозяй-

---

[1]) E. Jäger, Die Agrarfrage der Gegenwart, III Abth. 1888 г. стр. 43.

ство, при посредствѣ батраковъ, становится выгоднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ присоединеніе крестьянскихъ участковъ къ помѣщичьимъ землямъ дѣлается все привлекательнѣе. Упраздненіе крестьянскихъ дворовъ, являвшееся раньше результатомъ оставленія ихъ крестьянами, правда не безъ сильнаго участія въ этомъ чрезмѣрныхъ повинностей въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, теперь замѣняется систематическою „очисткою“ крестьянскихъ дворовъ. Противъ этого вопіющаго зла оказываются безсильными королевскіе указы, которые издавались время отъ времени, правда, больше изъ фискальныхъ и военныхъ соображеній, чѣмъ изъ гуманныхъ, и которыми запрещалось производить подобную очистку. Въ концѣ концовъ древняя общинная крестьянская собственность исчезла, обратившись въ крупное частное землевладѣніе. Такъ было и въ Бранденбургѣ, и въ другихъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Большинство крестьянъ при этомъ ушло, остальные образовали сельскій пролетаріатъ, живущій часто въ самой крайней нуждѣ.

„Даже выкупъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія феодальныхъ повинностей,—говоритъ Егеръ, —еще болѣе усилилъ отмѣченное движеніе. Крестьянскія общины въ это время часто весьма мало цѣнили свои поля. Теперь же имъ открывался свободный выборъ—выкупить разные личные повинности и сервитуты или за наличныя деньги, или хлѣбною рентою, или землею. Денегъ у нихъ не было, а правительство имъ не давало или давало слишкомъ недостаточно; новыми натуральными повинностями имъ также было нежелательно обязываться, вслѣдствіе чего помѣщикъ получилъ еще болѣе широкій доступъ къ крестьянской землѣ, которую онъ цѣлыя столѣтія уже отбиралъ отъ крестьянъ“.—„Крестьянинъ часто говорилъ тогда, что у него слишкомъ много земли. Это доказываетъ, что вслѣдствіе непрерывнаго упадка крестьянскаго хозяйства и сельскаго населенія система крестьянскаго хозяйства постепенно сдѣлалась весьма примитивною — главнымъ образомъ по винѣ господствующихъ классовъ“ [1]).

Въ особенности сильно были обобраны крестьянскія земли въ Верхней Силезіи, гдѣ теперь самая незначительная бѣда, какъ напримѣръ средне-плохой урожай, наводненіе и проч., уже повергаютъ арендаторовъ и клочковыхъ собственниковъ (вла-

[1]) Dr. E. Jäger, Die Agrarfrage der Gegewvart, III Abth., стр. 48.

дѣльцевъ Zwerggüter) въ состояніе голода. Значительную роль играло въ отмѣченномъ процессѣ и городское сословіе. „Въ концѣ среднихъ вѣковъ здѣсь уже образовалась городская торговая аристократія, которая въ особенности разбогатѣла въ XIV столѣтіи, и въ періодѣ немногихъ поколѣній почти всѣ деревни въ окрестности забрала себѣ (entwand) изъ рукъ задолженнаго древняго поземельнаго дворянства, при помощи кредита и купли. Богатые купцы Зауерманны Утманны, Родигеры, Корны, Грютцшнейдеры и всякіе иные сдѣлались землевладѣльцами. Съ теченіемъ времени младшіе сыновья такихъ фамилій подѣлались дворянами, баронами, графами: Заурма, Итманнъ и т. д. Болѣе къ югу, гдѣ не было богатыхъ капиталами городовъ, объ этой экспропріаціи крестьянъ многократно заботилось древнее дворянство. Тридцатилѣтняя война страшно опустошила Силезію, и крестьянское сословіе потеряло тысячи дворовъ. Одинъ примѣръ изъ многихъ приводитъ „Schlesische Margenblatt“ (1882 № 171). Въ одной такой общинѣ передъ войною было 15 крестьянскихъ дворовъ; послѣ войны только одинъ возстановилъ свою сожженную усадьбу, остальные же 14 безъ вѣсти пропали, почему ихъ земли были присоединены къ мѣстнымъ княжескимъ владѣніямъ, располагавшимъ обширными землями mit dem grossen Magen (Dominium). Единственное крестьянское имѣніе, которое счастливо пережило кризисъ, просуществовало въ упряжечномъ состояніи (Spannfähigen) до начала пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, когда оно было раздроблено владѣльцемъ, такъ что не осталось ни одной упряжечной части [1]).

Въ какой степени въ Силезіи латифундіи опредѣляютъ характеръ поземельныхъ отношеній, можно судить по тому, что въ 1882 г. здѣсь насчитывалось, за исключеніемъ королевскихъ доменъ, 31 крупныхъ собственниковъ, владѣвшихъ въ Силезіи болѣе 12 тыс. моргеновъ (3.064 гект. или 2.684$^1/_2$ дес.) каждый. Въ рукахъ у этихъ 31 собственника сосредоточено почти $^1/_2$ мил. гектаровъ, т. е. болѣе, чѣмъ располагаютъ во всей Пруссіи 1.456.724 самыхъ мелкихъ хозяйствъ (менѣе 1 гектара). Отдѣльныя имѣнія обнимаютъ иногда десятки тысячъ (30.000) моргеновъ, чего вовсе не встрѣчается въ южной Германіи. При этомъ иногда десятки крупныхъ имѣній

---

[1]) Тамъ же, стр. 53.

принадлежатъ одному владѣльцу. Такъ, изъ 1193 самостоятельныхъ имѣній (Gutsbezirken) Верхней Силезіи, 528 находятся въ рукахъ 49 собственниковъ, считая въ томъ числѣ домены и фидеикоммиссы королевскаго дома.

„Рядомъ съ этими огромными имѣніями въ верхней Силезіи на небольшихъ или ничтожныхъ участкахъ,—говоритъ Jager,—ютится безнадежно жалкій пролетаріатъ, испытывающій почти постоянную нужду. Крупная собственность отнимаетъ у него всякую возможность расширить основы его хозяйства и пропитанія“ [1]).

III.

Латифундіи распространены не въ одной Силезіи, но и въ остальныхъ шести восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Семь восточныхъ провинцій Пруссіи [2]) занимаютъ 227.002 кв. кил., что составляетъ 65% Пруссіи или 41,9% всей Германской имперіи.

По оффиціальному обслѣдованію 1882 г., въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи распредѣленіе сельскихъ хозяйствъ по размѣрамъ, выражается въ слѣдующей таблицѣ:

Величина.	Число хозяйствъ.	Изъ этого числа хозяйствъ: Не арендуютъ вовсе земли.	Арендуютъ менѣе половины.	Арендуютъ болѣе половины.	Им. только арендную землю.	Общая площадь земли.	%
Менѣе 1 гектара . .	733.723	58,9%	3,2%	8,4%	30,4%	274.458	1,5
Отъ 1— 10 гект.	582.812	64,6	18,9	10,6	5,9	2.436.753	13,5
„ 10— 100 „	237.971	83,7	11,9	2,8	1,6	7.257.153	40,0
„ 100— 200 „	6.723	74,6	10.4	3,7	11,4	1.177.428	6,4
„ 200— 500 „	7.637	68,7	8,0	4,2	19,1	3.350.824	17,9
„ 500—1.000 „	3.055	65,6	10,6	5,1	18,7	2.729,453	15,5
„ 1.000 и болѣе . .	481	67,6	14,5	7,7	10,2	962.125	5,2
Итого	1.572.402	64,5%	10,4%	8,3%	16,8%	18.088.194	100

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи на мелкія хозяйства до 10 гектаровъ приходится 15%, на средніе—отъ 10—100 гект.—40% и на средніе

[1]) E. Jäger, стр. 19.

[2]) Восточная Пруссія, Западная Пруссія, Померанія, Бранденбургъ, Познань, Силезія, Саксонская провинція.

отъ 100—200 гект.—6,4%, наконецъ, на крупные отъ 200 гектаровъ и выше — 38,6%.

Несовпаденіе „собственности“ съ „хозяйствами“ наглядно видно изъ приведенной таблицы. Такъ, въ числѣ клочковыхъ хозяевъ 30,4% являются исключительно арендаторами чужой земли. Наименѣе распространено арендованіе въ группѣ хозяйствъ, располагающихъ 10—100 гектарами каждое, или въ среднемъ 30½ гектарами. Изъ этой группы 84% хозяйничаютъ исключительно на собственной землѣ. Представителями этой группы служатъ главнымъ образомъ крестьянскіе дворы, уцѣлѣвшіе отъ захвата или „очистки“ со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ.

Весьма цѣнныя дополнительныя свѣдѣнія къ этимъ оффиціальнымъ даннымъ мы находимъ въ появившемся недавно, относительно крупнаго землевладѣнія въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, очень интересномъ изслѣдованіи профессора Конрада, единственномъ въ своемъ родѣ.

Дѣло въ томъ, что вопросъ о степени сосредоточенія поземельной собственности, какъ уже намъ приходилось указывать въ очеркѣ поземельныхъ отношеній въ Великобританіи, представляетъ большія трудности для своего выдѣленія, главнымъ образомъ потому, что оффиціальныя статистическія данныя о распредѣленіи поземельной собственности обыкновенно не даютъ матеріала для сужденія о принадлежности различныхъ имѣній одному собственнику.

Напримѣръ, упомянутыя нами выше 31 силезскихъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ дѣйствительности располагаютъ гораздо большимъ, чѣмъ 500.000 гектаровъ, количествомъ земли, такъ какъ многіе изъ нихъ владѣютъ земельными богатствами еще и въ другихъ областяхъ Германіи.

Изслѣдователю, который пожелалъ бы внести нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область экономической статистики, въ настоящее время ничего не остается, какъ прибѣгать къ косвеннымъ матеріаламъ, сводить данныя изъ источниковъ, почему-либо содержащихъ свѣдѣнія о крупныхъ землевладѣльцахъ, и т. п. Попытку такого свода изъ указаній адресъ-календарей поземельныхъ собственниковъ, альманаховъ и т. п. для 7 восточныхъ провинцій Пруссіи, и сдѣлалъ профессоръ Конрадъ, съ присущимъ ему талантомъ, опытностью,

основательностью и осторожностью въ выводахъ, въ изслѣдованіи „о латифундіяхъ на прусскомъ востокѣ“ [1]).

Изслѣдованіе Конрада, несмотря на довольно оптимистическій взглядъ самого автора, служитъ сильнымъ статистическимъ подтвержденіемъ того, что вопросъ о латифундіяхъ и ихъ вліяніи на народное хозяйство для значительной части Германіи представляетъ весьма серьезное значеніе.

По приблизительному разсчету проф. Конрада [2]), въ семи восточныхъ прусскихъ провинціяхъ изъ 5,7 мил. гект. общей площади, находящейся въ рукахъ дворянства, свыше 1.528.842 г. или 27% представляютъ ленныя и заповѣдныя имущества (фидеикомиссы), т. е. замкнутую дворянскую поземельную собственность.

По тѣмъ даннымъ, какія проф. Конраду удалось собрать относительно числа собственниковъ и распредѣленія между ними имѣній, оказывается, что 16.433 имѣнія свыше 100 гект. находятся въ рукахъ 11.015 собственниковъ, т. е. на каждаго изъ нихъ въ среднемъ приходится около $1\frac{1}{2}$ имѣнія.

Изъ общаго числа 11.015 собственниковъ оказывается:				Число имѣній.	Процентъ.
Дворянъ	3.642	или	33,06%	7.166	43,61
Другихъ сословій (Bürgerliche Besitzer)	7.086	„	64,33	7.867	47,87
Акціонерныхъ обществъ	66	„	0,60	138	0,84
Церквей, школъ, благотворительныхъ учрежд. и т. п.	114	„	1,04	253	1,54
Города и другіе коммуны	92	„	0,84	212	1.29
Домены (Прус., Браунш., Ангальтъ, Саксонія)	4	„	0,	786	4,79
Владѣльцы неизвѣстны	11	„	0,13	11	0,06
	11.015		100%	16,433	100

Если всѣхъ владѣльцевъ разбить на двѣ группы — владѣющихъ до 1.000 гект. и имѣющихъ 1.000 и болѣе гектаровъ земли, то на долю дворянскаго сословія придется 68,45% собственникокъ и 68,07 имѣній. До какихъ размѣровъ иногда доходитъ въ Германіи сосредоточеніе земельныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ, можно судить по тому факту, что 20 крупнѣйшихъ германскихъ поземельныхъ собственниковъ владѣютъ только въ 7 восточныхъ провинціяхъ Пруссіи 678

[1]) J. Conrad, Agrar-statistische Untersuchungen. Die Ladifundien im preussischen Osten. (См. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1888, т. XVI).

[2]) Стр. 152 и слѣд.

имѣніями съ общей площадью въ 588.056 гектаровъ и съ 4.157.875 марокъ чистаго дохода, опредѣленнаго для взиманія поземельнаго налога [1]).

Въ статьѣ проф. Конрада сдѣлана между прочимъ попытка опредѣлить сравнительную частость абсентизма и несамостоятельнаго веденія хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ, группируя собственниковъ до 1.000 гектаровъ и отъ 1.000 гектаровъ. Оказывается, что въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи изъ первой категоріи владѣльцевъ не живутъ въ своихъ имѣніяхъ 14,4%, изъ второй категоріи, выключая отсюда юридическихъ собственниковъ, 18,5% живутъ внѣ своихъ имѣній.

Далѣе, изъ 9.952 совокупныхъ имѣній (Besitzkomplexen) менѣе 1.000 гект., въ 6.991 или 70,2% завѣдуютъ хозяйствомъ сами владѣльцы, 1.155 имѣній или 11,6% сдаются въ аренду и въ 1806 или 18,2% хозяйство ведется черезъ управляющихъ. Изъ 6.454 имѣній, обнимающихъ каждое не менѣе 1.000 гект., только въ 1.441 или 23% хозяйство ведется самими собственниками, 2.805, т. е. 43,5% сдаются въ аренду и въ 2.208 или 34,2% хозяйство ведется управляющими [2]).

Приведенныя данныя доказываютъ, что чѣмъ крупнѣе средній размѣръ имѣній, тѣмъ для страны въ сущности хуже, такъ какъ абсентизмъ и арендная система въ этомъ случаѣ даетъ себя сильнѣе чувствовать.

Въ интересахъ безпристрастія, пользуясь данными Конрада для характеристики концентраціи земли въ Германіи, приведемъ здѣсь и его мнѣніе по вопросу о дальнѣйшемъ развитіи этого явленія. Указавъ на то, что латифундіи, т. е. такіе земельно-имущественные комплексы, которые даютъ огромную соціально-экономическую силу фамиліямъ, владѣющимъ ими,—въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи находятся въ рукахъ княжескихъ и другихъ древнихъ аристократическихъ фамилій, проф. Конрадъ между прочимъ говоритъ: „Мы положительно констатируемъ, что, судя по имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, сравнительно новое образованіе латифундій происходитъ совершенно разрозненно и незначительно (курсивъ въ подлинникѣ). И пока ничто другое не будетъ доказано, мы считаемъ себя въ правѣ

[1]) J. Conrad, стр. 162.
[2]) J. Conrad, стр. 146.

утверждать, что опасность дальнѣйшаго образованія латифундій за послѣдніе 50 лѣтъ совсѣмъ незамѣтна“ [1]).

„Мы считаемъ значительнымъ результатомъ нашего изслѣдованія,—утверждаетъ онъ далѣе:—что матеріалъ вовсе не даетъ опоры для мнѣнія, будто бы существуетъ опасность, что наша денежная аристократія, въ особенности наши биржевые дѣятели, обращаютъ свои деньги въ землю и тѣмъ пролагаютъ путь для образованія новыхъ латифундій. Въ дѣйствительности къ этому въ настоящее время, кажется, нѣтъ никакого соблазна. Поземельная рента понижается, политическія привиллегіи не связываются съ поземельной собственностью. Откуда же явится у дѣловыхъ людей любовь къ поземельной собственности? Это можетъ быть только въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще расширеніе латифундій, въ новое время, повидимому не имѣетъ мѣста“ [2]).

IV.

Переходя къ разсмотрѣнію общихъ условій современнаго средняго, въ особенности мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, приходится прежде всего замѣтить, что они заставляютъ желать многаго. Усиленіе поземельной задолженности, развитіе ростовщичества и исчезновеніе крестьянской поземельной собственности—вотъ факты, которые, для многихъ мѣстностей Германской имперіи, можно считать неоспоримо установленными отчетами центральныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій прусскому министерству сельскаго хозяйства, спеціальными изслѣдованіями этихъ вопросовъ „Обществомъ соціальной политики“ (Verein für Socialpolitik) [3]), обширнымъ изслѣдованіемъ положенія сельскаго хозяйства въ Великомъ герцогствѣ Баденскомъ [4]), и другими многочисленными изслѣдованіями послѣдняго времени.

Приведемъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія и иллюстрирующія отмѣченныя явленія.

---

[1]) Conrad, стр. 157.

[2]) Тамъ же, стр. 170.

[3]) См. Schriften des Vereins für Socialpolitik. тт. XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV.

[4]) Ergebnisse der Erhebungen über die Lage der Landwirthschaft in Grossherzogthum, Baden, 4 тома 1883.

Съ точки зрѣнія задолженности, судя по упомянутымъ отчетамъ, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ изъ прусскихъ провинцій, находятся Восточная Пруссія, Шлезвигъ-Гольштейнъ, нѣмецкая крестьянская собственность въ Познани и отчасти Саксонская провинція, а также нѣкоторые отдѣльные округа и части въ другихъ провинціяхъ [1]).

Въ остальныхъ же провинціяхъ и ихъ частяхъ обнаруживается часто весьма сильное возрастаніе задолженности, которая находится въ крайне ненормальныхъ отношеніяхъ съ цѣнностью поземельной собственности. Такъ, изъ Западной Пруссіи сообщаютъ, что ипотечные долги достигаютъ 50—75% продажной цѣны. Въ Помераніи въ нѣкоторыхъ округахъ задолженность часто доходитъ до 100% дѣйствительной стоимости имѣній. По другимъ государствамъ, входящимъ въ составъ Германской имперіи, отчеты также свидѣтельствуютъ объ ухудшеніи положенія крестьянской поземельной собственности. Въ Баваріи, за исключеніемъ Пфальца, увеличеніе задолженности замѣчается всюду, даже тамъ, гдѣ, какъ въ округѣ Hersbruck (въ средней Франконіи), цѣнность земли за послѣдніе 20 лѣтъ упала на половину, и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ нижней и верхней Франконіи, гдѣ цѣнность земли понизилась на 30—40%. Въ Саксонскомъ королевствѣ задолженность опредѣляется въ 40—50% продажной цѣны, при чемъ ростъ ея за послѣдніе 10 лѣтъ внѣ сомнѣнія, хотя оно, правда, находится здѣсь въ правильномъ соотношеніи съ возрастаніемъ цѣнности земель. Въ Великомъ герцогствѣ Баденскомъ если въ значительномъ числѣ общинъ и замѣчается преобладаніе свободной отъ долговъ поземельной собственности, зато въ другихъ, какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ шварцвальдскихъ общинахъ, обремененіе достигаетъ до 112% капитальной (налоговой) цѣнности. Изъ 37 обслѣдованныхъ общинъ въ 20 задолженность превышаетъ 40% капитальной цѣнности, при чемъ вообще оказывается, что сильнѣе всего задолжена самая мелкая собственность, между тѣмъ какъ въ средней и болѣе крупной крестьянской собствен-

---

[1]) Въ Бранденбургѣ округа: Priegnitz, Oderbruch и Lauritz; въ Помераніи: Usedom-Wollin и Demmin; въ Вестфаліи: Arnsberg, Minden-Ravensbergischen Lomden, частью Подсборнъ и Нассау (см. Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes in Deutschland, 1884, стр. 6).

ности она уменьшается. Изъ Вюртемберга отчеты свидѣтельствуютъ, что $^{1}/_{5}$—$^{1}/_{8}$ поземельной собственности свободна отъ долговъ и что число незадолженныхъ имуществъ наибольшее въ чисто крестьянскихъ деревняхъ; напротивъ, $^{1}/_{4}$—$^{1}/_{6}$ части обременена очень сильно; больше половины задолжена умѣренно (erträglich), т. е. не болѣе, какъ на половину стоимости имѣнія. Въ Ольденбургѣ наиболѣе благопріятное отношеніе наблюдается въ Marschgegend; въ Geest, напротивъ, замѣчается увеличеніе задолженности и значительное уменьшеніе цѣнности земли (при дворахъ отъ 25 до 30%). Въ Брауншвейгѣ условія въ общемъ благопріятны, такъ какъ хотя задолженность за послѣднее время и возрасла, но и цѣнность земли также увеличилась. Въ Саксенъ-Мейнингенѣ, Саксенъ-Веймарѣ во многихъ мѣстностяхъ тоже замѣчается задолженность, несоразмѣрная съ цѣнностью и доходностью имѣній.

Вообще изъ отчетовъ получается несомнѣнный выводъ, что въ большей части Германіи ипотечная и прочая задолженность поземельной собственности несоразмѣрна съ цѣнностью и доходностью земли и обнаруживаетъ постоянное возрастаніе, и при томъ въ большей пропорціи, чѣмъ увеличеніе цѣнности земли. Во многихъ же мѣстностяхъ цѣнность земли падаетъ, что еще болѣе усиливаетъ тягость задолженности [1]).

Въ тѣсной связи съ ростомъ задолженности находится исчезновеніе крестьянской собственности.

По оффиціальнымъ прусскимъ отчетамъ, крестьянская собственность обнаруживаетъ устойчивость только въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, въ отдѣльныхъ частяхъ Бранденбурга и Помераніи, среди нѣмецкаго крестьянскаго землевладѣнія въ Позенѣ, въ Саксонской провинціи, въ отдѣльныхъ частяхъ Ганновера и Вестфаліи. Но и здѣсь число крупной (spannfähigen) крестьянской собственности почти повсюду уменьшается, хотя общая площадь крестьянской собственности и увеличивается. Во всѣхъ прочихъ прусскихъ областяхъ обнаруживается замѣтное уменьшеніе крестьянской собственности, обыкновенно при увеличеніи числа самыхъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ. Въ Восточной Пруссіи (округъ Гумбинненъ) замѣчается увеличеніе существующихъ имѣній и числа мелкихъ собственниковъ на счетъ уменьшенія числа среднихъ кресть-

---

[1]) Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes in Deutschland, стр. 7.

янскихъ дворовъ; въ округѣ Кенигсбергъ средніе крестьянскіе дворы дробятся и исчезаютъ, древнія дворовыя мѣста превращаются въ мелкіе участки земледѣльческихъ рабочихъ-собственниковъ (Eigenkäthnerstellen). Въ Западной Пруссіи въ низменныхъ округахъ (Niederungsdistrikt) число среднихъ дворовъ уменьшается вслѣдствіе поглощенія ихъ крупными крестьянскими дворами, въ возвышенныхъ округахъ (im Hohendistrikt), напротивъ—вслѣдствіе дробленія на мелкіе участки. Въ провинціи Бранденбургъ—въ періодъ 1858—1882 г. возникло мелкихъ хозяйствъ (1—30 моргеновъ) 12.688, или число ихъ увеличилось на 43,5%, число же хозяйствъ въ 30—300 моргеновъ съ 1858 г. возрасло лишь на 536, т. е. на 2,4%. Наоборотъ, число владѣній отъ 300—600 м. уменьшилось на 13%, а отъ 600 морг. и болѣе на 49,6%. Въ Помераніи, за исключеніемъ находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ береговыхъ округовъ, повсюду замѣчается сильное сокращеніе полныхъ и среднихъ крестьянскихъ дворовъ, которые кое-гдѣ уже совершенно исчезли. Въ Познани и Силезіи также число полныхъ крестьянскихъ дворовъ сократилось, при чемъ они частью пошли на округленіе сосѣднихъ крупныхъ имѣній, частью на образованіе новой мелкой крестьянской собственности. Въ провинціи Ганноверъ въ однихъ округахъ обнаруживается исчезаніе крестьянскихъ дворовъ, въ другихъ—обратное явленіе. Въ Вестфаліи фактъ дробленія поземельной собственности наблюдается повсемѣстно, хотя здѣсь крестьянинъ вообще крѣпко держится поземельной собственности. Въ провинціи Гессенъ-Нассау, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ право преимущественнаго наслѣдника (Anerbenfolge), распаденіе и уничтоженіе дворовъ рѣдкое явленіе; тамъ же, гдѣ господствуетъ реальный наслѣдственный раздѣлъ, это случается чаще, и поземельная собственность дробится все болѣе и болѣе. Въ Рейнской Пруссіи замкнутые крестьянскіе дворы держатся по Нижнему Рейну, въ другихъ мѣстахъ господствуетъ и по закону, и по обычаю дробленіе поземельной собственности, которое часто ведетъ къ образованію клочковыхъ хозяйствъ. Въ Гогенцоллернѣ средняя крестьянская собственность дробится и уничтожается рѣдко.

Въ королевствѣ Баварія у франкскаго населенія замѣчается усиленное дробленіе поземельной собственности. Въ Верхней Франконіи „крупные крестьяне“ исчезаютъ все болѣе. Въ

Вюртембергѣ существеннаго дробленія средней собственности съ 1873 г. не замѣчается, но крестьянская собственность здѣсь вообще мало распространена. Въ Саксонскомъ королевствѣ крестьянская поземельная собственность вообще держится, такъ же какъ и въ Великомъ герцогствѣ Ольденбургѣ. Въ Саксенъ-Веймарѣ число владѣній отъ 20 до 50 акровъ (Acker) съ 1864 г. сократилось на 13,3 %. Въ Эльзасъ-Лотарингіи настоящая крестьянская поземельная собственность сохраняется вслѣдствіе обычая передавать имѣніе одному наслѣднику и по причинѣ господства такъ называемой „системы двухъ дѣтей“ (Zweikindersystem). Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ распредѣленіе поземельной собственности вообще довольно благопріятно, и исчезновеніе крестьянской поземельной собственности наблюдается сравнительно рѣдко [1]).

Такимъ образомъ „между тѣмъ, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи отношенія даже теперь еще можно признать благопріятными, зато въ бо́льшей части ея неблагопріятныя условія все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать; эти условія проявляются въ исчезновеніи крестьянской собственности, хотя преимущественно и въ пользу увеличенія мелкой поземельной собственности“ [2]).

Весьма любопытно отмѣтить причины, которыя указываются корреспондентами-изслѣдователями въ ихъ отчетахъ министерству земледѣлія и обществу соціальной политики въ объясненіе современнаго угнетеннаго состоянія крестьянской поземельной собственности въ Германіи. Въ этомъ отношеніи, кромѣ неурожаевъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, главную роль играли: слишкомъ дорогая покупка земли, въ особенности прикупки мелкихъ участковъ въ кредитъ, слишкомъ высокое опредѣленіе суммы, которая должна быть выплачиваема сонаслѣдникамъ, и постоянно возрастающіе государственные и мѣстные налоги. Къ этому присоединяется увеличеніе издержекъ производства при низкихъ цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты, неумѣренное пользованіе ипотечнымъ кредитомъ и дороговизна его, недостатокъ оборотнаго капитала и отсутствіе надлежащей организаціи краткосрочнаго кредита.

---

[1]) Die Lage des bäuerlichen Grundbesitzes in Deutschland, стр. 6—10.
[2]) Тамъ же, стр. 10.

Но большинство изъ перечисленныхъ причинъ въ сущности причины производныя, и корень ихъ надо искать глубже, именно въ разложеніи стараго порядка замкнутаго землевладѣнія и развитіи свободной поземельной собственности, которая становится при этомъ въ разрядъ предметовъ товарнаго обращенія и спекуляціи. Новѣйшая аграрная политика нѣмецкихъ государствъ ищетъ поэтому совершенно основательно средствъ противъ замѣченнаго зла въ возстановленіи системы замкнутаго крестьянскаго землевладѣнія, приспособленной, конечно, къ современной жизни и къ современнымъ условіямъ народнаго хозяйства. Исходнымъ пунктомъ для новѣйшаго аграрнаго законодательства, какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, которымъ имѣютъ въ виду придать устойчивость среднему и мелкому землевладѣнію, служитъ крестьянскій дворъ. Остановимся поэтому нѣсколько на системѣ крестьянскихъ дворовъ (Hofsystem), которая заслуживаетъ вниманія между прочимъ и по своей типичности для нѣмецкаго поземельнаго строя.

V.

Изъ статистическихъ данныхъ, которыя приведены раньше, мы знаемъ, что наибольшій процентъ производительной площади въ Германской имперіи приходится на среднюю собственность 10 — 100 гектаровъ. Главными представителями этой средней собственности и являются крестьянскіе дворы. Такимъ образомъ крестьянское землевладѣніе въ Германіи, крестьянскіе дворы, по преимуществу не мелкое землевладѣніе, а среднее, которое иногда по своей цѣнности и доходности, скорѣе приближается къ крупному, чѣмъ къ мелкому землевладѣнію и хозяйству. Такъ, напримѣръ, въ восточной Фрисландіи (Ганноверская провинція), гдѣ земледѣльцу приходилось и приходится шагъ за шагомъ отвоевывать у моря плодороднѣйшія земли (die Marschen), цѣнность свободнаго крестьянскаго двора опредѣляется (въ Krummhörn) обыкновенно не ниже 100.000; очень часто свыше 200.000 и даже 300.000 марокъ [1]).

Для насъ русскихъ, привыкшихъ связывать понятіе крестьянскаго двора и крестьянскаго землевладѣнія съ настоящимъ

[1]) E. Jäger, III. Abth. 79.

мелкимъ землевладѣніемъ, не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду это существенное отличіе крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи, въ особенности когда заходитъ рѣчь объ отсталости хозяйства русскаго крестьянина, сравнительно съ нѣмецкимъ. Обратимся однако къ нашему предмету.

Нѣмецкая крестьянская подворная система (Hofsystem) представляетъ одинъ изъ видовъ замкнутой поземельной собственности, и по своему характеру родственна замкнутому дворянскому землевладѣнію (ленныя имѣнія и фидеикоммиссы).

Начало дворовой системы относится къ весьма отдаленному времени. Уже во времена Тацита, рядомъ съ общинной землей, были и отдѣльные дворы, число которыхъ впослѣдствіи увеличилось вслѣдствіе выдѣленія членовъ старыхъ семей и обоснованія ихъ на свободныхъ земляхъ съ постройкою дворовъ въ центрѣ обрабатываемаго участка, т. е. по дворовой системѣ. Къ такому разселенію въ особенности обнаруживало склонность саксонское племя. „Саксонскій крестьянинъ, который жилъ во дворѣ, расположенномъ въ центрѣ его владѣнія, очень скоро обнесъ часть послѣдняго изгородью, чтобы не нуждаться въ особомъ пастухѣ. Для этой цѣли большею частью опредѣляли участокъ въ 9—15 моргеновъ, обносили его валомъ, обсаживали послѣдній живой изгородью и оставляли свой скотъ свободно пастись здѣсь“ [1]).

Образовавшійся тѣмъ или другимъ способомъ крестьянскій „дворъ“, т. е. земля съ постройками и со всѣми существенными принадлежностями хозяйства двора, обыкновенно не подлежалъ раздѣлу и переходилъ при наслѣдованіи къ привиллегированному наслѣднику (Anerbe), по принципу майората или, сравнительно рѣдко (напр. въ Оснабрюкѣ), по началу минората. Эта система замкнутой крестьянской собственности въ прежнее время, при существованіи феодально-крѣпостныхъ отношеній, обыкновенно пользовалась покровительствомъ закона.

Вообще законы, которые съ XVI столѣтія издавались относительно наслѣдованія крестьянскихъ дворовъ и сохраненія ихъ въ рукахъ крестьянскаго сословія, въ сильной степени ограничивали даннаго владѣльца въ распоряженіи имѣніемъ.

При изданіи такихъ законовъ въ то время имѣлись, впро-

---

[1]) E. Jäger, стр. 71.

чемъ, въ виду не интересы крестьянской семьи, а интересы помѣщиковъ и государства.

При тѣхъ повинностяхъ, какими были обременены крестьяскіе дворы въ пользу помѣщика, недѣлимость дворовъ была выгодна для помѣщика, и она обыкновенно проводилась довольно строго при наслѣдованіи.

Такъ-называемые привилегированные наслѣдники (Anerben) намѣчались или помѣщиками, преимущественно для несвободныхъ, или отцомъ семейства; иногда же вопросъ о томъ, кто изъ сыновей наслѣдуетъ дворъ и разсчитается съ прочими наслѣдниками, рѣшалось по жеребію. Но чаще всего обычай или законъ отдавалъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе или старшему сыну или младшему.

Однако, несмотря на господство въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи системы замкнутыхъ крестьянскихъ дворовъ, нигдѣ вся поземельная собственность не была ограничена изложенными условіями. Съ другой стороны, эти ограниченія не оказывали большаго стѣсненія на сравнительно низкой ступени культуры. При обиліи земли, продажа ея была возможна въ рѣдкихъ случаяхъ. Крестьянскіе дворы, обремененные повинностями, если случалось имъ идти съ аукціона, часто вовсе не находили покупателей. „Горожане не имѣли для этого никакой охоты,—читаемъ мы у Рошера:—а крестьяне не имѣли денегъ. Поэтому въ интересахъ кредитора было сдавать землю въ аренду, и дѣти должниковъ всегда сохраняли при этомъ нѣкоторую надежду вернуть къ себѣ свое имѣніе“ [1]). Значительная задолженность не могла въ это время развиться уже въ силу очень экстенсивнаго хозяйства, не требовавшаго большихъ капиталовъ, и вслѣдствіе слабаго развитія кредита вообще.

Съ наступленіемъ новыхъ вѣковъ, съ измѣненіемъ военной организаціи, благодаря изобрѣтенію пороха, съ развитіемъ торговли, промышленности и денежного хозяйства — феодальный строй утратилъ свой прежній внутренній смыслъ и основанія. Выгодныя прежде стороны его для укрѣпленія и развитія государственной жизни, теперь уже не соотвѣтствовали новымъ условіямъ соціальной жизни. Послѣдствіемъ этого было то, что въ борьбу съ феодальнымъ строемъ вступили самые разнообразные элементы, которые прежде видѣли для

---

[1]) Nationalökonomie des Ackerb., стр. 333.

себя извѣстный интересъ въ сохраненіи старыхъ порядковъ. Эта борьба должна была естественно затронуть и условія землевладѣнія — эту основу феодализма.

Для высшей государственной власти крупные феодалы являлись уже не столько поддержкою, сколько угрозою своимъ имуществомъ, основаннымъ въ значительной степени на огромныхъ ленныхъ имѣніяхъ, которыя фактически обратились въ обыкновенную, наслѣдственную собственность извѣстныхъ фамилій. Для младшихъ братьевъ въ семьѣ, для которыхъ дѣлалось все труднѣе вознаградить себя занятіемъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей въ государствѣ, фидеикоммиссы представлялись уже нежелательной привиллегіей въ пользу одного члена семьи. Для членовъ крестьянской семьи Anerbenrecht также становилось все непріятнѣе, по мѣрѣ возрастанія ренты и уничтоженія или уменьшенія повинностей.

Такимъ образомъ, какъ въ сферѣ крупной поземельной собственности, такъ и мелкой—феодальный принципъ связанной собственности встрѣчалъ уже сильную оппозицію. Къ этому присоединялось враждебное отношеніе къ прежнимъ аграрнымъ порядкамъ со стороны развивающагося все болѣе капитализма и плутократіи, которая видѣла въ феодальныхъ стѣсненіяхъ препятствія для распространенія своихъ спекулятивныхъ оборотовъ на поземельную собственность.

Естественно, что при подобныхъ условіяхъ новыя вѣянія должны были одержать побѣду, тѣмъ болѣе, что стѣснѣніе владѣльцевъ въ распоряженіи поземельной собственностью дѣлалось невыгоднымъ и съ чисто сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Съ переходомъ къ интенсивному хозяйству прежніе размѣры земельныхъ владѣній становились нерѣдко излишнимъ бременемъ, такъ какъ для эксплоатаціи ихъ цѣликомъ не хватало капитала — и продажа части имѣнія нерѣдко представлялась гораздо лучшимъ средствомъ для увеличенія доходности остального, чѣмъ обремененіе всего имѣнія долгомъ. То же соображеніе могло являться и при наслѣдованіи: при интенсивномъ хозяйствѣ для наслѣдника могло быть гораздо выгоднѣе получить часть имѣнія, свободную отъ всякихъ долговъ, чѣмъ все имѣніе, обремененное долговыми обязательствами, ради удовлетворенія другихъ сонаслѣдниковъ. Отсюда естественное стремленіе къ замѣнѣ замкнутой поземельной собственности свободною.

VI.

Съ ослабленіемъ различныхъ стѣсненій, связывавшихъ крестьянскую собственность въ прежнее время въ Германіи, вмѣстѣ съ хорошими результатами не замедлили обнаружиться и темныя стороны болѣе „свободнаго землевладѣнія".

Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, у Е. Егера относительно послѣдствій введенія свободнаго аграрнаго строя въ Вестфаліи.

„Въ области нынѣшней Вестфаліи свободный поземельный строй существовалъ только въ округахъ Витгенштейнѣ и Зигенѣ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ теперешней провинціи былъ замкнутый строй. Частью господствовало настоящее (eigenthümliches) дворовое право, частью дворъ былъ связанъ съ дворянскими имѣніями, которыя, также какъ и дворы, были недѣлимы, не подлежали залогу и продажѣ, при чемъ крестьянинъ былъ только пожизненный владѣлецъ (Nutzniesser) своего имѣнія, которое собственно принадлежало семьѣ. Чужеземное французское владычество создало порядокъ равныхъ раздѣловъ при наслѣдованіи и придало поземельной собственности свойства капитала. Крестьянскіе дворы сдѣлались продажны и дѣлимы, такъ что каждый сонаслѣдникъ могъ требовать свою часть. Это право удержалось и послѣ того, какъ Германія свергла иго иноземнаго владычества. Однако, народный обычай не признавалъ этого новаго права, и старался всѣми средствами сохранить традиціи замкнутыхъ дворовъ. Обычай какъ вездѣ стоитъ выше права. Прусское Landrecht уважило различныя мѣстныя особенности и возстановило ихъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возникалъ юридическій споръ, онъ долженъ былъ быть разрѣшаемъ на основаніи общаго Landrecht, предписывавшаго равный раздѣлъ. Крестьянское сословіе чувствовало себя благодарнымъ за освобожденіе его отъ поземельной зависимости отъ помѣщика, но оно видѣло себя теперь предоставленнымъ возрастающей задолженности, а свои дворы возрастающему дробленію. Семьи, которыя въ продолженіе столѣтія, хозяйничая на наслѣдствѣ отцовъ, пользовались благосостояніемъ и мирной совмѣстной жизнью, раздѣлились и стали падать въ экономическомъ отношеніи. Вестфальскій крестьянинъ пытался вновь поставить законъ въ согласіе съ обычаями, и едва было введено земство (die Provincialstände), какъ оно тотчасъ же стало заботиться

объ этомъ“ [1]). Однако законодательная дѣятельность 1836—1860 гг. по разнымъ причинамъ оставалась безрезультатной. Несмотря на сравнительное благопріятное распредѣленіе поземельной собственности въ Вестфаліи, принципъ свободнаго землевладѣнія дѣлалъ здѣсь свое дѣло.

По спеціальному обслѣдованію только относительно 19 округовъ Вестфаліи, въ періодъ 1850—1880 г., принудительной продажѣ подверглись 664 двора и упряжныхъ участковъ; проданы добровольно вслѣдствіе сильнаго обремененія долгами 754 двора, изъ-за наслѣдственнаго раздѣла продано 257 дворовъ. Такимъ образомъ въ 19 округахъ Вестфаліи за 30 лѣтъ уничтожилось 1909 дворовъ, а для всей Вестфаліи цифра эта можетъ быть принята не менѣе 2.000. „Число упряжныхъ крестьянскихъ владѣній въ Вестфаліи около 33.820 съ 981.684 гект., и при геометрическомъ возрастаніи, какое замѣчается въ мобилизаціи поземельной собственности, можно принять, говоритъ Егеръ, что въ слѣдующіе 30 лѣтъ исчезнутъ около 10.000 дворовъ“.

„Упадокъ крестьянскихъ дворовъ замѣчается не въ одной Вестфаліи, но повсюду. Дворовая собственность подвергается двоякой опасности—постепенному распаденію на мелкіе участки (Parzellen) и возрастающей задолженности и зависимости отъ ростовщиковъ, пока въ концѣ-концевъ атамизированная почва не будетъ соединена капиталистами въ латифундіи, а при этомъ свободное крестьянское сословіе должно неизбѣжно погибнуть и обратиться въ волнующійся песокъ пролетаріата (Flugsand)“ [2]).

VII.

Распаденіе крестьянскихъ дворовъ въ Германіи въ новѣйшее время обратило на себя вниманіе правительства и вызвало рядъ спеціальныхъ законовъ въ видахъ охраны крестьянскаго землевладѣнія. Сущность этихъ законовъ сводится къ возстановленію принциповъ древне-германскаго обычнаго права, съ нѣкоторыми измѣненіями и естественными уступками и приспособленіями къ условіямъ современной экономической жизни.

---

[1]) E. Jäger, стр. 197.

[2]) Jäger, стр. 198 и слѣд.

Впервые законодательную санкцію получило нижне-саксонское обычное крестьянское наслѣдственное право въ княжествѣ Липпе-Шаумбургъ, по закону 11 апрѣля 1870 г. „Ueber die Rechtsverhältnisse der Bauernhöfe“ („О правовыхъ отношеніяхъ крестьянскихъ дворовъ“).

Сущность его заключается въ слѣдующемъ: дворъ, какъ общее правило, признается замкнутымъ, недѣлимымъ. На отрѣзки отъ него частей необходимо согласіе властей (Verwaltungsobrigkeit), при чемъ отдѣляемыя части по возможности должны войти въ составъ другого замкнутаго двора, или образовать новый замкнутый же дворъ. При наслѣдованіи по закону дворъ вмѣстѣ съ принадлежностями, правами (Gerechtigkeit), строеніями, инвентаремъ, переходитъ только къ одному преимущественному наслѣднику (Anerben), а именно къ старшему сыну и его потомству или, за отсутствіемъ сыновей, къ старшей дочери и къ ея потомству. Владѣлецъ двора можетъ посредствомъ завѣщанія измѣнить этотъ порядокъ, не касаясь однако недѣлимости двора. При наслѣдованіи по закону, если сонаслѣдниковъ два, то они вмѣстѣ получаютъ 30% цѣнности двора, на 3 или 4-хъ полагается 35%, на пять и болѣе сонаслѣдниковъ—40% цѣнности двора. Цѣнность двора опредѣляется по годовому доходу, который можно получать съ него, какъ хозяйственнаго цѣлаго, при обыкновенномъ способѣ хозяйничанья. Строенія не идутъ при этомъ въ оцѣнку, если они необходимы для жилья и хозяйства; равно какъ и дворовый инвентарь. Изъ опредѣленнаго годового дохода вычитаются всѣ постоянные повинности и платежи (Lasten und Abgaben), въ особенности тѣ, которые вытекаютъ изъ законовъ о выкупѣ (Ablösungsgesetze); полученная затѣмъ сумма понижается на 20% для опредѣленія капитальной стоимости двора. Временныя повинности, какъ напр. Leibzuchten, исчисляются по ихъ вѣроятной продолжительности. Уплата капитальныхъ долей сонаслѣдникамъ наступаетъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, выходѣ замужъ или при переходѣ двора не по наслѣдству, а по какому-нибудь договору къ новому собственнику. До наступленія этого срока на обязанности главнаго наслѣдника лежитъ воспитаніе и прокормленіе малолѣтнихъ сонаслѣдниковъ до полныхъ 15 лѣтъ, но и послѣ того, въ случаѣ болѣзни или какихъ другихъ несчастій, онъ обязанъ принять ихъ во дворъ, при чемъ, если ихъ собственнаго имущества недостаточно, то онъ долженъ

обезпечить имъ содержаніе и уходъ въ своей семьѣ, за что они, въ свою очередь, должны работать по мѣрѣ силъ [1]).

Въ 1873 г. (24 апрѣля) въ великомъ герцогствѣ Ольденбургѣ съ такою же цѣлью былъ изданъ законъ, по которому было установлено право преимущественнаго наслѣдника (Anerbe), смотря по мѣстнымъ обычаямъ, на 15—40% цѣнности имѣнія, свободной отъ долговъ [2]).

Еще болѣе рѣшительное направленіе въ томъ же духѣ получила нѣмецкая аграрная политика, съ тѣхъ поръ какъ за это, по примѣру названныхъ герцогствъ, взялось прусское правительство. Здѣсь законное упорядоченіе права преимущественнаго наслѣдника (Anerberecht) началось съ изданія закона 2 іюня 1874 г. для провинціи Ганноверъ, которымъ были уничтожены всѣ прежнія стѣсненія въ распоряженіи крестьянской собственностью и ведены дворовые списки (Höferolle) для внесенія сюда тѣхъ дворовъ, цѣлость которыхъ собственники желаютъ обезпечить на будущее время.

Приведемъ нѣсколько подробнѣе содержаніе ганноверскихъ законовъ.

Законъ 1874 г. прежде всего уничтожилъ всѣ прежнія стѣсненія въ распоряженіи крестьянскими дворами и установилъ особые подворные списки при судебныхъ учрежденіяхъ (in jedem Amtsgerichte). По закону 1874 г. каждый крестьянинъ можетъ внести въ дворовый списокъ свою сельско-хозяйственную, снабженную жилищемъ, поземельную собственность. Такая запись, которую онъ можетъ уничтожить во всякое время, имѣетъ то юридическое значеніе, что крестьянинъ при существованіи ея можетъ обезпечить того изъ своихъ наслѣдниковъ, которому желаетъ передать дворъ, настолько, чтобы онъ могъ продолжать обычное хозяйство двора.

Привиллегированный наслѣдникъ (der Anerbe) получаетъ 2/3 цѣнности двора въ наслѣдной массѣ, считая въ томъ числѣ и его личную долю; эта цѣнность опредѣляется не по той цѣнѣ, за которую можно было бы продать имѣніе, а по среднему чистому доходу, помножая его на 20. Впрочемъ, наслѣдодатель можетъ, выражая свою послѣднюю волю, не приводить въ дѣйствіе Anerbenrecht, можетъ назначить другое лицо

---

[1]) Jäger, 211 и слѣд.

[2]) Kollmann, Die Anwendung des bevorzugten Erbrechts am Grundeigenthum in Oldenburg, 1883.

привилегированнымъ наслѣдникомъ, иначе исчислить цѣнность двора и вообще установить иначе преимущества привиллегированнаго наслѣдника [1]). Такимъ образомъ по ганноверскому закону предоставляется значительная свобода распоряженія поземельной собственностью, благодаря которой собственникъ можетъ, если захочетъ, избавиться отъ стѣснительнаго прежняго права его наслѣдниковъ на законныя, равныя доли.

Въ 1879 г. прусское правительство, по желанію Landtag'а, сдѣлало запросъ къ провинціямъ о томъ, не желаютъ ли онѣ ввести у себя учрежденія, подобныя ганноверскому. По этому вопросу желанія вестфальскаго и бранденбургскаго провинціальныхъ ландтаговъ пошли еще дальше предложенія правительства, такъ какъ они высказались за прямое возстановленіе древняго обычнаго права, въ смыслѣ обязательнаго перехода нераздѣльнаго крестьянскаго двора къ одному наслѣднику. За введенія подворныхъ регистровъ высказались Шлезвигъ-Гольштейнъ и отчасти Саксонская провинція. Ландтагъ Помераніи отнесся къ предложенію правительства почти отрицательно, мотивируя это недостаткомъ статистическаго матеріала для рѣшенія вопроса. Ландтаги Восточной Пруссіи, Западной Пруссіи, Познани и Висбаденскаго округа рѣшительно отклонили предложеніе о введеніи у нихъ подворныхъ регистровъ.

Мысль о распространеніи ганноверскаго закона на другія прусскія провинціи вскорѣ затѣмъ начала постепенно осуществляться.

Закономъ 1882 г. ганноверскій институтъ Höferalle введенъ въ Вестфаліи.

Сущность вестфальскаго Landgüterordnung, обнародованнаго 30 апрѣля 1882 г. и распространеннаго на рейнскіе пограничные округа, состоитъ въ слѣдующемъ:

Онъ касается поземельныхъ имуществъ съ чистымъ доходомъ, по земельно-налоговому кадастру, не менѣе 75 марокъ.

Въ регистрѣ (in der Rolle) для каждаго имѣнія отводится особый листъ, въ которомъ оно значится съ указаніемъ листа, параграфа (Artikel) и номера поземельной книги или книги поземельно-налоговаго кадастра. Внесеніе и вычеркиваніе зависитъ отъ воли настоящаго владѣльца имѣнія и стоитъ каждый разъ три марки. При переходѣ имѣнія, за смертью

---

[1]) См. W. Rocher, Nat. d. Ack. стр. 540.

владѣльца, къ дѣтямъ — кровные дѣти имѣютъ преимущественное право передъ усыновленными, законные передъ незаконнорожденными. На первомъ мѣстѣ наслѣдуетъ обыкновенно старшій сынъ, а при отсутствіи сыновей, старшая дочь. Дѣти, которыя къ моменту наслѣдованія объявлены душевно-больными или расточителями, не получаютъ своей доли до возстановленія ихъ дѣеспособности. Дѣти, которыя приговорены къ рабочему дому съ лишеніемъ гражданскихъ правъ навсегда, слѣдуютъ послѣ остальныхъ сонаслѣдниковъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ (Бильфельдѣ, Подсборнѣ, Текленбургѣ и Иббенбюренѣ), при внесеніи въ регистръ можно оговорить, что первенство отдается младшимъ сыновьямъ или за отсутствіемъ сыновей, младшимъ дочерямъ передъ старшими.

Имѣніе, внесенное въ дворовый регистръ, въ случаѣ смерти владѣльца, переходитъ нераздѣльнымъ къ одному изъ наслѣдниковъ по указанному выше принципу, при чемъ для выдѣла долей прочихъ наслѣдниковъ, главный наслѣдникъ принимаетъ нераздѣленный дворъ по установленной относительно низкой оцѣнкѣ, съ удобными сроками платежей.

Основаніемъ для такой оцѣнки служатъ: 1) Двадцатикратная сумма: a) чистаго дохода съ земли, принятаго при земельно-налоговомъ кадастрѣ; b) стоимость пользованія, опредѣленная для взиманія налога на строенія, тѣхъ строеній, которыя не служатъ жилищемъ для собственника, его семьи, слугъ и рабочихъ, и не нужныхъ для хозяйства. 2) Въ составъ стоимости имѣнія не включается: a) жилище для хозяина, его фамиліи, слугъ и рабочихъ, а также строенія, необходимыя для хозяйства; b) деревья и дровяные участки (Holzungen), послѣдніе съ исключеніемъ неподлежащихъ вырубкѣ по лѣсохозяйственнымъ основаніямъ; c) хозяйственный инвентарь и всѣ иные движимые Pertinenzstücke. 3) По общимъ правиламъ должны быть особо оцѣнены и присчитаны къ цѣнности имѣнія: a) двадцатикратная сумма годовой цѣнности принадлежащихъ имѣнію сервитутовъ; b) цѣнность лѣса, не подлежащаго рубкѣ по сельско-хозяйственнымъ основаніямъ; c) цѣнность ремесленныхъ учрежденій (Anlagen), находящихся въ имѣніи.

Споры относительно оцѣнки и другихъ условій пріема двора разрѣшаются посредствомъ третейскаго суда.

Если одинъ изъ дѣтей принимаетъ имѣніе, то его братья

и сестры могутъ требовать, сообразно состоянію, содержанія въ имѣніи за соотвѣтственную ихъ силамъ работу въ немъ. Это право прекращается при уплатѣ, по требованію братьевъ и сестеръ, ихъ долей или процентовъ по нимъ. Право на уплату доли (auf die Abfindung) прекращается, если тотъ, кто имѣлъ таковое право, получалъ до своей смерти содержаніе въ имѣніи и не оставилъ послѣ себя вдовы или дѣтей. Сонаслѣдники могутъ требовать, чтобы ихъ доля или право на содержаніе было занесено въ ипотечную книгу.

Владѣлецъ имѣнія имѣетъ право, однако, посредствомъ завѣщанія или другого законнаго документа изъять свое имѣніе отъ указаннаго порядка наслѣдованія или при перечисленіи сонаслѣдниковъ указать того, который долженъ получить имѣніе [1]).

Въ Силезіи **дворовые списки** введены закономъ 24-го апрѣля 1884 г. Въ силезскомъ законѣ, въ предупрежденіе того, чтобы преимущественный наслѣдникъ (Anerbe) не могъ впослѣдствіи продать дворъ, пріобрѣтенный имъ по выгодной оцѣнкѣ, и этимъ путемъ нажиться на счетъ прочихъ сонаслѣдниковъ, была сдѣлана оговорка, что, если преимущественный наслѣдникъ продастъ доставшееся ему имѣніе до истеченія 10 лѣтъ, то онъ долженъ уплатить сонаслѣдникамъ 20% первоначальной оцѣнки имѣнія.

Въ какой степени возможность добровольнаго образованія замкнутой собственности по новымъ нѣмецкимъ законамъ будетъ въ состояніи остановить процессъ обезземеленія мелкихъ землевладѣльцевъ—это покажетъ будущее. Какъ бы то ни было, населеніе относится къ законамъ, регулирующимъ поземельныя отношенія въ духѣ древняго права, въ общемъ, повидимому, сочувственно, что̀ можно видѣть изъ того, что хотя законъ предоставляетъ широкую индивидуальную свободу относительно права внесенія или невнесенія крестьянскихъ дворовъ въ дворовый регистръ, эта запись идетъ довольно успѣшно.

Такъ, въ Ганноверѣ, гдѣ законъ дѣйствуетъ съ 1874 г., къ 1 марта 1880 г. 60% всѣхъ имѣющихъ на то право имѣній были внесены въ дворовый регистръ (изъ 100.128 владѣній 60.691); къ 1883 процентъ увеличился до 63. Въ Ольденбургѣ правомъ внесенія въ дворовый регистръ боль-

[1]) Die Landgüter-ordnung für die Provinz Westfalen. 1882. Jäger, стр. 203—206.

шею частью пользуются тамъ, гдѣ Anerbenrecht, какъ народное право, практиковалось сильнѣе всего, хотя этимъ правомъ также пользуются и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ существовало наслѣдованіе равными частями [1]). При этомъ любопытно, что дворы, вносимые въ дворовые регистры, обыкновенно располагаютъ сравнительно плохою землею и установленіемъ недѣлимости стараются, повидимому, обезпечить прочность существованія ихъ.

ГЛАВА VI.

Поземельныя отношенія во Франціи.

I. Распространенность мелкой поземельной собственности, какъ характерная черта поземельнаго строя Франціи. — Вліяніе революціи на мобилизацію поземельной собственности — фактическое и правовое. — Кодексъ Наполеона.—II. Cotes foncières и parcelles; ихъ отношеніе къ числу собственниковъ.—Статистическія данныя о числѣ cotes foncières.—III. Распредѣленіе поземельной собственности по размѣрамъ владѣній.

I.

Изъ современныхъ „великихъ державъ“, Франція представляетъ страну съ наиболѣе развитымъ типомъ свободной поземельной собственности при господствѣ мелкаго землевладѣнія и хозяйства. Для характеристики поземельныхъ отношеній во Франціи мы воспользуемся главнымъ образомъ прекрасной работой извѣстнаго французскаго экономиста-статистика А. де-Фовилля — „Les Morcellements“, основанной на новѣйшихъ оффиціальныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ.

Происхожденіе почти независимыхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ во Франціи относится къ очень отдаленнымъ временамъ; средневѣковая Франція во всякомъ случаѣ уже знала ихъ. Но за отсутствіемъ какого бы то ни было кадастра въ то время, о прежнемъ распредѣленіи поземельной собственности во Франціи на крупную, среднюю и мелкую, теперь нельзя составить себѣ даже приблизительно представленія. Судить же о всей Франціи и дѣлать общія заключенія по кое-какимъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ и относя-

---

[1]) E. Jäger, 207.

щимся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, было бы весьма рискованно; получаемые при этомъ выводы во всякомъ случаѣ не могутъ претендовать на научную достовѣрность. Такъ, „на одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ ученыхъ обществъ, на вопросъ о томъ, развилъ ли XVIII вѣкъ во Франціи мелкую собственность, въ отдѣленіи экономическихъ и соціальныхъ наукъ дано было два отвѣта, совершенно противоположныхъ, а между тѣмъ въ доказательствахъ, приведенныхъ для подкрѣпленія обоихъ отвѣтовъ, недостатка не было“ [1]).

Что въ XVI и XVII столѣтіяхъ развитіе мелкой поземельной собственности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлало большіе успѣхи — это подтверждается многочисленными свидѣтельствами. Правда, какъ отмѣчаетъ между прочимъ Буагильберъ [2]), бѣдственное положеніе земледѣльцевъ въ концѣ царствованія Людовика XIV заставило ихъ продать многое изъ того, что было куплено въ XVI и XVII столѣтіяхъ; но затѣмъ царствованіе Людовика XV, въ особенности же время Людовика XVI — опять стало благопріятствовать развитію мелкой собственности. Во всякомъ случаѣ, учрежденное въ 1761 году, la Société royale d'agriculture de Paris, уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности, жаловалось на сильное дробленіе земли; сѣтованія на то же явленіе мы встрѣчаемъ также у Кэне и у другихъ физіократовъ.

Въ описаніи путешествій, которыя сдѣлалъ Артуръ Юнгъ по Франціи въ 1787, 1788 и 1789 г., точно также находится неоспоримое подтвержденіе широкаго распространенія мелкой поземельной собственности во Франціи еще передъ революціей, если и признавать, что опредѣленіе Юнгомъ всей площади мелкаго землевладѣнія въ треть Франціи, преувеличено [3]). Тѣмъ не менѣе, если сопоставить 4 мил., каковою цифрою А. де-Фовилль опредѣляетъ приблизительно число лицъ, владѣвшихъ во Франціи передъ революціей клочкомъ земли въ городѣ или деревнѣ, съ $12^1/_2$ мил. поземельныхъ владѣній размѣромъ до 6 гект. въ настоящее время, то чрезвычайное развитіе мелкой поземельной собственности со времени Революціи не можетъ подлежать ни малѣйшему со-

---

[1]) A. de-Foville, Le Morcellement, 1885, стр. 40.

[2]) Détail de la France, (1707), 1 ч. гл. XXI.

[3]) Alf. de-Foville, стр. 49.

мнѣнію, хотя мы и должны помнить, что оффиціальная цифра поземельныхъ владѣній во Франціи выше цифры поземельныхъ собственниковъ.

Отмѣна различныхъ привилегій и феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, затѣмъ конфискація церковныхъ имѣній и имѣній эмигрантовъ и распродажа этихъ земель, наравнѣ съ государственными имуществами, на доступныхъ для мелкихъ собственниковъ условіяхъ — эти акты революціонной „справедливости" сами по себѣ не могли не создать огромнаго числа мелкихъ собственниковъ. „Кодексъ Наполеона" упрочилъ дѣло мобилизаціи поземельной собственности во Франціи, установивъ, какъ общій обязательный порядокъ — реальный раздѣлъ недвижимаго имущества при переходѣ его по наслѣдству.

Первыми, въ силу постановленія національнаго собранія, пошли съ молотка „à la disposition de la nation" имущества духовенства, эмигрантовъ и другихъ „враговъ республики" (декретъ 22 ventôse an. II). Огромное количество предназначенныхъ къ продажѣ земель и въ болѣе спокойное время, оказало бы страшно подавляющее вліяніе, въ смыслѣ паденія цѣнъ на землю; а въ періодъ Революціи къ этому присоединилось еще невѣроятное паденіе ассигнацій, которыя принимались въ уплату за землю. Однако, несмотря на низкія цѣны на земли — все же ихъ всѣхъ нельзя было распродать. По приблизительному, конечно, разсчету де-Фовилля, Революція пустила въ публичную продажу десятую часть всѣхъ земельныхъ богатствъ страны, между тѣмъ какъ въ настоящее время, при весьма живомъ обращеніи недвижимыхъ имуществъ во Франціи, ежегодная продажа ихъ не достигаетъ и $^1/_{50}$ цѣнности всѣхъ существующихъ имуществъ.

Конфискованныя имѣнія и государственныя имущества вначалѣ продавались въ цѣломъ составѣ или большими участками; но затѣмъ ихъ стали продавать раздробленными участками. Тѣмъ не менѣе фактъ продажи земель во время революціи значительными комплексами послужилъ въ новѣйшее время нѣкоторымъ, даже компетентнымъ изслѣдователямъ сельскаго быта во Франціи, напр. Леонсу де-Лаверню [1]), поводомъ отрицать сильное вліяніе революціи на увеличеніе числа мелкихъ собствен-

---

[1]) Economie rurale de la France, гдѣ Léonce de Lavergne пишетъ: „Les petits propriétaires se sont beaucoup moins multipliés depuis la Révolution qu'on ne se l'était imaginé".

никовъ во Франціи. Однако въ данномъ случаѣ мнѣніе де-Лаверня совершенно справедливо оспаривается де-Фовилемъ[1]), который опредѣляетъ число новыхъ собственниковъ, созданныхъ революціей, по крайней мѣрѣ въ полъ-милліона, изъ которыхъ большинство мелкихъ. Революція, отмѣнивъ феодальныя повинности, которыя нерѣдко связывали поземельную собственность и фактически препятствовали дробленію и свободному переходу земли изъ рукъ въ руки, уже тѣмъ самымъ подготовила почву для мобилизаціи поземельной собственности. Распродажа государственныхъ и конфискованныхъ земель временно сдѣлала изъ земли не только товаръ, но и придала ему чисто спекулятивный характеръ—земля стала покупаться не только ради земледѣльческаго хозяйства, но и какъ спекулятивная цѣнность, для перепродажи ее потомъ по болѣе высокой цѣнѣ.

Французская революція, уничтоживъ различныя феодальныя стѣсненія, связывавшія поземельную собственность, глубоко затронула и другую сторону аграрнаго строя—порядокъ наслѣдованія. Конвентъ 7 марта 1793 г. уничтожилъ право свободнаго завѣщанія или даренія, постановивъ, что всѣ нисходящіе имѣютъ одинаковое право на долю въ имѣніяхъ восходящихъ. Такимъ образомъ основнымъ принципомъ наслѣдственнаго права было объявлено право ровнаго реальнаго раздѣла между наслѣдниками не только движимаго имущества, но и недвижимаго.

Кодексъ Наполеона (Code civil), хотя и смягчилъ нѣсколько принципы революціоннаго права наслѣдованія, тѣмъ не менѣе удержалъ начало принудительнаго раздѣла опредѣленной части имѣнія. 826 ст. Code civil предоставляетъ всякому сонаслѣднику право „требовать свою часть, какъ движимости, такъ и недвижимости, въ натурѣ", а по 832 ст. каждая часть должна состоять „изъ того же количества движимости, недвижимости, долговыхъ претензій одинаковой природы и цѣнности". По 913 ст. кодекса тотъ, кто имѣетъ одно дитя, можетъ путемъ завѣщанія распоряжаться половиною оставляемаго наслѣдства, у кого двое дѣтей—одною третью, при трехъ и болѣе дѣтяхъ—одною четвертью.

Весьма естественно, что внесеніе въ дѣйствующій сводъ законовъ, связанный съ именемъ упразднителя первой респу-

---

[1]) A. de-Foville, стр. 58.

блики, началъ, заявленныхъ революціоннымъ правительствомъ, указываетъ на то, что эти начала были въ духѣ обычаевъ и воззрѣній массы французскаго народа. Законъ о равномѣрномъ реальномъ раздѣлѣ послѣ смерти собственника только санкціонировалъ то, къ чему въ большей части Франціи склонялся обычай или обычное право; система же наслѣдованія по началамъ замкнутой поземельной собственности, въ порядкѣ ли майората или минората, въ особенности среди мелкихъ собственниковъ, и до революціи не находила широкаго примѣненія во Франціи, и встрѣчалась преимущественно по сѣверному склону Пиреней, гдѣ горный характеръ мѣстности вообще представляетъ значительныя препятствія для раздѣловъ; вслѣдствіе тѣхъ же причинъ здѣсь и теперь, вопреки закону, наслѣдство переходитъ по принципу майората или минората, при чемъ раздѣлу подлежитъ только движимое имущество.

Система первородства, по мнѣнію Le Play, покоится на традиціяхъ и есть наслѣдіе аристократическаго общества. „Право первородства пришло съ феодализмомъ, который путемъ завѣщанія постепенно возвелъ его въ обычай. Въ особенности это имѣло мѣсто на югѣ Франціи, сѣверъ же и востокъ дольше придерживался раздѣловъ. Обширныя равнины des Champagne подверглись неограниченнымъ раздѣламъ гораздо раньше, чѣмъ горы. Древняя конституція (до революціи) Иль-де-Франса и Орлеана предоставляла право первородства дворянству; мѣщане и крестьяне подлежали принудительнымъ раздѣламъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внутренней и южной Франціи, затѣмъ въ особенности въ Нормандіи, дѣйствуетъ наслѣдственное право по принципу майората для всѣхъ сословій — дворянства, бюргеровъ и крестьянъ, такъ что дворянство въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакой привилегіи".

Господство реальныхъ раздѣловъ, сдѣлавшихся по кодексу Наполеона обязательными, любовь французскаго крестьянина къ землѣ и стремленіе къ пріобрѣтенію поземельной собственности — дѣйствительно создали во Франціи такое число мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ западной Европѣ.

II.

Обратимся для иллюстраціи отмѣченныхъ явленій и опредѣленія ихъ интензивности къ статистическимъ даннымъ. Въ

этомъ отношеніи оффиціальная французская статистика даетъ свѣдѣнія о числѣ такъ-называемыхъ cotes foncières и parcelles, но смѣшивать ихъ съ propriétés и съ числомъ поземельныхъ собственниковъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Какъ видно изъ книги де-Фовилля, эти термины ошибочно понимаются даже во Франціи, повидимому, вполнѣ компетентными лицами.

Cote foncières—это податные земельные участки, какъ ихъ можно было бы перевести по русски, примѣняясь къ ихъ дѣйствительному значенію во Франціи.

„Основаніемъ для обложенія прямыми налогами,—читаемъ мы по этому предмету у де-Фовилля,—служитъ во всякой коммунѣ поименный списокъ, каждая статья котораго обозначаетъ размѣръ платежей для каждаго плательщика. Сказать, что cote foncière даннаго собственника въ 50 фр.—значитъ, что онъ долженъ уплатить сборщику 50 фр. поземельнаго налога за недвижимость, которая ему принадлежитъ или за недвижимости, которыя ему принадлежатъ въ границахъ коммуны. Съ 1882 г. (законъ 29 іюля 1881, art. 2) въ подлинныхъ спискахъ раздѣляютъ доходъ отъ застроенной (bâtie) собственности и отъ незастроенной (non bâtie), такъ что каждый домъ составляется изъ двухъ различныхъ cotes—одинъ для строенія, другой для земли, на которой онъ построенъ".

„Отсюда вытекаетъ: 1) что во Франціи больше собственностей, чѣмъ cotes foncières, такъ какъ одинъ и тотъ же cote долженъ заключать въ себѣ различныя собственности, которыя одно лицо или одно хозяйство имѣетъ въ той же коммунѣ; 2) что число cotes foncières больше числа собственниковъ, такъ какъ то же самое лицо часто является собственникомъ въ нѣсколькихъ коммунахъ и владѣетъ такимъ образомъ нѣсколькими cotes" [1]).

Число parcelles также можетъ служить лишь косвеннымъ указаніемъ на характеръ распредѣленія поземельной собственности. Въ словарѣ французской академіи и у Литре—parcelle опредѣляется какъ „кадастровый терминъ, который означаетъ каждый маленькій участокъ земли, отдѣленный отъ сосѣднихъ земель и принадлежащій другому собственнику". Въ дѣйствительности же, по кадастровымъ инструкціямъ (Recueil méthodique des lois, décrets, reglements, instruc-

[1]) A. de-Foville, Le Morcellement, стр. 61.

tions et décisions sur le cadastre de la France), la parcelle опредѣляется, какъ „участокъ земли, болѣе или менѣе значительный, находящійся въ одномъ и томъ же кантонѣ, triage ou lieu dit, представляющій ту же культуру и принадлежащій тому же собственнику“.

Такимъ образомъ по академическому толкованію терминъ parcelle относится только къ собственности, тогда какъ въ дѣйствительности иногда имъ указывается на различныхъ собственниковъ, иногда на различную культуру. По разъясненіямъ инструкціи, площадь пахатной земли, принадлежащей десяти собственникамъ, составляетъ десять parcelles, но вмѣстѣ съ тѣмъ и земля одного собственника, раздѣленная на 10 полей, предназначенныхъ для совершенно различной культуры отъ смежныхъ полей, составляетъ также десять parcelles. Далѣе, поле съ одною и тою же культурою, принадлежащее одному собственнику, но раздѣленное на двѣ части высокимъ заборомъ, широкимъ и глубокимъ рвомъ, общественною дорогою, рѣкою, ручьемъ или другою прочною границею, образуетъ два parcelles [1]).

Отсюда ясно, что десятки parcelles, принадлежащихъ одному собственнику, даже не всегда указываютъ на чрезполосность и дробность владѣнія. Сплошное круглое имѣніе можетъ при кадастрѣ быть обозначено сотнями parcelles.

Посмотримъ теперь на измѣненія числа cotes foncières и parcelles въ нынѣшнемъ столѣтіи и на отношеніе этихъ измѣненій къ вопросу о распредѣленіи поземельной собственности во Франціи.

По поземельному кадастру (1808—1845), произведенному во всей Франціи, за исключеніемъ департамента la Corse, общая площадь континентальной Франціи была исчислена въ 52.153.150 гект. (при исчисленіи исключалась поверхность рѣкъ и т. п.).

Изъ нихъ:

Собственности незастроенной, подлежащей налогу.	49.144.677
„ застроенной	244.893
Не подлежащей обложенію	2.763.580
Итого. . . .	52.153.150

Въ первой категоріи земель насчитываютъ 126.079.962 участковъ (parcelles), т. е. въ среднемъ по 39 аръ; число cotes

[1]) См. A. de-Foville, 136.

было 11.036.601, такъ что на каждый cote приходилось въ среднемъ отъ 11 до 12 parcelles; но по департаментамъ эти среднія были весьма различны.

Въ настоящее время не имѣется данныхъ о числѣ parcelles для всей Франціи, но судя по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ со времени перваго кадастра было произведено новое окадастрированіе parcelles, — можно полагать, что число parcelles возрастаетъ гораздо слабѣе, чѣмъ число cotes. А. де-Фовилль полагаетъ, что въ настоящее время число parcelles во Франціи отъ 140 до 150 мил. съ среднею площадью отъ 34—35 аровъ.

Частичныя изслѣдованія во Франціи обнаруживаютъ между прочимъ не безъинтересный фактъ, что тамъ, гдѣ, какъ напр. въ восточныхъ департаментахъ, крайнее дробленіе земли замѣчалось еще до революціи, со временъ революціи замѣчается обратное явленіе. Такъ, напримѣръ, въ 76 коммунахъ, окадастрированныхъ вновь въ департаментѣ la Haute-Marne между 1823—1828 г. оказалось 363.295 parcelles; въ періодъ же 1835—1881—340.924; между тѣмъ какъ число собственниковъ увеличилось за то же время съ 18.476 до 20.327 [1]). Указавъ на соотношеніе между cotes и parcelles, приведемъ болѣе подробныя данныя о числѣ cotes и предполагаемомъ числѣ собственниковъ, въ прежнее время и теперь.

Оффиціальныя „обслѣдованія", enquête, податныхъ участковъ впервые было предпринято въ 1816 г., когда было сдѣлано распоряженіе о собраніи свѣдѣній о числѣ cotes foncières и классификаціи ихъ на 7 разрядовъ по величинѣ оклада обложенія (менѣе 20 фр., 21—30, 31—50, 51—100, 101—500, 501—1000 и 1000 и болѣе).

При этомъ общая цифра участковъ опредѣлилась въ 10.414.121; но при исчисленіи cotes вкрались настолько грубыя ошибки, что сама администрація по взиманію прямыхъ налоговъ уменьшила эту цифру до 10.083.751, но и эту цифру, по мнѣнію компетентныхъ лицъ слѣдовало бы уменьшить по крайней мѣрѣ на полмилліона [2]).

Но затѣмъ, если обратиться къ французскимъ авторитетамъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи числа cotes къ числу поземельныхъ собственниковъ, то у нихъ встрѣчается такое разнорѣчіе, которое далеко выходитъ за предѣлы

[1]) A. de-Foville, Le Morcellement, 150.
[2]) Тамъ же, стр. 62.

самыхъ скромныхъ требованій статистической достовѣрности. Такъ Gaudin, бывшій министръ финансовъ при Наполеонѣ I, принималъ въ среднемъ, что каждому собственнику приходится быть плательщикомъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, почему онъ и уменьшалъ вдвое цифру cotes для опредѣленія числа собственниковъ; Леонсъ де-Лавернь принимаетъ въ среднемъ три cotes на каждаго собственника, такъ что, по Годену, въ 1816 г. число собственниковъ было 4.833.000, а по Лавернью—3.805.000, т. е. на милліонъ менѣе, чтó составляетъ 21% разницы!

Возможность принимать столь неодинаковый дѣлитель для вывода изъ суммы cotes числа собственниковъ — крайне затрудняетъ представленіе о дѣйствительномъ числѣ собственниковъ. Но изслѣдователь становится еще въ большее затрудненіе, если пожелаетъ, по измѣненію числа cotes съ теченіемъ времени, судить объ измѣненіи числа собственниковъ, хотя бы относительномъ, такъ какъ едва ли можно постоянно принимать одну и ту же среднюю для числа cotes, приходящихся на каждаго собственника. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что подъ вліяніемъ различныхъ экономическихъ и политическихъ причинъ число cotes мѣняется не пропорціонально измѣненіямъ числа собственниковъ [1]).

Число cotes foncières по послѣдовательнымъ переписямъ и отношеніе ихъ къ населенію выражаются слѣдующими числами [2]).

Годы.	Число cotes.	Народонаселеніе.	Сколько жителей на одинъ участокъ.
1826 . .	10.296.693	**31.858.937**	3,94
1835 . .	10.893.528	33.261.042	3,05
1842 . .	11.511.841	34.457.282	2,99
1848 . .	12.059.172	35.574.553	2,95

[1]) По мнѣнію де-Фовилля число собственниковъ въ дѣйствительности слабѣе возрастало, чѣмъ цифры cotes, уже потому, что способы собиранія данныхъ о нихъ и вознагражденіе сборщиковъ по числу cotes — должны были способствовать искусственному увеличенію числа cotes, записываніемъ, напримѣръ, cotes, принадлежащихъ одному собственнику въ коммунѣ, какъ принадлежащихъ разнымъ лицамъ (стр. 66 и слѣд.).

[2]) A. de-Foville, стр. 65. Численность населенія, напечатанная жирнымъ шрифтомъ—результатъ переписей: для промежуточныхъ годовъ соотвѣтственныя цифры вычисленныя.

Годы.	Число cotes.	Народонаселеніе.	Сколько жителей на одинъ участокъ.
1851 . .	12.394.366	35.783.170	2,88
1858 . .	13.118.723	36.350.717	2,77
1861 . .	13.658.018	37.386.313	2,74
1865 . .	14.027.996	38.011.368	2,71
1871 . .	13.820.655	36.544.067	2,64
1875 . .	14.061.294	36.638.163	2,61

Относясь съ большою осторожностью къ статистическимъ даннымъ для вывода изъ нихъ своихъ заключеній, de-Foville (стр. 68) опредѣляетъ число собственниковъ во Франціи въ различныя эпохи слѣдующими цифрами:

Передъ революціей	около 4	мил.
Къ 1825	свыше $6^1/_2$	„
„ 1850	отъ 7 до $7^1/_2$	„
„ 1875	около 8	„

Съ 1875 г. до 1884 это число если и увеличилось, то весьма незначительно.

Такимъ образомъ, если принять населеніе Франціи въ 37 мил., а число поземельныхъ собственниковъ въ 8 мил., то отношеніе ихъ къ населенію выразится 21,62%, т. е. изъ всего населенія Франціи поземельными собственниками являются немногимъ болѣе одной пятой.

III.

Что касается распредѣленія поземельной собственности на разряды по ея размѣрамъ, то въ этомъ отношеніи опять-таки на первомъ мѣстѣ приходится довольствоваться косвеннымъ указаніемъ финансовой группировки cotes на классы по количеству платимаго за нихъ налога. По этимъ даннымъ оказывается:

Cotes foncières (principal et centimes.)	1835.	1842.	1858.
	Въ процентахъ.		
Менѣе 5 франковъ . . .	47,79%	47,26%	50,97%
Отъ 5 до 10 включит.	16,08	15,80	15,36
„ 10 „ 20 „	13,90	14,03	13,30
„ 20 „ 30 „	6,78	6,88	6,26

Cotes foncières (principal et centimes)	1835.	1842.	1958.
	Въ	процентахъ.	
Отъ 30 до 50 включит.	6,28	6,47	5,78
„ 50 „ 100 „	5,08	5,28	4,65
„ 100 „ 300 „	3,13	3,26	2,81
„ 300 „ 500 „	0,53	0,56	0,46
„ 500 „ 1000 „	0,31	0,32	0,29
свыше 1000 „	0,12	0,14	0,12
Итого . .	100,00	100,00	100,00

Но эти данныя для сужденія объ относительномъ распредѣленіи поземельной собственности на мелкую, среднюю и крупную неудовлетворительны уже потому, что классификація cotes по размѣрамъ ихъ площади и по окладу нерѣдко находится въ обратномъ отношеніи, такъ какъ цѣнныя и доходныя строенія, занимая небольшое пространство земли, попадутъ въ разрядъ крупной собственности.

Les enquêtes agricoles, которые время отъ времени, приблизительно каждые 10 лѣтъ, предпринимаются правительствомъ со времени Людовика-Филиппа, представляютъ хотя и богатый матеріалъ для сужденія о различныхъ вопросахъ, касающихся сельско-хозяйственной экономіи, но, къ сожалѣнію, не всегда сравнимый и достаточно достовѣрный.

По интересующему насъ вопросу о распредѣленіи поземельной собственности во Франціи enquêtes'ы даютъ, между прочимъ, слѣдующія данныя:

Въ enquête'ѣ 1862 г. мы находимъ распредѣленіе собственниковъ и лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, на слѣдующія группы:

Собственниковъ, хозяйничающихъ при посредствѣ прикащика или управляющаго	57.639
Собственниковъ, обрабатывающихъ только собственную землю и своими руками	1.754.934
Собственниковъ, хозяйничающихъ на чужой землѣ въ качествѣ фермеровъ	648.836
Собственниковъ, хозяйничающихъ на чужой землѣ въ качествѣ половниковъ или colons . . .	203.860
Собственниковъ, обрабатывающихъ чужую землю въ качествѣ поденныхъ рабочихъ (journaliers).	1.134.490
Итого . .	3.799.759

Земледѣльцевъ несобственниковъ:

Фермеровъ.	386.533
Половниковъ и colons . .	201.527
Поденныхъ рабочихъ . .	869.254
Итого . .	1.457.314

Лицъ, занятыхъ постоянно въ самостоятельныхъ хозяйствахъ (propriétés), фермахъ, и въ хозяйствахъ половниковъ:

Завѣдующихъ фермами (premier garçon de ferme).	66.787
Laboureurs	353.184
Bouviers.	122.803
Charretiers	110.801
Bergers	219.753
Domestiques.	584.320
Servantes	638.129
Итого . .	2.095.777
Всего.	7.352.850

Сельскія хозяйства (Exploitations rurules), на которыхъ хозяйничаетъ одинъ собственникъ или фермеръ:

	Число.	%
Менѣе 5 гект. . .	1.815.558	56,29
Отъ 5 до 10 „ . . .	619.843	19,19
„ 10 „ 20 „ . . .	363.769	11,28
„ 20 „ 30 „ . . .	176.744	5,49
„ 30 „ 40 „ . . .	95.796	2,98
Свыше 40 „ . . .	154.167	4,77
Всего . .	3.225.877	100,00
Среднiй размѣръ. . . .	$10^1/_2$ гект.	

По enquête'у 1873 г.

Число и площадь сельской собственности:

Способы хозяйства (Mode d'exploitation).	Число хозяйствъ Nombre des exploitations.	Площадь хозяйствъ, гектаровъ.	Средн. разм. гект.
Непосредственное хозяйство.	2.826.388	17.011.847	6,0
Фермерство	831.943	11.959.354	14,4
Половничество	319.450	4.366.253	13,7
Всего . .	3.977.781	33.337.454	8,4

Перепись 1881 г. дала слѣдующіе результаты относительно раздѣленія населенія по профессіямъ:

Земледѣліе.	Хозяевъ или главъ хозяйства.	Число всѣхъ лицъ, живущихъ непосредственно или посредственно отъ данной профессіи.
Собственниковъ, обрабатывающихъ и хозяйничающихъ на своей землѣ.	2.425.500	9.176.532
Мелкихъ собственниковъ, работающихъ у другихъ въ качествѣ фермеровъ, половниковъ, поденныхъ рабочихъ.	772.339	3.522.036
Фермеровъ, половниковъ или колоновъ	1.010.999	5.032.425
Forestiers, bûcherons, charbonniers.	112.200	513.216
	4.321.038	18.244.209

По этимъ даннымъ, число собственниковъ во Франціи 3.197.839. Но при переписи профессіи классифицированы такимъ образомъ, что всякій собственникъ, мелкій или крупный, который занятъ другой профессіей, кромѣ земледѣлія, не попалъ въ приведенныя группы.

По даннымъ финансовой статистики оказывается, что средній размѣръ податнаго участка (cote) для всей Франціи по первому кадастру опредѣлялся въ 4,48 гектора; въ 1851 г.—3,98; въ 1861—3,75; въ 1871—3,62 и въ 1881—3,50. Такимъ образомъ средній размѣръ cote во Франціи со времени кадастра уменьшился на 50 аръ въ теченіе перваго періода, на 23 въ теченіе втораго, на 13 въ теченіе третьяго и на 12 въ теченіе послѣдняго. Со времени кадастра до 1881 г. общее уменьшеніе составляетъ 22%, не много болѣе $^{1}/_{5}$. Но что касается отдѣльныхъ департаментовъ, то по нимъ замѣчаются въ этомъ отношеніи большія различія.

Въ 26 департаментахъ площадь, подлежащая обложенію, по раздѣленію на число cotes foncières, составляетъ въ среднемъ менѣе 3 гект.; въ 35 департаментахъ—отъ 3 до 4 гект., и въ 26—болѣе 4 гектаровъ. Что касается уменьшенія размѣровъ cotes со времени (въ 1845 г.) кадастра, то въ общемъ наблюдается слѣдующее: въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ еще

до кадастра дробленіе земли было значительно, тамъ въ послѣдующій періодъ уменьшеніе средняго размѣра cotes выражается въ меньшихъ процентахъ. Напримѣръ, „въ департаментахъ l'Allier и l'Aude, дробленіе шло въ два-три раза быстрѣе, чѣмъ въ департаментѣ le Nord и въ теченіе 30 лѣтъ средняя цѣна гектара болѣе чѣмъ удвоилась" [1]).

Для дальнѣйшаго сужденія по вопросу о распредѣленіи поземельной собственности во Франціи большой интересъ представляютъ данныя, собранныя департаментомъ окладныхъ сборовъ во Франціи, въ 1884 (циркуляръ 18 февраля 1884).

Данныя относятся ко всей Франціи, за исключеніемъ Парижа и 364 коммунъ, еще неокадастрированныхъ въ департаментахъ de Corse, Savoie и Haute-Savoie).

Распредѣленіе cotes foncières въ 1884 г. по размѣрамъ.

Разряды.	Число cotes.	% ко всему числу.	Площадь.	% ко всей площади.
Отъ 0 до 10 аровъ включит.	2.670.512	18,98	108.231	0,22
„ 10 „ 20 „ „	1.444.951	10,28	213.789	0,43
„ 20 „ 50 „ „	2.482.380	17,64	825.784	1,66
„ 50 „ 1 гектаръ „	1.987.480	14,12	1.426.785	2,88
„ 1 „ 2 „ „	1.841.045	13,07	2.636.867	5,34
„ 2 „ 3 „ „	932.444	6,63	2.286.670	4,62
„ 3 „ 4 „ „	573.053	4,08	1.986.474	4,02
„ 4 „ 5 „ „	388.631	2,76	1.737.703	3,52
„ 5 „ 6 „ „	280.060	2,00	1.532,500	3,10
„ 6 „ 7 „ „	210.566	1,50	1.364.150	2,77
„ 7 „ 8 „ „	164.390	1,17	1.230.180	2,50
„ 8 „ 9 „ „	130.851	0,93	1.111.027	2,25
„ 9 „ 10 „ „	107.020	0,76	1.016.285	2,05
„ 10 „ 20 „ „	476.843	3,38	6.629.491	13,42
„ 20 „ 30 „ „	151.017	1,07	3.652.024	7,41
„ 30 „ 40 „ „	70.466	0,50	2.418.572	4,90
„ 40 „ 50 „ „	40.346	0,27	1.796.173	3,64
„ 50 „ 75 „ „	50.230	0,36	3.044.065	6,17
„ 75 „ 100 „ „	23.273	0,16	2.015.752	4,08
„ 100 „ 200 „ „	31.567	0,22	4.338.240	8,79
свыше 200 „ „	17.676	0,12	8.017.542	16,23
Итого	14.074.801	100,00	49.388.304	100,00

[1]) A. de-Foville, le Morcellement, стр. 81—85.

А. де-Фовилль приведенныя цифры сводитъ въ слѣдующія болѣе крупныя группы:

Группы.	Число cotes. Абсолютное.	въ %	Площадь, подлежащая обложенію. Абсолют. ч. гект.	%
1. Очень мелк. собст. (0 до 2 гект.).	10.426.368	74,09	5.211.456	10,53
2. Мелк. собств. (отъ 2 до 6 гект.).	2.174.188	15,47	7.543.347	15,26
3. Средн. собств. (отъ 6 до 50 г.).	1.351.499	9,58	19.217.902	38,94
4. Крупная соб. (50—200 гектар).	105.070	0,74	9.398.057	19,04
5. Очень крупн. соб. (свыше 200 г.).	17,676	0,12	8.017.542	16,23
Итого.	14.074.801	100,00	49.388.304	100,00

Если разложить группу „очень мелкой собственности“, то оказывается 8.585.323 cotes менѣе одного гектара (61% всего числа); 6.597.843 cotes менѣе половины гектара (47%) и 4.115.463 cotes менѣе 20 аровъ (29%) [1])!

Отмѣчая, на основаніи приведенныхъ данныхъ, незначительное по площади распространеніе такъ-называемаго „обращенія въ пыль“ поземельной собственности и равновѣсіе между мелкой, средней и крупной поземельной собственностью, де-Фовилль не безъ основанія указываетъ, что оффиціальное распредѣленіе cotes по размѣрамъ должно преувеличивать число мелкихъ и уменьшать число крупныхъ, такъ какъ при собираніи данныхъ по общинамъ, собственность, лежащая на границѣ двухъ смежныхъ общинъ, разбивалась и записывалась какъ двѣ cotes, меньшихъ размѣровъ.

Далѣе, для пониманія вышеприведенныхъ цифръ, необходимо пояснить, что первая группа собственности, менѣе 2 гек., представляетъ большею частью застроенную собственность. Сюда вошли: вся городская собственность; всякаго рода дачи, которыя при современномъ развитіи моды на жизнь въ курортахъ, на морскихъ купаньяхъ и т. п., тоже составляютъ милліоны cotes; наконецъ, и среди массы мелкихъ собственниковъ изъ простого класса мелкая собственность далеко не всегда свидѣтельствуетъ о бѣдственномъ состояніи. Очень часто владѣніе собственнымъ жилищемъ съ небольшимъ садомъ, огородомъ и т. п., указываетъ на возрастаніе благосостоянія рабочаго, ко-

[1]) Тамъ же, стр. 91.

торый прежде ничего не имѣлъ, а не на упадокъ того земледѣльца-собственника, который прежде имѣлъ гораздо больше.

По утвержденію де-Фовилля, „масса крестьянскихъ семействъ (nombre de familles) во Франціи находятъ средства содержать корову тамъ, гдѣ англійскій джентльменъ-фермеръ нашелъ бы едва возможнымъ прокормить одну козу“ (стр. 106).

Мелкая поземельная собственность не только не ведетъ къ уменьшенію количества скота въ странѣ, но скорѣе наоборотъ. Если скотоводство en grand съ развитіемъ мелкой собственности и уменьшается, зато возрастаетъ общая численность тѣхъ коровъ, козъ, овецъ, лошадей, которыя по одиночкѣ или въ небольшомъ числѣ содержатся мелкими собственниками часто съ крайней заботливостью.

„Если есть уголки земли (во Франціи), гдѣ дробленіе земли чрезмѣрно, читаемъ мы у де-Фовилля (стр. 107): то коммуна Vensat въ числѣ таковыхъ. Въ началѣ революціи здѣсь 17 фермъ занимали двѣ трети производительной площади,— остальное распредѣлялось между 20 другими, всего было 37 фермъ. Къ 1831 году число собственниковъ здѣсь поднялось до 543, десять лѣтъ спустя считалось уже 591 и наконецъ въ 1882 г. — 652, что́ составляетъ невѣроятную пропорцію 3 собственниковъ на 4 жителей. Это искрошеніе (émiettement) почвы не помѣшало, однако, удвоиться числу рогатаго скота въ теченіе 50 лѣтъ: 300 въ 1790, 676 въ 1840. „Обслѣдованіе“ 1882 г., правда, нашло здѣсь только 575 головъ рогатаго скота“ [1]); но послѣднее обстоятельство, по всему вѣроятію, есть результатъ не дробленія мелкой поземельной собственности, а общихъ причинъ (внѣевропейская конкурренція), побуждающихъ измѣнять характеръ скотоводства и обращаться преимущественно къ выкормкѣ мелкаго скота. Уменьшеніе общей цифры скота во Франціи за послѣднее время вовсе не говоритъ противъ мелкой собственности, такъ какъ однородное явленіе замѣчается и въ Англіи [2]), гдѣ господствуетъ крупная поземельная собственность.

Во французскомъ департаментѣ le Nord цѣна на землю упала приблизительно на четверть. По оффиціальнымъ свѣдѣ-

---

[1]) A. de-Foville, le Morcellement, 107.

[2]) T. v. Neumann-Spallart, Uebersichten der Weltwirthschaft. 1887, стр. 196.

ніямъ въ Бельгіи средняя продажная цѣна за гектаръ 4.439 въ 1874 г. упала на 4.065; въ западной Фландріи съ 5.229 до 4.349 [1]). И тѣмъ не менѣе эта цѣна въ настоящее время болѣе чѣмъ вдвое выше той, которая поражала уже Артура Юнга сто лѣтъ тому назадъ.

Во Франціи господство мелкой собственности, какъ и въ другихъ странахъ, не исключаетъ совмѣстнаго существованія средней и крупной собственности.

По результатамъ исчисленія (depouillement) 1884 г., распредѣленіе крупной поземельной собственности выражалось слѣдующимъ образомъ:

Разряды.	% отношеніе числа cotes къ общему числу.	% отношеніе площади даннаго разряда.
Отъ 50 до 75 гект. включит.	0,36%	6,17
„ 75 „ 100 „ „	0,16	4,08
„ 100 „ 200 „ „	0,22	8,79
свыше 200 „ „	0,12	16,23
Итого.	0,86%	35,27%

Но эти данныя показываютъ ниже дѣйствительности. Если бы принять во вниманіе способы собиранія данныхъ по коммунамъ и т. п., и сдѣлать соотвѣтственныя поправки, то на крупную собственность во Франціи пришлась бы приблизительно половина всей площади [2]).

1) A. de-Foville, стр. 117.
2) Тамъ же, стр. 122.

ГЛАВА VII.

Поземельныя отношенія и аграрная политика въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

I. Земельный строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ какъ результатъ перенесенія разнородныхъ аграрныхъ порядковъ Западной Европы и ихъ видоизмѣненія подъ вліяніемъ новыхъ условій.—Первоначальная аграрная политика Штатовъ. — Иностранные крупные поземельные собственники въ С.-А. С. Штатахъ. — Земельная субсидія желѣзнодорожнымъ обществамъ и захваты земель частными предпринимателями. — II. Общія статистическія данныя о поземельныхъ отношеніяхъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ.—III. Законы о гомстетахъ, какъ государственная охрана средней и мелкой собственности. — Понятіе о гомстетахъ и ближайшія обстоятельства, вызвавшія homestead laws. — Техасскіе законы 1839 и 1882. — Союзный законъ 1862 г. — IV. Заключеніе.

I.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, являясь страною новою, населенною большею частью переселенцами изъ культурныхъ европейскихъ государствъ и ихъ потомками, представляетъ весьма интересный типъ поземельныхъ отношеній. Эти отношенія здѣсь не есть самостоятельное созданіе тысячелѣтней исторіи съ ея безчисленными вліяніями, какъ въ Западной Европѣ. Въ то время, какъ въ Европѣ развитіе аграрнаго строя повсемѣстно началось съ господства общиннаго землевладѣнія того или иного склада, которое постепенно было вытѣснено частной собственностью, здѣсь исходнымъ моментомъ аграрнаго строя послужила частная поземельная собственность въ ея развитомъ видѣ. Поселенцы, перебравшись сюда изъ различныхъ государствъ, принесли съ собою и разное аграрное міровоззрѣніе, если такъ можно выразиться, а по преобладающему контингенту первыхъ переселенцевъ — англійскій и французскій поземельные порядки послужили основными факторами при установленіи первоначальныхъ отношеній земледѣльца къ землѣ въ Америкѣ. Нѣсколько позже сталъ оказывать свое воздѣйствіе также и нѣмецкій культурный элементъ. Такимъ образомъ, на американскій поземельный

мельный строй можно смотрѣть, какъ на амальгаму разнообразныхъ поземельныхъ отношеній, которыя развились въ прежней метрополіи Штатовъ и на европейскомъ континентѣ и которыя здѣсь получили также нѣкоторыя своеобразныя особенности подъ вліяніемъ новыхъ условій: крайняго обилія земель, высокаго средняго культурнаго уровня населенія и чрезвычайной предпріимчивости, которая представляетъ какъ бы результатъ своего рода естественно-соціальнаго подбора и наслѣдственности.

Въ большинствѣ штатовъ, расположенныхъ къ юго-западу отъ Гудзона, по свидѣтельству Токевиля (Democratie en Amérique), съ самаго начала водворились крупные поземельные собственники. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, напримѣръ, голландцы, въ особенности van Ranselaer и Philips'ы, какъ первые поселенцы, а за ними англичане, пріобрѣли обширныя земельныя имущества, разбили ихъ на небольшія фермы и стали сдавать ихъ фермерамъ-арендаторамъ. Вмѣстѣ съ этимъ здѣсь водворились и англійскіе аристократическіе принципы и законы о наслѣдствѣ (entails). До 1786 г. здѣсь дѣйствовалъ принципъ первородства. Старшій сынъ получалъ всю поземельную собственность, а остальнымъ сыновьямъ и дочерямъ уплачивались доли и выдавалось приданое.

Но рядомъ съ этимъ, въ другихъ штатахъ, какъ напримѣръ въ Луизіанѣ, было введено французское законодательство, по которому запрещались субституціи и фидеикоммиссы; поземельный собственникъ не могъ простирать здѣсь свой контроль надъ имѣніемъ за предѣлы своей жизни. Въ Алабамѣ, въ случаѣ смерти безъ завѣщанія (ab intestato), поземельная собственность подлежитъ равному раздѣлу между всѣми дѣтьми; въ Арканзасѣ и Калифорніи, если остается вдова съ однимъ ребенкомъ, то имѣніе раздѣляется поровну между ними; если въ живыхъ остается вдова съ нѣсколькими дѣтьми, то вдова получаетъ $^1/_3$ часть, остальныя $^2/_3$ раздѣляются поровну между дѣтьми; въ Колорадо вдова получаетъ половину, а другая половина дѣлится между дѣтьми, и т. д.

Что касается до англійской системы entail, то, несмотря на введеніе ея съ самаго начала въ многихъ штатахъ, при демократическомъ духѣ молодого государства, она здѣсь не могла пустить такихъ глубокихъ корней, какъ на своей родинѣ. Такъ, въ Виргиніи энтайлированіе было уничтожено

еще въ 1776 г., въ штатѣ Нью-Іоркъ—въ 1782 г., въ Нью-Джерси—въ 1784 г., въ Висконсинѣ, Новой Каролинѣ—въ 1796 г. Во многихъ штатахъ entail хотя и существуютъ, но въ значительно въ смягченномъ видѣ. Такъ, въ штатѣ Алабамѣ и Индіанѣ entail въ 1852 г. были превращены въ fee simple, т. е. въ такую неотчуждаемую и необременяемую долгами собственность, которая, при передачѣ посредствомъ завѣщанія, можетъ быть опять обращена въ entail, но которая, въ случаѣ смерти собственника безъ завѣщанія, переходитъ ко всѣмъ кровнымъ наслѣдникамъ. Въ Коннектикутѣ (съ 1764), Огіо (1831), Иллинойсѣ (1833), Миссури (1835) и Вермонтѣ (1839) можно передать имѣніе, какъ не подлежащій продажѣ и залогу entail, только первому наслѣднику; второй наслѣдникъ получаетъ его уже какъ fee simple, и т. д. [1]).

Но если въ прежнее время, именно съ основанія союза и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Американскихъ Штатахъ замѣчалось несомнѣнное движеніе въ пользу отмѣны entails и стремленіе водворить систему свободнаго землевладѣнія, то въ настоящее время аграрная политика Штатовъ представляетъ въ высшей степени интересное явленіе въ смыслѣ возвращенія, повидимому, къ старой средневѣковой идеѣ нераздѣльной, неотчуждаемой поземельной собственности. Въ дѣлѣ уясненія развитія отношеній земледѣльца къ землѣ, глубокаго вниманія заслуживаетъ вопросъ, почему и какъ это молодое государство, впитавшее въ себя не только принципъ политической свободы, но и принципъ самой широкой свободы въ экономической области, могло сдѣлаться въ новѣйшее время иниціаторомъ ограниченія свободы землевладѣнія. Бросимъ же взглядъ на прошлое и настоящее аграрной политики въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Всякій, конечно, замѣчалъ при разсмотрѣніи карты С.-А. С. Штатовъ, господство прямолинейныхъ границъ, раздѣляющихъ одинъ штатъ отъ другого. Такой геометрической правильности въ Европѣ вы нигдѣ не встрѣтите. Не всякій, однако, знаетъ, что эта правильность, и еще бо́льшая, лежитъ въ основѣ огромнаго большинства поземельныхъ владѣній въ Штатахъ, между тѣмъ это одна изъ любопытныхъ особенностей ихъ поземельнаго устройства.

До отпаденія Штатовъ отъ Англіи, вся обширная терри-

---

[1]) См. R. Meyer. Heimestead-Exemptions-Gesetze, стр. 315.

торія къ западу отъ Пенсильваніи и на сѣверъ отъ р. Огайо принадлежала отдѣльнымъ штатамъ — Нью-Іорку, Массачуссету, Коннектикуту и Виргиніи. Но съ образованіемъ союза, такое положеніе дѣлъ было признано неудобнымъ, въ видахъ будущаго развитія Соединенныхъ Штатовъ. Конгрессъ вступилъ въ переговоры съ отдѣльными штатами объ уступкѣ государству или союзу принадлежавшихъ имъ незаселенныхъ территорій внѣ предѣловъ даннаго штата. Нѣкоторые штаты (Нью-Іоркъ въ 1781, Виргинія въ 1784) по отдѣльнымъ соглашеніямъ уступили свои западныя территоріи союзному правительству еще до того времени, когда прошелъ и вступилъ въ силу (съ 1785 г.) билль объ обращеніи всѣхъ земель, лежащихъ внѣ предѣловъ отдѣльныхъ штатовъ, въ собственность союза или государственныя земли, public-lands, изъ которыхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, должны были образовываться новые штаты, равноправные со старыми. Билль въ этомъ смыслѣ внесенъ былъ въконгресъ еще въ 1780 г.

Въ 1784 г. было рѣшено приступить къ размежеванію всѣхъ незанятыхъ земель, которыя были признаны государственною собственностью. При этомъ была принята система, которой держатся въ Соединенныхъ Штатахъ и до сихъ поръ. Именно, земли измѣрялись и разбивались на равномѣрные правильной формы „городскіе округа", townships (очевидно въ томъ предположеніи, что современемъ въ предѣлахъ каждаго изъ подобныхъ округовъ возникнетъ городское поселеніе), границы которыхъ по возможности параллельны меридіанамъ и кругамъ широты. Площадь каждаго городского участка, равная 36 англійскимъ кв. милямъ, въ свою очередь, разбита на 36 секцій (townshipsection) по одной кв. милѣ каждая (= 640 акрамъ = 237 десятинамъ), которыя занумерованы нумерами отъ 1-го до 36-го, такимъ образомъ, что представляютъ подобіе шахматной доски, бѣлымъ квадратамъ которой соотвѣтствуютъ четные нумера, а чернымъ — нечетные. Впослѣдствіи каждая секція разбивалась на четыре четверныхъ участка по 160 акровъ каждый или восемь получетверныхъ по 80 акровъ.

Побуждаемый соображеніями какъ о важности распространенія образованія въ странѣ, такъ и экономическими [1], —

[1]) Предназначеніе 1/36 земель каждаго городского участка въ пользу школъ, облегчая удовлетвореніе одной изъ важныхъ потребностей буду-

большею легкостью продажи общественныхъ земель при этомъ условіи, конгрессъ съ самаго начала постановилъ, что въ каждомъ городскомъ участкѣ одна секція,—какъ общее правило № 16-й — при размежовкѣ государственныхъ земель, отводится на нужды и поддержку публичныхъ школъ даннаго штата или территоріи. Съ 1848 г. по биллю, утвержденному конгрессомъ во всѣхъ территоріяхъ и штатахъ, организуемыхъ послѣ этого года, въ пользу публичныхъ школъ должны были отводиться въ каждомъ городскомъ округѣ по двѣ секціи, № 16 и № 36.

Кромѣ поддержки общихъ публичныхъ школъ, обширныя пространства общественной земли ассигновывались для поддержки университетовъ, земледѣльческихъ школъ и т. п., а также отдѣлялись въ пользу ветерановъ арміи, и проч. При финансовыхъ зутрудненіяхъ, какія естественно испытывало новое государство, на распродажу общественныхъ земель правительство смотрѣло, прежде всего, какъ на источникъ денежныхъ средствъ. Отсюда распродажа общественныхъ земель должна была вестись въ обширныхъ размѣрахъ и на весьма льготныхъ условіяхъ. Къ какимъ же послѣдствіямъ повела эта операція съ точки зрѣнія распредѣленія поземельной собственности въ странѣ?

До отпаденія штатовъ отъ метрополіи, Англія, какъ извѣстно, всѣми силами старалась препятствовать возникновенію какой-либо промышленности въ колоніяхъ, желая держать ихъ вѣчными производителями нужныхъ ей сырыхъ произведеній и покупателями ея мануфактурныхъ и заводскихъ товаровъ. До конца прошлаго столѣтія штаты были поэтому

щаго поколѣнія, несомнѣнно могло служить одною изъ приманокъ для поселенцевъ и отражаться въ силу этого благопріятно на распродажѣ сосѣднихъ земель. Не безъинтересно отмѣтить здѣсь, что общее количество земли, предоставленное американскимъ конгрессомъ въ пользу школъ и разныхъ учебныхъ заведеній, достигаетъ огромной цифры, и къ 1876 г. составляло 95.737.714 акровъ, т. е. свыше 35 милліоновъ десятинъ. Эти земли частью сдаются въ аренду, большинство же продаются для образованія постояннаго школьнаго фонда, который распредѣляется по всѣмъ школамъ даннаго штата, соотвѣтственно числу учителей или дѣтей, посѣщающихъ школу, или пропорціонально тѣмъ суммамъ, какія въ данной мѣстности собираются путемъ самообложенія жителей пошлинами. (См. В. Макъ-Гаханъ, Матеріальная постановка школьнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ, Сѣв. Вѣстникъ за 1889 г., №№ 3—4).

чисто земледѣльческими государствами-колоніями, въ которыхъ уже съ самаго начала мы видимъ, съ одной стороны, крупную поземельную собственность, обрабатываемую рабами, съ другой—среднюю и мелкую, обработка которой покоится, главнымъ образомъ, на самостоятельномъ земледѣльческомъ трудѣ собственника. Съ образованіемъ союза, правительство вначалѣ хотя и не оказывало прямого поощренія развитію крупной собственности, но льготною распродажею государственныхъ земель создало удобную почву для ея развитія. Въ самомъ дѣлѣ, уже съ 1785 г. эти земли продаются на общественныхъ аукціонахъ участками любой величины и по весьма ничтожной цѣнѣ, отъ $1^1/_4$ и $2^1/_2$ долларовъ за акръ, при чемъ уплата еще могла производиться по номинальной цѣнѣ государственными фондами, въ то время очень сильно обезцѣненными. Школьныя земли, предоставленныя въ распоряженіе отдѣльнымъ штатамъ, при спѣшной нерѣдко распродажѣ ихъ, сбывались въ частныя руки еще дешевле, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 75 и даже по 53 цента за акръ. Это давало легкую возможность и побуждало многихъ европейскихъ капиталистовъ пріобрѣтать огромныя пространства земли въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, въ разсчетѣ на будущее повышеніе цѣнъ на землю, по мѣрѣ заселенія штатовъ; отъ иностранцевъ не отставали и американскіе капиталисты.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ числѣ важныхъ факторовъ въ распредѣленіи поземельной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ, необходимо упомянуть также о земельныхъ субсидіяхъ желѣзнодорожнымъ обществамъ и о нѣкоторыхъ агрикультурныхъ законодательныхъ актахъ, въ особенности о „Desert land act“ и „Timber act“.

Первая земельная субсидія въ пользу желѣзнодорожныхъ обществъ была сдѣлана 20 сентября 1850 г., когда центральная ж. дорога получила отъ правительства 2.595.000 акр. земли. За этимъ послѣдовало настоящее расхищеніе общественныхъ земель этимъ путемъ, при чемъ въ руки желѣзнодорожныхъ обществъ перешло свыше 100 милліоновъ акровъ.

Въ 1850 г. въ конгрессѣ прошелъ билль, по которому государство отказывалось въ пользу отдѣльныхъ штатовъ отъ всѣхъ тѣхъ государственныхъ земель, въ предѣлахъ этихъ штатовъ, которыя состояли изъ болотъ, если онѣ будутъ дренированы и обращены въ производительную площадь на сред-

ства штата. Такихъ болотныхъ земель отошло штатамъ по 30 іюня 1876 г. 47.802.271 акровъ, и онѣ послужили источникомъ для дешевой распродажи въ частныя руки. Кромѣ того, по „Desert land act“, такъ-называемыя безплодныя земли могли быть пріобрѣтаемы и прямо отъ правительства за ничтожную цѣну, по 50 и даже по 25 центовъ за акръ.

Timber culture act или законы о культурѣ лѣсовъ прошли въ 1873—1878 г. Въ силу этихъ законовъ каждый поселенецъ, который разведетъ въ теченіе двухъ лѣтъ 5 акровъ лѣса, получаетъ право собственности на участокъ въ 80 акровъ общественной земли, а при условіи разведенія лѣса на 10 акровъ—онъ получаетъ даромъ участокъ въ 160 акровъ, и т. д., однако, при занятіи на основаніи закона о культурѣ лѣсовъ не одного, а нѣсколькихъ участковъ однимъ лицомъ, эти участки не должны быть смежными [1]).

Нечего и говорить, что непосредственная цѣль щедрой раздачи и дешевой продажи государственныхъ земель въ Соединенныхъ Штатахъ была достигнута. Школьное дѣло, поощряемое государственными земельными субсидіями, получило чрезвычайное развитіе. Желѣзныя дороги изъ конца въ конецъ изрѣзали (204.366 килом. въ 1885 г.) обширную территорію Соединенныхъ Штатовъ и явились проводниками населенія въ глубь страны. Законы о безплотныхъ земляхъ и лѣсной культурѣ тоже не остались безъ хорошаго вліянія въ смыслѣ усиленія производительности штатовъ. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти мѣры сопровождались массою злоупотребленій, способствовавшихъ нерѣдко огромному скопленію земельныхъ богатствъ въ рукахъ частныхъ лицъ или обществъ. И въ Америкѣ, какъ вездѣ, крупная поземельная собственность возникала часто не только на почвѣ закона, но и въ обходъ закона.

Такъ, на основаніи „Desert land act“ земли, признанныя „безплодными“, могли пріобрѣтаться за 25—50 центовъ за акръ, но земельныя учрежденія, завѣдывавшія этимъ дѣломъ изъ Вашингтона, были не въ состояніи провѣрять данныя своихъ чиновниковъ въ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ областяхъ, вслѣдствіе чего, съ помощью продажныхъ чиновниковъ, многимъ спекулянтамъ удавалось пріобрѣтать лучшія земли по цѣнамъ, назначеннымъ за самыя плохія.

[1]) В. Макъ-Гаханъ. Матеріальная постановка школьнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ.

По Timber act'у разведеніе лѣса удостовѣрялось двумя достовѣрными свидѣтелями, и при легкости найти недобросовѣстныхъ свидѣтелей, которые шли за достовѣрныхъ, во многихъ округахъ не мало земли перешло въ руки частныхъ лицъ, которыя вовсе и не думали разводить лѣсъ.

Опираясь на букву упомянутыхъ законовъ, огромныя полосы плодороднѣйшей земли съ прекраснымъ орошеніемъ были въ сущности противозаконно пріобрѣтены за безцѣнокъ отдѣльными капиталистами или акціонерными обществами. На протяженіи цѣлыхъ миль крупные капиталисты нерѣдко скупали земельныя пространства вдоль рѣкъ, чѣмъ обезпечивали себѣ господство и надъ безводными, удаленными отъ рѣкъ землями. Въ результатѣ, такъ-называемые скотоводственные короли владѣютъ милліонами акровъ, изъ которыхъ лучшую часть они пріобрѣли по цѣнѣ $1^1/_4$—2 дол. за акръ, а за остальные не платятъ ни ренты, ни покупной цѣны.

Даже законы о гомстетахъ (Homestead-laws), отличающіеся большою предусмотрительностью, спекулянты умѣютъ иногда обходить, скупая участки черезъ подставныхъ лицъ [1]).

Въ какой степени многія условія соціально-экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ благопріятствовали нерѣдкому соединенію огромныхъ земельныхъ комплексовъ въ однѣхъ рукахъ, можно судить хотя бы по участію европейскихъ капиталистовъ въ американскомъ землевладѣніи.

Къ концу 1885 г., по изслѣдованію конгресса, получился слѣдующій списокъ крупныхъ иностранныхъ поземельныхъ собственниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ:

		Тысячъ акровъ.
1)	Англійскій синдикатъ № 3 въ Техасѣ владѣетъ.	3.000
2)	Голландская земельная компанія въ Нов. Мексикѣ.	4.500
3)	Сиръ Эдуардъ Рейдъ и синдикатъ въ Флоридѣ .	2.000
4)	Англійскій синдикатъ въ Миссисипи	1.800
5)	Маркизъ Туидаль (Tweeddal).	1.750
6)	Филиппъ Маршаль и К°, Лондонъ.	1.300
7)	Нѣмецкій земельный синдикатъ.	1.000
8)	Англо-американскій синдикатъ, Лондонъ . . .	750
9)	Байронъ Г. Эванъ (Byron H. Evan), Лондонъ .	700
10)	Герцогъ Сутэрландъ (Sutherland)	425

[1]) Jäger, Agrarfrage der Gegenwart, III. Abth., 344 стр.

		Тысячъ акровъ.
11)	Британская земельная компанія въ Канзасѣ . .	320
12)	Вилльямъ Уэллей (Whalley), М. Р. Питербōро (Peterborough) въ Англіи.	310
13)	Миссурійская земельная К°, Эдинбургъ въ Шотландіи.	300
14)	Дунди-Лондонская К°, въ Шотландіи	247
15)	Робертъ Тенантъ (Tenant), Лондонъ	230
16)	Лордъ Дōнморъ (Dunmore)	120
17)	Бенжаменъ Ньюгасъ (Newgas), Ливерпуль . .	100
18)	Лордъ Гутонъ (Houghton), въ Флоридѣ . . .	60
19)	„ Дōнравенъ (Dunraven), въ Колорадѣ . .	60
20)	Англійская земельная компанія въ Флоридѣ . .	60
21)	„ „ „ въ Арканзасѣ .	50
22)	Альбертъ Пилль (Peel), М. Р. Лейчестеръ въ Англіи	10
23)	Лордъ І. Л. Ки (J. L. Key), Іоркшайръ, Англія	5
24)	Александръ Грантъ въ Лондонѣ, въ Канзасѣ .	35
25)	Англійскій синдикатъ въ Висконсинѣ	110
26)	Эллергаузенъ (Ellerhausen) въ Галифаксѣ въ Западной Виргиніи.	600
27)	Шотландскій синдикатъ въ Флоридѣ	500
28)	А. Бойсенъ (Boysen), датскій консулъ въ Milwankee	50
29)	Миссурійская земельная К°, въ Эдинбургѣ . .	165
	Итого . . .	20.657

Но этотъ списокъ еще не полонъ. Въ общемъ можно принять итогъ въ суммѣ не менѣе 21 мил. акровъ, т. е. 8.481 мил. гектаровъ, что составляетъ болѣе $^2/_3$ обрабатываемой площади Венгріи и почти равняется всей Ирландіи.

Кромѣ громадныхъ имѣній, находящихся въ рукахъ 29 иностранныхъ собственниковъ, милліоны и милліоны акровъ сосредоточены также въ рукахъ тѣхъ американскихъ собственниковъ, которые считаютъ свои имѣнія сотнями тысячъ акровъ. Такъ, недавно умершій Oberst Murphy одинъ оставилъ наслѣдникамъ собственной земли 4.000.000 акровъ! О громадныхъ земельныхъ имуществахъ желѣзнодорожныхъ обществъ нечего и говорить [1]).

Но если доступныя цѣны на государственныя земли въ

[1]) Jager, III Abth 342.

Америкѣ и ихъ систематическая продажа въ частныя руки послужили почвою для возникновенія очень крупной собственности, то рядомъ съ этимъ въ широкихъ размѣрахъ здѣсь пустила корни средняя и мелкая (въ американскомъ масштабѣ) поземельная собственность. Этому способствовала не только дешевизна земли, но и тотъ фактъ, что солдаты, участвовавшіе въ войнѣ за независимость, получили даромъ достаточное количество земли для поселенія и для веденія на ней скромнаго самостоятельнаго хозяйства, а также то обстоятельство, что въ основанной въ 1787 г. на тогдашнемъ „дальнемъ западѣ“ сѣверо-западной территоріи, которая обнимала теперешніе штаты: Огіо, Индіану, Иллинойсъ и все, что лежитъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ нихъ, Вашингтонскимъ конгресомъ было введено наслѣдованіе поровну.

II.

Таковы существенные факты и результаты, такъ сказать, стараго режима въ американской аграрной политикѣ. Новая свѣжая струя пробивается въ ней съ конца 30-хъ годовъ. Но прежде чѣмъ остановиться на этой сторонѣ аграрной политики С.-А.-С. Штатовъ, бросимъ взглядъ на распредѣленіе поземельной собственности въ нихъ и на сельско-хозяйственныя отношенія.

По даннымъ переписи, произведенной 1 іюня 1880 года, изъ 50 мил. населенія штатовъ въ сельскомъ хозяйствѣ было занято 17,4 мил. чел. или 35%. Число фермъ[1]), по сравненію съ прежнимъ временемъ, оказалось бо̀льшимъ, а именно:

Годы.	Число фермъ.	Общая площадь, занимаемая фермами.	Изъ нихъ.		Средній размѣръ фермъ.	Въ среднемъ обработ. зем. на каждой фермѣ.
			Обрабатываемой земли.	Необработанной.		
1860	2.044.077	407.212.538	163.110.720	244.101.818	199	80
1870	2.659.985	407.735.041	188.921.099	218.813.942	153	71
1880	4.008.907	536.081.835	284.771.042	251.310.793	134	71

Чрезвычайно сильное увеличеніе числа фермъ въ десятилѣтіе 1870—1880 гг. распредѣляется чрезвычайно неравно-

[1]) Farm—подъ фермою здѣсь разумѣютъ вообще сельско-хозяйственную экономію, имѣніе, а не арендаторское хозяйство, какъ въ Англіи.

мѣрно по отдѣльнымъ штатамъ. По величинѣ и способу хозяйничанья, фермы въ 1880 г. распадались на слѣдующія группы [1]):

Фермы.	Число ферм. Хозяйничаютъ владѣльцы.	Отдаются въ аренду.	Сдаются изъ части продукт.
Менѣе 1 акр.	2.601	875	876
отъ 3 до 10 акр.	85.456	22.904	26.529
„ 10 „ 20 „	122.411	41.522	90.816
„ 20 „ 50 „	400.486	97.399	223.689
„ 50 „ 100 „	804.522	69.663	158.625
„ 100 „ 500 „	1.416.618	84.645	194.720
„ 500 „ 1000 „	66.447	3.956	5.569
„ 1.000 и болѣе акр.	25.765	1.393	1.420
Итого. . .	2.984.306	322.357	702.244
	74,4%	8,4%	17,2%

Наибольшее развитіе земледѣлія оказывается въ штатѣ Огіо, гдѣ только 6% поверхности приходится на городскую землю и паръ. Долина Огіо представляетъ важнѣйшую пшеничную область въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ общей площади Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ индѣйской территоріи и Аляски, 1.856.108.800 акровъ, земледѣльческою культурою занято 536.081.835 акровъ. Изъ общей площади земли въ половинѣ 1882 г. было измѣрено, т. е. перешло въ частную собственность 831.725.863 акра. За послѣднія тридцать лѣтъ пространство земледѣлія почти удвоилось: съ 293.560.614 въ 1850 г. до 536.081.835 акр. въ 1880 г. Площадь пара, несмотря на увеличеніе общей площади, постоянно уменьшалась, составляя въ 1850 г. 61,5%, 1860—59,9%, 1870—53,7% и 1880—46,2%.

Данныя, приведенныя въ предшествующей таблицѣ, свидѣтельствуютъ, что наиболѣе распространенный типъ американскихъ фермъ—отъ 100 до 500 акровъ. Это и понятно, такъ какъ въ эту группу входятъ фермеры-собственники 120 акровъ или единицы землевладѣнія, покровительствуемой законами о гомстетахъ. Съ европейской точки зрѣнія—это фермы довольно крупныя. Но если принять во вниманіе рѣдкость населенія (менѣе 14 чел. на кв. англ. милю для всѣхъ штатовъ, вклю-

[1]) Jäger, III Abt. 331.

чая Аляску, и менѣе 2 чел. на кв. милю для всей Западной половины штатовъ) и экстензивность земледѣльческой культуры, то союзная норма гомстетовъ, 120 акровъ = 59,3 десят., съ американской точки зрѣнія, скорѣе мелкое, чѣмъ даже среднее владѣніе. Владѣнія и фермы менѣе 100 акровъ, число которыхъ 2.148.374 или 53,3% всѣхъ фермъ, несомнѣнно собственность мелкая.

Однако рядомъ съ среднею и мелкою собственностью и хозяйствомъ въ Европѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ и такого типически развитаго крупнаго сельскаго хозяйства. Въ то время, какъ въ Европѣ крупное землевладѣніе обыкновенно бываетъ связано съ дробленіемъ большихъ имѣній на значительное число относительно небольшихъ фермъ,—въ Соединенныхъ Штатахъ можно встрѣтить по истинѣ гигантскія имѣнія-фермы, представляющія собою своего рода грандіозныя сельско-хозяйственныя фабрики.

Лицамъ, знакомымъ только съ Европою, трудно представить себѣ такія огромныя фермы, какія не рѣдкость встрѣтить въ Америкѣ.

Чтобы дать объ этомъ понятіе, приведемъ въ примѣръ извѣстную Dalrymplfarm въ штатѣ Дакота, существующую съ 1875 года. Вся ферма имѣетъ 75.000 акровъ. Самъ по себѣ размѣръ ея можетъ еще пожалуй и не поразить тѣхъ, кто знакомъ съ имѣніями крупнѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Но зато по грандіозности хозяйствъ на этой фермѣ европейскія латифундіи передъ нею совершенно стушевываются.

Такъ, въ 1883 г. на расположенной около города Casselton'a части этой фермы въ 30.000 акровъ, было занято 400 рабочихъ во время жатвы, а при молотьбѣ 5 — 600 человѣкъ, 250 паръ лошадей или муловъ, 250 плуговъ, 115 жатвенныхъ машинъ (selbstbindende Mähmaschinen) и 27 паровыхъ молотилокъ. При этомъ, считая сборъ въ 20 бушелей съ акра, получается общая сумма 600.000 бушелей (8 буш. = 1 кв. = 1,3853 четверти) по 1 дол. Издержки производства, считая по 7 дол. на акръ = 210.000 дол., чистый доходъ, круглымъ счетомъ 300.000 дол. или 50% валового дохода!

Не удивительно, что подобныя фермы американцы называютъ Bonanza-Farmen отъ испанскаго слова bonanza, что означаетъ перворазрядные золотые рудники.

Крупному характеру земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ соотвѣтствуютъ и дальнѣйшія промысловыя операціи съ хлѣбомъ. Огромные склады съ грандіозными элеваторами, громадныя, „мамонтовыя“ мельницы со стальными валами, вмѣсто обычныхъ въ Европѣ каменныхъ жернововъ, измельчающими зерно до послѣдней возможности — все это способствуетъ сокращенію издержекъ производства на единицу хлѣбнаго продукта и даетъ возможность Соединеннымъ Штатамъ завоевывать первенство на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ элеваторы, которые могутъ въ теченіе часа перегрузить 8.000 бушелей съ желѣзной дороги на корабль, что составляетъ въ годъ, считая 300 рабочихъ дней по 10 часовъ, 24 мил. бушелей; — мельницы, которыя въ одинъ день изготовляютъ такое количество муки, какое даетъ большая европейская мельница за цѣлый годъ [1]).

Выше мы видѣли, что въ Соединенныхъ Штатахъ земли сравнительно съ населеніемъ много, и она весьма доступна по цѣнѣ, въ особенности на дальнемъ Западѣ. Однако несмотря на это, и въ Америкѣ не всякій, кто желалъ бы сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, становится таковымъ, и здѣсь мы, рядомъ съ фермеромъ-хозяиномъ, находимъ классъ наемныхъ рабочихъ, и здѣсь язва сельскаго пролетаріата не неизвѣстна.

Гдѣ же причины такого явленія? Найти ихъ вовсе не трудно: онѣ лежатъ въ техническихъ условіяхъ современнаго капиталистическаго хозяйства вообще. Въ Америкѣ сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, правда, довольно легко: отложить сотню - другую изъ значительной нерѣдко заработной платы — и дѣло въ шляпѣ. Но чтобы сдѣлаться хозяиномъ-землевладѣльцемъ, для этого нуженъ инвентарь, не говоря уже объ оборотномъ капиталѣ, который и по качествамъ, и по количеству соотвѣтствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, среднимъ требованіямъ американской сельско-хозяйственной техники. Пріобрѣсти этотъ инвентарь уже гораздо труднѣе, чѣмъ купить землю, достать же его въ кредитъ, т. е. начать дѣло безъ денегъ — въ Америкѣ также рисковано, какъ и въ Европѣ. Ростовщичество и здѣсь въ подобныхъ случаяхъ не замедлитъ высосать отъ новаго собственника даже тѣ сбереженія, съ какими онъ задумалъ стать собственникомъ.

---

[1]) Jäger, стр. 319.

Не удивительно поэтому, что и въ Америкѣ, несмотря на обиліе земель, крупное и мелкое хозяйство находитъ всетаки наемныхъ рабочихъ, которыхъ оно, впрочемъ, съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Европѣ, умѣетъ замѣнять машинами, и что масса лицъ находитъ болѣе выгоднымъ примѣнять свой трудъ въ качествѣ рабочихъ на фабрикахъ и т. п., чѣмъ рисковать основывать „на дальнемъ Западѣ" самостоятельное земледѣльческое хозяйство.

Что касается заработной платы американскихъ сельскихъ рабочихъ, то „заработная плата сѣверо-американскихъ сельскихъ рабочихъ вообще очень высока" [1]), хотя за послѣднее время и значительно понизилась.

По цензу 1880 г. изъ 17.592.099 работающихъ лицъ въ Соединенныхъ Штатахъ 7.670.493 было занято въ сельскомъ хозяйствѣ.

Сильная имиграція въ Соединенные Штаты, въ особенности съ 1866 г., когда рабочій на фермѣ въ среднемъ получалъ въ мѣсяцъ 28 дол. на своемъ содержаніи и 15,50 д. если онъ имѣлъ помѣщеніе и столъ отъ фермера, значительно ослабѣла.

Слѣдующая таблица, гдѣ приведена мѣсячная заработная плата на своемъ содержаніи, можетъ служить достаточною иллюстраціей пониженія средней заработной платы за послѣднія 20—25 лѣтъ.

Штаты.	1866.	1869.	1875.	1879.	1882.	1885.
Восточные .	33,30	32,08	28,96	20,21	26,61	25,30
Средніе . .	30,07	28,02	26,02	19,69	22,24	23,19
Южные . .	16,00	17,21	16,22	13,31	15,30	11,27
Западные . .	28,91	27,01	23,60	20,38	23,63	22,26
Калифорнія .	33,75	46,38	44,50	41,00	38,25	38,75

Изъ этой таблицы видно, что несмотря на несомнѣнную тенденцію заработной платы сельскаго американскаго рабочаго къ пониженію, она всетаки значительно выше, чѣмъ въ Европѣ. Но чтобы не впасть въ данномъ случаѣ въ иллюзію относительно американскаго рабочаго, необходимо помнить, что онъ обыкновенно не осѣдлый. При крупномъ земледѣль-

---

[1]) Jäger, стр. 325.

ческомъ производствѣ сельскій рабочій получаетъ характеръ какъ бы фабричнаго рабочаго, занятаго на пшеничной или маисовой фабрикѣ, съ тою только разницею, что на обыкновенной фабрикѣ работа идетъ болѣе равномѣрно въ теченіе года, чѣмъ на „сельско-хозяйственной фабрикѣ“. Здѣсь, какъ скоро періодъ интензивной работы, страдное время прошло, рабочій кончилъ свое дѣло, и онъ вынужденъ оставить ферму. „Только немногіе изъ сельскихъ рабочихъ заняты круглый годъ, большинство же нанимаются только на время посѣва и жатвы, конечно, за сравнительно болѣе высокую поденную плату“. „Нѣмецкій батракъ, который получаетъ, отъ 100—200 марокъ въ годъ, что̀ составляетъ отъ 25—50 дол., можетъ завидовать американскому рабочему, вознагражденіе котораго за 2—3 мѣсяца составляетъ эту сумму; но зато онъ обезпеченъ зимою, между тѣмъ какъ въ Америкѣ рабочій можетъ быть отпущенъ каждую минуту. Во всякомъ случаѣ американскій сельскій рабочій легче, чѣмъ европейскій можетъ сдѣлаться самостоятельнымъ. Но въ прежніе годы, когда вознагражденіе было на 50% ниже, это было относительно легче, чѣмъ теперь, и съ каждымъ годомъ становится труднѣе. Крупное производство и капиталистическая хищническая культура уже такъ отравили американское земледѣліе, что число независимыхъ мелкихъ фермеровъ, нѣкогда гордость страны, уменьшается и грозитъ уступить мѣсто сельскому пролетаріату“ [1]).

Если разбить всѣ штаты на группы по большему или меньшему проценту въ нихъ земледѣльческаго населенія, то получается слѣдующая таблица. Данныя относятся къ 1884 г.

% землед. рабочихъ.	Число штатовъ.	Общее количество акровъ.	Цѣнность.	Цѣнность одного акра.
18	15	77.250.742	2.985.641.197	38,65
42	13	112.321.257	3.430.915.767	30,55
58	13	237.873.040	3.212.108.970	13,53
77	6	108.636.796	562.430.842	5,18

Къ первой изъ этихъ категорій относятся слѣдующіе штаты:

---

[1]) E. Jäger, III Abth. 326.

Штаты.	Проц. сельск. рабоч.	Площадь земель подъ земл. культ.	Цѣнность ихъ въ долларахъ.	Цѣнность одного акра.
1. Округъ Колумбіи	2	18.146	3.632.403	200,18
2. Массачузетъ . .	9	3.350.079	146.197.415	43,52
3. Родъ-Эйландъ .	9	514.813	25.882.079	50,27
4. Колорадо . . .	13	1,165.373	25.106.223	21,55
5. Невада . . .	13	530.802	5.408.325	10,19
6. Аризона . . .	15	135.573	1.127.946	8,32
7. Нью-Джерси . .	15	2.929.773	190.895.833	65,16
8. Віомингъ . . .	18	124.433	835.895	6,72
9. Коннектикутъ .	18	2.453.541	121.063.940	49,34
10. Монтона . . .	20	405.683	3.234.504	7,97
11. Нью-Іоркъ . .	20	23.780.753	1.056.176.741	44,41
12. Пенсильванія. .	21	19.791.341	975.689.410	49,30
13. Калифорнія . .	21	16.593.742	262.051.282	15,79
14. Идахо	25	327.798	2.832.800	8,46
15. Мэриландъ . .	28	5.119.831	165.503.311	32,33
Итого. . .	18	77.250.742	2.985.641.197	38,65

Въ штатахъ, гдѣ земледѣліе составляетъ преобладающее значеніе, обнаруживается и наименьшая производительность, по цѣнности, именно:

	% сельск. рабочихъ.	Акровъ.	Цѣнность производства. дол.	Цѣн. произв. на акръ. дол.
1 классъ. .	18	1.060,681	484.770.797	457
2 „ . .	42	1.566.875	616.850.959	394
3 „ . .	58	3.017.971	786.681.420	261
4 „ . .	77	2.024.966	324.237.751	160

Такимъ образомъ статистическія данныя о поземельной собственности въ С.-А. С. Штатахъ, при сопоставленіи ихъ съ распредѣленіемъ населенія по занятіямъ, подтверждаютъ, между прочимъ, то положеніе, что развитіе обрабатывающей промышленности выгодно отражается на земледѣліи въ томъ смыслѣ, что гдѣ рядомъ съ земледѣліемъ пустила глубокіе корни фабричная дѣятельность, тамъ и цѣнность земли, зависящая отъ ея доходности, значительно выше. Приведенныя таблицы вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно показываютъ о крайнемъ разнообразіи цѣнности земли на обширной территоріи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

III.

Судя по фактамъ, приведеннымъ изъ исторіи Соединенныхъ штатовъ, въ развитіи здѣсь аграрнаго строя съ самаго начала вплоть до настоящаго времени можно прослѣдить борьбу крупной поземельной собственности съ средней и мелкой на обширномъ полѣ незанятыхъ земель. Въ этой борьбѣ побѣда, повидимому, склоняется не въ пользу крупной поземельной собственности. Союзное правительство, равно какъ и правительства отдѣльныхъ штатовъ, законодательнымъ путемъ все рѣшительнѣе вступается за мелкую и среднюю собственность. Въ этомъ заключается глубокая соціально-экономическая идея, которая лежитъ въ развитіи законодательства о такъ называемыхъ гомстетахъ (Homestead-law) [1].

Переходя къ очерку охранительнаго американскаго аграрнаго законодательства, отмѣтимъ прежде всего, что полная

[1]) Техническій терминъ Homestead, который, благодаря Homestead-laws пріобрѣлъ въ Америкѣ совершенно опредѣленное своеобразное значеніе, нельзя передать никакимъ русскимъ терминомъ. Англійское слово Homestead въ обыкновенномъ смыслѣ можно перевести русскимъ словомъ усадьба, но въ американскихъ homestead-laws подъ homestead разумѣется опредѣленный комплексъ хозяйственнаго имущества (земля, домъ, орудія и средства для веденія какого либо промысла, домашняя утварь и т. п.), который законъ беретъ подъ свое покровительство и оберегаетъ какъ неотчуждаемое въ общегражданскомъ смыслѣ имущество, служащее для экономическаго обезпеченія семьи. Въ виду этого мы считаемъ самымъ цѣлесообразнымъ прямо перенести слово гомстетъ въ русскій языкъ для выраженія новаго понятія, не пытаясь его переводить. Въ какой мѣрѣ такія попытки могутъ только сбивать русскаго читателя, можетъ служить переводъ homestead-laws, напр., въ книгѣ г. Сазонова: „Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ“, гдѣ авторъ переводитъ (стр. 207) Heimstätiengesetz черезъ „законъ о пребываніи на родинѣ“ (!).

Американскіе homestead-laws въ Европѣ обратили на себя вниманіе лишь въ недавнее время. Поэтому въ литературѣ о нихъ до послѣдняго времени было очень мало указаній. Но въ 1883 г. вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ капитальный трудъ Рудольфа Мейера, содержащій въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ, собранный на мѣстѣ при спеціальной командировкѣ автора въ Америку съ этою цѣлью австрійскимъ правительствомъ (Dr. Rudolf Meyer, Heimstätten und andere Wirthschaftsgesetze. 1883). Этимъ трудомъ мы главнымъ образомъ и пользуемся при изложеніи очерка американскихъ земельныхъ отношеній. Изъ трудовъ, относящихся сюда, укажемъ еще на небольшую статью Fischer'a: „Farm Land and Land Laws of the United States, въ изданіи Кобденовскаго клуба — „Systems of Land Tenure in varions countries, новое изданіе 1881 г., и Dr. E. Jäger, Die Agrarfrage der Gegenwart, III Abt. 1888, и др.

свобода распоряженія землею, напримѣръ, въ смыслѣ неограниченнаго обремененія поземельной собственности долгами и вытекающей отсюда принудительной мобилизаціи, внушали уже давно опасенія дальновиднымъ американцамъ. Такъ, вскорѣ за объявленіемъ независимости Штатовъ, Джефферсонъ пытался, хотя это ему и не удалось, провести законъ объ ограниченіи права обремененія земли долгами. Отмѣтимъ весьма разумное основаніе, которымъ Джефферсонъ мотивировалъ свое предложеніе. Онъ исходилъ изъ того соображенія, что средняя продолжительность жизни лицъ, достигшихъ 21 года, составляетъ 34 года, а потому полагалъ, что никто не долженъ бы имѣть права обременять землю долгами иначе, какъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ наступленію 55-лѣтняго возраста весь сдѣланный долгъ былъ имъ сполна погашенъ.

Нѣсколько позднѣе, въ отдѣльныхъ штатахъ, какъ напримѣръ, въ штатѣ Нью-Іоркѣ съ 1814, мелкій собственникъ, все равно, былъ ли то землевладѣлецъ или промышленникъ, находитъ нѣкоторую защиту въ законахъ о несостоятельности [1]). Но съ особенною силою общественное мнѣніе, которое вообще оказываетъ прямое и сильное вліяніе на измѣненія американскаго законодательства, принимаетъ благопріятное направленіе для мелкой поземельной собственности съ сороковыхъ годовъ, при чемъ находитъ свое выраженіе въ спеціальныхъ законахъ о гомстетахъ (Homstead-laws). Изданіе первыхъ законовъ такого характера относится къ концу 30-хъ или началу 40-хъ годовъ, когда послѣ промышленнаго кризиса масса американскихъ гражданъ потеряли не только все свое имущество, но и всякую возможность въ теченіе жизни пріобрѣсти его вновь, въ силу существующихъ долговыхъ законовъ. Множество несостоятельностей и бѣдственное положеніе „несчастныхъ“ и „неосторожныхъ“, по русской терминологіи, банкротовъ въ это время заставило американское правительство издать, между прочимъ, особый законъ о несостоятельности (1841 г.), которымъ былъ учрежденъ для всего союза спеціальный судъ о несостоятельности. „Тотъ, кто былъ оправданъ этимъ судомъ, не могъ уже быть подвергнутъ тюремному заключенію ни въ какомъ штатѣ. Конкурсная масса раздѣлялась равномѣрно между всѣми кредиторами. Должникъ, который уплачивалъ кредиторамъ менѣе 85%, не

[1]) R. Meyer, стр. 367.

могъ по общему правилу пріобрѣтать никакого недвижимаго или движимаго имущества, ни вести какую-либо торговлю или фабричное дѣло. Но судъ могъ совершенно освободить его отъ всѣхъ ограниченій. По этому закону было улажено до 1843 г. свыше 40.000 банкротствъ. Это побудило отдѣльные штаты издать либеральные законы о несостоятельности и такіе, которыми охраняется отъ запрещенія значительная часть движимаго имущества" [1]),

Въ періодъ 1832—1839 г., предшествовавшій кризису, въ тѣхъ штатахъ союза, въ которыхъ господствовало „свободное" аграрное законодательство, фермеры, также какъ и промышленный классъ, широко воспользовались кредитомъ, именно ипотечнымъ кредитомъ, и само собою разумѣется, доставили значительный контингентъ упомянутыхъ выше банкротствъ. Проданныя съ аукціона фермы пошли за безцѣнокъ, а большинство несостоятельныхъ фермеровъ разорилось бы навсегда, если бы не подоспѣлъ на помощь союзный законъ о несостоятельности. Какъ чувствительно отразился кризисъ 1839 г. на американскомъ сельскомъ хозяйствѣ, а слѣдовательно, и на фермерахъ-землевладѣльцахъ, можно судить потому, что союзъ, который до тѣхъ поръ только вывозилъ жизненные продукты, въ 1840 г. былъ вынужденъ ввозить ихъ [2]).

Законъ о несостоятельности 1841 г. имѣлъ въ виду помочь уже разразившейся бѣдѣ. Но пока безъ всякаго ограниченія дѣйствовали бы американскіе законы, въ силу которыхъ на удовлетвореніе долговыхъ претензій къ мужу, возникшихъ, напримѣръ, изъ-за его расточительности или неумѣлости, нерѣдко шло съ аукціона имѣніе жены, пріобрѣтенное на ея собственныя деньги, и т. п., — язва, коренящаяся въ спекуляціи и ростовщичествѣ, съ теченіемъ времени неизбѣжно стала бы разъѣдать оправившихся фермеровъ. Практическій умъ американцевъ не могъ спокойно мириться съ такимъ абсурднымъ порядкомъ, который разорялъ семью, подрывалъ средства ея существованія по винѣ одного изъ членовъ семьи, хотя бы и ея главы, и американское законодательство выступило на защиту хозяйственной цѣлости семейнаго очага.

Съ этою цѣлью въ Штатахъ начали издавать мѣстные за-

---

[1]) R. Meyer, стр. 380.
[2]) Meyer, стр. 381.

коны, оберегающіе опредѣленное имущество отъ взысканія за долги, и болѣе широкіе законы о гомстетахъ, ставшіе затѣмъ и въ аграрной политикѣ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ краеугольнымъ камнемъ.

Первый примѣръ изданія закона о гомстетахъ былъ поданъ уже въ 1839 году штатомъ Техасъ, который въ то время еще не принадлежалъ къ союзу. Въ 40-хъ и пятидесятыхъ годахъ этому примѣру послѣдовало большинство „свободныхъ" штатовъ. Рабовладѣльческіе штаты ввели законъ о гомстетахъ лишь по окончаніи междоусобной войны, чтобы помочь разорившимся поземельнымъ собственникамъ спасти остатокъ земли и содѣйствовать возникновенію мелкой и средней поземельной собственности.

При большой самостоятельности, какой пользуются во внутренней жизни отдѣльные штаты С.-А. союза, законы, устанавливающіе начало неотчуждаемости опредѣленнаго имущества за обыкновенные долги, въ частностяхъ представляютъ большое разнообразіе. Чтобы познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ и характеромъ этихъ законовъ, мы приведемъ здѣсь текстъ первоначальнаго закона 26 января 1839 г., изданнаго въ штатѣ Техасъ, затѣмъ сдѣлаемъ извлеченіе болѣе существенныхъ статей изъ дѣйствующаго здѣсь въ настоящее время закона 1882 г. и наконецъ разсмотримъ союзный законъ 1862 года, относящійся къ поземельной собственности [1]).

Весь текстъ перваго въ С.-А. С. Штатахъ закона о гомстетахъ не великъ. Вотъ этотъ „Актъ объ исключеніи поименованнаго въ немъ имущества отъ описи за долги".

„Симъ объявляется отъ сената и палаты депутатовъ республики Техасъ, собранныхъ въ конгресъ, что со времени изданія этого акта каждому гражданину республики и главѣ семейства обезпечиваются свободными и независящими отъ послѣдствій fieri facias приговора или другого взысканія, исходящаго отъ какого-либо компетентнаго суда: 350 акровъ земли или городской участокъ, включая усадьбу на немъ и улучшенія, цѣною не свыше 500 долларовъ; домашняя и кухонная обстановка въ предѣлахъ цѣнности въ 200 дол.; всѣ орудія, книги и аппараты, относящіеся къ профессіи гражданина; 5 дойныхъ коровъ, 1 пара рабочихъ воловъ или одна

---

[1]) См. R. Meyer, стр. 411—413.

лошадь, 20 штукъ свиней и годичный запасъ. Всѣ законы или статьи законовъ, которые противорѣчатъ этому акту, объявляются недѣйствительными, не распространяя, однако, недѣйствительности на договоры, заключенные сторонами до изданія этого акта". Затѣмъ слѣдуютъ обычныя подписи.

По техасскому закону 1882 года (статья 2335), отъ принудительной продажи за долги изъято слѣдующее имущество:

1. Недѣлимая усадьба семьи.

2. Всѣ домашнія и кухонныя принадлежности.

3. Одно или нѣсколько мѣстъ на кладбищѣ.

4. Всѣ сельскохозяйственныя орудія.

5. Всѣ орудія, аппараты и книги, относящіеся къ ремеслу или профессіи даннаго лица.

6. Фамильная библіотека и всѣ фамильные портреты и картины.

7. Пять дойныхъ коровъ и ихъ телята.

8. Двѣ пары рабочихъ воловъ съ необходимою упряжью.

9. Двѣ лошади и одна телѣга.

10. Одинъ экипажъ для ѣзды.

11. Ружье.

12. Двадцать штукъ свиней.

13. Двадцать штукъ овецъ.

14. Всѣ сѣдла, уздечки и конская сбруя, необходимыя для пользованія семьи.

15. Всѣ запасы корма для потребностей дома, и

16. Вся текущая плата за личныя услуги.

По ст. 2336. Недѣлимая усадьба семьи, находящаяся не въ городѣ, должна составлять не болѣе чѣмъ 200 акровъ, расположенныхъ въ одномъ или нѣсколькихъ участкахъ, съ находящимися на нихъ улучшеніями; недѣлимая усадьба въ городѣ или въ деревнѣ, состоящая изъ одного участка или нѣсколькихъ, цѣнностью, во время признанія ее какъ гомстетъ, не свыше 5.000 дол., предполагая, что ею пользуются для своего помѣщенія и какъ мѣстомъ отправленія профессіи или дѣла главы семьи; но отдача въ наймы гомстета не измѣняетъ характера его, если собственникъ не пріобрѣлъ никакого другого гомстета [1]).

---

[1]) По ст. 2337, для отдѣльныхъ лицъ, не имѣющихъ семьи, изъятію отъ взысканій подлежатъ:

Ст. 2341. Законъ объ изъятіи отъ взысканія съ гомстета не имѣетъ примѣненія, если долгъ образовался:

1. Изъ слѣдуемаго въ уплату по покупкѣ даннаго гомстета.

2. Изъ падающихъ на послѣдній налоговъ.

3. За работу и матеріалъ, которые были примѣнены при выполненіи улучшенія на гомстетѣ, но въ послѣднемъ случаѣ договоръ относительно работы и матеріаловъ долженъ быть подтвержденъ письменнымъ актомъ, и заключенъ съ согласія жены, если таковая имѣется, въ той формѣ, какъ это требуется при продажѣ или переуступкѣ гомстета.

Въ томъ случаѣ, когда данное лицо владѣетъ имуществомъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ исчислено въ законѣ, оно можетъ въ этихъ предѣлахъ по своему усмотрѣнію опредѣлить гомстетъ и письменнымъ протоколомъ опредѣлить, что и гдѣ подлежитъ изъятію отъ секвестра за долги. Если искъ предъявляется къ владѣльцу, который не успѣлъ еще опредѣлить своего гомстета, не подлежащаго взысканію, то ему дается для этого десятидневный срокъ, но и за пропускомъ этого срока, власти, которымъ приходится дѣлать взысканія, должны, въ присутствіи трехъ незаинтересованныхъ поземельныхъ собственниковъ даннаго округа, сосѣдей отвѣтчика, опредѣлить его гомстетъ; въ случаѣ надобности, эти коммиссары приглашаютъ въ помощь себѣ землемѣра. Законное вознагражденіе участвующихъ при этомъ лицъ присчитывается къ издержкамъ взысканія и падаетъ на отвѣтчика. Въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе приходится обратить на имущество такого же рода, какъ и подлежащее изъятію, то отвѣтчикъ можетъ въ указанное закономъ время опредѣлить, какая именно часть должна остаться ему (ст. 234—2367).

Изъ сдѣланнаго изложенія наиболѣе существенныхъ пунктовъ закона, дѣйствующаго въ штатѣ Техасъ, не трудно убѣдиться, что въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ современное законодательство о неотчуждаемости за долги охватываетъ собою не только собственность сельскохозяйственную, но и городскую,—вообще всевозможные комплексы хозяйственнаго

1. Одно или нѣсколько мѣстъ на кладбищѣ.
2. Вся одежда.
3. Всѣ орудія, аппараты и книги, относящіеся къ ремеслу или профессіи.
4. Лошадь, сѣдло и уздечка.
5. Текущая плата за личныя услуги.

имущества, служащаго основою для веденія того или другого промысла и для обезпеченія семьи.

Что касается союзнаго закона 1862 года, то онъ имѣетъ спеціальное значеніе и относится къ условіямъ землевладѣнія для поселенцевъ на свободныхъ, еще никѣмъ не занятыхъ земляхъ, т. е. на государственныхъ земляхъ, и беретъ подъ свою охрану поземельные гомстеты въ теченіе пяти лѣтъ, послѣ чего поселенецъ пользуется уже охраною соотвѣтственныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ томъ штатѣ, гдѣ находится данный гомстетъ.

По союзному закону 1862 г., относительно поселеній и неотчуждаемости, и послѣдующемъ дополненіи его:

1. Каждый глава семейства, каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ или въ узаконенной формѣ выразившій свое намѣреніе сдѣлаться таковымъ, можетъ, при соблюденіи условій, предписываемыхъ закономъ, завладѣть 160 акрами или менѣе такой земли, которой никто другой не распоряжается, и записать ее на свое имя на картѣ и въ поземельныхъ книгахъ того округа, гдѣ лежитъ земля.

2. Пріобрѣтаемая такимъ образомъ земля должна состоять изъ одного участка, установленнаго закономъ дѣленія, въ 40, 80 или 160 акровъ, и находиться въ составѣ тѣхъ земель, которыя уже правильно измѣрены, т. е. границы которыхъ и дѣленія опредѣлены геометрически.

3. При внесеніи пріобрѣтаемаго участка въ книгу, пріобрѣтатель долженъ, между прочимъ, подтвердить присягою, что онъ дѣлаетъ это ради собственнаго интереса и выгодъ, что онъ намѣренъ жить на этой землѣ и ее обрабатывать, и что пріобрѣтеніе ни прямо, ни косвенно не дѣлается въ пользу другаго лица.

4. По прошествіи пяти лѣтъ со дня внесенія въ регистръ, владѣлецъ долженъ доказать двумя достовѣрными свидѣтелями, что онъ пять лѣтъ жилъ на пріобрѣтенной землѣ или ее обрабатывалъ; кромѣ того, онъ долженъ принести присягу въ томъ, что онъ не отчуждалъ никакой части ея, кромѣ какъ въ пользу школъ, церквей или подъ желѣзныя дороги, и вторично присягнуть въ вѣрности правительству С. Штатовъ. Послѣ того онъ получаетъ купчую (патентъ) на землю, которая обезпечиваетъ за нимъ абсолютное право собственности и свободное неограниченное право распоряженія ею.

5. Въ случаѣ смерти владѣльца до совершенія означенныхъ выше формальностей, его права переходятъ ко вдовѣ или его законнымъ наслѣдникамъ.

6. (Пропускаю по несущественности).

7. На недѣлимую усадьбу (homestead-land) не могутъ падать взысканія по долгамъ, заключеннымъ до выдачи купчей.

8. Перемѣна мѣстожительства или фактическое оставленіе земли на срокъ болѣе шести мѣсяцевъ въ теченіе упомянутыхъ 5 лѣтъ влечетъ за собой потерю всѣхъ правъ на землю.

9. Никто не имѣетъ права на большее количество земли, подчиненной закону о гомстетахъ, чѣмъ 160 акровъ.

§§ 10, 11, 12 и 13 пропускаю.

14. По закону 3 марта 1879 года тѣ лица, которыя пріобрѣли недѣлимыя усадьбы въ такъ называемыхъ желѣзнодорожныхъ границахъ и при дѣйствіи прежнихъ узаконеній въ размѣрѣ только 80 акровъ, могутъ получить въ собственность еще другіе 80 акровъ или выбрать взамѣнъ другой участокъ въ 160 акровъ; въ послѣднемъ случаѣ улучшенія, сдѣланныя въ прежнемъ участкѣ и проведенное на немъ время считается какъ бы сдѣланными на новомъ участкѣ въ 160 акровъ.

IV.

Подъ покровительствомъ закона, homestead-law, въ 1869 г. въ Соединенныхъ Штатахъ возникло 22.881 неотчуждаемыхъ фермъ на пространствѣ . . . 2.737.368 акровъ.

Въ 1870 году.	3.698.910	„
„ 1871 „	4.600.326	„
„ 1872 „	4.671.332	„
„ 1873 „	3.793.613	„
„ 1874 „	4.322.807	„
„ 1875 „	2.820.928	„
„ 1876 „	3.483.895	„
„ 1877 „	2.698.770	„
„ 1878 (до 30 іюня) .	6.288.779	„

Итого въ 10 лѣтъ 39 мил. акровъ. Съ 1878 эта площадь необыкновенно возрасла.

„Въ финансовомъ 1882—1883 году, согласно оффиціальнымъ отчетамъ, 5.547.610 акровъ общественныхъ земель были проданы за 11.713.883 долларовъ наличными и 19.030.796 акровъ были уступлены подъ гомстеты, лѣсоразведеніе и т. д. На территоріи Дакота съ 30 іюня 1882 по 30 іюня 1883 г. 22.491 главъ семейства (14.156 фамилій болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году) поселились на правительственной землѣ на основаніи homestead-law; предоставленная имъ земля составляетъ 3.267.227 акровъ, противъ 2.208,268 акр. предшествующаго года; на основаніи закона о лѣсной культурѣ переданы поселенцамъ, также въ Дакотѣ, 1.765.259 и за наличныя деньги 1.518.091 акровъ. Въ сосѣднемъ штатѣ Миннезота перешло въ финансовомъ году 1882—1883 г. въ руки поселенцевъ на основаніи homestead-law 431.872 акра земли, 122.850 акровъ лѣсной культуры и 739.345 за наличныя деньги. За тотъ же періодъ:

	На основан. H-law.	На основ. закона о лѣсн. к.	За наличныя деньги.
Въ штатѣ Орегона.	111.476 акр.	25.463 акр.	59.666 акр.
На территоріи Вашингтона . .	386.778 „	143.412 „	251.086 „

Къ этимъ обширнымъ самимъ по себѣ пространствамъ надо прибавить еще продажу желѣзнодорожныхъ земель изъ земельныхъ субсидій желѣзнодорожныхъ обществъ [1]).

Со времени изданія союзнаго закона о гомстетахъ прошло уже около 30 лѣтъ и его значеніе можно было уже оцѣнить на практикѣ; тѣмъ болѣе вѣса можно придать отзывамъ о немъ компетентныхъ американцевъ. Приведемъ одинъ изъ таковыхъ.

„Союзный законъ о гомстетахъ представляетъ одну изъ благодѣтельнѣйшихъ и богатыхъ послѣдствіями мѣръ, какія когда либо и гдѣ либо были принимаемы,—говоритъ Mr. Spaffort, главный библіотекарь Вашингтонскаго конгресса въ своемъ очеркѣ законовъ о гомстетахъ, сдѣланномъ имъ по просьбѣ графа Андраши и Мейера.—Этотъ законъ открылъ для непосредственнаго населенія милліоны акровъ государственныхъ земель, которыя безъ этого долгіе годы оставались

---

[1]) Jäger, Agrarfrage der Gegenwart, III Abth. стр. 9.

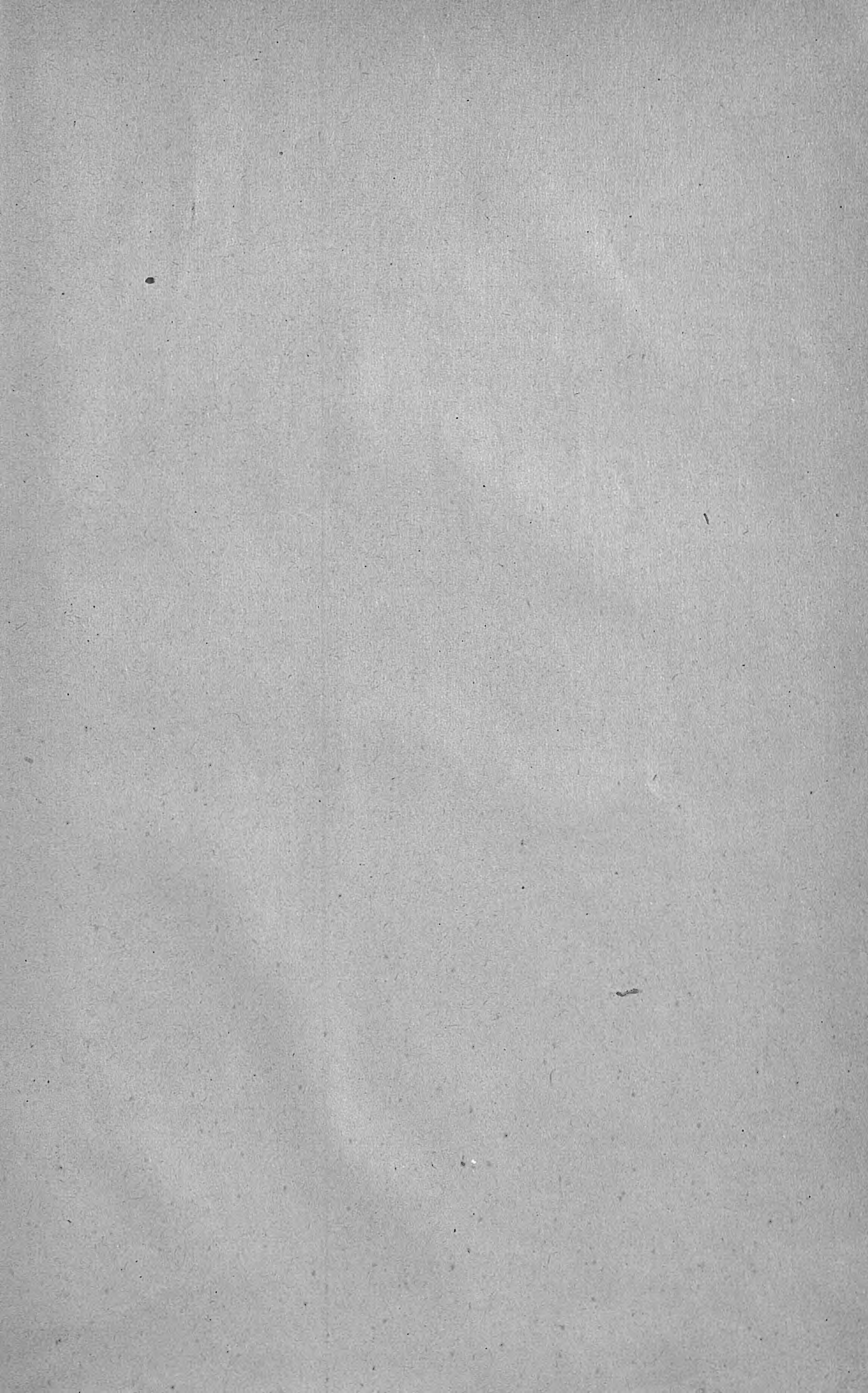
бы пустынею. Онъ привлекъ въ Америку гражданъ, которые производятъ на милліоны имущества, и которые не переселились бы сюда безъ притягательной силы свободныхъ земель; онъ, наконецъ, содѣйствовалъ сильному повышенію цѣнности остальныхъ государственныхъ земель, и такимъ образомъ непосредственно обогатилъ государственную казну“ [1]).

Изъ сдѣланнаго очерка охранительнаго аграрнаго американскаго законодательства, можно видѣть, что возвращеніе къ старинѣ здѣсь только кажущееся.

Законы о гомстетахъ устанавливаютъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ совершенно своеобразный типъ замкнутаго аграрнаго строя. Это уже не то связанное землевладѣніе, которое въ средневѣковой Европѣ, а равно и въ уцѣлѣвшихъ еще и теперь англійскихъ entails и майоратахъ въ другихъ государствахъ, служило основою экономическаго и политическаго могущества сословія крупныхъ землевладѣльцевъ. Американское замкнутое землевладѣніе по системѣ гомстетовъ представляетъ одинъ изъ крупныхъ результатовъ работы прогрессивной творческой мысли въ XIX вѣкѣ, которая привела къ сознанію, что если прежнія феодально-крѣпостныя условія землевладѣнія противорѣчили интересамъ большинства, то и неограниченное право собственности—благо тоже часто сомнительное, и что для укрѣпленія землевладѣнія въ рукахъ настоящихъ хозяевъ, относящихся къ землѣ съ любовью, а не какъ хищники, необходимо, не нарушая справедливыхъ интересовъ сторонъ, по возможности изъять землю изъ сферы свободнаго обращенія, гдѣ она становится спекулятивнымъ товаромъ, биржевою цѣнностью, вмѣсто того, чтобы быть прочнымъ фондомъ народнаго благосостоянія и государственнаго могущества.

Конецъ

[1]) R. Meyer, стр. 456.

2 р. —

10 б

